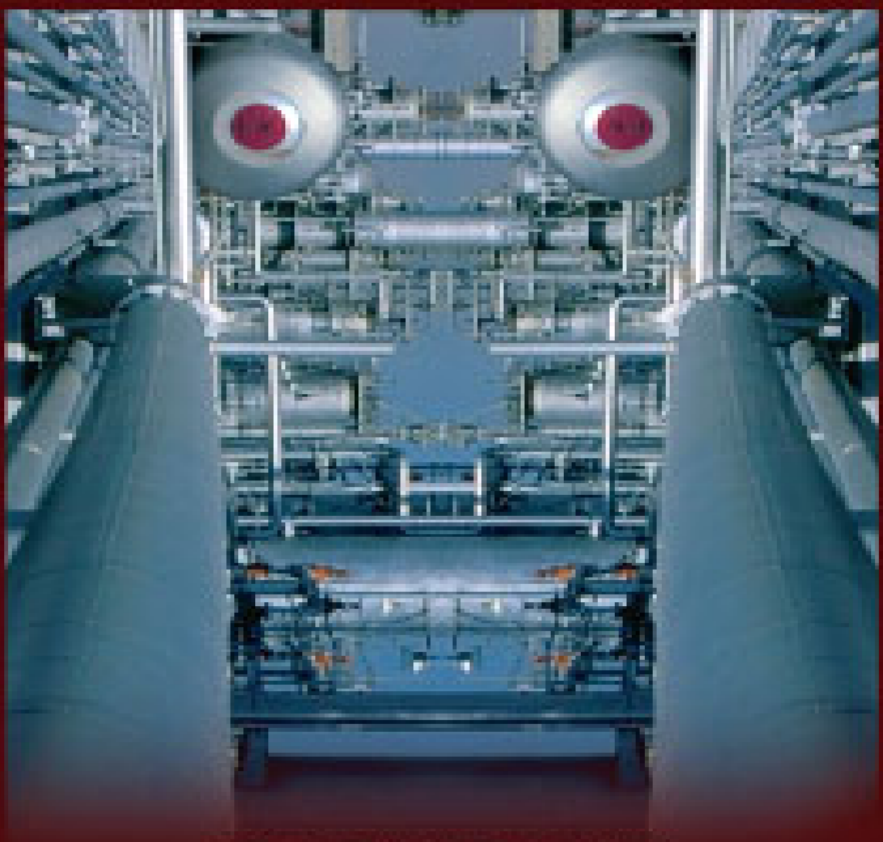
ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА



ПРОМЗОНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Здесь нет государства – есть личные отношения. Здесь нет бизнеса – есть война. Здесь друзьям полагается все, а врагам – закон. Здесь решения судов обращаются на рынке, как ценные бумаги, а споры олигархов ведут к промышленным катастрофам. Здесь – Россия. Здесь – Промзона.

Продолжение романа «Охота на изюбря» – на этот раз о войне между двумя промышленными группами.

- Юлия Латынина
  - Часть первая
    - Глава первая,
    - Глава вторая,
    - Глава третья,
  - Часть вторая
    - Глава четвертая,
    - Глава пятая,
  - Часть третья
    - Глава седьмая,
    - Глава восьмая,
  - Эпилог
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

Юлия Латынина
Промзона

Nullum crimen sine lege[1]

Часть первая

Если вы смотрите телевизор, то вы привыкли, что хорошие парни всегда побеждают плохих. И так всегда, кроме девятичасовых новостей.

Из разговора в коридоре «Останкино»

Глава первая, в которой бедный экскаваторщик с помощью сил правопорядка возвращает себе жилище, а в гостинице на Рублевке происходит ЧП

Денис Федорович Черяга, вице-президент ОАО «Ахтарская металлургическая компания», сладко спал в постели на третьем этаже роскошного особняка, когда внизу завизжали.

Черяга чмокнул губами, перевернулся на другой бок и забился головой под подушку. Визг прекратился, и в ту же секунду грохнул выстрел, один и второй.

Денис штопором взлетел на кровати, пытаясь вспомнить, где он и какой сейчас день недели. Память возвращалась сравнительно быстро. Денис сообразил, что он в Москве, на Рублевке, в загородной гостинице АМК, и что сейчас воскресенье. Электронные часы на темно-коричневой тумбочке, укрытой атласным колпаком витого торшера, показывали четыре утра.

Дико болела голова. Обычно такие симптомы наблюдаются после долгого и планомерного ночного разврата. Денис, однако, не развратничал: просто первую половину предыдущей недели он провел в Казахстане, оттуда полетел в Швейцарию, из Швейцарии – в Канаду, а из Канады – в Черловскую область, на угольную шахту, входившую в холдинг.

И так как с черловской шахтой происходили ужасно нехорошие вещи, о которых был назначен воскресный разговор с его шефом, президентом холдинга и директором Ахтарского металлургического комбината Вячеславом Извольским, (к каковому разговору Черяга и готовился весь перелет из Сибири в Москву), то Черяга разумно считал, что хоть до разговора-то он имеет право поспать! Тем более если последний раз он спал, – Денис сощурился на часы и прикинул, – ну точно, в постели последний раз он спал ровно пятьдесят четыре часа назад.

Выстрел грохнул в третий раз. Звякнул, осыпаясь, стеклопакет (сволочи поставщики, обещали ведь пуленепробиваемые), завизжала девица, и тут же в номере чего-то грохнуло, слетело, зазвякало, по лестнице затопали грохочущие ботинки.

Денис прыгнул в штаны и босиком бросился вниз.

Дверь пятнадцатого номера валялась в коридоре сама по себе, отдельно от притолоки, и по этой двери в номер – бух-бух –

сплошным потоком залетали охранники.

Денис больно ударился босым пальцем о латунную ручки двери и заскочил внутрь.

Пятнадцатый номер был трехкомнатный люкс, такой же, как у самого Черяги, с полами, затянутыми в буковый паркет, удобными кожаными креслами в гостиной и кроватью размером с футбольное поле в спальне. Справа, в распахнутую дверь, виднелась двадцатиметровая ванная, в дальнем конце которой цвел каменный цветок с золочеными кранами – итальянская джакузи.

В правом углу гостиной в твердых лапах секьюрити бился Сергей Ахрозов, генеральный директор Павлогорского ГОКа, входившего в империю Извольского: сорокапятилетний, поджарый, со свалявшимися рожками волос, скрывавших лысину на голове. Был Ахрозов совершенно гол, если не считать размотавшегося вокруг бедер полотенца и пистолета в правой руке. Этим-то пистолетом Ахрозов и размахивал, к отчаянию двух здоровенных лбов, пытавшихся пистолет у него отобрать. Ахрозов был жилист, силен и пьян, и секьюрити справлялись с ним с трудом.

– Убью пидора, – ревел Ахрозов медвежьим басом.

Из левого угла гостиной ему аккомпанировал Анастас Анастасов, «серый кардинал» Черловской области, бисексуал, кутюрье и блядь. Анастас Анастасов был красив, как Антиной, и мускулы его перекатывались под тонкой загорелой кожей, как кролик в чреве питона, но всего одного охранника хватило, чтобы пришпилить Анастаса к полу, как бабочку к пергаменту.

– А…а… – визжал Анастасов тонкой фистулой, голым карпом скользя в руках охранника.

С дивана мужчинам вторили три раздетые девицы, видимо исполнявшие роль хора.

В тот момент, когда Черяга появился на поле боя, пьяный Ахрозов встряхнулся, повел богатырским плечом и двинулся на Анастаса. Охранники волочились за ним, как болонки, повисшие на шкуре медведя.

– Спасите, – заорал Анастас, вскакивая на ноги. Охранник выпустил его, Анастас голой рыбкой извернулся в воздухе и бросился за спину Черяге. Член кутюрье, наряженный в импортный веселенький презерватив «с усиками», стоял колом, и Денис гадливо дернулся в сторону, когда губернаторский фаворит уцепился ему за плечо.

Это была ошибка. Грохнул четвертый выстрел. Пуля просвистела мимо уха Дениса. Анастас взвизгнул в каком-то экстазе, выпустил руку начальника службы безопасности, а потом

задергался и стал сползать на пол.

– Убью подонка! – проревел Ахрозов. Глаза его, синие и бешеные, надвинулись на Черягу, как фары беспилотного трейлера. Ни малейшего проблеска сознания в них уже не было. Денис тщательно примерился и с ненавистью влепил Ахрозову кулаком под челюсть. Директор вздохнул и шумно свалился на ковер. Пистолет выпал из его рук в протянутую длань Дениса.

В гостиной стало необыкновенно тихо. Потом, повинуясь короткому распоряжению Дениса, двое секьюрити подбежали к Анастасу и поволокли его из номера.

Денис подошел к проституткам. За плечом его болтался начальник охраны. К его досаде, девицы были не местные. В гостинице существовал свой пул девушек, которые могли быть предоставлены постояльцу в любой момент дня и ночи, и если постоялец был важный, то девица, само собой, считалась бесплатным удобством, вроде баночки пива в холодильнике или флакончика с гостиничным шампунем. И, разумеется, такие девицы были не очень склонны болтать обо всем, что видели. Две девицы были щуплые и безгрудые, скорее всего – модели Анастаса, а третья была здоровенная негритянка, килограммов на восемьдесят, с губами, накрашенными пепельной помадой и волосами, заплетенными в бесчисленное множество черных косичек.

– Мы не виноваты, – быстро сказала негритянка на чистейшем русском языке, – он сам полез. Этот – к тому.

– Нам по штуке обещали, – заявила вторая.

– Получишь две штуки, – сказал Денис, – а болтать будешь – п…ду вырву. Миша, разберись с девочками.

Уходя, Денис заметил презерватив «с усиками», видимо свалившийся с Анастаса. Презерватив был уже полнехонек.

* * *

Олег Самарин, начальник Павлогорского РУБОП, надавил на дверной звонок, и в глубине коттеджа раздалась нежная заливистая трель.

Коттедж располагался в элитном поселке на окраине Павлогорска и еще полтора часа назад принадлежал мелкому местному бандиту по кличке Леша Панасоник. Час назад Орджоникидзевский межмуниципальный суд города Павлогорска вынес решение, восстанавливавшее во владении домом пятидесятилетнего Александра Семенова, экскаваторщика шестого разряда, отработавшего двадцать девять лет на

Павлогорском горно-обогатительном комбинате. Для того, чтобы вынести этого решение, Самарин был вынужден приставить к судье круглосуточную охрану.

Поэтому сейчас Самарин лично жал кнопку звонка, а за ним стояли десять сотрудников Ахтарского СОБРа, выписанных по такому случаю из соседней области. Закутанные в камуфляж и шерстяные маски, посереди летней степной жары, с изящными смертоносными «кипарисами», взятыми наизготовку, они напоминали роботов-андроидов из фантастического фильма. Несмотря на маски, собровцы старательно отворачивали прорези глаз от двух телекамер, сопровождавших действо. Рядом с Самариным стояли судебный пристав и Вова Калягин, начальник ахтарской промышленной полиции. У забора жался экскаваторщик с семейством. Телекомпании уже дважды взяли у экскаваторщика интервью, и теперь теща выговаривала ему, чтобы третье интервью взяли у нее.

Коттеджный поселок «Ореховский», более известный в Павлогорске как турецкая деревня, построили еще в 1994 году. «Турецкой» деревня называлась потому, что строили ее турецкие рабочие с невиданным для России размахом, и акция была разрекламирована по всей стране. В самом деле: дома в поселке были розданы экскаваторщикам и слесарям за самую символическую плату, а то и просто в кредит. Отеческая забота директора Брешева о трудящихся широко освещалась в местных СМИ. Не так широко освещался тот факт, что комбинату каждый типовой домик обошелся в четыреста тысяч долларов: смета была завышена втрое, и разница поделена между директором и турками.

И совсем уже не дошло до широкой печати, что обалдевших рабочих, въезжавших в невиданной красоты дома, с семьями, бабушками, дедушками и внуками, – у ворот поселка поджидали мрачные личности в тренировочных костюмах и шлепанцах на босу ногу: пацаны из всевластной в городе группировки Мансура. Разговор был короток: «Вселился?» «Вселился». «Получи обратно свой льготный кредит и выметывайся, пока дети целы».

Панасоник же въехал в свой дом вообще на халяву, даже льготного кредита не возвращал, и семья выкинутого им экскаваторщика Евстигнеева ютилась в страшной халупе, а у самого Евстигнеева на работе аккуратно вычитали кредит из невыплачиваемой зарплаты. «Это ему урок, чтоб не рыпался», – заявил Панасоник. Истинная же причина, конечно, заключалась не в том, что экскаваторщик рыпался, а в том, что жадный Панасоник решил показать свою крутость на беззащитном лохе.

Леша Панасоник был типичный представитель той фауны,

которая расплодилась на заводе при прежней власти.

Формально Леша числился генеральным директором заводского Дома Культуры. Обязанности его заключались в том, что он лично курировал сложный химический процесс варки «винта», имевший место в одной из клубных комнат, а также надзирал за доставкой в клуб промышленных партий героина: принадлежавшая Мансуру дискотека в Доме Культуры была главным рассадником наркотиков в Павлогорске.

Кроме этого, Леша Панасоник управлял линией по розливу лимонада. Линия ценой семьсот тысяч дойчемарок была куплена на деньги завода и смонтирована в одном из заводских складов, за копейки проданных Мансуру. Разливали, самое смешное, действительно лимонад, а не водку. Во-первых, чтобы не запороть рынок для своей же дури, во-вторых, потому что наркоманы любят сладкую водичку. В этом бизнесе, помимо Мансура, участвовал и мэр.

Еще один бизнес Панасоника был на запчастях трудящихся в карьере БелАЗов. Бизнес заключался в том, что днем фирма Панасоника поставляла эти запчасти по тройной цене, а ночью рабочие откручивали новенькие запчасти с машин и сдавали Панасонику же, за бутылку водки. В этом бизнесе, помимо Мансура, участвовал начальник городской милиции.

В результате совокупной жизнедеятельности Панасоников, Мансуров, мэров и гендиректора Брешева, в августе 2001 года задолженность комбината по зарплате перевалила за восемь месяцев. А в сентябре ГОК купил стальной король Вячеслав Извольский.

Многие организмы, зародившиеся в недрах разлагающегося предприятия, со временем эволюционировали в более или менее пристойные фирмы; им дали по зубам и оставили работать.

Но то Леша Панасоник. Он был слишком глуп и слишком жаден, и когда на ГОК пришли новые хозяева, именно Панасоника Мансур пустил вперед, для разведки боем – насколько новички слабоваты.

Панасоник нагло подал два иска в суд, утверждая, что ГОК задолжал его фирмам сто сорок миллионов рублей за поставку немецкой линии по розливу воды, добился положительного решения и даже арестовал счета завода. На этом его фарт кончился – на Панасоника с грохотом обрушилась вся правоохранительная система области. Первое уголовное дело на Панасоника завели по факту кражи этой самой линии. Второе уголовное дело последовало по факту мошеннического завладения складом, где линия была смонтирована. Третьим был Дом Культуры, где менты конфисковали двадцать килограмм

непроданного героина.

Четвертым уголовным делом стал как раз дом Панасоника. У экскаваторщика, по счастью, сохранились все документы, сохранился и договор с Панасоником о продаже дома за десять тысяч долларов, договор принципиально не оплаченный, – и теперь юристы АМК выиграли для экскаваторщика дело в суде.

Что же касается Олега Самарина, то еще восемь месяцев назад, до того, как Ахтарский металлургический комбинат пришел в Павлогорск, Самарин не был ни начальником, ни замом. Он был простым опером, правда, в звании майора, заслуженном им в Чечне.

Неприятности Самарина начались после того, как он налетел с СОБРом на уже упоминавшуюся дискотеку в Доме Культуры. Самарин положил посетителей дискотеки на пол и изъял три килограмма героина. Спустя неделю он взял курьера с еще пятью килограммами. Самарину позвонили от Мансура и в весьма доходчивой форме объяснили, чтобы он, «мусор, не выеживался». Самарин взял еще одну поставку.

Спустя неделю после этого первого наркокурьера освободил суд, на месте наркотика, хранившегося в опечатанной комнате, обнаружилась безобидная сода, а еще через три дня Самарин был арестован по жалобе того самого невинного наркокурьера, якобы сильно избитого при задержании.

Опер Самарин сел в одну камеру с уголовниками. Дома у него устроили обыск без понятых и нашли там два грамма героина, а его непосредственный начальник, замглавы местного УВД, навестил его в тюрьме и предложил заступиться за Самарина перед Мансуром. «Он же все вопросы прямо с папой решает, – сказал начальник, – ты уволься, дело закроют». «Папой» звали начальника УВД.

Самарин не уволился. Он объявил голодовку.

Спустя два месяца после ареста Самарина освободили из-под стражи в зале суда. Самарин вышел на ступеньки здания, блаженно щурясь и потирая только что освобожденные от наручников запястья. Была ранняя осень, в лужах сверкало уходящее солнце, и прямо перед зданием суда на солнце грелся большой черный «Мерседес». Из «Мерседеса» вышел охранник, распахнул заднюю дверцу и вежливо пригласил Самарина садиться.

Самарин сел, ожидая, что в «Мерсе» его ждет Мансур. Однако Мансура там не было. На заднем сиденье был абсолютно незнакомый человек, лет тридцати семи, с умным, чуть циничным лицом, в хорошо пошитом черном пиджаке, на лацкане которого красовался какой-то значок. Под пиджак был поддет черный же

тонкий свитер.

– Меня зовут Денис Черяга, – сказал человек, – ты знаешь, мы только что купили Павлогорский ГОК. И мы бы хотели тут кое-что изменить.

Майор Самарин осклабил белые зубы.

– Я думаю, мы сработаемся, – сказал он.

Самарин надавил на звонок в третий раз. Панасоник не отзывался.

– Ломайте дверь, – распорядился начальник РУБОП.

Дверь в коттедже была стальная, сейфовая, и выдерживала не только воровские отмычки, но и автоматную очередь. Спецсредств, дверь, однако, не выдержала, и через минуту после того, как собровцы обложили ее взрывным шнуром, рухнула на ступеньки в облаке дыма и искр, как поскользнувшаяся на старте ракета.

– Ух ты! – закричал младший сын экскаваторщика.

Операторы у телекамер заходились в экстазе. Самарин вместе с собровцами бросился в дом.

В широкой гостиной было тихо и сумрачно. На столике в гордом одиночестве красовалась недопитая бутылка водки, – ни стаканы, ни рюмки не составили ей компании. Видимо, пили прямо из горлышка. Перед широким диваном работал никогда не выключающийся телевизор, и чья-то областная рожа негромко вещала о борьбе с оргпреступностью.

Сквозь арку виднелась кухня. В кухне мирно мурлыкал трехэтажный импортный холодильник, и в раковине громоздилась кучка немытых тарелок.

Самарин, пожав плечами, поднялся на второй этаж.

В спальне Панасоника царил бардак. Кто-то сорвал дверцы платяного шкафа и опростал все его содержимое на постель. У небольшого туалетного столика, стоявшего в углу, ящики были выдраны с корнем. При общем беспорядке бросалось в глаза отсутствие бумаг, – Леша Панасоник был не охотник до чтения. Прежде чем Самарин успел оценить нанесенный спальне ущерб, откуда-то со второго этажа раздался дикий вопль. Кричала девочка, видимо, дочка экскаваторщика.

Самарин бросился на второй этаж, туда где возле зимнего сада располагалась роскошная хозяйская спальня с кроватью, на которую мог бы приземлиться небольшой вертолет. На кровати, спиной к Самарину, сидел бурый медвежонок. Медвежонок был почти взрослый, килограмм на шестьдесят весу и в метр ростом. Мишку бандиту подарили на день рождения, и обычно его держали в клетке на заднем дворе. Иногда Леша Панасоник брал

мишку в дом.

Мишка сидел на кровати, довольно чавкал и урчал.

Из-под задницы его торчала босая человечья нога, проеденная до кости, с толстыми, пораженными грибком ногтями.

На шум мишка обернулся. Морда его была окровавлена, и бурые глазки сияли восторгом. Видимо признав в Самарине конкурента, он недовольно зарычал, обнажая клыки.

Майор Самарин всадил в него три пули, одна за другой, прежде чем мишка свалился у трупа хозяина.

Александр Феликсович Ревко, полномочный представитель президента в Южно-Сибирском федеральном округе и личный друг Вячеслава Извольского, осматривал в Жуковском новенький вертолет.

Вертолет был великолепен. Он стоял на летном поле посереди старых военных машин, как яркий подснежник, проклюнувшийся из-под истлевшей за зиму листы, и смотреть на него сбежалось все аэродромное начальство. Вертолет был весь угольно-черного цвета, как новорусский шестисотый мерседес, и по обеим сторонам его на кронштейнах хищно торчали ракеты с тепловыми головками наведения и ПТУРы.

В руках Александр Ревко держал автомат – старый добрый «калашников», с которым ему так часто приходилось иметь дело и в Анголе, и в Эритрее, и в Намибии, – везде, куда посылали его партия и правительство в те дни, когда великая советская империя простиралась от Кубы до Антарктиды, когда КГБ и ЦРУ играли в мировые шахматы на равных, и когда на Конгарском вертолетном заводе производили триста винтокрылых шершней в год.

Беззакатная империя. Империя, над которой никогда не заходило солнце. Империя, в которой сажали спекулянтов, расстреливали взяточников, а рабочим выдавали квартиры бесплатно. И в центре этой империи, на площади у мрачного здания, стояла статуя его троюродного деда.

Ревко отщелкнул предохранитель и обдал вертолет веерной очередью с расстояния в двадцать метров. Вячеслав Извольский, стоявший рядом с полпредом, невольно напрягся. Пули защелкали по угольно-черной поверхности, как градины по крыше. Они не высекали искр и почти не давали рикошета.

Ревко опустошил магазин, привычным движением переставил рожок и продолжил стрельбу. Вскоре весь бетон под вертолетом был покрыт пулями, как почва под дубом – опавшими желудями.

Вертолет не был бронированным. Он был покрыт особой пленкой под названием «кларол». Пленку придумали две старушки, Клара и Роза Левашовы. Старушкам было,

соответственно, семьдесят три и семьдесят пять, и всю жизнь они протрудились в секретном конструкторском бюро, а последние десять лет они продолжали выполнять задание умершей уже партии, расходуя на это собственную пенсию. Старушек для Извольского нашел Денис Черяга, и Извольский выкупил у них патент за сумму, о которой они до той поры слышали только в кино, и которую завод Извольского зарабатывал примерно за семь минут. Разумеется, пленка не могла полностью заменить броню. Но пулю калибра 5,45 мм она останавливала, начиная с пяти метров.

– Потрясающе, – сказал Александр Ревко. Оборотился, посмотрел на Славу Извольского своими прозрачными серыми глазами и промолвил:

– Что у вас там случилось в гостинице? С Анастасом?

Извольский помолчал. Осведомленность полпреда, как всегда, неприятно поразила его. Следовало бы разобраться: то ли ему стукнул кто-то из младшего персонала гостиницы, то ли полпред перехватил телефонные разговоры Анастаса.

– Этот урод вздумал приставать к Сереже Ахрозову, – ответил Извольский. – У Сережи очень тяжелый характер и исключительно гетеросексуальные пристрастия.

– Кто владеет лицензией на пленку?

– Одна швейцарская компания.

– Кто владеет компанией?

– Пятьдесят процентов мои.

– А другие пятьдесят?

– Любой фирмы, которую ты укажешь.

Ревко легким профессиональным движением закинул за плечо автомат, предварительно проверив предохранитель.

– Слава, это изобретение было сделано на советские деньги советскими людьми. Отдай другие пятьдесят государству. ГУПу[2] при полпредстве.

– Я бы предпочел заплатить налоги, – сказал Извольский.

Ревко усмехнулся.

– Чтобы они потом достались таким, как Анастас? Ты сам знаешь, Слава, эта страна прогнила сверху донизу. Ее не спасти с помощью обычных мер. Те деньги, которые мы получим через ГУП, пойдут на строительство государственной машины новой России. И я советую тебе при этом оказаться на нашей стороне. А не на стороне анастасов. Не делай ошибки, Слава. Мой проект – проект политический. Так что скажешь?

– У меня есть встречное предложение, – медленно произнес Извольский.

* * *

Анастас Анастасов открыл глаза. Страшно болела голова и во всем теле была дикая слабость, как всегда, когда Анастас баловался первитином. Анастас «винт» не любил, под «винтом» делают такие странные вещи: однажды Анастас, обжабавшись «винта», залез в машину и всю ночь ехал задом по шоссе. Доехал от Москвы до Торжка, а ведь дело было еще до черловского губернатора. Никто ему тогда бы задом не позволил ездить, хорошо, что чудом пронесло.

Но так уж случилось, что вчера вечером это был «винт», и еще какой странный «винт», не вода, а кисель.

Анастас огляделся. Он лежал в широкой постели; из-под плотно занавешенных окон спальни едва пробивалось жаркое летнее солнце; номер был прелестно отделан белой лепниной, мебель была немецкая, из цельного дуба, а трюмо рядом с постелью было просто выше всяких похвал: очень миленькое, в завитушках и с точеными копытцами ножек. Вроде бы таких номеров в «Кремлевской» не водилось – так где он?

Скрипнула дверь, и в спальню вошел невысокий худощавый человек с васильковыми глазами. Анастас сначала отметил крепкие мышцы и итальянский крой полуспортивных брюк, удивительно подходивших к серой футболке, а потом уже узнал: Денис Черяга. Вице-президент Ахтарского холдинга. Милый парень, но слишком зажатый. Не сам себе хозяин. Анастас со стоном взялся за голову.

– Черт, – сказал он, – Денис, а, как болит-то! Денис, что вчера было?

– Не знаю, – настороженно сказал Денис, – меня там не было.

– А кто был?

Черяга промолчал.

– У тебя порошок есть?

Анастас слез с кровати и начал рыться в своем портфеле. На нем ничего не было, кроме длинной мужской рубашки. В портфеле видимо ничего не обнаружилось. Анастас, страдальчески морщаясь, достал сотовый.

– Вить, ты в Жуковке? Витя, это Стасик, сделай милость, сейчас приедет машина, обзовется, отгрузи ей… Умираю, Витенька. Я вчера такую дрянь на борт взял… Все, целую.

Анастас поднял на Черягу умоляющие глаза.

– Денис, отправь кого-нибудь. Вот адрес. Денис, а Денис, а че, вчера чето было? А то я, прикинь, я однажды, когда «винтом» обжабался, сел за комп играть. Два дня играл, а комп забыл включить. Денис, прикинь: два дня на выключенном компьютере

играл. Дрянь этот «винт». Никогда не жри.

В номере показался официант со столиком, на котором дымился свежий утренний кофе. Анастас жадно выпил сразу две кружки, ему стало значительно легче. Некоторые детали вчерашней гулянки начали всплывать в памяти. Денис подошел к двери номера, вызвал кого-то и шепотом отдал приказание.

– Слышь, Денис, мы ведь о чем-то говорили, когда летели. А? – спросил Анастас, когда Денис вернулся в номер.

– О шахте.

– Да. Урод этот Цой. Он что думает, он если папе на выборы дал, папа у него теперь в кармане?

Анастас встал и принялся одеваться.

– Папа ни у кого в кармане не будет. Я тебе говорю, дай двоечку, я закрою вопрос с шахтой.

– Я сам не решаю такие вопросы, – сказал Черяга.

В кармане Дениса зазвонил сотовый. Это был Извольский.

– Денис, тебя где черти носят? Я в офисе.

– Через полчаса буду, – сказал Денис.

Когда Денис выключил телефон, он заметил, что полуодетый Анастас сидит бочком на краешке стола и исподлобья изучает его. Из-за вчерашней ночи Анастас был бледней, чем обычно, и его черные брови и серые глаза особенно выделялись на красивом, самовлюбленном лице.

– Что, хозяин звонил? – спросил Анастас. – Тогда беги.

Выйдя в коридор, Денис перевел дыхание и бережно закрыл дверь, как будто по ту сторону порога в номере лежала большая дохлая крыса. Он был искренне рад, что Анастас ничего не помнит. Что будет, когда он вспомнит, не хотелось и думать.

* * *

Путь Анастаса Анастасова к званию «серого кардинала» Черловской области начался в 1998 году, когда Данила Григорьевич Орлов, бывший первый секретарь обкома партии, передовик производства, добропорядочный коммунист и вождь областной оппозиции, выиграл губернаторские выборы в первом туре и с разгромным счетом.

Через два месяца после принятия присяги губернатор, в компании супруги, обедал с министром экономики в отдельном кабинете ресторана «Гранд-опера». Третьей стороной на этом обеде был средней руки предприниматель Сережа Лисичкин, претендовавший на химкомбинаты региона. На губернаторе был костюм фабрики «Большевичка», родной брат того, в котором

губернатор в 1991 году произносил зажигательные речи перед бастующими шахтерами. На губернаторше была синяя вязаная кофта с поддетой под нее черной юбкой. Эта была очень знаменитая кофта и очень знаменитый костюм: их специально рекомендовали для народного кандидата столичные пиарщики, причем кофту губернаторше пришлось связать самой, по выкройкам, изысканным пиарщиками в журнале «Огонек» 76-го года издания.

Теперь выборы кончились, а кофта осталась. Губернатор и губернаторша смотрели на темно-желтый в полосочку галстук министра экономики и мучительно осознавали свое несоответствие. Лисичкин, человек проницательный, заметил состояние губернатора. Пять лет назад он впервые приехал в Москву и пришел в ресторан «Националь» в куртке типа ватник.

– Данила Григорьевич, – сказал Лисичкин, – если у вас есть завтра немного времени, не хотели бы вы посетить мой бутик? Я вложил четыре миллиона в одного очень известного кутюрье, и сейчас у него одевается пол-Москвы.

На следующий день губернатор с супругой стояли на черном зеркальном полу модного бутика «Анастас». Бутик располагался на улице Кузнецкий мост между крупным банком и модным рестораном.

В бутике висели изысканнейшие мужские костюмы с неуловимо-распутным покроем бортов, женские наряды самых воздушных форм и расцветок, и шляпки, причудливые, как грезы кокаиниста. Навстречу губернатору с супругой вышел гибкий молодой человек с мягкими чувственными губами и огромными глазами цвета грецкого ореха. На молодом человеке были белые штаны спортивного покроя и черная майка, подчеркивавшая безупречные мускулы плеч и стройные бедра. Это был сам модельер Анастас Анастасов, восходящая звезда модельного бизнеса, самый модный кутюрье сезона, сменивший к своим двадцати четырем годам трех постоянных любовников и бесчисленное количество партнеров.

Первый любовник Анастасова, известный стилист Михайлов, нашел его в мужском стрип-баре, когда Анастасову было восемнадцать лет. Михайлов научил Анастасова шитью и кройке, дал ему деньги и клиентов, а когда Михайлов умирал от СПИДа, Анастасов забрал клиентские книжки и ушел жить к другому.

Второй любовник Анастаса был сорокалетний авторитет, известный своей крутостью и немеряным количеством трупов. Окружение бандита, совершенно шокированное, потребовало от босса «замочить петуха, не сходя с места». Влюбленный людоед отрекся от трона и укатил вместе с Анастасом в турне по Европе,

снимая ему президентские апартаменты в самых дорогих отелях. Через пять месяцев авторитет заглянул на недельку в Москву и был встречен на пороге своей квартиры автоматной очередью. Анастас был безутешен. Он целых три дня проплакал в роскошном отеле «Хайят» в Ницце, пока его не утешил проживавший в соседнем «Интерконтинентале» английский лорд.

Последним любовником Анастасова был тот самый Сережа Лисичкин, который и рекомендовал его губернатору. Губернатору на выборы он дал два миллиона долларов, а в Анастасова вложил четыре с половиной. На эти четыре с половиной лимона у Анастасова появилось пять бутиков в самых модных местах столицы, и один бутик в Париже.

Анастасов поклонился губернатору и поцеловал руку губернаторше.

Губернаторша была сражена.

Губернатор был сражен.

Спустя две недели коммерсант Лисичкин получил в управление Черловский азотный комбинат, а губернатор с губернаторшей поехали отдыхать на виллу Лисичкина в Ниццу. Вместе с Лисичкиным на вилле был Анастасов.

Из Ниццы губернатор с губернаторшей поехали на остров Бали. Лисичкин оплачивал поездку и, натурально, сопровождал их с любовником.

Спустя две недели губернатор с губернаторшей вернулись с Бали в Черловск, и Анастас Анастасов стал готовиться к открытию своего фирменного бутика в богатой столице Южной Сибири. Все это время Анастасов с Лисичкиным жили в губернаторской резиденции.

На неделю Лисичкин отъехал в Женеву, а когда он вернулся, губернатор вызвал его на мужской разговор и предложил коммерсанту Лисичкину подобру-поздорову отписать в пользу Анастаса Анастасова принадлежащую Лисичкину долю в бутиках. «Стасик мне рассказал, как ты его обижаешь», – сказал губернатор.

Совершенно потрясенный таким коварством коммерсант принялся объяснять, что он вложил в Анастаса четыре с половиной лимона, что за два года Анастас лично не пошил ни одной коллекции, что под его именем давно работают молодые, талантливые ребята, и что если бы не Лисичкин, то Анастас бы сейчас жил в канаве и, чего доброго, умирал бы от какой-нибудь заразы.

Губернатор был слеп. Любовь всегда слепа.

Коммерсант Лисичкин бросился к супруге губернатора и… с ужасом обнаружил, что сложившееся положение губернаторшу

устраивает. Губернатор, тщательно прятавший свои наклонности во время избирательной кампании, не спал с перезрелой супругой вот уже пять лет, и она мучительно боялась, что он разведется с ней и женится на молоденькой. Анастас в качестве любовника был куда предпочтительней. Отныне Галина Орлова могла не бояться развода. Кроме того, Анастас был так мил, предупредителен и робок с губернаторшей, что она испытывала к нему почти материнские чувства.

По итогам объяснения Лисичкина с супругой губернатора арбитражный суд региона сменил управляющего на отданном Лисичкину «Черловском азоте». В течение следующего месяца Лисичкин потерял еще два завода, «Аммофос» и азотно-туковый.

Торговая марка «Анастас» еще принадлежала Лисичкину. Лисичкин закупил для города Москвы семьсот штук передвижных туалетов и на каждом повесил. «Анастас. Все для вас».

Это его не утешило. Лисичкин перестал спать, потому что каждую ночь ему снился великолепный Анастас, с его мягкой кожей, безупречной линией мускулов, и большими глазами цвета грецкого ореха.

Покинутый любовник Лисичкин сидел в своем роскошном московском кабинете, сильно напоминающем будуар проститутки, и сочинял обращение в ФСБ, когда в дверь постучали. Лисичкин открыл дверь, и в ней показались черловские менты. Менты привезли с собой ордер на арест по факту хищения чего-то там бюджетного два года назад.

Пока в кабинете шел обыск, Лисичкин, извинившись, отлучился в туалет, расположенный в комнате отдыха. Из комнаты отдыха был еще один выход, в другую половинку офиса. Лисичкин выскочил наружу, по коридору и во двор.

Там-то его и ждали два автобуса с черловским ОМОНом. Лисичкина поймали и намяли ему бока, а потом его увезли в Черловск и бросили там в камеру, в которой содержались сорок арестантов вместо двадцати дозволенных. Слух о любовных привычках Лисичкина довольно быстро дошел до его сокамерников, и Лисичкина, несмотря на его хорошие связи и большие деньги, употребили по назначению.

Только тут бедный Сергей Лисичкин вспомнил, что до того, как переехать к Лисичкину, Анастас Анастасов обворовал двух прежних своих покровителей.

Многие ожидали, что успех Анастаса будет сколь громким, столь и непродолжительным – однако прогнозы их не сбылись. Маленький сучонок, казалось, приворожил губернаторскую чету и в короткий срок сделался совершенно необходим.

Зам губернатора, не подавший Анастасу руки, лишился

должности. Бизнесмена, припарковавшего свой джип на месте, излюбленном Анастасом, упекли на трое суток. Старый партийный товарищ губернатора, позволивший себе нелестное замечание о молодом развратнике, пролетел на выборах в областное законодательное собрание.

Самое же изумительное было то, что Анастас Анастасов внезапно оказался очень органической частью управления областью. Именно через него передавались взятки и лоббировались назначения. Он с женской изворотливостью стравливал бизнесменов и сам же потом брал деньги за посредничество в примирении.

Он любому сулил золотые горы, и каждый, кто связывался с Анастасом, в конце концов платил, как за две золотых горы, а получал – медную кучку. В нужный момент, уже получив взятку, он соскакивал с обещания, ссылаясь на строгость губернатора, а губернатор отговаривался от обещанного, ссылаясь на милого фантазера Анастаса, который, оказывается, не передал ему денег. Когда возмущенный кредитор припирал Анастаса к стенке, его увлекали новым, еще более дорогим и фантастическим проектом, а отказ от сотрудничества Анастас воспринимал примерно так же, как американская налоговая полиция воспринимает попытку уклонения от законных и причитающихся с гражданина налогов.

Анастас блестяще выполнял основную задачу губернаторской власти в России: задачу стравливания как можно большего числа крупных финансовых группировок, ибо только беспощадная война их между собой позволяла сохранить независимость губернатора и удовлетворить страсть Анастаса к интригам. То, что на каждые сто тысяч долларов, доставшиеся в виде взятки Анастасу, приходится миллион долларов ущерба для области, Анастаса не волновало.

Именно благодаря посредничеству Анастаса Вячеслав Извольский зашел на Павлогорский ГОК.

* * *

Спустя двадцать пять минут черная «Ауди» доставила Дениса к московскому представительству АМК – хорошенькому трехэтажному особнячку с серыми стенами и красной черепичной крышей.

Ворота, повинуясь электронному приказу охранника, отошли в сторону, воскресный зевающий охранник в тренировочном костюме распахнул перед Черягой двери, и Денис поднялся на второй этаж, туда, где в конце коридора, в широкой и удобной

переговорной, ждал его хозяин – генеральный директор Ахтарского металлургического комбината и глава одноименного холдинга Вячеслав Извольский.

Денис отворил дверь в конце коридора – и тут же заметил некоторый непорядок.

Вячеслав Извольский сидел в переговорной один, и перед ним на полированном столе расположился натюрморт, который Денису не понравился до крайности. А именно – бутылка «Столичной» и обглоданный лещ, скорее приличествующий пиву, нежели водке.

Извольский поднял голову и ухмыльнулся. У голубых глаз Извольского была странная особенность: они как будто мутнели во время пьянки. Вот и сейчас они были уже не голубыми, а с легкой белесой патиной.

– Садись, – сказал шеф. Подумал и добавил: – Лару завтра в Москву привезут. Нельзя ее пока оперировать.

Черяга внимательно оглядел своего шефа. Прошло уже немало времени с тех пор, как Извольский и московский банк «Ивеко» схлестнулись в смертельной схватке за контроль над АМК, и за это время Вячеслав Извольский сильно изменился. Пуля киллера, повредившая позвоночник, почти на год приковала директора к постели. Сляб похудел, осунулся, и, казалось, – навсегда утратил свое прежнее богатырское здоровье.

Некоторое время Черяге казалось, что шеф его вот-вот оправится: комбинат был отвоеван, банк угодил в незабываемое дерьмо, операция в швейцарской клинике прошла удачно, и через неделю после того, как Извольский встал на ноги, он обвенчался в Ахтарске со своей возлюбленной Ириной Денисовой.

Потом у Ирины родилась дочка.

Врачи предупреждали, что ребенок, зачатый на больничной койке, после тяжелейших ранений, полученных отцом, может родиться больным или неполноценным. Какой дорогой дрянью кололи Извольского, спасая ему жизнь, и что эта дрянь сделает со спермой, точно сказать не мог никто. Врачи советовали Ирине сделать аборт, Ирина плакала и готова была на все, что велит Слава, а Извольский был категорически против аборта. Самовластный князь города Ахтарска, хозяин одной из крупнейших металлургических империй России, победитель московского банка вообразил, что он может диктовать свои условия природе, как он диктует их областным бандитам и даже московским олигархам.

Лариса, Ларочка, родилась на полтора месяца раньше срока. У нее были ясные голубые глазки Извольского и высокий лоб матери, она весила на килограмм меньше положенного, и у нее

был тяжелейший врожденный порок сердца.

Извольский, разумеется, и не подумал сдаться. Мозг девочки не затронут, уверяли врачи, по крайней мере, об этом пока еще рано говорить. Значит, дело было лишь за деньгами, хирургами и швейцарскими клиниками. Но месяц шел за месяцем, счета из клиник стремительно прирастали нулями (не то чтобы Извольского нули сильно заботили), а прогнозы докторов становились все более неутешительными.

И тогда, постепенно, Денис все чаще стал отмечать нехорошие перемены в своем шефе. Тот почти перестал лично садиться за руль (а это когда-то было любимейшим пристрастием олигарха), ни разу за три месяца не съездил на охоту и стал удивительно равнодушен к еде. Извольский и прежде не был любителем публичных выступлений, теперь же он полностью замкнулся в небольшом мирке: Ирина, Лара, врачи, и завод.

Но самое главное было не это. Извольского никогда нельзя было заподозрить в мягкости характера. Теперь же жесткость превратилась в жестокость, решительность – в ненависть. Извольский слишком много перенес, и пуля в позвоночнике была не самым страшным из перенесенного. Денис знал, что где-то у самого дна души Извольского лежит и гниет, как зловонный труп крысы, черное отчаяние. И, не дай бог, случись у завода какой конфликт – решения, продиктованные этим отчаянием, перехлестнут не только за рамки уголовного кодекса, но и за границы здравого смысла.

– Что с шахтой? – спросил Извольский.

– Шахты больше нету.

– А что есть?

– Есть предложение вступить в общество обманутых вкладчиков.

Дело, приведшее к тому, что заместитель Извольского три дня был вынужден мотаться между Черловском и Швейцарией, никак нельзя было назвать приятным.

Ахтарский металлургический комбинат кушал около шестисот тысяч тонн коксующегося угля в месяц, и день и ночь на железнодорожной станции разгружались составы: из Прокопьевска, Междуреченска и Новокузнецка. Горы черного жирного угля возвышались на территории комбината, и любому, кто шел мимо них, показалось бы, что здесь залежи на много лет. Однако комбинат уминал любую из этих гор в течение двух-трех суток, и запасы угля не превышали двухнедельных – дольше омертвлять средства было невыгодно.

Отлежавшись, уголь поступал на углеподачу, где из разных марок угля – жирных, газожирных, отощающих – и делалась

шихта для загрузки коксовых батарей.

Чужой уголь хорошо, а свой – лучше. В свое время Вячеслав Извольский купил около тридцати процентов АО «Шахта им. Горького», расположенного в соседней Черловской области, в городке Белогурье. На шахте добывались самые лучшие угли из существующих – угли марки «к» и «кснр». Из угля марки «к» кокс в принципе получался безо всяких добавок, если до миллиметра блюсти технологию. Из угля марки «кснр» кокс тоже получался сам собой, и при этом еще не было необходимости строго блюсти технологию.

Извольский, разумеется, рассчитывал довольно быстро приобрести контрольный пакет шахты, выкинуть из нее старый менеджмент и замкнуть на себя финансовые потоки. Но человек предполагает, а бог располагает – случилась свара с банком «Ивеко», Извольскому было не до шахты, а когда весной жизнь наладилась, выяснилось, что контрольный пакет уже скуплен местными бандитами: какой-то весьма колоритной публикой в золотых цепях, рваных кроссовках и с веками, украшенными надписью «не буди».

Что ж! Извольский взвесил ситуацию и решил, что воевать с бандитами смысла нет, все равно что свинью стричь: визгу много, а шерсти мало. На одной шахте свет клином не сошелся. Колоритного субъекта в золотой цепи вызвали в Ахтарск, провели с ним воспитательную беседу, и тот, к некоторому даже удивлению Черяги, быстро согласился на предложенные условия. А именно – фирмы Извольского получают тридцать процентов добываемого на шахте угля, то есть ровно столько, сколько причитается согласно пакету, а как воруют остальное – Вячеслава Аркадьевича не касается. Такой своеобразный способ выплаты дивидендов по акциям и по понятиям.

Ладно. Две ахтарские фирмы сели в Белогурье на уголь, и так как Извольский был в этот момент очень доволен Черягой, выигравшим для него схватку с банком, то великий герцог Ахтарский решил Черягу премировать и пожаловать ему маленький лен в виде этих самых тридцати процентов шахты им. Горького. И фирмы фактически принадлежали Черяге.

Разумеется, и Черяга, и Извольский видели то, что происходило в Белогурье, и сердце их обливалось кровью. Бандиты разворовывали шахту внаглую. Рабочим не платили зарплату по шесть-восемь месяцев, дебиторская задолженность предприятия росла, как снежный ком, ни единой копейки инвестиций не наблюдалось даже на горизонте – шахта, по сути дела, была обречена. Еще год-полтора такой работы, и комбайны, вагонный парк и подъездные пути выйдут из строя, а рабочие

покорно замерзнут в своих промороженных городках.

Между самими бандитами тоже, как выяснилось, не было согласия, контрольным пакетом владели сразу три объединившиеся группировки, и шахта была как большая коммунальная квартира, в которой каждый норовит насрать соседу в суп и никто не хочет ремонтировать прохудившийся унитаз.

Но что Черяга мог сделать в этой ситуации? Да в общем-то ничего. Ремонтировать общий унитаз за свой счет у него опять-таки не было желания, и его фирма вела себя в Белогурье, как и все остальные: тоже брала уголь и тоже за него не платила.

Три месяца назад Денису Черяге неожиданно позвонил человек, которого звали Константин Цой. Формально Цой значился вице-президентом группы «Сибирь» – мощной производственной структуры с неясным количеством партнеров, широкими связями в Кремле и правительстве и довольно отчетливым криминальным душком. Говорили, что двадцатипятипроцентным пайщиком «Сибири» состоит Степан Бельский – лидер очаковской преступной группировки. Еще говорили, что Бельский является человеком гораздо более миролюбивым, нежели Константин Цой. Вероятно, это обстоятельство объяснялось тем, что Бельский прекрасно понимал: как только группа «Сибирь» начнет бить посуду, именно ему поручат подметать черепки.

Так или иначе, на встречу с Черягой Константин Цой явился один – безо всяких Бельских, разве что с двумя здоровенными лбами в качестве телохранителей и длинноногой, похожей на статуэтку певицей Ниной – Цой недавно обзавелся любовницей, моментально превратившейся в одну из самых раскрученных российских попзвезд.

Константин Цой был живой легендой российского бизнеса, и Денис, в первый раз видевший Цоя вблизи, смотрел на него во все глаза. Цой был, как то и следовало из его фамилии, корейцем, причем не полностью даже обрусевшим. В прошлом его была какая-то неясная, фантастическая история – чуть ли Цой не умудрился сбежать еще в советские годы в Южную Корею. Бросился вплавь с российского танкера, на который нанялся моряком, выучил язык предков, и сколотил в Корее некое состояние, которое и было инвестировано удачно в российскую металлургическую отрасль в начале 90-х.

Цою было сорок с небольшим, он был широк в кости и узок в поясе, и деловой костюм сидел на нем немного нескладно. Не это, впрочем, было самым примечательным в облике Константина Кимовича. Дело в том, что Цой был альбиносом: с болезненно

белой кожей, голубыми глазами и белокурыми волосами, скорее подходившими германскому викингу, нежели плосконосому и круглолицему корейцу. Примета эта была насколько характерной, что решительно всей промышленной России Цой был известен под кличкой Альбинос.

Извольский и Цой принадлежали к принципиально разным подвидам российского бизнеса. Извольский был человек основательный, металлург по профессии и призванию, ощущал он себя прежде всего директором Ахтарского металлургического, и все, что он подгребал под себя, рассматривалось именно как продолжение АМК. Подгребалось же все, опять же – наверняка и не спеша, в основном – за деньги. Лучше заплатить больше денег, но получить сделку, под которую не подкопаешься – такова была позиция Извольского.

Не то – Цой. Это был игрок, готовый охотиться на все, что угодно – электролизеры, домны, шахты, медные печки – лишь бы плохо лежало и можно было бы ухватить левым решением арбитражного суда, приправленным горстью вломившихся на завод омоновцев. Он обожал риск, как наркоман героин, он ставил на кон чужие жизни и свою собственную, он покупал заводы за взятки губернаторам и угрозы бывшим владельцам, и он непременно бы зачах с тоски, сунь его кто-нибудь в кресло директора завода и заставь проводить совещание на предмет экономии электроэнергии. Его схемы были столь изобретательны, что даже не казались ужасными.

Предложение Цоя было очень простым – он был готов купить тридцать процентов шахты им. Горького за пять миллионов долларов и деньги предлагал хоть завтра. Денис очень сильно насторожился:

– А почему, собственно, вы говорите со мной? Акции покупал Извольский.

– А потому что Сляб их отдал тебе. В качестве премии. Они твои, вот я с тобой и говорю.

Осведомленность Цоя как-то не очень понравилась Денису. Тот должен был долго и тщательно наводить справки перед этим разговором, чтобы знать, что акции шахты фактически находятся в совместном владении Извольского и Черяги, а не принадлежат одному ахтарскому хану. Даже удивительно было, что олигарх его уровня озаботился подробностями существования незначительной, в общем-то, компании.

– Пять миллионов – это мало. Мы за эти акции платили больше, а это было два года назад, – ответил Денис.

– Когда вы за них платили, это было не дерьмо, а шахта, – возразил Цой, – а теперь это не шахта, а дерьмо.

Денис, разумеется, рассказал о разговоре Извольскому. Тот тоже возмутился малостью предложенной суммы, но в принципе был открыт для переговоров. Он позвонил Цою, и они договорились о встрече в Ахтарске, благо Цой все равно был на следующей неделе в соседней области. Так случилось, что Извольский записал время встречи на каком-то обрывке бумаги, секретарша выкинула обрывок в мусорную корзину, и когда спустя восемь дней черная бронированная «Чайка» Цоя в обрамлении двух джипов подъехал к заводоуправлению, выяснилось, что ни Извольского, ни Черяги нет на месте: Извольский был в Казахстане, а Черяга – в Канаде.

Константин Цой вышел из «Чайки», задумчиво осмотрел гранитную громаду заводоуправления, прошелся по рыхлому весеннему снегу, разминая ноги.

«Чаек» у Цоя, кстати, было три, а вот «Мерседесов» – ни одного. Цой обожал стиль советской империи, по взглядам своим был великорусским империалистом, из числа самых отчаянных, и, может быть, именно поэтому среди русских промышленников ходили слухи, что невероятная история его побега в Южную Корею была когда-то грамотно срежиссирована ГРУ.

Тем временем заместителю Извольского по производству доложили, что к заводоуправлению приехал какой-то Цой. Заместитель по производству как раз вел совещание.

– Что за Цой? – спросил он у коллеги.

Но имя Цоя никому ничего не говорило. Об Альбиносе все слышали кучу легенд.

– А хрен его знает. Охрана говорит, бандюк какой-то корейский…

– Ну раз приехал, пусть подождет, – милостиво разрешил зам по производству. – Мы минут через двадцать заканчиваем.

Цой поднялся в заводоуправление и посидел в предбаннике зама генерального. На его и Извольского несчастье, предбанник был абсолютно пуст: все руководители комбината были внутри, на совещании, и только молоденькая секретарша барабанила по клавишам. Цой сидел абсолютно неподвижно, пока не прошло тридцати минут: совещание оказалось неожиданно долгим. Цой подождал еще и сорок минут. И даже пятьдесят.

Через полтора часа, когда члены правления веселою толпой вывалились из кабинета, секретарша доложила:

– А этот, белобрысый, вас не дождался.

– Какой белобрысый? – поджав губы, уточнил замдиректора по производству.

– Ну какой-то кореец, который тут был. Альбинос.

В приемной заместителя генерального директора разом

наступила мертвая тишина.

* * *

После этой истории два месяца от Цоя не было ни слуху, ни духу. Говорили, что он бросил поп-звезду и завел роман с балериной. Говорили, что он бросил балерину и подобрал в канаве какую-то девку. Говорили, что он бросил девку и отмечает с поп-звездой медовый месяц на исторической родине. Извольский позвонил ему было по сотовому, Цой очень радушно его выслушал и сказал, что перезвонит через пять минут, а сейчас очень занят.

Цой, однако, не перезвонил. Перезванивать самому в таких случаях – значит терять лицо. И Извольский терять лица не стал.

Спустя два с половиной месяца Черяга, приехав на комбинат, пощелкал в компьютере по новостным агентствам и обомлел: короткое сообщение в «Интерфаксе» гласило, что сегодня решением Черловского арбитражного суда на АО «Шахта им. Горького» введено временное управление, а управляющим назначен Фаттах Олжымбаев, – ближний человек Константина Цоя. Это означало, что отныне тридцать процентов акций шахты, за которые было плачено двенадцать миллионов долларов, не стоят и копейки, потому что все финансовые потоки шахты пойдут через фирмы Олжымбаева.

А через полчаса к Денису прибежал начальник коксохимического производства и сказал, что звонили с шахты им. Горького и передали, что вертушки с углем не будет, пока комбинат не закроет задолженность за все предыдущие поставки.

Денис кинулся в соседнюю область. Цоя он, разумеется, не застал. Бандюки, владевшие контрольным пакетом, как выяснилось, сидели в СИЗО – Цой упрятал их туда по договоренности с губернатором, чтобы не мешались делить пирог. Временный управляющий Олжымбаев принял Дениса очень радушно и тут же и поинтересовался у него, где денежки за отгруженный денисовым фирмам уголь.

Олжымбаев был двадцатисемилетний парень, казах по паспорту, украинец по матери и туркмен по деду. Именно от деда и досталась ему породистая арийская внешность: высокий рост, светлые волосы и надменные глаза на чуть смугловатом, узкоскулом лице. Если бы из туркменов набирали в СС, Фаттах в первый же год стал бы штурмбанфюрером. Фаттах достал кое-какие документы и продемонстрировал, что фирмы Дениса Черяги грабили шахту по-черному, и возразить на это Денису

было нечего.

– Фаттах, – сказал Черяга, – ты прекрасно понимаешь, что если бы Альбинос был на моем месте, он бы делал то же самое. Потому что у меня не было контрольного пакета. Я не мог это остановить.

Казах улыбнулся и сказал:

– Альбинос никогда не оказался бы на твоем месте. Потому что Альбинос – хозяин, а ты… – и тут временный управляющий помахал в воздухе коносаментами на отгруженный уголь, – а ты дерьмо.

Денис побледнел:

– Фаттах, вам не стоит с нами ссориться. Ты отнял у нас собственность. Ты отнял у комбината сорок тысяч тонн коксующегося угля в месяц. Из-за этого дела может выйти много изжоги. Я, между прочим, все-таки шеф службы безопасности АМК, а не Царандой, которого вы в СИЗО упрятали.

На это Фаттах ответил:

– Если шеф службы безопасности Извольского узнает о банкротстве собственной шахты из новостей, это свидетельствует об уровне службы безопасности. Исчерпывающим образом.

* * *

Спустя два часа после этого содержательного разговора Денис встретился в областном центре с обманутыми совладельцами шахты – представителями двух местных группировок и сорокалетним живчиком-бизнесменом по имени Гриша. Гриша, судя по рваному уху и некоторой легкости движений, деловую карьеру видимо тоже начинал в составе группировки, но потом остепенился, вырос над породившей его средой и ушел в бизнес. Гриша изо всех троих единственный отличался некоторой ясностью суждений, из чего Денис немедленно заключил, что именно Гриша-то и являлся организатором всех финансовых схем, ответственных за обнищание шахты, ибо схемы, хотя и были весьма примитивны, все же превосходили интеллектуальные возможности прочих акционеров.

Остальные же двое собеседников Дениса являли собой живое умственное убожество. Совершенно было непонятно, каким образом эти организмы умудрились дорасти до бригадиров и даже акционеров шахты: сам Денис им ничего сложнее поджога ларька никогда бы в жизни не поручил. Следовало надеяться, что третий акционер, местный авторитет по кличке Царандой, много

выше их по интеллекту, – но Царандоя, как уже было выше сказано, по договоренности между Цоем и губернатором закрыли в СИЗО.

Оба придурка чрезвычайно быстро напились и начали громко орать, что сей же час поедут резать кишки гаду Фаттаху. При том и в самом деле рвались из-за стола на улицу, где их дожидался серебристый, как крышечка от пивной бутылки, «Лендкрузер». Гриша с Черягой насилу их остановили, бригадиры раздавили еще по поллитровке на брата и согласованно упали мордами в салат, как в дурном кино про новых русских. Официантки ресторана почему-то раскатывали по залу в роликовых коньках, но без лифчиков, где-то в углу уже били друг другу морду, и вся обстановка настолько не соответствовала статусу Дениса, что он сам себе был чрезвычайно омерзителен.

Потом у Гриши зазвонил телефон, тот выслушал сообщение, спрятал мобильник в карман и сказал:

– Царандоя завтра выпустят.

– Точно выпустят?

– Точно, – сказал Гриша, – его на допрос к следователю забрали, завели в кабинет – а там вместо следователя Бельский и Фаттах. Ну, и договорились они, что Царандой отдает им долги шахты, а эти его взамен на свободу опускают. Так что я поехал.

– Куда?

– Долги оформлять. Они ж на мои фирмы записаны, не на Царандоя.

– Я бы мог у тебя долги купить, – сказал Денис.

Гриша долго смотрел на Черягу.

– Извини, – сказал он, – но ты, Денис Федорович, в нашей области никто, и звать тебя никак. А Альбинос губернаторские выборы финансировал. Он меня порвет, как Тузик тряпку…

16 июня должен был состояться совет кредиторов, на котором официально должны были решить, что делать с шахтой, а 14 июня, в субботу, ему предшествовала встреча у губернатора, на которой тот же вопрос решался неофициально. На встрече должен был быть Извольский, но в последний момент у него случилась какая-то накладка, пришлось задержаться в Японии, а в Черловск поехал Черяга.

Несмотря на летнее время и недавний антициклон, в Черловске было неожиданно холодно, на дороге стояли глубокие лужи. Когда машина Черяги въезжала в город, с неба хлынул черный с градом дождь, на центральных улицах мгновенно образовались пробки; пятнадцатиэтажное, стройное, как свечка, здание областной администрации походило на рождественскую елку, воткнутую куда-то далеко за низкие облака.

В приемной губернатора, обернувшись спиной к Денису, стоял Константин Цой и орал на кого-то по мобильнику. Денис дождался, пока Цой закончит, подошел к нему и сказал:

– Константин Кимович, я должен извиниться за себя и за Славу. Ну, с этим случаем на комбинате. Произошла какая-то дикая накладка. Ребята потом вертолет в воздух подняли. Вас же никто не знает, как Цоя, все говорят – Альбинос…

– Я не вор, чтобы представляться погонялом, – ответил Цой.

Денис раскрыл было рот, но тут Цой повернулся прочь и пошел в кабинет, куда стекались все участники совещания. Участников было человек семь: директор шахты, Фаттах Олжымбаев, новый главный инженер, выписанный Цоем откуда-то из-под Белгорода, да свита Цоя. Ни Царандоя, ни иных колоритных бандюков на совещании не было: от прежних владельцев шахты присутствовали только Денис да Гриша.

С самого начала Денису стало ясно, что дело абсолютно тухлое. Группа «Сибирь» сидела на шахте второй месяц, а сделала там столько, сколько все прочие владельцы не сделали за полтора года. Временный управляющий даже не утруждал себя темой борьбы с акционерами – акционеров для него просто не существовало. Он механическим голосом отчитался о том, что рабочим выплачены долги по зарплате за восемь месяцев, для чего группа «Сибирь» взяла кредит в одноименном банке, что шахта стала рассчитываться с энергетиками по текущим платежам, и что в случае покупки шахты «Сибирью» первым мероприятием группы будет обновление вагонного парка шахты.

Потом слово взял Цой.

Цой говорил очень отчетливо и очень быстро, с предельно ясной артикуляцией, редко встречающейся даже у телеведущего. Он почти не делал пауз между фразами, стремясь впихнуть как можно больше единиц информации в как можно меньшее единиц времени, он вдавался в поразительное количество технических деталей, которые обычно вгоняют в сон чиновников и журналистов, – и все, во что он вдавался, немедленно становилось понятно, интересно и важно для собеседника. Интонацию как средство воздействия на собеседника Цой игнорировал принципиально: его голос звучал бесстрастно, как закадровый перевод боевика, – и так же завораживал слушателя.

Высочайший уровень инженерного мышления Константина Цоя изумил бы любого. Особенно он изумлял Черягу, который хорошо знал, что докторская диссертация Константина Цоя, защищенная им в двадцать три года в институте востоковедения РАН, была посвящена тайным китайским обществам эпохи Сун.

Денис уткнулся глазами в полированную поверхность стола и

чувствовал себя совершенно погано. Где бы и что бы он ни делал, даже если то, что он делал, было не совсем по закону, – он привык иметь для себя стопроцентное душевное алиби: «зато от этого хорошо производству». Можно было обманывать губернаторов, разводить бандитов и даже воровать, и всегда у Дениса было пуленепробиваемое, как кевларовый жилет, оправдание – от этого всем лучше, кроме паразитов. Сейчас, впервые, это оправдание отсутствовало. Да – у АМК отобрали собственность – отобрали нагло, не заплатили ни копейки и вдобавок открыто и беззастенчиво издевались над ахтарскими акционерами. Но другой стороной правды было то, что Денис на этот раз оказался в одной упряжке вместе с мелкими бандюками, приблатненными коммерсантами и угробившими шахту паразитами, – а против него сидели люди, которые наставили синяков акционерам и выплатили зарплату рабочим. Цой умолк, сказав напоследок что-то насчет норм расхода шарочных долот, и губернатор спросил у временного управляющего:

– Фаттах Абишевич, а на Ахтарский металлургический вы уголь сейчас поставляете?

– Нет, – ответил за управляющего Денис, – второй месяц – ни тонны. В нарушение всех контрактов, которые предусматривают подобные поставки до 1 января 2005 года.

– Денис Федорович, – ответил Цой, – берите угля, сколько влезет. Мы вам хоть две вертушки будем в день грузить. Со стопроцентной предоплатой. По двадцать пять баксов тонна. Как этот уголь стоит. А без предоплаты и фирме, зарегистрированной по паспорту покойника – отпускать не будем.

– Очень правильная точка зрения, – сказал губернатор, – А то получается, что вы крадете этот уголь. Как вы считаете, Денис Федорович?

– Мы не считаем, что мы крали уголь, – ответил Денис, – мы считаем, что у нас украли акции. Наша позиция простая – заплатите нам за акции и банкротьте шахту сколько влезет. Иначе я вам обещаю с этим банкротством очень большие проблемы.

– Вы пять раз отбили деньги за акции, – ответил Цой, – когда не платили за уголь.

– Денис Федорович, – сказал губернатор, – я вполне удовлетворен тем, что я услышал от Константина Кимовича. Я полагаю, что имущество шахты будет продано за долги, так, как это предлагает Константин Кимович, и я надеюсь, что с вашей стороны не будет никаких проблем. Иначе я не думаю, что вы сможете продолжать сотрудничать с нашей областью.

– А нам что делать с нашими тридцатью процентами? – не выдержал Денис.

– Запишитесь в общество обманутых вкладчиков, – принципиально игнорируя интонацию, сказал Альбинос.

Через три часа после совещания Денис с Сергеем Ахрозовым встретились в аэропорту с Анастасом Анастасовым. Узнав, что губернаторский фаворит летит в Москву, Денис очень любезно предложил ему поменять рейсовый салон первого класса на личный самолет Извольского. Анастас принял предложение и в пути столь же любезно попросил два миллиона долларов за решение проблемы.

– Это не для меня деньги, это для папы, – сказал Анастас, – а то как так: вы в области сидите, а папу не уважаете.

– А если не получится? – спросил Денис.

– А если не получится, мы вам дадим областной пакет «Белогурскугля». Это даже лучше шахты!

* * *

Денис как можно подробнее пересказал все эпизоды совещания у губернатора. Он понимал, что Извольский будет взбешен, и что Цой на это и надеялся, бросив фразу насчет «обманутых вкладчиков», но утаивать эту информацию он тоже не имел права: Цой явно нарывался на войну, и было бы неправильно, если б Извольский не был об этом оповещен заранее.

– Самое паршивое, – сказал Денис, – что они завели на нас уголовное дело. Там была такая схема, что мы регистрировали фирмы по тухлым паспортам, а потом эти мартышки[3] выпускали векселя и этими векселями наша фирма «Новомет» расплачивался за уголь. Так они завели уголовное дело на эти мартышки и на «Новомет» тоже. Просто затем, чтобы мы не рыпались.

– А кто регистрировал фирмы? – спросил Извольский.

– Гриша Епишкин, коммерсант местный. Он по одной схеме и свои лепил, и наши, нам было удобно, мы не возражали. Ну, его теперь тоже плавят.

– Он плавится?

– Нет, он себя прилично ведет. Тут что плохо – там ведь гендиректор был наш, Галкин, так они Галкина купили по сходной цене, и он всех сдал. Как будто он от этого на шахте останется…

Извольский придвинул к себе бутылку и хлебнул прямо из горлышка.

– А может, и останется, – сказал он.

– Вряд ли, – сказал Денис, – Галкин слишком большая шваль,

а Цой – слишком хороший менеджер.

Глаза Извольского сощурились. Он медленно перегнулся через стол, лицо его оказалось почти у самого лица Дениса, и на Черягу терпко пахнуло дорогим одеколоном и паршивой водкой. Тяжелая рука Извольского, с пухлыми пальцами и коротко подстриженными ногтями, уцепилась за галстук Черяги.

– Запомни, Денис, – сказал Извольский, – если человек умеет заводить уголовные дела на акционеров, это еще не значит, что он хороший менеджер.

Денис промолчал. Он до сих пор находился под впечатлением вчерашней встречи с Цоем. И в глубине души он отдавал себе отчет, что ни один из людей, с которыми он встречался когда бы то ни было, не годился болезненно белокожему корейцу даже в подметки. За исключением, разумеется, самого Извольского. И Денису даже тошно было бы себе представить, что случится, если два этих самосвала налетят друг на друга.

А Извольский выпустил его галстук, откинулся в кресло и сказал:

– В одной Цой прав. Шахту ты довел до ручки.

– А что я мог сделать?

– Обанкротить предприятие вместо Цоя. Ты скажи, что проделал он из того, что не мог бы сделать ты?

Денис взглянул внимательно на директора и вдруг неудержимо покраснел. Он вдруг сообразил, отчего Извольский отдал ему такой странный кусок – тридцатипроцентный пакет, ни рыбу, ни мясо. Денис должен был сам догадаться, как выкинуть других акционеров с шахты. Не обязательно банкротством – действительно, можно было в тюрьму их посадить, или акции арестовать… А вместо этого Денис перечитал закон «Об акционерных обществах», тяжело вздохнул и успокоился.

– Это закон бизнеса, Дениска, – сказал Извольский. – если кусок плохо лежит, его сожрут. А шахта очень плохо лежала. Цою даже не надо было давать взятку губернатору. Потому что губернатор понимал, что через два года шахту растащат, а голодные шахтеры придут к нему и разобьют палаточный городок перед областной администрацией. А палаточные городки – это, знаешь ли, скверно для рейтинга и для имиджа. И когда Цой сказал, что возьмет шахту, губернатор запрыгал от радости.

– Но ведь я бы отнял у людей их собственность… – возразил Денис, – я понимаю, что они бандиты, но они же акционеры…

– Ну и что, что они акционеры, если они недоумки? – ответил Извольский.

– Тогда почему ты мне не приказал это сделать?

– Потому что тебе пора самому ставить задачи. А не решать те, которые поставил я, – ответил Извольский. Откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и добавил: – Ты знаешь, я бы подсказал. Просто из головы вылетело, когда с Ларой началось…

В кабинете повисло тяжелое молчание. Извольский некоторое время сидел неподвижно, так неподвижно, что Денис даже перестал глядеть на шефа и вместо этого уперся глазами в полированную поверхность стола.

Потом палец Извольского ткнул в кнопку селектора:

– Ахрозов где? – рявкнул Извольский.

– В приемной, – послышался испуганный голос секретарши.

– Так какого… он там ошивается. Пусть заходит!

* * *

Ахрозов вошел в кабинет почти немедленно, кивнул Денису и сел в кресло наискосок от Извольского. Он был в белом свитере и вельветовых брюках, и взгляд его больше не напоминал взгляд пьяного медведя. Теперь это был прежний, хорошо знакомый Денису Ахрозов, – собранный, невозмутимый производственник, знающий себе цену высокопоставленный вассал стального короля.

Сережа Ахрозов был, безусловно, одним из самых ценных приобретений Извольского за последний год.

Образования у Ахрозова было два – геологическое и инженерное. Геологическое было, можно сказать, получено по наследству – его отец, Изольд Ахрозов, был одним из знаменитых советских геологов и первооткрывателем богатых медно-никелевых месторождений в Таджикистане. Там, на востоке, Ахрозов родился и вырос. Его отец сделал отличную научную и партийную карьеру, семья их была уважаемой и известной: в двадцать пять лет Сережа Ахрозов стал главным инженером Саркайского горно-обогатительного комбината, выстроенного на месторождении, открытом его отцом.

Когда Сергею было тридцать пять, Советский Союз распался.

Первой от Сергея ушла жена. Она уехала в Питер к какому-то кинорежиссеру. Кинорежиссер обещал сделать ее кинозвездой, а сделал наркоманкой. Потом остановился комбинат, который производил черновую медь из сырья ГОКа. Потом остановился сам ГОК.

Рабочие потихоньку разбрелись кто куда и занялись перевозками анаши. Канатная дорога, по которой везли сырье с горы на равнину, была уничтожена. Ее опоры спилили и сдали во вторсырье. Ахрозов пытался бороться с этим. В одной из ночных

вылазок он со своими телохранителями беспощадно расстрелял троих рабочих, подпиливавших опору. Двоюродный брат одного из рабочих оказался крупным наркобароном. За сумасшедшим русским директором (к этому времени Ахрозов стал директором ГОКа, прежний давно сбежал на Украину) – началась охота. Неизвестно, чем бы она кончилась, но в декабре 1992 года сошедший с гор селевой поток затопил карьеры.

В 1993 году Сергей Изольдович Ахрозов, тридцати шести лет от роду, оказался в Оренбургской области. Его позвал сам губернатор. У губернатора была идея. Так уж сложилось, что большинство медных заводов – как для получения черновой, так и для получения чистовой меди – в России находились на Урале. Сырья же не хватало, почти все известные месторождения были выработаны, и медный концентрат везли в Россию из Монголии. В то же время в Оренбурге было разведано несколько богатейших месторождений меди, и согласно пятилетнему плану развития народного хозяйства, одно из них, Карачено-Озерское, должно было быть освоено в 1988 году. Оно и было освоено – на бумаге. Тогдашний генеральный директор радостно отрапортовал о пуске предприятия. По шикарной асфальтовой дороге к будущему котловану приехало областное начальство, весело ухнула аммонитовая взрывчатка, и гигантский шагающий экскаватор на глазах партийных и советских работников соскреб с подпоротой взрывом земли первые кубометры вскрыши.

Директор получил Героя соцтруда и звание депутата Верховного совета, партийное начальство уехало, – и так никогда никто не признал вслух, что шикарная асфальтовая дорога вела в никуда. Руда была, экскаваторы были, корпуса были – а в корпусах ничего не было.

К 1992 году месторождение было одним большим пустырем: рабочие жили в бараках, расползаясь кто куда, иностранное оборудование стояло в ящиках на таможне, и на богатейшем месторождении висел призрачный, но гигантский долг перед Внешэкономбанком.

Губернатор Оренбургской области предложил Сергею Ахрозову стать директором несуществующего Карачено-Озерского ГОКа.

Ахрозов согласился. Едва ли не в одиночку, с бригадой из десяти человек, он ходил по заброшенной стройке. То оборудование, что застряло на таможне, он попросту украл, оставив в опечатанном складе пустые ящики. То, что мокло под дождем – вычистил и восстановил. Он лгал, грозил, изворачивался. Он не платил за электроэнергию, не платил налогов и старался не платить зарплаты.

Он спал по три часа в сутки, заработал в ледяной грязи воспаление простаты и туберкулез, который у него не было времени лечить. Легенда гласила, что однажды в 1994 году в домодедовском аэропорту охрана поймала небритого человека в стоптанных башмаках и линялых джинсах. В руках у человека был чемоданчик, а в чемодане – два миллиарда рублей наличными. Человек назвался директором Карачено-Озерского ГОКа Сергеем Ахрозовым, а про деньги сказал, что это зарплата рабочим. Охрана свела человека в ментовку, и там оказалось, что небритый человек говорит правду.

Сергей Ахрозов совершил невозможное: в разоренной, нищей России, кишевшей бандитами, ментами и чиновниками, в стране, где никто не платил за руду, из краденого, заржавевшего и нерастаможенного оборудования – он выстроил и пустил Карачено-Озерский ГОК. Без воровства это было сделать невозможно, и Ахрозов не раз и не два переступал порог прямой уголовщины.

Медная руда содержит значительные примеси драгметаллов. Медный концентрат Карачено-Озерского ГОКа был богат платиной и золотом. В сертификатах, выдаваемых областным комитетом природопользования, содержание золота занижалось втрое. Разница пилилась между заводом, производящим черновую медь, Ахрозовым и чиновниками. Доля Ахрозова почти без остатка ушла на реконструкцию ГОКа и на покупку акций ГОКа, которую от имени и на деньги Ахрозова вел один мелкий оренбургский коммерсант, бывший институтский приятель Сергея.

К 1997 году ГОК работал и давал стабильную прибыль. Ахрозов нашел возможным повысить зарплату рабочим, с двадцати долларов до тридцати пяти. Он даже немного заплатил газовикам: уж больно те злобствовали.

В октябре 1997 года Ахрозова вызвал к себе губернатор. Губернатор тепло поздравил Сергея Изольдовича с выдающимся достижением. Затем он сообщил, как само собой разумеющееся, что ГОК должен войти в некий холдинг, создававшийся губернскими властями. Возглавлял холдинг губернаторский племянник.

Ахрозов отказался. Губернатор отечески пожурил его, мягко поставив на вид, что человек, который второй год не платит налоги и за электроэнергию, вряд ли имеет право в чем-то перечить губернатору. Два года гражданской войны в Таджикистане и три года строительства ГОКа в условиях абсолютного беспредела обучили Ахрозова некоторой резкости манер: сорокалетний директор встал и, хлопнув кулаком по

столу, заявил, что он не для того делал из дерьма конфетку, чтобы всякая губернаторская сволочь ее хавала.

– Грубый вы человек, Сергей Изольдович, – вздохнул губернатор, – грубый и невоспитанный.

На следующий день энергетики пересмотрели тарифы на ГОКе – увеличив их втрое. Пришла налоговая инспекция с проверкой и насчитала ГОКу два миллиона долларов штрафов. Экологический комитет области внезапно обнаружил в карачено-озерской руде повышенное содержание мышьяка и запретил ее переработку. Региональное отделение комиссии по ценным бумагам и биржам предписало закрыть ГОК в связи с нарушением комбинатом законодательства по ценным бумагам.

Ахрозов бросился по инстанциям – все напрасно. За время работы на ГОКе он так и не оброс нужными связями. Он не давал денег никому, кроме губернатора и его замов. Он не поддерживал политических партий, он не посещал модных тусовок, он не знал важных людей не то что в Москве – в Оренбурге. Он просто тупо, по восемнадцать часов в сутки, ползал в дерьме и грязи, отстраивая производство. Губернатор всегда брал на себя решение всех его проблем: теперь оказалось, что все контакты Ахрозова шли через губернатора, а губернатор хотел его придушить.

Ахрозова сдали все, и первым среди сдавших был его давний прихлебатель и лучший друг, тот самый Андрюша Незванов, который выступал номинальным держателем контрольного пакета акций ГОКа. Да и кто, в конце концов, такой был Андрюша, чтобы спорить с губернатором? Местный коммерсант, торговец никелем, медью и подержанными машинами. Одного наезда налоговой полиции хватило бы, чтобы в корне порушить его бизнес. И Андрюша покорно отдал бывшие у него акции ГОКа в траст новорожденной губернаторской корпорации.

По правде говоря, в акциях Ахрозов разбирался настолько же плохо, насколько хорошо разбирался в производстве. У Сергея хватило ума в свое время понять, что акции ГОКа должны принадлежать ему самому, и что если российское законодательство запрещает покупать эти акции на средства самого ГОКа, значит, надо это законодательство обойти. Но Сергею никогда не приходило в голову придумывать сложных механизмов обхода. Здесь что – Таджикистан? Нет, здесь Россия, Южный Урал, а он, Сергей Ахрозов – директор градообразующего предприятия, лучший друг губернатора и самый образцовый хозяин области, сделавший из несуществующего комбината процветающее хозяйство…

Услышав о том, что акции переданы в траст губернаторской

корпорации, Ахрозов взял охранников и поехал из Озерска в Оренбург выяснять отношения. Незванова на месте не оказалось: Ахрозов просидел в его офисе три часа и поехал обратно.

Его остановили на выезде из города, выкинули из машины, обыскали и отвезли в тюрьму. Оказалось, что после отъезда Ахрозова в офисе Незванова нашли гранату. Охранники офиса показали, что гранату мог подкинуть Ахрозов, и что он кричал, что разберется с Незвановым.

Три дня директор градообразующего предприятия сидел среди уголовников. На третий день к нему пожаловал замгубернатора. Замгубернатора показал Сергею Ахрозову два уголовных дела. Первое было то самое, по которому Ахрозов был арестован – дело по факту подготовки покушения на коммерсанта Незванова.

Другое дело было еще серьезнее: оно касалось фактов предумышленного занижения содержания золота в медном концентрате, незаконного вывоза этого золота за рубеж (в составе черновой меди), и использования доходов с нелегальной продажи золота для покупки акций Карачено-Озерского ГОКа. К делу была подшита его собственная, Ахрозова, жалоба о том, что акции ГОКа были куплены на его, Ахрозова, деньги, и что Андрюша Незванов никак не мог ими распоряжаться.

– Вот видите, как нехорошо получается, Сергей Изольдович, – сказал замгубернатора, – мы-то все думали, что вы о рабочих радеете. А вы, оказывается, обкрадывали ГОК и на уворованное скупали акции. И крал ты, заметь, Сережа, не просто деньги. А золото. А золотой оборот у нас регулируется государством.

Ахрозов слушал зама губернатора не очень внимательно. В первый же день содержания под стражей он объявил голодовку: сейчас у него кружилась голова, и он непрерывно кашлял.

– У тебя, Сережа, есть выбор, – сказал зам губернатора. – Или ты забираешь свою жалобу, и получается, что Незванов передал нам акции совершенно законно. Или мы будем судить тебя за то, что ты завладел акциями мошенническим путем и при этом обманул государство. Светит тебе, Сережа, лет пятнадцать с конфискацией имущества. Но с твоим туберкулезом на зоне ты и этого не проживешь…

– Я свою жалобу не заберу, – ответил Ахрозов.

– Ну и напрасно. Потому что если ты не перестанешь вонять насчет акций, то завод через неделю обанкротят. Ты и ГОКа не получишь, и в тюрьме останешься.

Спустя месяц Сергей Ахрозов вышел из тюрьмы. Следствие по его делу прекратили. Акции ГОКа остались у губернатора.

* * *

Два месяца об Ахрозове не было ни слуху ни духу. В Оренбурге рассказывали, что он живет в Москве, в какой-то невероятной десятикомнатной квартире на Арбате. Что он отсиживается на собственной вилле в Калифорнии. Что он лечится от туберкулеза в швейцарской клинике.

Ахрозов действительно был в Москве – но не в десятикомнатной квартире на Арбате, а в двухкомнатной конуре в Митино, купленной для нужд комбината и по какому-то недоразумению не отобранной, и тихо спивался с местными пенсионерами и бомжами. Бомжи по резкости манер принимали его за вора в законе и весьма перед ним благоговели. Жил он один: гражданская его жена Леся, с которой он прожил в Карачено-Озерске три года, бросила его, когда он оказался в тюрьме и без денег. Дело в том, что Ахрозов подарил Лесе четыре заправки, и после начала конфликта Лесе пришлось выбирать между нищим Ахрозовым и заправками. Через полгода Леся вышла замуж за коммерсанта Незванова.

Однажды, когда Сережа Ахрозов, в своем обычном виде, сиречь стоптанных кедах и драном свитере, забивал «козла» у подъезда новостройки, к отдыхающим подъехал черный шестисотый «Мерседес». За «Мерседесом» катился джип «Линкольн навигатор» с охраной. Джип остановился, из него высадились двое с автоматами, дружелюбно поздоровались с отдыхающими и, убедившись в отсутствии опасности для объекта, открыли дверцу «Мерседеса». Из «Мерса» высадился невысокий пятидесятилетний человек с намечающимся брюшком и лысым черепом.

Человек отозвал Ахрозова в сторону и немного с ним поговорил, после чего Ахрозов, как был, в джинсах и куртке, загрузился в «Мерс». И тот отбыл с машиной сопровождения в неизвестном направлении.

– Я всегда говорил, что Сережа большой человек, – сказал один из завсегдатаев скверика, откупоривая жестянку с пивом. – Наверное, вор. И приехали за ним его товарищи.

Собутыльники Ахрозова ошибались. Человек, который приехал за опальным директором, не был вором в законе. Он был банкиром. В перечне его промышленных владений, приобретенных без особой системы и за гроши, значился один из крупнейших ГОКов России, расположенный в черте Курской магнитной аномалии. После двух лет войны банк отобрал ГОК у прежнего директора, который загнал комбинат в жуткую задницу, и теперь банку был срочно нужен квалифицированный

управленец, который ГОК из этой задницы вытащил бы.

Кто-то рассказал банкиру об Ахрозове. Тот навел справки и оказался очень доволен. Хозяин банка высоко оценил особенности характера Ахрозова – редкое сочетание организаторских и инженерных талантов с детской непосредственностью во всем, что касалось вопросов собственности. Правда, Ахрозов раньше занимался медью, а не железом. Ну и что? Для хозяина банка что медь, что железо, что никель, – большой разницы не представляли, а Сережа – ну что Сережа? Научится. На то его и поставили замом, чтобы пообтерся…

И Сережа пообтерся. Спустя два месяца ему принадлежало три технических изобретения, внедренных на ГОКе. Спустя четыре месяца изобретений было уже пять. Через полгода Сергей стал главным инженером, еще через месяц оказался и.о. гендиректора. Банкир очаровал его своим обращением. Он носился с Сергеем, как с писаной торбой. Он платил Ахрозову огромную даже по западным меркам зарплату, подарил ему квартиру в Москве и молоденькую любовницу, и когда банкир купил себе новый шестисотый «Мерс», он купил такой же Сергею.

Ахрозов же – вкалывал. В два месяца он распихался со всеми налогами и долгами, не без помощи, впрочем, банка. Энергопотребление на ГОКе по сравнению с соседней Лебединкой и Михайловкой уменьшилось на десять процентов, простой вагонов снизился на сорок три процента. До Ахрозова ГОК ежемесячно кушал десять миллионов долларов, а производил окатыша на девять с половиной. Спустя полгода реальные производственные затраты сократились до шести миллионов долларов. Из двадцати семи шаровых мельниц у Ахрозова обыкновенно работало двадцать шесть; средний срок эксплуатации оборудования удлинился на полтора месяца. Каждый окурок, забытый в цеху, Ахрозов переживал, как личную трагедию.

Затем случился дефолт.

Московский банк прекратил платежи, его преследовали разъяренные кредиторы, и акции ГОКа были слиты в какую-то оффшорную компанию. Беда была не в этом. А в том, что после того, как банк ослабел, на ГОК начала охотиться группа «Сибирь».

Дважды какие-то карликовые кредиторы, за которыми вставала гигантская тень Константина Цоя, подавали на банкротство ГОКа. Цой перекупил одного из заместителей Ахрозова, и тот слил Цою весь финансовый расклад по ГОКу, Цой поделился этим раскладом с губернатором, и губернатор был взбешен – получалось, что комбинат мог бы заносить губернатору

гораздо больше, чем заносил.

Главных гадостей заместитель сотворить не успел. Служба безопасности отследила его контакты, Ахрозов вызвал заместителя в кабинет, заперся с ним и двадцать минут бил его кувшином по голове. После этого Ахрозов велел провести на заводе учения по гражданской обороне. По сигналу вокруг здания заводоуправления собралось восемь тысяч человек, и вышедший к ним Ахрозов произнес горячую речь о том, что трудовой коллектив не допустит перехода завода к новым хозяевам. Трудовой коллектив горячо поддержал Ахрозова. Он знал, что генеральный директор спрашивает, как с троих, а зарплату платит, как пятерым, и не хотел менять Ахрозова на какую-то группу «Сибирь». Смущенный губернатор был вынужден объяснить Константину Цою, что он не может обанкротить ГОК, так как в последнем случае разъяренный народ, того и гляди, разнесет областную администрацию по кирпичику.

В январе 2001 года Ахрозова вызвали в Москву.

В шикарном кабинете банкира Ахрозова дожидались двое: сам хозяин банка и сорокатрехлетний моложавый кореец с белыми волосами. Банкир невозмутимым тоном поставил Ахрозова в известность о том, что последние две недели он вел с группой «Сибирь» переговоры о продаже контрольного пакета ГОКа, и что три дня назад они подписали по этому поводу соглашение. Банкир предложил Сергею Ахрозову уволить всех своих заместителей и написать заявление об уходе в отпуск. Банкир также тепло поблагодарил Сергея Ахрозова, который, по его мнению, являлся одним из лучших производственников России. Банкир заверил, что за Сережей сохраняются его служебные квартиры в Москве и в Белгородской области. А беловолосый кореец прибавил, что группа «Сибирь», в качестве жеста доброй воли и уважения к побежденному противнику, хотела бы выплатить Сергею Ахрозову причитающееся ему до конца года жалование – где-то около полутора миллионов долларов.

– Ты понимаешь, Сережа, – сказал Цой, – что мы не можем оставить во главе комбината человека, который последние три месяца срал нам где только мог.

Ахрозов понимал это. Он понимал также, что его отчаянная борьба спасла для банкира десятки миллионов долларов. Что не борись он, группа «Сибирь» еще три месяца назад обанкротила бы ГОК и получила бы даром то, что была в конце концов принуждена купить у банка за разумную сумму, размер которой Ахрозову даже не посчитали нужным назвать. И получалось, что от этой драки насмерть банк выиграл, а он, Ахрозов – потерял

все.

Сергей Ахрозов кивнул головой и пошел вон из кабинета. У лифтовой шахты, напротив стеклянной стены, из которой открывался роскошный вид на отделанный мрамором и сталью внутренний дворик банка, его догнал Константин Цой.

– Как насчет того, чтоб поужинать вместе? – сказал Цой. – Завтра, в «Балчуге»?

– Я не любитель ходить по кабакам, – отозвался Ахрозов.

– Не пори горячку, – сказал Цой, – ты представляешь, сколько ты стоишь? Ты стоишь больше, чем весь этот долбаный банк. Менеджеров твоего класса в России я могу пересчитать на пальцах. Причем не снимая ботинок. Сдай дела. Посиди в отпуске месяц. Успокойся. Потом мы переговорим. Я же не живодер.

– На этот счет существуют разные мнения, – сухо сказал Ахрозов.

Сергей Ахрозов отужинал в «Балчуге» спустя неделю. Но не с Цоем. Его сотрапезником был Вячеслав Извольский, компания которого только что подала заявку на участие в аукционе по приватизации Павлогорского горно-обогатительного комбината.

Извольский поднялся навстречу Ахрозову, и на широком его, как лопата, лице, впервые за все время разговора неожиданно нарисовалась улыбка.

– Ну что, попил пивка с Анастасом?

Ахрозов пожал плечами.

– Да я не помню ничего. Там деловой разговор был, нормальный. Мы договорились почти. Он два лимона просил…

– За шахту?

– Ну… за шахту, или за «Белогурскуголь». Предприятие в том же городе, разрез и обогатительная фабрика. Мы через одну эту фабрику…

– Что скажешь, Денис?

– Разумное предложение. Не думаю, чтобы они вернули нам шахту. А вот разрез с фабрикой – пожалуй. Анастас нас пока не обманывал. Он натравил на нас Цоя, теперь ему выгодно наше усиление.

– *Ему* выгодно, – тяжело сказал Извольский, интонацией подчеркивая слово «ему». – Почему я должен играть так, как выгодно губернаторской подстилке? А? Я завтра лечу в Нью-Йорк. Тема встречи: размещение облигаций Ахтарского металлургического комбината. Объем займа – двести миллионов. Меня ждет глава «Меррилл Линч». А здесь, внутри страны, я должен играть по правилам, которые диктует мне пидор? Здесь отняли, там стравили, тут засунули? Два миллиона долларов за то, чтобы Цоя опустили, как опустили нас. Еще какие

плодотворные идеи? Может, кокаин Степе Бельскому подкинуть?

В переговорной наступила долгая тишина. Ахрозов звякнул бутылкой о край стакана, наливая себе минералки. Было слышно, как он пьет – жадно, слегка побулькивая.

– Кто такой Леша Панасоник? – спросил Извольский.

Ахрозов поднял брови.

– Придурок один мелкий. Бандючок. Мы на его примере хотели проучить местных уродов. Он вчера ко мне в приемную прибегал. Я не принял. Приеду, приму.

– Опоздал ты с приемом, – сказал Извольский, – его ночью медведь съел.

– Как – медведь?!

– А так. Сначала его пристрелили, а потом кто-то загнал в дом мишку.

Ахрозов протяжно свистнул.

– Итак, два миллиона? – спросил Извольский.

Менеджеры смущенно молчали. Черяга уже понял, что никакого согласия на предложение Анастаса не будет. Ахрозову, по сути дела, судьба шахты была безразлична. Он еще не разгребся на ГОКе.

– Ладно, – сказал Извольский. – Бог с ней, с шахтой. Есть одна идея.

Денис вскинул голову.

Извольский зашевелился в кресле. Рука директора – белая пухлая рука с короткими пальцами и дорогим «Константином Вашероном» на запястье – придвинула к себе лист бумаги. Извольский взял ручку и нарисовал не очень твердый, похожий скорее на завиток улитки круг.

– Ахтарский металлургический, – сказал Извольский.

Через мгновение лист украсился вторым кружком, поменьше.

– Павлогорский ГОК. И между ними – железная дорога.

Изображение железной дороги тоже появилось на бумаге в виде черты, соединяющей оба кружка.

Директор сел прямее.

– Теперь, Денис, смотри. ГОК делает окатыш и везет его по железной дороге в Ахтарск. АМК делает из окатыша сталь, а из стали – рельс. И расплачивается рельсом с железной дорогой.

Так?

– Так, – сказал Черяга.

– Не так! – взорвался Извольский. – Потому что окатыш везет не железная дорога, а небезызвестный тебе Горный. И рельс мы даем не железной дороге, а опять-таки Горному. Спрашивается, какого черта там сидит этот Горный и расплачивается за мой окатыш – моим же рельсом?!

Денис сморгнул. Насчет «небезызвестности» Горного Извольский сильно преувеличивал. Афанасий Горный был местный черловский коммерсант, какими-то путями сдружившийся и с губернатором, и с МПС. Часть его бизнеса была связана с железнодорожными перевозками. Горный был настолько влиятелен, что в свое время, когда ГОК еще не принадлежал Извольскому, Извольский платил только Горному, за перевозку, а за окатыш благодаря этому не платил. А когда Горный понял, что через пару лет такого хозяйствования перевозить будет нечего, именно Горный свел Извольского с губернатором и Анастасом и помог купить ГОК.

Горный никогда не входил в число потенциальных противников или объектов поглощения, и поэтому особой информацией Денис о нем не располагал. Слышал только, что последние полгода бизнес Горного развивался настолько удачно, что тот вытеснил всех остальных железнодорожных посредников и стал практически монополистом по железнодорожным перевозкам в пределах Южносибирского округа и Северного Казахстана.

– Шестьдесят процентов в стоимости окатыша составляет дорога, – сказал Извольский. Куда идут эти деньги? Эти деньги идут губернатору, а губернатор дает их своему любимому Анастасу, а нас Анастас на эти деньги трахает! А потом дорога куда-нибудь провалится, потому что не ремонтируется, Горный на Канары свалит, а я останусь и без денег, и без рельса, и без дороги – Ахтарск тут, а Павлогорск там!

Извольский помолчал и вынул из верхнего ящика стола пластиковую папку с бумагами.

– Я договорился с Ревко, – сказал Извольский, – он учреждает государственное унитарное предприятие «Южсибпром». Для него скидки с тарифа составят до шестидесяти процентов. Всей черновой работой по организации перевозок займешься ты, Сережа.

Денис мысленно присвистнул. Бог с ним, с окатышем. Довезти, к примеру, экибастусский уголь до Черловской ГРЭС стоило сейчас, согласно тарифу, двенадцать долларов тонна. По ставкам Горного выходило около восьми долларов, по предполагаемым ставкам «Южсибпрома», – меньше пяти. Было ясно, что Горный вылетит с рынка, – а вместе с ним пострадает и губернатор, связанный с Афанасием Никитичем неясными, но теплыми финансовыми узами. А может быть, и не вылетит. Ведь новой компании даже не обязательно самой возить грузы, достаточно перепродавать свой пятидолларовый тариф тому же Горному по семь с половиной долларов…

– Мы, – сказал Извольский, – вложились в модернизацию ВПК, и Александр Феликсович Ревко обещал нам поддержку свою и президента. Для нас скидка на перевозки в пределах округа составит до восьмидесяти процентов. В обмен на фиксированные цены на наш рельс.

Вот теперь Денис понял. Это было открытое перераспределение финансовых потоков Южной Сибири от черловского губернатора в пользу полпреда Ревко.

– Все ясно? – сказал Извольский.

– Нет, не все, – ответил Денис. – Почему мы вышибаем Горного с рынка? Это его бизнес, и мы ему обязаны.

– Потому что Афанасий Горный и Константин Цой слишком дружат в последнее время, – ответил Извольский.

Денис оглянулся на Ахрозова: тот был удивлен и несколько встревожен. Как ни страдал он от цен Горного, это была явно не его идея. Последний кусочек головоломки лег на место. Теперь Денис понял, почему Сляб пытается уничтожить бизнес человека, который и привел его на ГОК. Да, это была красивая комбинация. Вертолеты в обмен на поддержку президента. Поддержка президента в обмен на железнодорожные перевозки.

Да, маленький фаворенок Анастас Анастасов рассчитал все очень хорошо. Зазвать Цоя на шахту им. Горького, пользуясь враждой Извольского с Цоем. Выманить у Извольского взятку за возвращение. Выманить у Извольского другую взятку за соседний разрез. Выманить новую взятку у Цоя…

Только вот не будет хозяин Ахтарского металлургического комбината Вячеслав Извольский играть по правилам Анастаса. Он сочинит собственные правила. Пусть Цой сидит на шахте – но по какой цене повезет Цой ворованный уголь с Белогурья, и повезет ли вообще? И что будет с прочими заводами Цоя в Южносибирском округе, *если на эти заводы нельзя будет ничего ни привезти, ни вывезти?*

У Цоя прекрасные отношения с губернатором. Он может захватить любое предприятие в области. Кроме одного – государственного унитарного предприятия «Южсибпром». Ну и пусть захватывает все, что угодно – «Южсибпром» отрежет захваченное от сырья, комплектующих и рынков сбыта.

Все было хорошо. Плохо было только одно. Извольский хотел поквитаться с Цоем. А месть – плохой советчик. Иначе бы эта операция была бы выверена до мельчайших деталей. Иначе бы еще два месяца назад Денис получил задание составить досье на Афанасия Горного…

На Дениса внезапно повеяло холодом. Они ввязались в рельсовую войну – а он, вице-президент холдинга и куратор

службы безопасности, узнает об этой войне уже после того, как она началась. И как началась, спрашивается? Пьяным скандалом со стрельбой в воздух.

Не самый лучший способ начинать войну с Константином Цоем.

* * *

Обыск в доме Панасоника в Павлогорске продолжался три часа. Голодные опера под шумок съели всю колбасу в холодильнике и конфисковали для домашнего просмотра несколько кассет из богатой порнографической видеотеки.

Ничего особо примечательно не нашли, если не считать семи тысяч долларов, заверченных в грязный конверт и брошенных в один из ящиков комода вместе с грязным бельем.

Судмедэксперт осмотрел то, что осталось от Панасоника, и установил, как и следовало ожидать, что мишка старался уже над мертвым телом. Смерть бандита произошла от двух девятимиллиметровых пуль, выпущенных в спину и в голову с близкого расстояния. Второй выстрел, согласно старому доброму обычаю, был контрольный. Стреляли люди, которых Панасоник хорошо знал: иначе он не пустил бы их в дом и не повернулся к ним спиной.

Незадолго до смерти Панасоник пил с этими людьми водку. После расправы товарищи предусмотрительно вымыли стаканы, из которых угощались, произвели в доме легкий обыск, и удалились, не добравшись до семи тысяч долларов.

– А ведь похоже, они искали не деньги, – задумчиво сказал Самарин, рассматривая грязный пакет с наличкой. – Дела у Панасоника были плохи, вряд ли у него было больше…

После этого Самарин велел позвать к себе двух сотрудников «наружки», которые пасли Панасоника вот уже неделю.

Сотрудники поднялись в разоренную гостиную спустя пять минут. Звали их Игорь Крупцов и Аркадий Висягин. Крупцов был низеньким и лысым, а Висягин был весь в каких-то красных пятнах.

– А скажи мне, – окликнул Самарин судмедэксперта, – когда ты, говоришь, убили нашего пассажира?

– С часу до четырех. Утра.

Самарин кивнул и зашелестел бумагами.

– А скажите мне, – спросил он сотрудников «наружки», – почему у вас в рапорте указано, что в два, три, четыре, а также пять, Леша Панасоник дрых в своем доме, когда он вовсе не дрых,

а мучительно помирал?

Крупцов и Висягин переглянулись.

– Да вы рассказывайте, – подбодрил их Самарин.

Крупцов и Висягин стали рассказывать.

Они пасли Лешу Панасоника с одиннадцати утра.

Панасоник выпростался из дому в полпервого, погрузился в джип и поехал в известную точку, – ресторан «Исток», принадлежавший коммерсанту Горному. Там Леша по кличке Панасоник отзавтракал с главой городского водоканала по кличке Минтай, – видимо, эти двое обсуждали насущные вопросы водоснабжения, а может, и вопросы политические, благо глава водоканала, в прошлом имевший две судимости, в настоящем возглавлял городскую организацию партии СПС.

Вдоволь наговорившись о политике и водоканале, Леша Панасоник направил свои стопы в спортзал, а оттуда – в гостиницу «Орленок», проходившую во всех милицейских ориентировках как гнездо Мансура.

Мансур тоже был в гостинице: их видели на террасе кафе вместе с Панасоником, и нельзя сказать, чтобы разговор этот был мирный. Закончился разговор тем, что Панасоник перемахнул через ограду, прыгнул в джип и поехал в заводоуправление Павлогорского ГОКа.

В заводоуправлении Панасоник пробыл четыре часа. Что он там делал, «наружка», натурально, не знала. Самарин позвонил охранникам в заводоуправлении. Те сказали, что Панасоник действительно приезжал и просился на прием к Ахрозову. Его пустили в предбанник, где он и просидел с шести до десяти. Он бы сидел и дольше, но пришла охрана и сказала, что рабочий день кончается, а Ахрозов сорок минут как уехал в аэропорт.

Домой Панасоник вернулся в одиннадцать вечера, – и по мере того, как Висягин и Крупцов приближались в своем отчете к этому моменту, глаза их становились все блудливее, а голоса – все тише.

По инструкции «наружка» должна была заехать в поселок и караулить Панасоника до упора, пока эстафету в девять утра не примет следующий экипаж.

Но Крупцов и Висягин решили схитрить. Как только в доме погас свет, парочка отвалила в кабак – попить пивка. Они собирались вернуться, но сладкая жизнь затянула ментов. В кабаке образовались несколько знакомых, кто из милиции, а кто и совсем наоборот. Началось веселье, жизнь заиграла яркими красками и пивной пеной. Расползлись к пяти утра: Крупцов и Висягин поехали к приятелю отсыпаться, а часам к девяти появились на точке и храбро отрапортовали, что подопечный их

спал у себя дома сном праведника, и что никто к нему не являлся.

В три часа восемнадцать минут обыск был прерван одним незначительным происшествием.

Около дома Панасоника остановился белый, как антарктический лед, «Мерседес», и из него выскочили два стокилограммовых бугая. Один из бугаев цыкнул на журналистов, слетевшихся к дому, как мухи к початой дыне, а другой почтительно отворил заднюю дверцу машины. Оттуда высадился пожилой человек в черной рубашке и с лицом морщинистым, как косточка от персика. Амбалы расчищали ему путь, как ликторы – римскому консулу. Это был ни кто иной, как босс Панасоника и главный бандит Павлогорска – Артем Мансуров по кличке Мансур.

Мансур вошел в дом и начал подниматься на второй этаж. Навстречу ему по лестнице менты волокли мертвого мишку. За мишкой спускался Самарин.

– Где Леша? – спросил Мансур.

Самарин приложил руки ко рту и заорал на весь дом:

– Гридин, покажи!

Мансур молча поднялся за лейтенантом Гридиным на второй этаж. Братки шли за ним след в след. Леша Панасоник по-прежнему лежал в постели. Рядом суетился эксперт. Крови было так много, что кое-где она не впиталась в простыни, а застыла багровыми лужицами, и лужицы эти сверкали, отражаясь в фотовспышках. Очень много крови вытекло из мишки.

Когда Мансур спускался обратно, он увидел, что начальник павлогорского РУБОП сидит в холле на кадке с пальмой и пьет пиво.

– Привет, Мансур, – сказал Самарин, – спасибо, что заехал. У меня к тебе вопрос.

– Ну?

– К тебе Панасоник вчера приезжал?

– Не помню.

– А «наружка» говорит, что заезжал. Он сначала по городу ездил, у Минтая деньги просил, а потом к тебе поехал.

– Зачем ему деньги-то собирать?

– А он тебе был должен, за партию героина. Ту, которую мы изъяли. В Доме Культуры. Вы о чем говорили?

– Ни о чем. Олежек, какой героин? Ты меня знаешь, я героином не торгую. И о Доме Культуры я впервые слышу.

– А у меня есть такие данные, что вы говорили о его проблемах. Он сказал, что это ты его втравил в драку с комбинатом. Ты сказал, что это проблемы Панасоника, а он ответил, что если ты ему не поможешь, он сдаст всю вашу гоп-

компанию.

– Это кто ж тебе, Олежек, так наврал? Нехорошо ментам врать, а вот поди ж – наврали.

Самарин поднял за хлястик мобильный телефон.

– Панасоник.

– Не понял.

– Панасоник от тебя поехал в заводоуправление. К Ахрозову. Просидел там четыре часа, Сережа его не принял. Он поехал домой. Позвонил мне. Он мне все это и выложил. Ну, я ему сказал, что мы поговорим. Сегодня.

– Жаль, – сказал Мансур, – что он уже не может эту хрень подтвердить.

– Ты не понял, Мансур. Мой телефон на контроле. Все звонки пишутся.

Когда Мансур вышел из дома, к нему на пороге подскочил корреспондент областного канала.

– Господин Мансуров, – сказал корреспондент, – вы кого-нибудь подозреваете в этом убийстве?

– Я никого не подозреваю, – сказал Мансур, – я только знаю, что у меня был друг Алексей Исханов. И что новоявленная служба безопасности Павлогорского ГОКа вкупе с городской милицией травили его последние несколько месяцев. Что они завели против Леши дела, что они подкидывали ему наркотики, арестовывали его, выселили из дома. И когда он не сдался, не пошел на компромисс со ставленниками олигархов в правоохранительных органов, он был застрелен.

Мансур повернулся от камеры и сел в машину. Оператор, повернувшись, долго снимал, как Мансур отъезжает от дома в сверкающем белом «Мерседесе».

* * *

Воскресенье приносит крупному российскому менеджеру массу приятных моментов. Вместо отглаженного пиджака можно надеть спортивный свитер, встречи из офиса перенести в ресторан или лобби отеля, а самое рабочий день закончить часам так к пяти-шести вместо одиннадцати вечера.

Не избежал всех этих мелких радостей жизни и Черяга: спустя два часа после разговора с Извольским, отдохнувший и посвежевший, он сидел в казино гостиницы «Кремлевская».

Здешнее казино было небольшим и вызывающе элитарным – ничего похожего на бесконечные, напоминающие сборочный конвейер столы какого-нибудь развлекательного комплекса

«Кристалл».

Игровых столов было всего три, сразу за ними располагался небольшой бар, а оттуда лесенка вела наверх, в VIP-зал. Денег постояльцы казино не считали, имея обыкновение оставлять в нем не меньше десяти тысяч зараз, а лишних посетителей не бывало уже потому, что за вход причиталась сотня баксов.

Черяга оказался в «Кремлевской» из-за зама генпрокурора, назначившего ему встречу в этом месте. Бывший сослуживец Черяги любил поиграть в рулетку и при случае всем рассказывал, как однажды выиграл в «Кремлевской» двести тысяч долларов. В другой раз он оставил там же семьсот пятьдесят тысяч.

Денис и чиновник обсудили все интересовавшие их дела, а потом зам. генпрокурора извинился и, подхватив тарелку с заказанными бараньими ребрышками, отбыл к зеленым столам. Черяга распорядился, чтобы его машину подали к выходу, и охранник отдал ему отложенный на время разговора мобильник. Мобильник немедленно начал орать.

– Какие люди!

Кто-то ударил Черягу по плечу и бесцеремонно плюхнулся рядом.

Черяга обернулся.

Человек, усевшийся в кресло, выглядел лет на сорок. У него было невысокое, поджарое тело, узко посаженные глаза и твердый подбородок скобкой. Черные волосы его были коротко стрижены, открывая две небольших ранних залысины на висках и смешно оттопыренные уши. При взгляде на эти узко посаженные глаза Денис всегда вспоминал, что у травоядных глаза расположены ближе к ушам, чтобы как можно лучше видеть все потенциальные источники опасности, а вот у хищников – ближе к носу, чтобы как можно лучше видеть хвост жертвы.

Человека, севшего рядом с Денисом, звали Степан Бельский – он был лидером одной из крупнейших российских преступных группировок и партнером Цоя.

Степан Дмитриевич Бельский был силен, хитер и везуч: он выжил в девять лет, заблудившись в сибирской тайге, побеждал во всех школьных драках, и уцелел в 1983-м, когда пилотируемый им МиГ развалился на части над афганскими горами от прямого попадания «стингера». Ему посмертно пожаловали Героя Советского Союза. Через девять месяцев покойник объявился в расположении части в белоснежной чалме, американской «М-1» за плечами, и с навыками, которым обычно не обучают летчиков.

В начале его криминальной карьеры новенькая «Девятка», в которой сидел он сам и трое пьяных членов его бригады, лоб в лоб столкнулась с «КамАЗом». Все, кто сидел в «Девятке»,

погибли на месте, кроме Бельского. Бельского выбросило через лобовое стекло в сугроб, и он отделался сломанной рукой.

Спустя полтора года рядом с его «БМВ», ехавшим за город, взорвалась дряхлая «Шестерка», набитая тротилом и железными шариками величиной с яйцо. Машину сопровождения смяло, как использованную прокладку. Бельский ехал на заднем сиденье, вместе с очередной женой, с которой он развелся через три года. По пути на дачу Бельский спустил с жены трусики, и они занялись любовью. Головы обоих оказались ниже спинки сиденья, и стальные шарики, пробив броню, пролетели над Бельским. Один разворотил плечо водителю, другой угодил в голову бойцу на переднем сиденье.

Через три дня, когда павших бойцов отпевали в церкви, возле паперти остановился старенький «Фольксваген», и из него вышел человек с чемоданчиком в руке. В чемоданчике лежал заряд тротила, способный разнести церковь на кирпичики. Человек находился в тридцати шагах от входа, когда радиовзрыватель сработал: видимо, от чужого пульта сигнализации.

Чудовищный план, который в случае удачи уничтожил бы всех, находившихся в церкви, должен был убедить Бельского, что покушение – дело рук сторонней организации: как раз в это время Бельский задрался с ореховскими. Поэтому после отпевания он поехал на квартиру Лехи Никодимова, своего ближайшего друга, который пять лет провел в тюрьме и, освободившись два месяца назад, был недоволен своей уменьшившейся ролью в группировке. Никодимов сказал:

– Надо поговорить. Только без ребят, потому что есть у меня впечатление, что кто-то из пацанов стучит.

Никодимов тоже, разумеется, был в церкви.

Они приехали в небольшую двухкомнатную квартиру Никодимова и прошли в маленькую кухню с круглым столом и розовенькими занавесками на окнах. На столе лежала папка с документами, тщательно перевязанная тесемками, а перед столом стояла тяжелая винтовая табуретка со стальной ножкой.

– Почитай это, – сказал Никодимов, – а я сейчас еще кое-что принесу.

Никодимов исчез в соседней комнате, а Степан сел на табуретку и принялся развязывать тесемки.

Как только он склонился над папкой, из соседней комнаты бесшумно появились двое: Леха Никодимов и его брат. Никодимов вынул топор и изо всей силы лезвием саданул по макушке Степана. Бельский рухнул лицом на стол, не издав ни звука. Брат Никодимова осторожно ткнул его ножом в шею, но Бельский не шевелился.

– Готов, – сказал Никодимов.

В ванной у них были припасены три полиэтиленовых мешка и топор. Никодимов с братом намеревались разделать Бельского на окорочка и схоронить где-нибудь ночью, а остальным членам группировки они бы сказали, что Бельский решил скрываться до конца боевых действий. Война с ореховскими позволила бы Никодимову вновь завоевать утраченное лидерство. Через два года о Бельском бы никто и не вспомнил.

В следующую секунду Бельский выпрямился. Под левой его рукой оказался небольшой переносной телевизор, который показывал шоу с собаками. Выпрямляясь, Бельский схватил телевизор и швырнул его в окно. Телевизор пробил стекло, сорвал занавески, и рухнул на проезжую часть в десяти метрах от дома, мало что не на крышу пасшей Бельского «наружки».

Затем Бельский встал и сгреб бывшую под ним табуретку. Это была винтовая табуретка с тяжелым стальным стволом, и весила она килограммов десять. Табуретка была уже вся липкая от крови, так как Бельский был без сознания почти полторы минуты. Бельский обернулся и увидел, что за ним на пороге кухни стоят Никодимов и его брат Николай. Глаза у обоих были круглые от ужаса и изумления. Леха Никодимов держал в руках топор, а брат трясущимися руками полез за пистолетом.

Бельский размахнулся и швырнул табуретку в Николая. Тяжелая стальная ножка пробила ему переносицу, и Николай умер на месте. Леха заорал и ударил Бельского топором. Степан поймал его руку, зажал под мышкой и переломил пополам. Никодимов упал на пол, а Бельский сел на него верхом и стал душить. Кровь заливала ему глаза, и он терял сознание.

– Врешь, – прошептал Никодимов, – ты сейчас подохнешь.

В эту минуту дверь в квартиру с шумом обрушилась, и внутрь ворвались трое оперативников, следивших за Степаном с утра. Как только из окна квартиры, которую они пасли, вылетел телевизор, оперативники поняли, что дело неладно.

На память об этом происшествии Степану Бельскому остался шрам, пересекавший голову от макушки и до затылка. Ему удалили часть мозга, и врачи с тревогой ожидали последствий. Однако рана никак не затронула умственных способностей хитрого и везучего бандита. Единственным ее следствием было то, что со времени этого ранения у Бельского больше никогда не болела голова.

Пока Степан лежал в больнице, бойцы Бельского перебили остатки мятежников, и первенства его больше никто не оспаривал. А еще очень скоро легендарное время перестрелок сошло на нет, все обзавелись десятками милицейских охранников

и перестали лично бить морды должникам.

Бельскому стало скучно.

Он просаживал огромные деньги в казино, катался на горных лыжах и увлекался затяжными прыжками с парашюта, но все это было не то. Скука не проходила.

Последняя из выходок Бельского окончилась бы жутким скандалом, стань о ней известно в прессе. Лидер одной из крупнейших российских группировок, прославившийся враждой со «зверями», бывший летчик, герой Советского Союза, взял на полное довольствие один из авиационных полков, воевавших в Чечне.

До Степана средний налет боевых летчиков в полку составлял десять часов в год; молодые парни метались в небе, как необученные жаворонки, сбрасывали бомбы куда придется и как-то даже не смогли разбомбить караван из сорока грузовиков.

Никто не знал достоверно, на каких именно условиях была оформлена эта добровольная помощь российской армии, поговаривали, что Бельский сам под чужим паспортом был приписан к полку и даже совершал боевые вылеты. Летчики начали нормально питаться; керосина вдруг появилось море, летчики выбирали прицельные объекты для бомбометания и однажды, в течение десяти минут, грамотно используя предоставленные кем-то данные разведки и аккуратно выполняя команды ведущего, – разнесли колонну боевиков, спешивших на выручку запертого в мешок Хаттаба.

После этого штабной генерал, выросший на пропагандистской работе, получил от Хаттаба шестьсот тысяч долларов и открыл боевикам коридор. Бельский, черный от грязи и загара, в оборванном летном комбинезоне, явился в штаб и стал разговаривать с генералом примерно тем же тоном, с которым он стал бы разговаривать с накосорезившим коммерсантом.

– Ты как со мной разговариваешь, капитан, – возмутился штабной генерал, – да я тебя… да ты у меня…

Бельский ласково взял генерала за шкирку и оторвал от пола.

– Я не капитан, я Степан Бельский, – сказал человек со звездочками капитана ВВС, – а ты покойник, понял?

Скандал был оглушительный. Бельский вылетел из Чечни, а генерал – из армии. Одна из крупнейших российских финансовых групп вздохнула с облегчением – Константину Цою вовсе не улыбалось лишиться своего партнера и друга. Мирил Бельского и генерала один из заместителей администрации президента.

После этого Бельского захватила новая идея: он стал водить дружбу с молодыми конструкторами и летчиками-испытателями, упросил Цоя отдать ему Черловский авиазавод и стал всерьез

финансировать разработки истребителя пятого поколения. НИИ Приборостроения получил от него пятнадцать миллионов долларов на доработку активной фазированной решетки, ЛИИ им. Громова – бесплатное авиационное топливо, Московский авиационный институт – стипендии для лучших студентов. Ради самолетов Бельский был готов даже договариваться с Цоем об уменьшении своей доли в общем бизнесе группы «Сибирь».

Бельский с Черягой познакомились достаточно случайно, – их представили друг другу общие друзья на каком-то австрийском горнолыжном курорте. Денис и Степан употребили на двоих шесть литров пива и успели за пивом обсудить все на свете, начиная от качества австрийских сосисок и кончая охотой на кабана. Не говорили они только о бизнесе – своего хозяина и своего партнера. Денис был приятно поражен холодным здравомыслием Бельского, а Степан высказался в том смысле, что «мусор, он, конечно, всегда мусор, а так приличный парень».

Бельский часто появлялся в казино, благо «Кремлевская» вся, начиная лощеным швейцаром в подъезде и кончая последней кухонной девкой, принадлежала ему. Но сейчас он видимо пренебрег игрой и бесцеремонно шлепнулся в кресло рядом с Черягой.

– Что там у вас стряслось с Альбиносом? – спросил Бельский.

– Ничего, – ответил Денис.

Он меньше всего хотел, чтобы Бельский взялся посредничать в конфликте с Цоем. Посредничество Бельского стоило обычно половину бизнеса.

– А что такое шахта имени Горького?

– А… это… Дерьмо собачье… – сказал Денис. – Убыточное производство. Нам там обломился небольшой пакет акций, мы поглядели, поняли, что прогорим, и съехали оттуда. Не знаю, зачем Альбинос его взял. Надеюсь, ты не в доле? А то это все равно что прииски в Якутии покупать. Бельский сморгнул.

Покупка золотого прииска «Лихоборский» в республике Якутия-Саха была одной из самых неудачных операций группы Цоя. Во-первых, в борьбу за прииск неожиданно вмешалась куча народу, и группе – редчайший случай в истории российской приватизации – пришлось выложить за прииск довольно солидную сумму. Был 1994 год, денег тогда у группы было меньше, чем сейчас, и в целом их можно было истратить с большей пользой. Во-вторых, цена золота на мировом рынке вскоре упала, расчетную окупаемость пришлось пересмотреть, и прииск из рентабельного превратился в убыточный. В-третьих, когда группа явилась в Якутию, ее на прииске встретили местные бандиты, разбираться с которыми пришлось Бельскому. Бельский

потратил кучу денег и людей, разобрался, – и тут оказалось, что разработка месторождения все равно нерентабельна, и ему пришлось бесславно убраться из Якутии, как Наполеону из России, оставив завезенную технику местным морозам, оленям и бандитам.

Рассказывали, что прииск в Якутии был куплен именно по настоянию Бельского, который в силу своего бандитского происхождения в производстве тогда не рубил, зато знал, что золото – это вещь. После этого между Бельским, Цоем, и еще одним южнокорейским партнером состоялся продолжительный разговор, вследствие которого Степан Дмитриевич Бельский больше никогда никаких самостоятельных решений о покупке и продаже промышленных владений группы не принимал.

При упоминании Якутии по скулам Бельского заходили желваки, он насупился и сказал:

– А я слыхал, что дело было по-другому.

Денис вопросительно поднял брови.

– Я слыхал, – сказал Бельский, – что у вас там был контрольный пакет, ну, часть пакета была записана на вашу тамошнюю крышу, и когда Альбинос увидел, что вы устроили с шахтой, он был такой злой, что крыша ваша залетела в СИЗО.

Эти слова Денису до крайности не понравились. Одно дело – спереть у соседа тряпку, о которую на дворе ноги вытирали. Тряпку, конечно, жалко, но можно как-то перетерпеть. А вот если при этом ходить и рассказывать, что ты не тряпку у дверей спер, а вломился в квартиру и гробанул сейф с фамильными бриллиантами…

– Рылом Царандой не вышел, чтобы крышу держать АМК, – ответил Денис, – это все равно что сказать, что ваша крыша живет в Якутии. Нам от этой шахты были одни убытки…

– А что ж вы за нее деньги просили?

– А что ж мы, дураки даром отдавать, если можно за деньги впарить?

– Привет, Денис!

Денис оглянулся. Сзади, в шикарном свитере от Кензо и мягких вельветовых брюках, стоял полпред Ревко.

– Видел я ваш вертолет, – сказал Ревко, – мечта, а не вертолет! Будь у нас десять лет назад такие, мы бы Афган как муху придавили!

Денис и Бельский встали.

– Вы знакомы? – спросил Денис.

Полпред усмехнулся.

– Мы со Степаном в прошлом году охотились. Степан-то на спор промазал, а я трех уточек влет подстрелил. Я ему и говорю:

«Это, парень, тебе не в темном подъезде из пистолета в затылок стрелять, тут навык нужен».

Лицо Бельского осталось совершенно невозмутимым. Госчиновник оскорблял его, и оскорблял намеренно. Степан давно уже ни в кого не стрелял из пистолета, разве что в Чечне – но и там дело наверняка происходило не в подъездах, ибо чеченские подъезды давно пали жертвой антитеррористической операции. В любом случае напоминание о собственном генезисе хозяину «Кремлевской» было так же неприятно, как было бы неприятно светлейшему князю Медичи напоминание о том, что три золотые шара на его гербе суть ни что иное, как тючки с шерстью, перевозившиеся предками из Милана во Флоренцию.

– Я не чекист, – ответил Бельский, – не люблю охотиться на тех, кто не может стрелять в ответ.

– А что твой «Сапсан», он будет на выставке?

– Обязательно.

– А я слыхал, что он у тебя еще ни разу не взлетел.

– Я сам на нем летал.

– Не боишься? Говорят, эта ваша этажерка в каждом полете ломается.

– Лучше погибнуть в небе, чем жить в канаве, – ответил Бельский.

Полпред обернулся к Денису.

– Пойдем, Денис Федорович, у меня есть к тебе предложение. И, не дожидаясь ответа, зашагал к выходу из казино, туда, где в длинном холле располагался один из лучших московских японских ресторанов. Денис повернулся и пошел за полпредом.

– Зря вы так, – сказал Денис.

Полпред помолчал. А потом вдруг сказал вполголоса:

– Степан Бельский – убийца, преступник и негодяй. Таким, как он, не будет места в новой России.

Бельский задумчиво глядел им вслед. На свете было много дичи повкусней АМК, и ему категорически не нравилась драка между Цоем и Извольским. Он подсел к Денису, чтобы предложить ему переговоры. Но после слов о Якутии предложение мира было бы воспринято как проявление слабости. Ни за что и ни при каких обстоятельствах Бельский не хотел, чтобы его заподозрили в слабости.

Глава вторая, в которой президент России одобряет план модернизации российских вертолетов, а Константин Цой предлагает Извольскому выкупить шахту за 50 млн. дол

Военно-техническая выставка «Небо Сибири» длилась уже третий день, а президент России прилетел на нее только 30 июня.

В этот же день на выставку прилетел на личном самолете Вячеслав Извольский. Ирина осталась в Москве, вместе с дочкой, а с Извольским зато прилетела его двадцатилетняя сестренка, Майя. Майя училась за границей и по-русски говорила с забавным гортанным акцентом: в Сибирь она приехала первый раз за последние десять лет.

Выставка проходила на военном аэродроме неподалеку от Черловска, куда со всей России серийные заводы и КБ притащили все, что летает и умеет при том стрелять.

На выставке было представлено около двадцати трех разработок, но бесспорными лидерами показа были две: оперативно-тактический ракетный комплекс «Искандер», разработка коломенского бюро машиностроения, дальность полета – двести восемьдесят километров, точность попадания – до полуметра, и вертолет Ми-28МХ, модернизированный, с кларолловым покрытием и новым бортовым навигационным комплексом, разработанным КБ «Русская авионика», производство Конгарского вертолетного завода.

Третьей новинкой на выставке обещал стать «МиГ-1-48 „Сапсан“, совместная разработка Черловского авиазавода и ОКБ „Русское небо“.

Формально и та и другая фирма принадлежали группе «Сибирь», однако в узких кругах шептались, что все разработки ведутся по прямому приказу Степана Бельского.

«МиГ-1-48» был крайне амбициозным проектом. Он был задуман как боевая платформа пятого поколения: за счет нового двухконтурного двигателя Чепкина самолет был способен лететь со сверхзвуковой скоростью без форсажа, а управляемый вектор тяги позволял совершать маневры на закритических углах атаки.

Как и большинство МиГов, «МиГ-1-48 „Сапсан“ принадлежал к семейству легких истребителей: взлетный его вес без дополнительных баков составлял двадцать две тонны, однако дальность полета была довольно внушительной для легкой

машины – три тысячи пятьсот километров. Словом, философия, заложенная в эту машину, была полной противоположностью конгарской модернизированной вертушке. Пытались создать не старую дешевую машину для третьих стран, а принципиально новый – и дорогой – истребитель.

Однако именно из-за амбициозности проекта МиГ был даже не сырой, а очень сырой машиной. Один только опытный образец стоил восемнадцать миллионов долларов, но существовал пока в единственном экземпляре, без авионики, без привязки к вооружению, без опознавательной системы «свой-чужой». Злые языки болтали, что это всего лишь дюралюминиевый макет, который и летать-то не может. Это была неправда: самолет поднимался в воздух около пятидесяти раз. Но он ни разу не был испытан по полной программе, а попытка испытать его поведение при выходе на закритические углы атаки кончилась злым плоским штопором, отказом одного из двигателей и тяжелой посадкой: шеф-пилот ЧАЗа, Михаил Рубцов, чудом посадил плохо управляемую машину на «малой тяге», – считай, и вовсе с заглохшим движком.

Все это были проблемы более чем преодолимые, рутинные, в сущности, – однако лет двадцать назад ни одно конструкторское бюро и не вздумало бы демонстрировать подобный полуфабрикат начальству. На авиашоу «Сапсан» прилетел по прямому распоряжению Бельского, и вышло нехорошо.

Как уже говорилось, на машине стоял принципально новый двигатель ЛА-605, и нельзя сказать, чтобы двигатель был полностью отработан. В частности, при определенных, критических углах атаки возникал срыв потока во входной канал и происходил помпаж воздухозаборника, за которым следовал помпаж двигателя. Температура газов за секунду могла возрасти от ста пятидесяти до двухсот пятидесяти градусов.

На сверхзвуковых скоростях (а у «Сапсана» сверхзвуковой являлась даже крейсерская скорость), картина менялась к худшему. При махе свыше двух с половиной и приборной скорости выше тысячи трехсот километров, помпаж воздухозаборника оказывался несимметричным, и самолет тут же срывался в плоский штопор с большими углами скольжения и угловой скоростью до трехсот градусов в секунду.

Это было явление понятное, проанализированное, и в принципе в ОКБ знали, как с ним бороться: на самолете два месяца назад установили противопомпажную систему и убрали из входного канала все датчики, которые могли вызвать искривление воздушного потока.

Последние пятнадцать полетов двигатель никаких нареканий

не вызывал, и вот – при коротком, штатном перелете до выставки, на небольшой для «МиГа-1-48» скорости в полтора маха и в двадцати километрах от аэродрома случилась вибрация, а затем – помпаж. Михаил Рубцов, шеф-пилот ОКБ, выключил двигатель на высоте десять километров и запустил его вновь, когда машина потеряла полтора километра высоты.

Дальнейший полет и посадка прошли без особых проблем. Машину тут же осмотрели от закрылков и до шасси, и вроде бы обнаружили причину сбоя: забоину на лопатке компрессора. Забоина была небольшая, несколько миллиметров в диаметре. Видимо, взлетно-посадочная полоса на заводе была почищена кое-как, и при взлете какой-то камешек, поднятый воздухом, был затянут в компрессор.

Источник неприятностей был найден. Забоину зачистили, МиГ заправили и подготовили к вылету. Однако Миша Рубцов неожиданно уперся.

– МиГ не полетит. А вдруг мы его потеряем? А если человека угробим?

Степан был в ярости. Довод «человека угробим» на него явно не действовал. За свою жизнь он угробил гораздо больше человек, чем погибло на испытаниях всех машин фирмы Микояна.

– То есть как это не полетит? – орал Бельский. – Мы зачем сюда прилетели? Чтобы стоять, как трамвай?

Михаил Рубцов пожал плечами.

– Степан Дмитриевич, – сказал он, – я не могу ручаться, что помпаж произошел от дефекта лопатки компрессора. Самолет нуждается в более тщательном осмотре.

Мнения, как всегда, разделились. Одни – в их числе Яша Ященко, гендиректор ОКБ «Русское небо», и шеф-пилот, доказывали, что лететь нельзя, и что лучше тихо постоять, чем громко хлопнуться. Другие – и в их числе Степан Бельский и гендиректор ЧАЗа, доказывали, что если машина сегодня не полетит, злые языки конкурентов утопят ее в дерьме.

– Ну хоть «блинчиком»[4] слетай, – умолял гендиректор.

Точку в споре поставил Миша Рубцов.

– Я на этой машине не полечу, – сказал он, – и Коля не полетит. А больше лететь некому.

И вот теперь единственный в России истребитель-перехватчик пятого поколения тихо пылился на рулежке, а героем дня был «Ми-28МХ». Президент провел у вертолета около двадцати минут.

Главные пояснения давал Извольский.

– В принципе, это не новый вертолет, – сказал Извольский. – Это модернизированный вертолет. Вся проблема заключается в том, что новый вертолет стоит до семи миллионов долларов, и с

новым вертолетом мы начинаем проигрывать американским «Апачам». А наша модернизация стоит чуть больше миллиона, и за эти деньги любая страна, у которой уже есть «Ми-28» или «Ми-35», превращает свое старье в абсолютно современную боевую машину. Да, она проигрывает «Апачу», но два таких вертолета загонят в угол любой «Апач», а стоит она не в два, а в семь раз дешевле американца.

Как только президент остановился около вертолета, вокруг него немедленно образовалась целая толпа из генералов, губернаторов и просто праздной публики.

Майю оттерли от брата. Она потихоньку выбралась из толпы и отправилась бродить. Оружие, представленное на выставке, ее не интересовало совершенно. Все эти «Искандеры» и МиГи, что, он в сущности? Игрушки крутых правительств, как «Мерседесы» и «Крузеры» – игрушки крутых мужчин.

Было забавно думать, что две тысячи лет назад война приносила деньги. А сейчас любая война деньги только истребляла.

За грозной техникой обнаружилась рулежка с палатками. В палатках продавали кока-колу и хотдоги. А за палатками – выгоревшая трава, почти такая же, как в Техасе, и коровьи лепешки посереди травы. Видимо, в будние дни на аэродроме пасли коров. Сегодня вход на аэродром был по пропускам, а у коров пропусков не было.

– Сколько сейчас в мире летает «Милей»? – спросил меж тем президент.

– Пятнадцать тысяч, – ответил Ревко, – половина в России, половина в странах третьего мира.

– Сколько денег вы вложили в разработку?

– Около десяти миллионов, – ответил Извольский, – но мы не рассматривали это только как коммерческий проект. Мы рассматривали программу дешевой и эффективной модернизации вертолетов фирмы «Миль» как геополитический проект, который поможет России вернуть свое влияние на ряд прежде подконтрольных ей стран.

Извольский подумал и добавил:

– Разумеется, при условии, что завод получит право самостоятельного экспорта. Это ведь будут штучные, разовые заказы, а «Рособоронэкспорт» с такими заказами работает неохотно.

У стоявшего тут же рядом Андрея Беклеминова, начальника «Рособоронэкспорта», вытянулось лицо. Уж Беклеминов-то отлично знал, сколько и каких вертолетов в свое время продавал Александр Ревко, впрочем, имевший тогда левый югославский

паспорт. Программа была явно разработана под непосредственным патронажем Ревко, наверняка и деньги ему пойдут, а «Рособоронэкпорту», официальному общаку всех экспортных оборонных потоков, не достанется ни цента…

Президент повернулся к Ревко.

– Ну что, Александр Феликсович, – сказал президент, – вам, кажется, специфика эта знакома? Помогите металлургам с экспортом…

Два военных атташе, оба с азиатско-тихоокеанского региона, внимательно прислушивались к диалогу. На вертолет они глядели тем же взглядом, которым подвыпивший посетитель кабака смотрит на стриптизершу. По лицам их было видно, что они уже прикидывают, как и где договариваться с южносибирским полпредом.

– Не уверен, что эта машина так хороша, – сказал Беклеминов.

Военные атташе мгновенно развернулись в его сторону. К достоинствам машины фраза главы «Рособоронэкспорта» отношения не имела. Значила она совсем другое: «Смотрите, ребята, если вы купите этот вертолет, как бы у вас не образовались трудности с покупкой другой российской техники».

– А мы сейчас проверим, – отозвался президент. И, обернувшись к летчику, стоявшему тут же рядом, спросил:

– Простите, вас как по отчеству?

– Михаил Альбертович, – ответил тот.

– Прокатимся, Михаил Альбертович?

* * *

Степан Бельский стоял у шасси неподвижного МиГа и смотрел на кружащий в небе вертолет. Он слишком хорошо понимал, что происходит.

Полпред Александр Ревко при советской власти профессионально торговал оружием; говорили, что только в Африку он поставил около трех десятков МиГов и устроил на полученные деньги парочку прокоммунистических переворотов. Если Ревко вместе с Извольским рассыпается в похвалах вертолету – значит, Ревко надеется, что прибыль от экспорта пойдет на содержание аппарата полпреда.

Это была косвенная взятка Извольского – полпреду. А президент, кружащийся в воздухе, повышал стоимость этой взятки стократно, потому что завтра фотография нового русского вертолета с русским президентом на борту пройдет по всем

российским и зарубежным новостям и ляжет на стол всех диктаторов и эмиров, закупивших в свое время МИ. И взятка эта была душеполезна и социально-значима, ибо президент наглядно демонстрировал, какого рода услуги новая российская государственность готова принимать от олигархов, – и как она готова за них благодарить. Десять минут президентского полета сберегали АМК десятки миллионов долларов, затраченных на рекламу новой техники.

Вертолет опустился на землю, и охранники бросились к нему, как цыплята – к наседке. Извольский и Ревко подошли следом.

Президент выпрыгнул из вертолета на бетонную площадку, поправил волосы и оглянулся на белоснежный самолет с лебединым изогнутым фюзеляжем, одиноко стоявший в семидесяти метрах.

– А это что? – спросил президент.

– «МиГ-1-48 „Сапсан“, – сказал Ревко. – Это кусок фанеры, под который очаковская преступная группировка и группа „Сибирь“ хотели бы получить миллиарда полтора долларов из военного бюджета.

Черловский губернатор начал что-то возражать. Лет пять назад губернатор умел неплохо говорить с толпой. Говорить связно он не умел никогда, и сейчас его возражения в основном сводились к тому, что группа «Сибирь» отреставрировала в Черловске церковь и построила в ста пятидесяти километрах отсюда замечательную горнолыжную трассу, которую президенту очень неплохо было бы посетить. Президент слушал его минут пять, а потом тихо спросил:

– Михаил Силыч, кажется, близ этой трассы… тоже есть вертолетный завод? Вишерский, если мне не изменяет память?

Память президенту не изменяла: завод действительно был, что губернатор и подтвердил.

– Вячеслав Аркадьевич, сколько сейчас средняя зарплата на Конгарском вертолетном?

– Пять тысяч рублей, – ответил Извольский.

– А на Вишерском вертолетном?

– Семьсот рублей в месяц, – ответил за губернатора Ревко, – последний раз ее платили полтора года назад.

– Почему бы вам, Вячеслав Аркадьевич, не купить Вишерский завод?

– К сожалению, – сказал Извольский, – политика области такова, что мы вынуждены тратить деньги не на создание рабочих мест, а на поддержку тунеядцев.

– Например?

– Окатыш, который потребляет мой завод, делают на

Павлогорском ГОКе в двухстах километрах отсюда. Мы купили это предприятие, когда оно лежало в развалинах. Задолженность по зарплате была восемь месяцев, из тридцати шаровых мельниц работала одна. Сейчас мы выплатили всю зарплату и все налоги. Мы возим окатыш по железной дороге, однако из-за посредников сто восемьдесят километров пути от Павлогорска до Ахтарска стоит нам столько же, сколько тариф от Ахтарска до Владивостока.

– Что вы предлагаете? – спросил президент.

– Я предлагаю, чтобы перевозки в пределах Южносибирского федерального округа контролировало государственное унитарное предприятие, – сказал Извольский, – это может быть то же самое предприятие, которые получит право на эксклюзивные поставки модернизированных вертолетов.

Президент протянул Ревко руку, и тот молча вложил в нее проект президентского указа.

Президент пробежал по проекту глазами, один раз и второй. Президент привык очень внимательно читать представляемые ему бумаги. Потом президент вынул ручку и поставил на документе свою подпись.

– Ну что же, – сказал президент, – я, наверное, заеду в Вишеры. Когда Вячеслав Аркадьевич купит завод.

Пока Извольский говорил с президентом, Денис остался стоять в стороне, обсуждая с президентской охраной достоинства нового вертолета.

– Поздравляю, – раздался за его спиной спокойный, чуть хрипловатый голос.

Денис обернулся: в двух шагах за ним, подчеркнуто далеко держать от президентской свиты, стоял Константин Цой. Рядом с Цоем стояла его певичка, хорошенькая, как статуэтка, с надменным белоснежным личиком, заполонившим цветные журналы и телеэкран. Чуть поодаль улыбался Фаттах Олжымбаев.

– Говорят, вы придумали для этого вертолета какую-то новую броню?

– Это просто пленка. Называется «Кларол». Выдерживает, как кевлар, автоматную очередь, но стоит в девять раз дешевле.

– Замечательно. Не продадите ли мне – «Чайку» оклеить?

– Отчего ж, – сказал Денис, – продадим. Даже скидку сделаем.

Девушка вдруг прыснула и засмеялась, показывая белые, как пенопласт, зубки.

– Ты учти, – сказал Цой, – что если эта шахта так уж нужна Славе, то он может ее выкупить. Миллионов за пятьдесят.

– Шахта, Константин Кимович, не заложник, чтобы выкупать

ее у воров.

Что хотел ответить Цой, Денис так и не услышал, – слова олигарха заглушил грохот авиационного двигателя.

Президентская охрана обернулась. «МиГ-1-48 „Сапсан“ с громом катился по бетонным плитам. Из дюз взлетающего самолета били полутораметровые языки пламени. Машина легко оторвалась от земли и прямо с полосы ушла на мертвую петлю.

Летчик сделал две петли, пошел вверх, а затем сбросил скорость и на мговение как бы завис. Потом он начал опускаться на хвост, проскользил около двухсот метров, перевернулся носом вниз и продолжил скольжение: это был так называемый «колокол», – эффектная, но достаточно бесполезная в реальном бою фигура.

– Все-таки эта штука не из фанеры, Александр Феликсович, – спокойно заметил президент.

– Я не знаю, из фанеры она или из картона, но шеф-пилот и генеральный конструктор запретили показательный полет, – сказал Ревко.

– Кто пилотирует машину? – спросил главком ВВС.

Ответ был получен через несколько секунд по мобильному.

– Степан Бельский, – ответили главкому.

Из косой петли самолет ушел в вираж и сделал переворот на горке. Профессионалу было заметно, что летчик выполнял фигуры не совсем четко, иногда подводя самолет к критическим углам атаки, но это искупалось стремительностью переходов от элемента к элементу и непривычно высокой для показательного полета скоростью.

Прямо над взлетной полосой Степан сделал три бочки, перевернулся через крыло и начал выполнять так называемую «кадушку» – ту же бочку с одновременным сбросом скорости.

Несмотря на то, что самолет был заправлен и готов к вылету, Бельский грубо нарушил весь распорядок авиашоу и прямой запрет шеф-пилота.

Бельский лично поднимал «МиГ-1-48» в воздух около семнадцати раз, но он был не летчиком-испытателем, а бывшим строевым летчиком, хотя бы и с большим налетом; наконец, ему было тридцать восемь, у него был больной позвоночник и за последний год он провел в воздухе не больше тридцати часов.

Все это было не самое страшное, – в конце концов, налет у Бельского был в три раза выше, чем у многих строевых летчиков.

Самым страшным было то, что опытный шеф-пилот, чувствующий машину тем, что у летчиков называется «жопометр», был прав, а Бельский ошибался. Вибрация двигателя была вызвана не забоиной на лопатке воздухозаборника. Она была

вызвана скрытым заводским дефектом одной из лопаток турбин левого двигателя.

Стендовые испытания не выявили дефекта, но после продолжительных нагрузок в композитном сплаве лопатки была нарушена структура слоев. Это был производственный брак, не поддающийся визуальной диагностике: при утреннем осмотре самолета его не заметили и не могли заметить.

В самой верхней точке «кадушки», когда сбрасывающий скорость самолет летел фонарем вниз, дефектная лопатка турбины не выдержала. Она разлетелась на куски, и один из кусков пробил топливопровод высокого давления.

Бельский почувствовал, как самолет затрясло, словно при попадании «Стингера». «Вибрация двигателя, – сказал в наушниках нежный женский голос. – Повышение температуры. Рекомендуется остановка левого двигателя».

Бельский хладнокровно поставил РУД левого двигателя на ноль.

Самолет завалился на нос и начал отвесно пикировать вниз. Земля приближалась со скоростью двести метров в секунду. Высота самолета в верхней точке «кадушки» составляла полтора километра.

Бельский был не столь опытным пилотом, как Михаил Рубцов или Коля Свисский, – готовившийся для показательных выступлений летчик фирмы. Но у него было одно преимущество: Степан Бельский имел железные нервы, был умен и сохранял полнейшую ясность рассудка при любой смертельной опасности.

В эфире и на аэродроме стояла мертвая тишина. Глава всех присутствующих – начиная от президента и кончая охранником на воротах – были обращены к отвесно валящемуся самолету. За самолетом тянулся белый дымный шлейф, похожий на газовый шарф.

Бельский отдал ручку правого двигателя от себя, увеличивая скорость, но одновременно повышая управляемость. Большинство летчиков на месте Бельского долго думало бы над подобным маневром: чтоб увеличить скорость самолета, а не сбросить – человеку требовалось психологически пересилить себя и преодолеть страх от несущейся навстречу земли.

Бельскому на принятие единственно верного решения потребовалось меньше десятой доли секунды.

В трехстах метрах над полосой нос самолета пошел вверх.

В ста пятидесяти метрах самолет начал набирать горизонтальную скорость, по-прежнему продолжая терять высоту.

На аэродроме не шевелилось и не двигалось ничего, кроме стремительно падающей машины. Денис на секунду отвел глаза и

заметил, как ногти стоящей рядом певички царапают чье-то плечо. Кажется, это было плечо Олжымбаева.

«Сапсан» промчался в полутора метрах над полосой, задрав нос на тринадцать градусов и нелепо завалившись правым боком вверх. За правым двигателем стлался по бетону гигантский вал взметенной степной пыли. От грохота у всех присутствующих заложило уши. Генеральный конструктор ОКБ Ященко стряхнул какие-то капли, попавшие ему на лицо, машинально слизнул одну из капель языком – и сел прямо на бетон.

Только тогда, когда самолет ушел вверх, все перевели дух, и эфир снова ожил.

– Тридцать третий, срочно на посадку, – раздался в наушниках Степана голос с КДП.

В этот миг на топливомере замигала желтая лампочка, выскочила цифра остатка «500 кг – 0».

– Тридцать третий, за вами белый хвост, – сказал диспетчер.

– У меня уходит топливо, – ответил Степан.

Отлетевшая лопатка турбины пробила топливопровод высокого давления. Теперь самолет с одним замолчавшим двигателем терял около полутонны горючего в минуту.

Демонстрационный полет продолжается обычно не больше пяти минут, и в «Сапсан» закачали всего три тонны горючего. Остановка левого двигателя и разрыв трубопровода произошли в самом конце полета, Степану оставалось только выйти из «кадушки», развернуться и сесть. Аварийный остаток топлива для «Сапсана» составлял полторы тонны.

– Катапультируйся, – закричал руководитель полета. – Это приказ!

– Никто не смеет мне приказывать, – ответил Степан и вырубил радиосвязь.

Степан заложил над аэродромом крутой вираж. Он понимал, что топливо может кончиться в любой момент, и что единственный его шанс сохранить машину – это посадка с глубокого разворота. Именно так он сажал свой МиГ в Афганистане, чтобы не попасть под «стингеры» моджахедов.

О том, что будет, если лидер очаковской преступной группировки угробит восемнадцатимиллионнодолларовый самолет на глазах президента, главкома ВВС, десятка губернаторов и парочки злейших конкурентов группы «Сибирь», Бельский не думал. Ему было некогда.

Степан хорошо помнил полосу, на которую садился. В двадцати метрах от полосы начинался забор из бетонных столбов, перемкнутых между собой досками. За столбами была канава, потом шоссе, и сразу за шоссе – какой-то двухэтажный сарай

времен очаковских и покоренья Крыма. В пятидесяти метрах от сарая стояли три огромных сосны, а дальше начиналась зеленая и высокая тайга.

На «МиГ-1-48 „Сапсан“, как и на американском F-22, единственном летающем самолете пятого поколения, – а равно как и на всех самолетах четвертого поколения, – посадка с неработающими двигателями была в принципе не предусмотрена.

Все гидравлические системы, управляющие самолетом, за исключением шасси, работали за счет вращения основной турбины. Момент движения от двухконтурного двигателя Чепкина передавался на малую турбинку, приводящую в движение гидравлику. Степан понимал, что как только обороты двигателя встанут на ноль, то гидравлика будет работать только за счет авторотации: а это всего несколько секунд.

Единственное, что могло ему помочь после отказа двигателя – это плавная, почти миллиметровая работа ручкой, экономившая ресурс гидросистемы.

Под крылом самолета летел зеленый треугольник тайги, и под косым углом тайгу пересекало синее небо.

Степан включил аварийный выпуск шасси.

Шасси выходило тридцать секунд, и эти секунды показались Степану вечностью.

Шасси вышло, – и тут же правый двигатель встал. Роль смазки в автоматике двигателя Чепкина выполняло само топливо, и самолетный двигатель, остановившийся из-за нехватки горючего, превращался в то же, во что превращается автомобильный двигатель, остановившийся из-за вытекшего масла. Вертикальная скорость самолета составляла около пятнадцати метров в секунду.

Верхушки деревьев внизу притягивали самолет, как магнит – железо. Земля молчала. Если бы рядом с самолетом летели ангелы, Степан слышал бы шорох их крыльев.

Ласково, осторожно касаясь ручки, Степан начал выравнивание самолета. Вертикальная скорость упала до десяти метров в секунду.

Тайга кончилась, впереди лежала взлетно-посадочная полоса, окаймленная выгоревшей на солнце травой. В траве ослепительно желтым сверкали ромашки. Перед полосой был бетонный забор и три одиноко стоящие сосны. Стволы сосен были розовыми, как кожица новорожденного ребенка.

Самолет пронесся над верхушками сосен. Степан почувствовал легкий удар, но сумел удержать машину.

Машина перетянула через сарай, и на высоте четыре метра гидравлика отказала. Ручка управления стала колом, и машина

рухнула вниз с вертикальной скоростью около полутора метров в секунду, разминувшись на сорок сантиметров с бетонным забором.

Самолет выскочил на посадочную полосу с отказавшими тормозами, неработающим реверсом и скоростью порядка трехсот семидесяти километров в час. «Сапсан» несся по бетону, как салазки – по льду. Степан хладнокровно выждал, пока скорость машины упала на сотню километров, и только тогда выпустил тормозной парашют. Это была частая ошибка запаниковавших летчиков, садившихся на слишком большой скорости – тут же выпускать тормозной парашют, забыв, что на скорости свыше двухсот восьмидесяти его тут же оторвет к чертовой матери и самолет уйдет за пределы полосы.

Самолет проскользил по полосе три километра и замер в сотне метров от ее конца. Весь полет – от момента отказа левого двигателя и до посадки – продолжался полторы минуты.

Бельский открыл колпак и вылез из кабины. Небо, в котором он чуть не остался навсегда, было голубым, как глаза его матери, и воздух вокруг пах жизнью и лесом. От дальней полосы к самолету катились несколько машин, и за ними бежали крошечные фигурки людей.

Двигатели самолета были непоправимы испорчены, по крайней мере правый, остановившийся за несколько секунд до посадки. Хрен с ними, с двигателями. Машина была цела.

У взлетной полосы стояла девушка с коротко стрижеными белокурыми волосами и держала в руках букет васильков. Степан сделал несколько шагов, и девушка шагнула ему навстречу.

– О господи, – сказала девушка, Я… я так испугалась! Ведь было неслышно, как вы летели! То есть обычно… они летят громче…

– А шума никакого не было, – сказал Степан, – я летел бесшумно. Как ангел.

– А если бы самолет взорвался? – спросила девушка.

– О. Даже если бы мой самолет взорвался в воздухе, вряд ли бы я попал на небо.

Он забрал у девушки букет васильков, сунул лицо в цветы и долго их нюхал.

Когда Степан поднял голову, он увидел, что к самолету подъехали несколько машин. Из одной выскочил его правая рука, Кирилл, вместе с Орловым и Ященко, а из другой, к великому изумлению Степана – Извольский. Следующей подлетел «Мерс» с президентской охраной, – лысая резина заставила машину прокатиться при торможении лишний десяток метров. Из «Мерса» выскочил начальник президентской охраны. От возмущения он

ничего не мог сказать, только крякал. Кирилл с пацанами кинулся к Степану, а Извольский – к девушке.

– Майя, – сказал Извольский, – ты не…

– Все в порядке.

Извольский сгреб девушку подмышку и повернулся к Степану.

– Девушка не пострадала, – сказал Степан, – а мне ты ничего не хочешь сказать?

– Я – ничего, – ответил Извольский, – но главком ВВС велел тебе передать: «Скажите Бельскому, что для уголовника он летает неплохо, но машина у него – дерьмо».

Джип Извольского уже давно уехал вдаль по рулежке, а Степан все стоял и глядел то на самолет, то на укатившийся джип. Руки его бессознательно теребили букет из васильков.

Извольский улетел в Москву вместе с президентом и полпредом, а Денис задержался в области на день; большую часть времени он провел в Павлогорске с Самариным.

Дело об убийстве Панасоника рассыпалось на глазах. Картина складывалась очевидная: Панасоника приперли к стенке. Ему перекрыли кислород, у него конфисковали партию дури, забрали склад и отсудили дом; и, помимо всего прочего, за пропавший героин Панасоник еще оказался должен Мансуру.

Мансур перегнул палку, и оскорбленный Панасоник побежал сдавать своего шефа АМК. Тут-то его и убили. Если бы «наружка» в ту ночь не отлучилась попить пивка, она бы наверняка заметила убийц. Сейчас же было поздно: оставались неясные слухи, домыслы, да наглое вранье Мансура, который везде обвинял в этом убийстве АМК.

Денис приехал в аэропорт минут за пятнадцать до посадки, и как раз успел заказать себе в VIP-зале чашечку мерзкого кофе, когда двери VIP распахнулись, и в них показался крепкий шестидесятилетний мужчина, немного раздавшийся в талии и с крупной лысой головой. С ним шли два охранника. Мужчина подошел к Денису и, не протягивая руки, уселся на диван.

– Доброе утрое, Денис Федорыч. Не узнаете?

Это был Афанасий Горный, король черловских железнодорожных зачетов.

– Денис Федорович, вы поступаете со мной не очень честно. Я помог Извольскому прийти в область. Я познакомил его с губернатором. Я помог ему купить этот ГОК. Я мог бы попросить долю в бизнесе – но что такое небольшой пакет акций, особенно в Сибири? Литературная условность. И я просто попросил, чтобы мне оставили мои зачеты. Это не очень большая плата за ГОК, который я вам подарил… В чем же дело?

Денис поглядел на Горного большими честными глазами.

– Афанасий Никитич, – сказал он, – не понимаю, о чем вы. Ну да, мы сделали какую-то фирмочку, чтобы возить себе окатыш. Но ваш-то бизнес тут при чем?

Горный помолчал.

– Денис, вы делаете большую ошибку. Я знаю, что про меня рассказывают всякие истории, но поверьте мне, я не жадный человек. Но когда вы загоните меня в угол, я начну кусаться. Я не Леша Панасоник. Ваши купленные мусора меня не убъют.

На пальце одного из охранников Горного сверкнули синим наколки, и Денису как-то некстати припомнилось, что Мансур, павлогорский вор в законе – большой приятель Степана Бельского.

Майе Извольской было двадцать лет, и она практически не знала России. Когда ее брат стал финдиректором АМК, в России очень много стреляли, и Сляб поскорее отправил сестру в закрытый английский пансионат.

У Майи был острый и сухой ум, как у брата. Реальность ее мало интересовала: еще в Англии она страстно увлеклась компьютерами и к восемнадцати годам заработала свои первые деньги, как программист.

Окончив школу, она подала документы сразу в несколько престижных американских университетов и по итогам выбрала Йель. На лето после второго курса она приехала в Россию.

Она не хотела жить в Ахтарске и не любила загорода, Извольский снял ей уютную квартиру в центре Москвы и подарил автомобиль.

Спустя три дня по возвращении из Черловска Майя нашла под дверью огромную корзину с цветами. Майя втащила корзину в квартиру, пошарила по цветам и нашла там визитку с номером сотового телефона. Цветы Майя оставила, а визитку выбросила в ведро.

Новый букет принесли через два дня. В дверь он пролезал с трудом. На визитке было то же имя и тот же телефон. Вторая визитка отправилась вслед за первой.

Еще через день, около десяти вечера, кто-то позвонил Майе на сотовый.

– Алло, – сказала она.

– Привет. Как дела?

– Кто это? – спросила Майя.

– Это плохой пилот. Помните?

Майя помолчала.

– Я не думаю, что вы плохой пилот, – сказала она, – но Слава говорит, что вы плохой человек.

– Давайте поужинаем и обсудим этот вопрос.

– Я не ужинаю так поздно.

– Ну давайте пообедаем завтра.

– Завтра я улетаю к бойфренду. В Вашингтон.

– В Вашингтон? Он что, американец?

– Он американец, чемпион университета по регби и внук сенатора, – с непонятным раздражением сказала Майя. Ей раньше никогда не приходило в голову хвастаться, что Джек – внук сенатора.

– Понял, – с некоторой иронией отозвался голос на том конце трубки, – против чемпиона по регби я, конечно, не тяну. Куда мне до чемпиона.

И в трубке раздались короткие гудки.

Майя сидела некоторое время на диване, поджав ножки, а потом сделала несколько нелогичный поступок. Она перевернула мусорную корзину и достала оттуда визитку Бельского. Кстати, ей и в голову не пришло сообщить о звонке службе безопасности АМК.

Глава третья, в которой Ахтарский металлургический комбинат кидают, как последнего лоха, а Денис Черяга наконец узнает, как называется у группы «Сибирь» процесс продажи активов крупным иностранным инвесторам

Прошло полтора месяца.

ГУП «Южсибпром» было зарегестрировано, учреждено и даже получило первые деньги за проданный им товар. Во главе ГУПа стал бывший помошник Юрия Андропова, а деньги, как ни странно, пришли от Константина Цоя.

Кореец и в самом деле заплатил шестьдесят тысяч долларов за кларолювую пленку и оклеил ей одну «Чайку» и два «Мерседеса». «Чайка» принадлежала самому Цою, что же до «Мерседесов», – один он подарил Степану, а другой – черловскому губернатору.

Это был жест вполне в духе Константина Цоя, и самым забавным было то, что люди Альбиноса ненавязчиво отследили счета, по которым прошли деньги. Отследили, записали и положили в папочку – вдруг пригодится.

Извольский больше никаких указаний по шахте Денису не давал, но и без того было ясно, что шахту надо вернуть. Поэтому Черяга в Черловске поступил следующим образом.

Прежде всего он выкупил контрольный пакет акций шахты у акционеров – двух придурковатых братков и авторитета по кличке Царандой. Так как акции шахты им. Горького стоили на тот момент дешевле резаной бумаги, Денис предложил за пакет двести тысяч долларов.

Братки возмутились малостью суммы и попросили полмиллиона. На что Денис ответил, что он готов заплатить и полмиллиона, но – только в случае прекращения процедуры банкротства. Братки, посовещавшись, решили, что это очень хорошая сделка – ведь теперь при благоприятном исходе они могли получить деньги, в то время как раньше им со всех сторон светил шиш.

Через некоторое время Царандой начал тревожиться, так как шла неделя за неделей, а Черяга никаких действий по шахте не предпринимал. Царандой потребовал объяснений. И Черяга

объяснил, что если Царандой хочет получить причитающиеся ему доходы, то будет только справедливо, если ему, Царандою, тоже придется постараться.

И Царандой начал стараться. Он побежал в арбитражный суд и в УБЭП, с начальником которого был дружен. Он устроил демонстрацию рабочих, протестующих против банкротства шахты, и его ребята набили в подъезде морду товарищу Гусенко – тому самому заместителю директора, который сдал Цою всю информацию по шахте.

Денис трижды встречался с Царандоем. Истории с побитым Гусенко он никак не комментировал, а вместо того внятно объяснил Царандою, что тому следует делать.

Бизнес по продаже угля с шахты был устроен следующим образом.

Сначала организовывалась фирма-однодневка. Какой-нибудь «Свиньин и сын» или «Собакин и кот». «Свиньин и сын» заключал с шахтой договор о поставке на шахту солярки, запчастей, горючего для «БелАЗов» и прочей мутотени. Шахта, в оплату, передавал «Свиньину и сыну» собственные векселя. После этого «Свиньин и сын» исчезал, ничего не поставив, а векселя перед исчезновением он продавал одной из посреднических контор, принадлежавший Царандою и управлявшейся Гришей Епишкиным. Этими векселями контора платила за уголь, – и Гриша Епишкин так хорошо наладил этот бизнес, что векселей этих у него скопилось миллиона на три долларов. То есть получалось, что не епишкинские конторы должны шахте, а наоборот – шахта конторам, и векселя эти, как явные фантики, Фаттах не счел нужным отнимать вместе с другими долгами.

Денис с Епишкиным объяснили Царандою, что все эти векселя надо аккумулировать в паре-тройке незамаранных контор, и эти конторы должны подать в арбитражный суд иск на предмет того, что их долги не включены в конкурсную массу.

– Как только арбитражный суд признает этот иск, у нас станет большинство в совете кредиторов, – объяснил Черяга. – Как только у нас станет большинство в совете кредиторов, мы заключим мировое соглашение и остановим процедуру банкротства. А как только мы остановим процедуру банкротства, ты получишь деньги за акции.

Фаттах Олжымбаев, разумеется, отказался включить липовые фирмы в число должников, но адвокаты Царандоя подали в областной арбитражный суд, и тот вынес положительное решение.

Денис тепло поздравил авторитета с этим выдающимся достижением, сказал, что все идет по плану и полюбопытствовал

– много ли бабок Царандой выплатил судье.

– Ща, – сказал Царандой, – мы не лохи бабки платить! Мы этой бабе так и сказали, если что не так будет – и ей вставим, и дочке засадим!

И братки согласно захохотали.

В этот момент Денису впервые пришло в голову, что он сильно недооценил пещерный уровень своих союзников.

Первоначальный шок, вызванный пребыванием Царандоя в тюрьме, прошел. Царандой хотел мстить. Он был убежден, что выпустили его по личному распоряжению губернатора из-за услуг, оказанных Царандоем на выборах. Авторитет был не особенно умным и очень жестоким человеком, во всем его окружении никто не смел ему перечить. Иначе бы ему объяснили вещь, внятную для всякого вменяемого стороннего наблюдателя.

А именно – что трудовые подвиги братков, угрожавших судье по телефону, не имеют никакого отношения к решению арбитражного суда. Игра давно шла на другом – не бандитском – уровне, а пацанов использовали в качестве разменных пешек и сигнальных ракет, – пусть противник побегает и понервничает, пусть помнит, что у Извольского есть в рукаве еще и эти, сильно простуженные…

Просто полпред Ревко снял со швейцарских счетов «Южсибпрома» некоторое количество наличных и приехал с ними в Москву, где и побывал в парочке высокопоставленных кабинетов. После этого в те же самые кабинеты вызвали председателя Черловского арбитражного суда и объяснили, что время губернаторского беспредела кончилось, и что ей, председателю, будет не так легко пройти аттестационную комиссию, ежели она не будет прислушиваться к мнению полпреда. Другие полпреды были б очень рады сделать то же самое, но в том-то и была прелесть положения, что другие полпреды апеллировали исключительно к высокоморальным гражданским принципам и необходимости укрепления вертикали власти, а у полпреда Ревко был «Южсибпром» и Ревко мог вертикаль не только укреплять, но и подмазывать.

Вслед за этим Ревко сходил в еще один высокопоставленный кабинет, куда он занес не только свое патентованное средство для укрепления вертикали, но и некую папочку, содержащую совершенно удивительные, а главное, правдивые подробности из жизни главы черловского РУБОПа. Содержимого папочки хватило бы на пять романов и тройку пожизненных заключений. Обитатель кабинета изучил папочку в некотором даже ошеломлении и спросил Ревко, что, по мнению того, следует делать.

Ревко ответил:

– Назначь на это место Олега Самарина.

– И что же Самарин сделает за эти деньги? Найдет у Цоя героин в кармане?

На что Ревко улыбнулся и ответил:

– Не надо находить у Цоя героин. Извольский неплохой менеджер, но он сотрудничает с государством до той поры, пока боится Цоя. Если у государства нет способа поставить их всех к стенке, мы должны хотя бы не мешать жрать им друг друга.

И в результате этой мудрой сентенции майор Олег Самарин получил полковничьи звездочки и впридачу – пост начальника всего черловского РУБОПа.

Самарин и Черяга общались часто: иногда Черяге даже удавалось затащить Самарина в казино «Версаль», принадлежавшее блатному коммерсанту Грише Епишкину, тому самому, который и обдирал раньше шахту, как липку. Казино недавно сгорело, и теперь функционировал только его нижний этаж, с рестораном и парой игровых столов. И чем больше Черяга узнавал Гришу, тем больше тот ему нравился. Несмотря на свое уголовное происхождение, Гриша был человек веселый и, в некотором смысле, честный. Он ни разу не пообещал Черяге невозможного, всегда подавал крайне разумные советы, и при этом совершенно не старался лезть ахтарскому вице-президенту в душу. Двумя существенными недостатками Гриши было то, что на любую встречу он опаздывал на сорок минут и пил много и шумно.

* * *

За неделю до арбитражного суда Денису позвонил Фаттах Олжымбаев и предложил встретиться. Денис любезно назначил встречу на одиннадцать в полпредстве, где «Южсибпрому» были отданы несколько комнат на седьмом этаже.

Полпредство располагалось в семиэтажном конструктивистском здании конца двадцатых, выстроенном знаменитым Лаврентьевым на месте снесенной церкви Николая-угодника прямо в центре черловского Кремля.

Здание раньше было отдано под Дворец пионеров, а реально – под бандитские фирмочки, платившие аренду Анастасу. Когда полпред захотел забрать его себе, губернатор устроил детские демонстрации протеста.

Полпред к демонстрациям прислушался и от Дворца пионеров отказался, но по какому-то странному совпадению в

ближайшие несколько месяцев полдесятка бандюшат из числа арендаторов оказались за решеткой, причем занималось ими местное управление ФСБ. После ареста бандюшат почему-то спрашивали не столько об их бизнесе, сколько о том, кому и как они платят за аренду.

Вскорости полпред снова занял Дворец пионеров, и на этот раз никаких детских демонстраций не было; бандюшат кого повыпустили, кого оставили. При этом шептались, что выпущенные не только поспешно освободили помещения, но и внесли значительную сумму на ремонт роскошного, но престарелого особняка.

В результате ремонт обошелся казне в удивительно скромную сумму. Впрочем, и сам ремонт был вполне аскетичен. Полпред ничего не перепланировал в здании, а лишь снес фанерные перегородочки, налепленные скороспелыми бандюшатами на строгую коммунистическую планировку, – и тем самым восстановил первоначальный облик Дома Будущего, возведенного семьдесят лет тому назад на месте взорванного храма.

Одним из первых уроков, преподанных Денису Слябом, было – никогда не разговаривать с противником один на один. Гораздо лучше, если вас двое или больше – тогда всегда есть время обдумать ответ, да и численное превосходство – немаловажная вещь, хотя бы на подсознательном уровне. Поэтому Денис позвал с собой на встречу Ахрозова.

Олжыбмаев приехал ровно в одиннадцать. Наверное, Цой учил его не хуже, чем Извольский – Дениса. Вместе с Фаттахом в кабинет вошел Анастас в белой футболке с двумя аристократически сплетенными «А» на кармашке. Накачанные плечи Анастаса покрывал ровный загар, на левом запястье сидели часы «Зильберштайн» из белого золота, и ногти губернаторского любимчика были тщательно наманикюрены и покрыты неярким лаком. От него пахло дорогой туалетной водой.

Олжымбаев, одетый, несмотря на летнюю жару, в безукоризненно белую рубашку и серовато-желтый пиджак от Армани, оглядел более чем скромную переговорную в поисках сиденья, сооветствующего его статусу и пиджаку, а потом беззаботно придвинул к себе колченогий канцелярский стул и сел. Анастас, болтая ногами, угнездился на подоконнике.

– Итак, господа, о чем речь? – спросил Денис.

Фаттах улыбнулся и развел руками:

– Воевать не хотим, Денис Федорович. Мы вообще никогда не хотели войны. Мы всегда хотели мира.

– Хорош мир, – сказал Ахрозов, – шахту отобрали, а туда же, мириться.

Фаттах недоуменно улыбнулся и посмотрел на Дениса, как бы ища у него поддержки.

– Мы и не собирались отбирать у вас шахту, – сказал Фаттах, – просто нам эта шахта была нужна, а продавать вы ее не хотели. Мы и сейчас согласны ее купить.

– И ваша цена?

– Восемь.

– Раньше вы предлагали меньше, – сказал Денис.

– Раньше у вас было тридцать процентов, а теперь мы готовы купить контрольный пакет.

– Это слишком мало за контрольный пакет.

– И сколько ж ты хочешь?

– Давай позовем аудиторов. Они посмотрят баланс. Оценят компанию.

Фаттах оскалил белые зубы.

– Денис, ты чего гонишь? Какие аудиторы? Аудиторы, это когда в лохотрон играют. Фонду какому-нибудь продают. Американскому.

Денис впервые слышал такое определение аудитора, хотя в принципе в России оно соответствовало действительности.

– Эта шахта меченая, – сказал Фаттах, – ее гонят по полю. Ни одна меченая компания не стоит больше, чем деньги, которые из нее можно отжать за год. Из этой шахты можно отжать восьмерку.

– Эта сумма не обсуждается.

– Хорошо, тогда заплатите вы восемь нам.

– За что?

– За кредиторку.[5]

– Почему мы должны платить за то, что у нас украли?

Олжымбаев засмеялся.

– Денис, смотрите. У вас было тридцать процентов шахты. Теперь у вас девяносто два процента. Шестьдесят два вы купили у Царандоя и Гриши. Так?

– Без комментариев.

– Вы считаете, что ваши тридцать стоят больше восьми. Значит, пакет, который вы купили, стоит больше шестнадцати. Вам он достался почти даром. Получается, вы заплатили нам восемь, а купили за это шестьдесят процентов акций. Минус долги. Мы же на вас работали, Денис! Мы для вас шахту от долгов очистили и акционеров к вам на флажки загнали.

– Спасибо за самоотверженный труд, – усмехнулся Ахрозов.

И тут голос впервые подал Анастас:

– Сергей Изольдович, – сказал Анастас, – мне кажется, вражда между вашими группами зашла слишком далеко. Папа недоволен. Зачем обострять ситуацию?

– Зачем? – вскочил с места Ахрозов, – да затем, что…

– Тише, – сказал Денис, – это была наша шахта, и она останется нашей. У нее были долги. Долги мы готовы выкупать. Цифра «восемь» не обсуждается. Другие ваши предложения, Фаттах Абишевич, мы готовы выслушать.

Когда Анастас и Фаттах покинули кабинет, менеджеры Извольского хлопнули друг друга по рукам.

– Yes! – сказал Денис, – мы сделали это!

– Ребята струсили. Ребята нервничают. Из ребят пошел сок, – прокомментировал Ахрозов.

Денис протянул ему трубку, чтобы он первым позвонил Славке.

* * *

Денис встречался с Фаттахом еще несколько раз. Казах дергался все больше и больше. Сумма выкупа, которую «Сибирь» просила за шахту, упала с восьми миллионов долларов до шести, потом до пяти с половиной; потом до четырех. Наконец Фаттах назвал цифру «три». Это были вполне разумные деньги. По сути, они не намного окупали затраты, которые понесла сама «Сибирь», но все-таки позволяли Цою не потерять лицо. Никто б не сказал в этой ситуации, что Цой вынужден был бежать с поля сражения, разбитый наголову.

В конце концов, Фаттах был прав: можно было очень спокойно заявить, что никакой ссоры между Извольским и Цоем не было, а просто Альбинос помог Слябу развести мелких бандитов и получил за это небольшое, но достойное возраграждение.

Полпред Ревко знал о переговорах, но относился к ним вполне нейтрально. Он несколько раз повторил Черяге, что не его задача – плодить промышленные конфликты в регионе. Полковнику Самарину о переговорах, разумеется, никто ничего не говорил, и поэтому начальник РУБОП самоотверженно копал дрянь на Анастаса и Фаттаха, не подозревая, что его спонсоры в любой момент могут сказать ему «стой!».

Но что самое странное – против был Извольский. Денис не понимал причин, но всякий раз, когда Черяга приносил Извольскому новый и новый вариант вполне почетного мира, в глазах стального короля вспыхивало тусклое раздражение.

Наконец Фаттах назвал цифру в два миллиона, и на этой цифре Извольский сломался.

– Хорошо, – сказал он Денису с Ахрозовым, – пусть Костя мне

позвонит.

Костя, однако, не позвонил; зато Сергею Ахрозову позвонили из приемной губернатора области и попросили приехать в субботу к четырем вечера в губернаторскую резиденцию.

Резиденция губернатора Орлова располагалась на пяти гектарах соснового леса в излучине реки Выкса. Был жаркий июльский день; трава в степи выгорела на солнце, и над стоящим в котловине городом плавало грязное марево. Здесь, в резиденции, было почти прохладно, на зеленом газоне возле мраморного бассейна журчала поливалка, и вокруг нее в воздухе, как нимб, парила маленькая радуга.

Еще в машине Ахрозов услышал, что губернатор облетает дальние колхозы, и настроился ждать. Но ждать не пришлось: пятнистый охранник провел его в роскошную комнату, всю заставленную вычурной мебелью и зеркалами до пола. Между зеркалами на вешалках висели дамские платья в целлофановых обертках. Через мгновение в комнате появился Анастас, в летних холщовых брюках и безрукавке, подчеркивавшей безпречную мускулатуру. От Анастаса приятно пахло «Кристианом Диором», ногти были тщательно наманикюрены.

– О, Сережа! – сказал Анастас, – а папа-то улетел! Слушай, я с тобой хотел поговорить, а в «Версале» в семь поет Нина. Жалко, там Кости не будет. Зато будет Фаттах, Костя его попросил все обеспечить. Пойдешь?

Нина была любовница Цоя.

– Пойду, – сказал Ахрозов.

Анастас захлопал в ладоши. Потом быстро посерьезнел и, улыбаясь, сказал:

– Сереж, ты меня в дурацкое положение ставишь. Я Фаттаха до двух лимонов опустил. Я! Чтобы вы с папой помирились! Все за, Денис за, Сляб за, а ты против.

Ахрозов украдкой покосился на дамские наряды и на сверкающий летний день за окном.

– Мое слово, – сказал Сергей, – ничего не решает. Я так понимаю, что Извольский согласен. А все остальное не имеет значения.

Анастас кокетливо поправил коротко подстриженную челку.

– Но ты-то против?

– Мы акционеры. У нас отобрали собственность. Почему мы должны платить вору, чтобы он ушел из квартиры?

Анастас бросился в кресло напротив Ахрозова и доверительно перегнулся через столик.

– Слушай, Сережа, какие акционеры? Акционеров в России нет. Вот компания, да? В ней есть доли. У тебя есть доля, потому

что ты купил акции. У Славы твоего доля, потому что он твой хозяин. И у папы доля, потому что он папа. Это его область. Вот Костя это понимает, Фаттах это понимает, а вы нет. Вы не соглашаетесь отдать папе его долю, но вы же вместо этого тащите нового дольщика. Ревко.

– Анастас, – спокойно сказал Ахрозов, – если в здании сидели бандиты и платили тебе за крышу, это еще не значит, что твою долю получил кто-то другой. Это значит, что в здании сидит «Южсибпром» и продает вбелую вертолеты для Анголы.

Тут в дверь постучались.

– Войдите, – крикнул Анастас.

На пороге образовался молодой крепкий паренек с целым ворохом платьев.

– Повесь сюда, – распорядился Анастас, ткнув пальцем в направлении вешалок.

Паренек повесил платья и удалился.

Анастас снял одно из платьев, – нечто белое и воздушное, перевитое черной полосой.

– Как тебе? – спросил Анастас, снова поправляя челку.

– Никак, – сказал Ахрозов, – я в этом разбираюсь, как ты в шагающих экскаваторах.

Анастас рассмеялся, повесил платье на место и сел на кончик стола.

– Зря ты так, – сказал Анастас, – ты же этой драке спасибо сказать должен. Если б не она, тебя б Извольский давно с завода выгнал. Это все знают. Тебя же взяли на одноразовую работу, авгиевы конюшни почистить.

Ахрозов страшно побледнел. Он взял было бутылку, чтобы налить себе воды, но потом передумал пить что-либо в этом месте и поставил бутылку на столик. Анастас озабоченно посмотрел на дорогие часы белого золота.

– Уже пора. Ничего, если я переоденусь?

Ахрозов пожал плечами. Анастас снял с правого запястья тонкий золотой браслет и стал расстегивать рубашку.

– Я создал платье, – сказал Анастас, – такой мой ремикс на нью-лук. Знаешь, сиськи наружу, плечи обнажены. Получилось перфектно. Юбочка колоколом, на тонком замшевом поясе маленькая сумочка-кошелечек, со стразами. Подкладка из тончайшего шелка, аристократически массажирует нежную кожу. Висело оно в Куршавеле, там есть сумасшедшая русская княгиня, продает русских в бутике. А потом я его вижу на Нине.

Анастас расстегнул рубашку и бросил ее на пол. Ахрозов напрягся. Анастас поднялся со стула и скрылся в соседней комнате. Дверь ее осталась открытой, и слова Анастаса были

хорошо слышны сквозь шум душа.

– И когда я приезжаю в Куршавель, я захожу в этот бутик, и княгиня мне говорит, ой, Стасик, а ваше платье уехало в Россию, его какой-то молодой красавец русский купил своей жене. И я очень удивляюсь, потому что Альбинос не молод и не красавец, и я прошу принести реестр, и там чек и подпись «Олжымбаев». Смешно, правда?

Анастас появился на пороге комнаты. Ахрозов остолбенел. Анастас был совершенно гол. На ровной загорелой коже блестели капельки от душа. Ахрозов невольно залюбовался превосходно накачанным телом.

Словно не обращая внимания на директора, Анастас пересек комнату и небрежно сорвал с вешалки мужскую рубашку. Накинул ее на себя, потянул висящий рядом галстук. Потом обернулся к Ахрозову.

– Слушай, Сережа, что у тебя за селедка на шее? На, возьми мой.

Ахрозов не пошевелился, когда Анастас присел перед ним на корточки и начал развязывать галстук Ахрозова. От молодого, сильного тела Анастаса пахло свежестью и дорогими тренажерами, и весь он был гибкий, нежный, с какой-то кошачьей притягательностью. Ахрозов, надо признаться, пребывал в совершенном охренении. Он ощущал почти животный магнетизм молодого парня и чувствовал себя, как кролик перед удавом.

– Слушай, а что у тебя за одеколон? Хороший одеколон? – сказал Анастас и притиснулся носом к его щеке. Через мгновение Ахрозов почувствовал губы Анастаса у себя на шее.

Ахрозов вскочил, да так, что стул, на котором сидел Сергей, полетел в одну сторону, а Анастас, – в другую. Не оглядываясь, Ахрозов вылетел из кабинета пулей. Дверь захлопнулась за ним с пушечным грохотом.

Полуголый Анастас сидел на ковре и смотрел ему вслед, и выражение лукавого кокетства на его лице постепенно сменилось нестерпимой обидой.

За два дня до заседания совета кредиторов Денис Черяга, вице-президент Ахтарского металлургического холдинга, и Фаттах Олжымбаев, вице-президент группы «Сибирь», подписали соглашение о переуступке долга.

На практике это означало, что полтора миллиона долларов за долги шахты им. Горького ушли со счетов оффшорки, торговавшей ахтарской сталью, на счета оффшорки, владевшей долгами шахты.

В тот же самый день в черловскую фирму «Аннал», подконтрольную местным властям и являвшуюся регистратором

АО «Шахта им. Горького» явились три скромных молодых человека.

Первый скромный молодой человек предъявил доверенность на распоряжение акциями АО «шахта им. Горького», принадлежавшим кипрским компаниям Asterix Ltd и Croesna Ltd.

Это были оффшорки, за которыми стоял Ахтарский металлургический комбинат. С позапрошлой недели они совокупно владели пятидесятью девятью процентами акций шахты, ранее принадлежавших местным браткам.

Скромный молодой человек предъявил акт купли-продажи вышеуказанных акций фирмам «Десна», «Стройимпекс» и «Карда», а также передаточное распоряжение.

Регистратор произвел соответствующие изменения в реестре. После этого второй молодой человек, пришедший вместе с первым, тут же предъявил доверенность на право совершения любых действий от имени владельцев «Десны», «Стройимпекса» и «Карды», а также от имени еще одной фирмы, которая называлась «Ларса».

Формальная разница между «Ларсой», «Стройимпексом», «Десной» и «Кардой» была совершенно несущественной. «Ларса» была зарегестрирована по паспорту покойника, а остальные – по утерянным паспортам. Директорами всех четырех фирм значились шоферы и механики одной из черловских автобаз.

Существенная разница заключалась в том, что на «Стройимпекс», «Десну» и «Карду» попали акции, принадлежавшие Извольскому, а в фирме «Ларса» находилось двадцать процентов акций, купленных после начала банкротства фирмами Цоя.

Итак, молодой человек предъявил доверенность на совершение операций от имени всех четырех фирм, и в течение ближайших пяти минут акции шахты вновь поменяли владельцев. На этот раз счастливыми обладателями уже восемьдесят процентов акций шахты им. Горького стали бомж Петр Семенович Горшков, продавший на базаре свой паспорт за бутылку водки (номинальный владелец фирмы «Зара», уборщица Клавдия Степановка Кешко, (номинальный владелец фирмы «Крей», слесарь пятого разряда Игнатий Брянков (номинальный владелец фирмы «Икарс», и сантехник Александр Брянчук, скончавшийся четыре месяца назад в следственном изоляторе Черловска. Этот состоял номинальным владельцем фирмы «Вега»).

При этом между фирмами произошло некоторое перекрестное опыление, ибо фирма «Ларса», подконтрольная структурам Цоя, продала каждой из «мартышек» по пять процентов акций, и таким образом каждая «мартышка» оказалась

обладателем пяти процентов акций, ранее принадлежавших Цою, и пятнадцать процентов, ранее принадлежавшим Извольскому.

После этого третий молодой человек, пришедший с двумя первыми, показал регистратору доверенность на продажу акций, подписанную генеральными директорами «Зары», «Крея», «Икарса» и «Веги», и тут же оформил их продажу двум фирмам, зарегестрированным в княжестве Лихтенштейн. На этот раз имя владельцев и учредителей фирм было неизвестно, так как сто процентов акционерного капитала каждой фирмы составляли акции на предъявителя.

После этого три молодых человека заплатили необходимые и причитающиеся государству пошлины и с чувством выполненного гражданского долга растворились в летнем мареве черловских улиц.

* * *

Совет кредиторов шахты им. Горького состоялся 21 июля в здании администрации Черловской области. Так как восемьдесят процентов долгов шахты были выкуплены Извольским, мероприятие заняло не больше десяти минут.

От имени владельцев основного долга Денис Черяга внес предложение: прекратить процедуру банкротства и вернуть шахту под управление акционеров. Временный управляющий Фаттах Олжымбаев, со своей стороны, не стал чинить кредиторам никаких препятствий и тут же поздравил акционеров шахты, в лице Дениса Черяги, с возвращенной собственностью. Прямо с собрания кредиторов Денис, Гриша и Царандой поехали на шахту, находившуюся в семидесяти километрах к северу от Черловска.

По пути они заехали в РУБОП, чтобы забрать с собой Олега Самарина и собровцев.

Автобуса с собровцами нигде не было. Самарин вместе с заместителями пил пиво в крошечном кабинете. На расстеленной газете благоухала сушеная вобла, и опера были если не пьяные, то уже и не трезвые. Денис вызвал Самарина в коридор.

– Ты чего пикник устроил? Где автобус?

– Денис Федорович, – сказал Самарин, глядя Черяге прямо в лицо, – у меня было впечатление, что ваш холдинг собирается наводить порядок в области. У меня было впечатление, что меня поддерживают люди, которым не безразлично, что губернатор спит с пидором, который контролирует половину наркоторговли в регионе. А выяснилось, что я – всего лишь шестерка в вашей

игре, а игра ведется за шахты и за разрезы, а не за порядок и закон. Вчера мне велели собирать компру на Анастаса, а сегодня мне ее велят сунуть в шреддер, потому что шахта теперь ваша и с Анастасом вы теперь целуетесь взасос. Так вот – оттого, что шахта теперь ваша, Анастас не перестал торговать наркотиками. И я его посажу. Так что я с вами не поеду. И СОБРа не дам. Обойдешься пацанами Царандоя.

Денису нечего было на это ответить. Он пожал плечами, повернулся, и пошел прочь.

* * *

К шахте им. Горького подъехали спустя два часа.

Вход в АБК[6] был перегорожен стальной решеткой, а под ступенями, укрывшись пластиковыми щитами, дремал ОМОН. При виде черных джипов ОМОН оживился и выстроился в позицию афинянян при Марафоне.

– А вы, кто, собственно? – полюбопытствовал командир ОМОНа у Дениса и Царандоя, высадившихся из головного джипа.

– Мы владельцы контрольного пакета, – мирно ответствовал Денис, – и хотя по закону мы можем созвать собрание и поменять директора только через сорок пять дней, мы бы очень его просили осознать свое положение и уйти в отставку в течение ближайших пяти минут, потому что он, сука позорная, нас сдал.

– Я не знаю, какой у вас контрольный пакет, – возразил командир ОМОНа, – но я знаю, что владельцы настоящего контрольного пакета сидят в шахтоуправлении с двух часов дня и никаких самозванцев я никуда пускать не намерен.

* * *

Анастас Анастасов узнал о происшедшем на шахте спустя три часа. Он поспешил к губернатору, губернатор заседал с какими-то московскими шишками. Он позвонил Цою: его не соединили. Он бросил все и поехал на шахту имени Горького, что для Анастаса было безусловным подвигом, сравнимым с восхождением на Эверест.

Черягу с Ахрозовым он уже не застал; в заводоуправлении сидел Фаттах Олжымбаев, уже не как временный управляющий, а как представитель акционеров. Анастас влетел в кабинет директора разъяренной кошкой.

– Ты меня обманул! – заорал Анастас.

Фаттах, задрав ноги, лениво глядел в телекамеры, обозревавшие заполненный ОМОНом двор.

– Как это обманул? – лениво поинтересовался Фаттах, – мы договорились, все, что Сляб заплатит – делим на три части. Твоей доли пятьсот тысяч. Мы все отдали.

– Извольский должен был получить шахту!

Олжымбаев пожал плечами.

– Шахта наша.

– Нет!

– Слушай, Стасик, если ты несогласный, верни пятьсот штук.

– Вы чего делаете, а? Вы зачем папу с кремлевскими стравливаете? У папы и так проблемы, а вы!

– У папы станет еще больше проблем, если он не будет помогать тем, кто его поддерживает. А Извольский – реально враг. И враг навсегда. Не заблуждайся, Стасик. В войне не бывает серединки. Это в тебе андрогинное начало говорит.

– Ты сейчас позвонишь Ахрозову и скажешь, что произошло недоразумение. Что он может приехать на шахту.

Фаттах лениво снял трубку.

– Стасик. Не заставляй меня звонить Степану. Все знают, что ты сделаешь так, как скажет тебе Степан.

Анастас выскочил из кабинета Фаттаха, плача. В машине его слезы превратились в истерику.

Фаттах презирал его и даже не давал себе труда это скрыть. Все эти твари презирали его. Большие сильные самцы, от которых пахло потом и кровью, и которые считали, что предназначение мужчины – это бизнес и война. Анастас очень хорошо помнил, что Константин Цой ни разу не пожал ему руку. Не говоря уже о Бельском.

О, Бельский, которым пригрозил ему Фаттах! Все они считали, что Бельский имеет на Анастаса какой-то чрезвычайный компромат. На самом деле компромата не было. Было другое.

Анастас впервые увидел Степана Бельского в 1996 году. Анастас год назад как приехал из Тулы и работал в мужском стрип-шоу, время от времени подкармливаясь порнофильмами.

Как-то в клуб, где трудился Анастас, забрела молодая дочка федерального министра, – девочка широко отметила свое шестнадцатилетие в кругу знакомых и подруг. Из клуба девочка уехала вместе с Анастасом и еще одним парнем. Они прошвырнулись по парочке ресторанов и в конце концов бросили якорь в квартире Анастаса, оборудованной всем необходимым для любви втроем, как-то: широченной кроватью, джакузи, зеркалами на потолке и, конечно же, миниатюрной видеокамерой.

Спустя несколько месяцев перед отцом девочки замаячил пост вице-премьера, курирующего силовые ведомства. Началась борьба, Анастас смекнул, что в его руки попал ценный товар, и анонимно предложил министру выкупить пленку с дочкой. Такое же анонимное предложение было сделано его соперникам.

Спустя несколько часов после затеянного им аукциона Анастас развлекался у себя на квартире с неким молодым человеком. В разгар утех к виску Анастаса прикоснулась холодная сталь, и чей-то далекий и неласковый голос произнес:

– Где снимки, мля?

Анастас обернулся и увидел, что в спальне полно посторонних. Посторонние были коротко стриженые и в черных кожанках, и главным среди посторонних был Степан Бельский.

– А… э… – сказал Анастас.

Это было истолковано как попытка спора. Бельский кивнул, и один из бывших с ним молодых людей подошел к партнеру Анастаса и одним молниеносным движением вспорол ему кожу от лба и до подбородка.

Пленки, разумеется, нашлись тут же. Подраненный любовник Анастаса визжал, как свинья.

– Еще есть? – спросил Бельский, пока голый Анастас ползал у его ног, норовя поцеловать ему ботинки.

– Это все, все, – захлюпал Анастас, – господи, только не убивайте меня, только…

Степан Бельский оттянул затвор, проверяя, есть ли патрон в патроннике, отвел курок и выстрелил. Анастас взвизгнул и лишился чувств. Когда Анастас очнулся, то первое, что он вспомнил, был ни с чем не сравнимый панический страх перед нацеленным в него стволами, и вместе с этим страхом – ощущение неземного, ни разу не испытанного блаженства. Какой это был жесткий, страшный, уверенный в себе мужчина! И этот мужчина пощадил его, увидел нежную, ранимую душу Анастаса, душу, алчущую любви и света!

Это было одним из самых сладких воспоминаний Анастаса. Почти таким же сладким, как история со стрелявшим в него Ахрозовым.

Анастас до сих пор не мог решить, кто из них более мужественный человек.

Что же до Степана Бельского, то, выйдя из квартиры, Бельский позвонил по сотовому телефону и сказал, что о пленках можно не беспокоиться: они уничтожены. Спустя несколько дней собеседника Степана назначили вице-премьером, курирующим силовые ведомства.

* * *

Первое, что Денис увидел, разлепив глаза, были его собственные наручные часы. Часы, – платиновый «Константин Вашерон», старый подарок Извольского, – сидели, как полагается, на запястье Дениса, а самое запястье было очень неловко подвернуто под белоснежную подушку. И была на этих часах ровнешенько половина двенадцатого, само собой – дня.

Денис застонал и перевернулся на спину. Он лежал в небольшой светлой спальне, то ли в приличном отеле, то ли в зажиточном доме с комнатами для гостей. Постель была чисто застлана, сам Денис был раздет и имел на себе одни синего цвета трусы, – но кто его раздевал и как он сюда попал, Денис не имел ни малейшего понятия. Голова болела отчаянно, а воспоминания о прошедшем вечере обрывались где-то часах на восьми.

Выяснение отношений на шахте им. Горького заняло часа два. Получив отлуп у командира ОМОНа, Денис бросился звонить регистратору. Глава регистратора оказался в нетях, на месте был лишь его зам. Зам очень любезно проинформировал Дениса, что контрольный пакет шахты отныне принадлежит двум лихтенштейским компаниям, а вскоре на пороге заводоуправления показался и представитель этих компаний: это был, как ни удивительно, все тот же Фаттах Олжымбаев.

Наглость Цоя превосходила всякое вероятие: он не только украл акции шахты, вульгарно и безнаказанно. Он оплатил все расходы по кидняку из денег, полученных от Извольского за уступку долгов! Пацаны Царандоя кинулись было бить рожи. Денис с Ахрозовым насилу оттащили их прочь, было ясно, что омоновцы только того и ждали.

Царандой остался выяснять отношения с ментами, а Денис с Гришей вернулись в Черловск и поехали в кабак, где к ним примкнули двое братков из числа акционеров. Один браток был с золотыми зубами и цепью такой толстой, что на нее вполне можно было сажать кавказскую овчарку, а у другого на веках было написано: «не буди».

Они пили вчетвером и весьма усердно, мешая водку с шампанским и коньяк с пивом, все в том же баре с официантками на роликах, и Денис, будучи менее сотоварищей привычен к пойлу, напивался опережающими темпами. Братки находились в перманентно невменяемом состоянии и кричали, что порвут Цоя на куски, но при этом каждый раз пугливо озирались, когда Цоя поминал кто-то другой.

В конце концов Денис сказал что-то насчет официанток, чрезвычайно нелестное, и Гриша, желая показать гостю все

достопримечательности уездного центра, поволок его в другое заведение, а именно в единственный и только что открывшийся в городе японский ресторан.

Черяге смутно казалось, что Гриша хотел переговорить с Денисом наедине, но этому сначала помешали увязавшиеся за ними братки, а дальше это перестало иметь смысл в связи с чисто техническими причинами – с состоянием Дениса.

В японском ресторане Денис выпил кружку сакэ и почему-то сделал попытку помыть руки красным цветочным чаем, налитым в особую плошку, а после этого кто-то раздвинул шторки соседнего кабинета, и Денис увидел Константина Цоя: Альбинос, ловко орудуя палочками, подбирал с деревянной решетки кусочки сырой рыбки. При виде Альбиноса настроение Дениса, разумеется, резко испортилось, и Гриша, во избежание происшествий, взвалил его на спину и потащил в «Версаль».

Далее нить воспоминаний Дениса становилась весьма прерывистой. Он смутно помнил, что Гриша предлагал отвезти его в гостиницу, Денис же буянил и требовал поездки в аэропорт, на что Гриша резонно отвечал ему, что сейчас ночь и первый рейс на Москву улетает в девять тридцать. Денис успокаивался, а через некоторое время опять начинал распинаться по поводу аэропорта. Смутно вспоминались какие-то смуглые стриптизерки вокруг шеста, разбитая (слава богу, не о чью-то голову) бутылка, падение с лестницы и отделанный мрамором туалет «Версаля», в котором Дениса долго и мучительно выворачивало наизнанку.

Но каким образом Денис попал в эту комнату и кто снимал с него брюки – это оставалось покрыто мраком неизвестности.

Денис вздохнул, сполз с кровати и подошел к окну. Из окна открывался дивный вид на июльскую тайгу. Внизу, под увитым диким виноградом балконом, виднелся небольшой заросший травой кусочек земли с кирпичной стеной по периметру. Стена прерывалась черными, видимо, открывающимися по команде воротами. Сейчас ворота были раскрыты: одна покореженная створка сиротливо качалась на ветру, а другая лежала на земле и поверх нее, как советский воин поверх свастики, гордо возвышался черный гришин «Лендкрузер». Бодание с воротами тоже не прошло джипу даром – сверху Денису было не очень видно, насколько сильно джип покорежился, но фары у него были точно разбиты и бок ободран.

Можно было надеяться, что если Грише спьяну не удалось открыть собственных ворот, то он хотя бы не перепутал дом.

Денис потыкался вдоль комнаты в поисках какой-нибудь одежды, таковой не обнаружил, и, босой, шагнул наружу. За дверью начинался широкий и светлый холл. Деревянная лестница

вела на третий этаж, и там, наверху, что-то ритмично поскрипывало. Денис пересек холл и ткнулся было в какую-то дверь, в надежде, что это ванная. Но это оказалась еще одна спальня, Денис вернулся на середину холла и негромко позвал:

– Эй! Есть тут кто живой?

Никого живого не отозвалось: с мансарды по-прежнему слышался ритмичный скрип. Денис вздохнул и полез наверх. Третий этаж был отведен под спортивные мероприятия: посереди, под самой стрехой, красовался стол для пинг-понга, над забранным матами полом сверкали зеркала, и там же висела боксерская груша и стояли несколько тренажеров. На одном из этих тренажеров и качалась тоненькая девчушка в белом топике и белых кроссовках. При виде Дениса она остановилась и слезла с тренажера, а Денис тупо моргнул, пошевелил босыми пальцами и спросил:

– А…. это… ванная где?

Тут же Денис поднял глаза и покраснел неудержимо: из зеркал на него смотрел распухший с перепою придурок в сползающих синих трусах и нечесанной головой. И придурок этот не нашел ничего лучшего, как осведомиться, где ванная – как будто так уж трудно это самому отыскать!

– Ванная на втором этаже, – серьезно сказала девушка, – и на первом. Там такая дверь, а на ней картинка, человечек под душем.

Этот ответ добил куратора службы безопасности Ахтарского холдинга. Денис окончательно запунцовел и ссыпался вниз, на второй этаж, к спасительной ванной. Когда, через двадцать минут, побрившийся и немного пришедший в себя Денис выглянул в коридор, то он обнаружил, что одежда его висит на ручке ванной. Рубашку его и носки за ночь кто-то выстирал и выгладил, а вот костюм, вероятно, было решено сдать в утиль как не подлежащий восстановлению. Поэтому к рубашке прилагались чистые спортивные брюки, видимо из гришиного гардероба: Денису они были на два размера больше.

Денис влез в брюки, застегнул рубашку и отправился вниз, на кухню.

С кухни тянуло запахом свежего кофе и доносилось аппетитное скворчание.

Денис заглянул внутрь и обнаружил, что за белым пластмассовым столиком сидит Гриша в одних штанах на босу ногу, а рядом, спиной к нему, стоит давешняя девушка и жарит яичницу. Девушка уже переоделась: теперь она была в старых джинсовых шортиках, очень коротких и кончавшихся разлохмаченной бахромой, и черном топике. Волосы у девушки

были длинные, черные и пушистые, собранные на затылке в роскошный конский хвост. Девушка повернулась, улыбнулась Денису немыслимо большими глазами и сказала:

– Привет, герой. Кофе хочешь?

– Хочу, – пискнул Денис.

Некоторое время он сосредоточенно изучал пейзаж за окном, а потом спросил:

– А как мы вчера сюда попали, а Гриш?

– Я не помню, – сказал Гриша, – наверное, ты меня довез.

– Это наверное ты меня довез, – сказал Денис, – я же даже не знал, куда ехать.

– Да ладно вам. Вас менты довезли, – сказала девушка. – Хороши вы были несказанно.

– Если нас менты довезли, – резонно удивился Гриша, – то кто же тогда бодал ворота?

– А они вас до въезда в поселок довезли, – объяснила девушка, – а дальше ты сам доехал.

– Во блин, – сокрушенно сказал Гриша, – я же весь перед разбил.

– Ты не только перед разбил. Ты габариты разбил и бок помял.

– Это что, тоже о ворота? – изумился Гриша.

– Не-а. Это где-то по дороге. Где-то ж вас менты выудили.

Денис неожиданно прыснул.

– Ну что ты смеешься? – обиженно засопел Гриша. – это тебе, может, «Крузер» не деньги купить, а для меня это вполне деньги. Опять зубоскалить будут. Вон, в прошлом месяце мой «Мерс» подорвали, так одна газета написала, что-де все машины Григория Епишкина кончали жизнь плохо…

– А за что «Мерс» подорвали? – настороженно спросил Денис.

– А он «Мерс» отдал нашему чеченскому вору, – ответила девушка, – его с вором и подорвали. А вор как раз «Крузер» нам отдал…

Денис сидел, скорчившись, на табуретке у окна и во все глаза глядел на девушку. Девушка была дивно хороша: и даже застиранные шортики не делали ее похожей на шлюшку, каковой она, несомненно, являлась. Денис глядел в окно, на буйный сад и на разбитый «Крузер», и остро запереживал оттого, что даже мелкий бандит Гриша имеет свой дом, и свой двор, и свою девушку под боком, а он, Денис Черяга, болтается без своей половинки, как глист на ветру…

Гриша поднялся и пошел куда-то из кухни прочь. Через мгновение из гостиной донеслись неясные звуки от включенного телевизора.

– Слышь… из-за чего казино у Гриши горело? – внезапно спросил Денис.

Девушка скорчила очаровательную гримаску.

– А бог его знает. Жаль, что не до конца.

– Почему?

– Пил из-за него Гриша много. Каждый вечер пьяным привозили… Вот сейчас достроят, опять будет пить… Вам чай или кофе?

– Кофе, – сказал Денис.

Тем временем поспел омлет, оказавшийся необыкновенно белым и воздушным. Девушка ловко перехватила сковородку вышитым рушником, перевалила омлет на широкую фарфоровую тарелку с сиреневыми узорами, положила рядом поджаренный хлебец и хрустящий соленый огурчик, посыпала все свежей зеленью и поставила всю эту красоту перед Черягой.

Денис положил в рот кусочек и восторженно замычал.

– Боже, какой омлет, – сказал Черяга. – едал я во всяких ресторанах, и в Париже, и в Женеве, а вот такого омлета я нигде не видал…

– У нас яйца свои, – сказала девушка, – вот и омлет вкусный.

– Как свои? – не понял Денис.

– А мы с Гришей кур держим, – объяснила девушка, – десять кур и петух. И собака вон приблудилась, охотничья собака-то, лайка. Гриша с ней на кабана ходит.

Денис сморгнул, пытаясь представить, как собственные куры сочетаются с собственным казино, хотя бы и наполовину обгоревшим, а девушка спросила:

– Хотите завтра с нами на кабана пойти?

– Не знаю, – сказал Денис, – мне завтра надо в Москве быть. К одиннадцати утра.

– Куда вы так гонитесь? – спросила девушка.

– Почему гонюсь? – удивился Черяга.

– А у вас лицо такое загнанное. И у Извольского лицо загнанное. Я его вчера по телевизору видела. Знаете, я читала, как раньше в шахтах воду вычерпывали: к колесу привязывали слепую лошадь, а перед лошадью привязывали еду. И она все время спешила по кругу за едой, а догнать еду не могла, потому что чем быстрее крутилась лошадь, тем быстрее крутилась еда. Вот вы как слепые лошади.

– А Гриша тоже как лошадь? – спросил Черяга.

– Гриша? – девушка засмеялась, и смех ее был как серебряный колокольчик. – Нет, Гриша как персидский кот. У него когда казино сгорело, мы через три дня в Таиланд уехали. Я ему говорю: «Давай останемся», а он, «А, живем-то один раз!»

Улыбнулась и добавила:

– Ну вот признайтесь честно – вам очень надо в Москву?

Денис сморгнул. Девушка стояла в полоборота к нему, опершись о кухонную плиту, на белом пластиковом столе играло солнце, и за окном в кормушке копошились воробьи, и грандиозная разборка по поводу наглой выходки Цоя, еще пять минут назад казавшаяся совершенно необходимой, вдруг как-то утратила свою важность и стала казаться пустяком перед девушкой в застиранных шортиках, июльской тайгой за окном, и вечностью.

– Денис! – истошно заорал из гостиной Гриша.

Черяга и девушка бросились к нему. Гриша смотрел в телевизор, и из раскрытого его рта сыпалась бутербродная крошка.

На экране шли новости, и Черяга с некоторым напряжением узнал интерьер японского ресторана, где они с Гришей были вчера. Правда, сейчас интерьер претерпел некоторые изменения: камера крупным планом взяла перевернутый стул и лужу крови на столе, а потом в кадр влезла хорошенькая репортерша и сказала:

– Вчера вечером в нашем городе было совершено покушение на известного предпринимателя Константина Цоя, первого вице-президента группы «Сибирь», председателя Совета Директоров Светоявленского и Успенского алюминиевого завода. Цой в серьезном состоянии доставлен в больницу. Убийца арестован – это Борис Нечаев, более известный под кличкой «Носок». По сведениям милиции, Нечаев выступал в нашей области в качестве «крыши» Ахтарского металлургического комбината, бывшего владельца шахты имени Горького. Сейчас милиция выясняет, может ли быть руководство АМК причастно к разыгравшейся вчера трагедии: во всяком случае, известно, что шефа службы безопасности АМК Дениса Черягу и Бориса Нечаева видели вчера вместе в одном из городских ресторанов…

– Это Носок – моя «крыша»? – только и сказал ошеломленный Черяга. – Да я бы ему чай заварить не поручил…

На столе в гостиной отчаянно запищал мобильник Гриши.

Уже впоследствии, путем сопоставления фактов и распросов многочисленных свидетелей, Денису и Григорию удалось восстановить нелепую последовательность событий.

Оба бандюка, оставленных ими в кабаке, некоторое время продолжали там пить. Водка действовала на них самым скверным образом – а именно, не лишая бандитов ни живости движений, ни способности чувствовать, она постепенно притупляла логические способности и звериный страх, который все живое в губернии

испытывало при имени Альбинос. Выдув по две бутылки на брата, бандюки снялись с места и перекочевали в следующий ресторан, где употребили некоторое не поддающееся идентификации количество пойла. После этого они затеяли искать Дениса и Григория, заглянули в «Версаль», не нашли их в «Версале» и наконец вспомнили, что те вроде бы направлялись в японский ресторан.

В японском ресторане Дениса не оказалось, зато оказался сам Цой, мирно кушавший сашими в компании Олжымбаева, зама губернатора и полудюжины телохранителей.

Там пострадавшие акционеры употребили еще некоторое количество сакэ, а потом старший из них, Борис, поймал за оби проходившую мимо официантку и начал при всех это оби развязывать. Видимо, его интересовали особенности национальной японской одежды. Официантка завизжала, а Альбинос отдал короткое приказание телохранителям. Телохранители встали и направились к Борису. Тот осознал всю неправильность своего поведения, выпустил официантку, поднял руки и со словами «Извиняюсь» шагнул к кабинету, в котором сидел Цой.

Телохранители облегченно вздохнули, а Борис, не говоря более ни слова, сунул руку за пазуху, выудил оттуда большой черный ствол и выстрелил Цою в лоб.

Выходка обманутого акционера была настолько неожиданной, что телохранители даже не успели среагировать. Борис был стрелок отличный и стрелял буквально с двух шагов. Ничто бы не спасло Цоя, если б пьяный бандюк в момент выстрела не поскользнулся. Ствол задрался чуть вбок, пуля буквально оторвала Цою мочку, повредив слуховой нерв и содрав кожу близ основания уха, и впилилась в стену.

Следующего выстрела, разумеется, не последовало: телохранители кинулись на Бориса, отобрали у него ствол и принялись ломать его головой стенку. Второй бандит кинулся вон, запнулся о порог и там был захвачен вторым эшелоном охранников. В ресторане начался форменный бардак. Через полчаса улица кишела ментами, телевизионщиками и врачами.

План Цоя спровоцировать бывших владельцев шахты на идиотские поступки удался на все сто. Но видимо Цой, привыкший к общению с цивилизованными особями вроде Бельского, недооценил первобытные нравы провинции.

Цоя, довольно серьезно покалеченного, увезли в больницу, буйных акционеров сволокли в ментовку, а через полчаса на место происшествия явился поднятый с постели Олег Самарин, а вместе с ним глава областного УВД и прокурор. И то, шутка

сказать: только что на подведомственной ему территории подстрелили одного из крупнейших собственников России!

На самом деле диагноз происшествия совершенно точно сформулировал Олег Самарин. Начальник РУБОП сказал:

– Типичная бытовуха. Надрался и пошел махать стволом…

Но бытовуха-бытовухой, а стреляли-то не в безработного слесаря, а в Константина Цоя!

Самарина выбранили и велели ему закнуться. Он бросился звонить Денису, потом Грише: один мобильник был выключен, другой не брали. В гостинице Дениса не было, и куда он делся, никто не знал.

Оба киллера, пребывая в крайней степени алкогольного опьянения, лыка не вязали и потому источником никакой информации быть не могли. Другое дело Цой. Рана его никак не была опасной, и хотя поврежденный слуховой нерв вызывал адскую боль, Альбинос в больнице отозвал прокурора в сторонку и переговорил с ним.

В политическом конфликте между губернатором и полпредом, стремительно превращающимся в конфликт между группой «Сибирь» и АМК прокурор области всецело занимал сторону губернатора. Цой объяснил прокурору, кого он считает виноватым, и в силу правильной ориентации прокурора ему даже не пришлось подкреплять свои слова материальными доводами.

Гриша тем временем подхватил мобильник и убежал ругаться куда-то в коридор. Девушка смотрела в телевизор широко распахнутыми глазами. Гриша вернулся в гостиную, опять схватился за трубку, не дозвонился, швырнул мобильник на диван и заорал:

– Так, Настя, живо найди ему какой-нибудь клифт, рвем когти! Немедленно!

– Куда уезжаем, – ошеломился Денис, – нам надо к Самарину, давать показания…

– Ты что, не слышал ящика?! Канай отсюда! Тебя через час примут, котлету сделают, а потом ты будешь полгода доказывать с нар, что ты не верблюд! Тебе это надо? Твоему Извольскому это надо?

Денис сообразил, что блатной коммерсант прав. Если завтра на всю Россию объявят, что начальник службы безопасности Ахтарского меткомбината арестован по подозрению в подготовке убийства Константина Цоя, то отмываться потом придется долго и сложно. У областных ментов запросто могла поехать крыша. А когда у ментов едет крыша, от них лучше держаться подальше.

– Настя, там в гараже «Нива», – выведи «Ниву», нам на «Крузере» ехать нельзя. Я вечером вернусь, Дениса в Ахтарск

отвезу и вернусь..

– А ты как же? – испугался Денис.

– За меня не бойся. Меня тут каждая собака знает, обо мне ничего по ящику не говорили. Я наоборот – во всякую дырку залезу и тебе все путем доложу. За тебя радеть буду…

Настя как-то потеряно глядела на Дениса.

– Все, поехали! Настя, сейчас пацаны подвалят, мусоров в дом не пускай, пусть с ними пацаны базарят..

Через минуту они уже стояли во дворе дома. Белая ободранная «Нива» весело фыркала и пускала из глушителя клубы плотного дыма, покалеченный «крузер» был загнан в компостную кучу, и вокруг «Нивы» с веселым гавканьем крутилась желтая лайка. Небо было ослепительно чистым, как оно бывает чистым только в Сибири, и зеленые елки вставали над красной кирпичной стеной.

Гриша запрыгнул на водительское сиденье, «Нива» тронулась, Настя на крыльце отчаянно замахала ладошкой. Денис внезапно заметил, что у Григория на пальце нет обручального кольца.

– Слушай, – сказал Денис, – а девка-то симпатичная. Ты чего на ней не женишься?

Гриша посмотрел на ахтарского гостя.

– Ты чего, Дениска? Это сестренка моя.

Денис открыл рот и закрыл его. Ему внезапно захотелось остаться в белом особнячке, несмотря на ополоумевших ментов, буйных акционеров и подстреленного в ресторане Цоя.

* * *

Как выяснилось, блатной коммерсант оказал Ахтарскому металлургическому комбинату действительно неоценимую услугу.

Областная ментовка вцепилась в дело мертвой хваткой. Начальник облУВД, прознавший, что полпред и АМК собираются его снимать, развил бешеную активность. Менты, в кои-то веки прихватившие участников громкого заказного убийства на месте преступления, кололи их с применением всех подручных средств, а когда менты замолкали, в дело вступала пресса: вот-де дескать в первый раз в жизни под руку ментам попались киллеры, замыслившие убить благодетеля области сразу после того, как тот повздорил с капиталистами с АМК, и то ментовка заматывает это дело и шьет киллерам, смешно сказать, чуть не бытовуху!

Поведение же Цоя было сколь предсказуемо – столь и подло. Уж кому-кому, а Цою было отлично известно, что АМК к

покушению на него никоим образом не причастен. Во-первых, крупные промышленники друг друга за такую малость, как пакет акций довольно-таки среднего предприятия, не мочат. Во-вторых, если бы Извольский, не дай бог, рехнулся настолько, чтобы отдать Черяге подобное указание, то уж наверняка Черяга поручил бы дело киллеру экстра-класса, а не в стельку пьяному бандюку на обоюдной попойке в ресторане.

По правде говоря, Цой просто нарвался. Если девочка каждый вечер бродит по темным подворотням, она рискует рано или поздно повстречаться с парой сексуально озабоченных выпивох. А если бизнесмен живет тем, что каждый месяц кушает по заводу, то он рискует рано или поздно повстречаться с неадекватным акционером.

Но Цой рассудил, что в драке пригодится все – и кулак, и оглобля. Разумеется, Цой впрямую Черягу в заказном убийстве не обвинял, да, кстати, ни в прессе, ни на центральном телеэкране не появился. Цой не выносил публичности, как вампир – солнечного света.

Олег Самарин практически в одиночку противостоял поднявшемуся хаю. Сделать он мало что мог. Граждане, прихваченные за покушение на Цоя, были несомненно бандитами, несомненно – акционерами шахты им. Горького и в третий раз несомненно – союзниками АМК. Проходили они не по его ведомству, и допрашивал их не он. Зато Самарин взял парочку крупных наркоторговцев, из которых один признался, что Анастас был его «крышей», а другой, измученный губернаторским фаворенком, даже снялся вместе с ним и еще кучей народа в оперативном порнофильме.

Сажать Анастаса в целом было не за что, благо соответствующую статью исключили из кодекса: но губернатор, когда ему показали пленку, резко остыл и дал приказ прокурору свернуть активность по части покушения.

– А может, Альбинос просто перепугался? – как-то спросил Денис у Извольского, – все-таки ухо человеку разворотило, чуть не оглох, говорят. И голова все время болит. Вот и среагировал неадекватно от страха.

– Константин Цой не знает, что такое страх, – ответил Извольский.

В середине июля РФФИ закончил прием заявок на участие в конкурсе по покупке угольной компании «Алябьевскуголь», расположенной в небольшой республике, входившей в состав Южносибирского федерального округа. Между Цоем, Извольским и другими участниками рынка была предварительная договоренность о том, что никто, кроме Цоя, не участвует в

приватизации. Однако когда прием заявок окончился, стало ясно, что одна из фирм представляет Извольского. Когда итоги конкурса были подведены, то выяснилось, что выиграла именно эта фирма.

Константин Цой был в ярости. Его люди давно сидели в компании, которая только формально числилась государственной. Реально же она входил в промышленную империю Цоя, – Цой основательно почистил компанию и вывел из нее все активы. Собстенно, тот факт, что АИК «Алябьевскуголь» превратилась в выеденную скорлупу, и должен был разочаровать любых мыслимых покупателей, – ведь они покупали не компанию. Они покупали билет на войну. И вот теперь Извольский заплатил за «Алябу» двадцать шесть миллионов долларов и публично заявил, что собирается судиться по поводу возврата активов.

В тот же день, когда стали известны результаты конкурса, Цой встретился со Степаном Бельским. Встреча состоялась в президентском номере «Кремлевской».

Бельский лениво развалился в кресле, а взбешенный Цой ходил из угла в угол.

– Ну слушай, а что ты хочешь? Ты его кинул, как лоха на базаре…

– Это не кидалово, – резко сказал Цой, – это ответ. Он меня хочет задушить на перевозках, ты думаешь, я отдам ему шахту? Меня зовут Константин Цой, а не Иисус Христос! Это человек, с которым нельзя иметь договоренностей. Он их дважды нарушал. Сначала по железной дороге. Теперь – по углю.

Бельский сидел, полузакрыв глаза. Он видел, что Альбинос сам себя распаляет. Полгода назад Извольский был вполне хорош. Цой пил с ним вместе водку, катался на лыжах, и приводил в пример в качестве блестящего менеджера. Потом Цой отобрал у Извольского шахту и Извольский, видите ли, стал свиньей, нарушающей договоренности…

– Он боится, что мы его в угол загоним. Угля лишим… – сказал Бельский.

Цой стремительно обернулся.

– Мы не можем загнать в угол Извольского, – сказал он, – у него плоский комбинат.[7] Понятно? У него рентабельность в четыре раза выше, чем у нас на «Тагчермете»! Если наши шахты перестанут продавать ему уголь по двадцать пять долларов, то он купит его в Австралии по сорок! А если он моим же директорам даст цену сорок, то они забудут обо всем на свете и с визгом кинутся продавать уголь Извольскому!

Цой раздраженно передернул плечами и еще раз повторил.

– Мы не можем загнать в угол комбинат с такой высокой

нормой рентабельности и таким менеджментом. Иначе бы я давно это сделал.

Бельский пожал плечами:

– Так почему мы воюем?

– Потому что мы не можем с ним помириться, не потеряв лица, – ответил Константин Цой.

Спустя две недели после этого разговора структуры, аффилиированные с группой «Сибирь», взяли в управление Акбалуйский ГОК в Казахстане, с которого АМК забирал окатыш до того, как купил Павлогорку.

Часть вторая

Пойдем в усадьбу, и, как подобает воинам, убьем всех, кто нам попадется, и захватим все, что сможем захватить.

«Сага об Эгиле»

Глава четвертая, в которой на железной дороге начинают пропадать вагоны, а гражданин по кличке Мансур высказывает неожиданные познания в электроэнергетике

Железнодорожные скидки «Южсибпрома» начали действовать 1 августа.

А первый вагон у «Южсибпрома» пропал 2 августа. Через две недели вагон нашли, но содержимое его – а были это китайские унитазы, – бесследно исчезло.

Еще через неделю пропали три цистерны с конденсатом, следовавшие из Уренгоя на местный химзавод, и сразу же – платформа с автомобилями «Нива». Платформа обнаружилась через пару недель в тупике, ни одной «Нивы» не угнали, но все – от фар до габаритов – раскурочили.

Грузы, которые возил Горный и другие перевозчики, за это время не пропали ни разу.

К проблеме подключился начальник РУБОП Черловской области Олег Самарин, и вагоны пропадать перестали. Зато выяснилась статистическая неприятность.

Если вагоны Горного, имевшего более высокие тарифы, ставились под загрузку и разгрузку немедленно, то вагоны «Южсибпрома» имели все шансы простоять под летним солнцем и два, и три дня. Их почему-то чаще забывали в тупике и присоединяли не к тем составам. К ним гораздо чаще приходили с проверкой, и эта проверка постоянно выявляла эксплуатационные дефекты.

Каждый день в офисе экспедиторской компании «Южсибпром» раздавались звонки, и экспедитор, уверенный, что оприходованная им цистерна уже поъезжает к Ставрополю, получал извещение, что цистерна стоит на запасных путях и требует ремонта, – а цистерна та уже была залита бензином и свободных емкостей не было.

Со статистической закономерностью Самарин уже ничего поделать не мог. Статистическая закономерность была уже в ведении полпреда и союзного ему ахтарского холдинга.

В начале сентября Денис приехал в Черловск. Гендиректор «Южсибпрома», некто Агафонов, бывший некогда правой рукой Андропова, был совершенно неприспособлен к быстрому течению современной жизни и глядел на все происходящее полными

изумления глазами. Воевать с Цоем оказалось не так просто, как сажать диссидентов, – Агафонов со вздохом облегчения свалил свои проблемы на молодого вице-президента Ахтарского холдинга, пожаловался ему на дух наживы, царящий в современной России, и уехал в бордель.

Денис побывал в администрации губернатора и на железной дороге, и когда стало ясно, что в один день Денису не уложиться, Денис позвонил Грише Епишкину и спросил, нельзя ли у него переночевать.

– О чем речь, Дениска! – с энтузиазмом откликнулся Гриша, – у меня как раз Настя во Францию уехала! Приезжай! Мальчишник устроим, – или погоди, ты новое-то казино видел? Я ж казино отремонтировал!

– Как уехала? – тупо переспросил Денис.

Гриша еще чего-то втолковывал ему с энтузиазмом в трубку, и Денис механически ответил.

– Конечно подъеду.

Когда Черяга, умаявшийся за день от переговоров в обладминистрации, подъехал к казино, Гриша уже был там. Дениса провели в одну из задних комнат, где за длинной скатертью разворачивалось утомительное застолье. Девочек еще не было, но водка была, причем в оглушительных количествах.

За столом сидели трое чиновников из обладминистрации и замгубернатора, с которым Денису утром не удалось встретиться.

Замгубернатора пил водку и жаловался на Цоя.

– Они даже Анастаса с вашей шахтой надули, – сказал замгубернатора, – они ему обещали половину, а выплатили треть.

– И что же?

– Ну, он ходил к папе и кричал, что шахту надо отдать вам, пока они не отдали ему вдвое больше.

Из раскрытого рта зама губернатора пахло вчерашним пикником.

Было уже заполночь, когда Денис краем глаза заметил, как в дверях появился охранник и поманил Гришу Епишкина с крайне озабоченным выражением лица. Гриша поднялся и вышел. Денис выждал десять минут и тоже вышел за ним.

Гриша стоял на балконе казино, самую малость пьяный, и тлеющая сигарета в его зубах служила отличной мишенью для снайпера.

– Слушай, Денис, у меня проблема, – сказал Гриша.

– Что такое?

– В офисе гранату нашли.

– Кто?!

– Да не беспокойся. Секретарша нашла. Она с любовником на

вечер осталась, пошли вместе мыться, чего-то там пролили и под ванну полезли, а там две гранаты в пакетике…

– Твои?

– Денис! Я че, больной на голову – гранаты в офисе держать? Секретарша вспомнила, там вроде днем толокся какой-то сантехник, трубы проверял…. Там, наверное, наружка уже стоит…

Денис прокачал в уме ситуацию и понял, что Гриша прав. Если гранату в офис ему подложили, значит, это было сделано затем, чтобы устроить обыск и обвинить Гришу в незаконном хранении оружия. Когда такие вещи подкладывают людям, обязательно тут же ставят группу наружного наблюдения, которая будет отслеживать, не подъехал ли Гриша к офису и не пора ли его брать…

Денис решительно повернулся.

– Ты куда?

– Давай ключи от твоего офиса.

Через сорок минут Денис подъехал к офису Гриши на скромной белой «Пятерке», позаимствованной у кого-то из обслуживающего персонала клуба. Офис Гриши располагался на первом этаже обычной пятиэтажки. Была ночь, окна пятиэтажки светились розовыми и белыми прямоугольничками, и наискосок от подъезда Денис заметил белый «Рафик».

Денис зашел в подъезд и стал подниматься по лестнице. Сразу же из «Рафика» выбежал человек и пошел вслед за Денисом. Когда он услышал, что Денис поднимается на четвертый этаж, он вернулся в «Рафик». Видимо, он решил, что в подъезд зашел один из жильцов.

Денис подождал еще минут десять и спустился на первый этаж. Дверь офиса открылась вполне неслышно. Гранаты отыскались там, где их оставила перепуганная секретарша, – на коврике в ванной, и Денис чуть не споткнулся о них в темноте.

Окон наружу в ванной не было, как и говорил Григорий. Денис включил в ванной свет, вывинтил из гранат детонаторы и распихал их по карманам пальто. Потом сел на край ванной и принялся ждать.

Весь расчет Дениса строился на том, что «семерочник» наверняка имеет при себе фотографии людей, которые могут приехать в офис: Григория, его партнера и сотрудников службы безопасности казино. Но фотографии Дениса у них нет точно, и они примут Черягу за одного из жильцов. Тем не менее он не хотел сразу выходить из дома, иначе наружка могла заподозрить неладное.

Он просидел в ванной минут сорок, а потом выключил свет,

осторожно выбрался из офиса и вышел на улицу. Из «Рафика» на этот раз никто не появился, Денис сел в «Пятерку» и уехал. Гранаты он выбросил с первого же случившегося по дороге моста.

В казино он вернулся к половине второго, – праздник жизни был еще в самом разгаре.

– Чьи гранаты-то? – спросил Денис.

– Да ну, не бери себе в голову! – расхохотался Гриша, – они теперь долго будут вычислять, куда делись гранаты и кто их вынес…

– А если вычислят?

– А если вычислят, так ваще в штаны наложат… Ты представляешь, кто таков должен быть Григорий Епишкин, ежели у него сам Черяга гранаты выносит…

И Гриша заразительно рассмеялся.

* * *

Гриша прилетел в Москву через три дня. Они с Черягой славно покушали, а потом Епишкин сказал:

– Есть тема, Денис. Уголовное дело на Бельского. В Черловске. Убийство.

Денис помолчал.

– Дело закрытое? – спросил Денис.

– Нет. На полке. Но если его продолжать, надо вытащить это дело в округ.

– Приличный следователь? – спросил Денис.

– Сам увидишь.

* * *

Денис появился в Черловске около восьми вечера. Сотовый телефон Гриши, как обычно, не отвечал, и Денис велел водителю ехать к Епишкину домой. По дороге он остановился у рынка и прихватил с собой самый большой букет, который нашелся у лоточницы. Букет был в половину Дениса ростом, а роста Денис был немаленького. Выглядел букет довольно безвкусно.

Когда черный «Мерс»-внедорожник остановился перед аккуратным трехэтажным коттеджем, было еще светло. Солнце как раз закатывалось за единственное, далеко на западе угнездившееся облачко, и лучи его, подобно струнам арфы, были натянуты между высоких розовых сосен, упирающихся прямо в небо.

Во дворе, над буйствующими сорняками, галдели грачи и лаяла собака.

Гриши дома, как и следовало ожидать, не оказалось. Ворота открыла какая-то старуха, видимо убиравшая в доме. Она сказала, что Григорий Ефимыч в казино и Дениса ждет туда же, а вещи можно оставить в комнате на втором этаже.

– А Настя дома? – спросил Денис.

– Дома, – ответила женщина.

Денис взял букет и пошел в дом.

Настя сидела в кухне у окна в коротенькой серебряной юбке и кофточке из оплетенных нитями дырок. А напротив нее расположился какой-то длинноволосый хлыщ: драные джинсы, синие глаза и подбродок, едва обросший половозрелой щетинкой, старательно выставляемой напоказ.

Настя кормила половозрелого хлыща тортом и радостно щебетала. При виде Дениса хлыщ оглянулся, сделал ручкой и сказал:

– Ух ты какой веник! И дядя при венике.

Денис неловко положил букет поперек стола, чмокнул Настю в щечку и спросил:

– А Гриша скоро будет?

– Не, он просил вам передать, чтоб вы в «Версаль» ехали, весь народ там.

Денис меланхолично окинул половозрелого хлыща взглядом и поехал в «Версаль».

«Версаль» сверкал в ночи рождественской игрушкой, случайно забытой на выброшенной в помойку елке, и внутри было как пожар на космическом корабле: красный свет и непонятный дым.

У входа выстроилась половина городских «Мерседесов», и молодые люди с короткой стрижкой решительно проверяли пригласительные билеты у жирных кавалеров и стройных дам. Сразу за входом необъятная мраморная лестница уводила наверх, и на всех ступенях этой лестницы стояли хорошенькие шлюшки в красных шортиках и красных же сапожках. Улыбчивый молодой человек поволок Дениса мимо шлюшек через целую анфиладу дымных, освещенных красным светом залов. В залах плясали, хихикали и играли в рулетку.

Гриша со товарищи сидел на втором этаже, в одном из приватных помещений. Рядом с Гришей сидел Царандой, гендиректор «Южсибпрома» и еще пара знакомых рыл, а в глубине комнаты, под балдахином из зеленого бархата, отплясывала девица в красных шортиках. Девица почему-то напомнила Денису Настю.

Из дивизиона бутылок на столе половина стояла опороженная, а девица уже успела снять с себя лифчик. Гриша радостно встал, покачнулся и провозгласил:

– О! Денис! А это Николай. Николай, это Денис.

Затем Гриша споткнулся о ножку стула, но был поддержан Николаем и общими усилиями водворен обратно.

– Гриша, – спросил Денис, тихо наклоняясь к Епишкину, – ты сделал, что я просил?

Гриша икнул.

– Потом, – сказал Гриша, – Дениска, ты посмотри, какие титьки! Цып-цып-цып…

Денис выпил сначала с Царандоем, потом с вице-мэром, а потом с неведомым Николаем. Красные тени в зале сделались еще краснее, и откуда-то потянуло дымком анаши. Вице-мэр взял Дениса за пуговицу и начал жаловаться ему на Константина Цоя.

Потом Денис начал куда-то проваливаться. В один из редких моментов просветления он обнаружил, что сидит со стаканом водки лицом к сцене, а на сцене почему-то стоит Царандой.

Авторитет держал в руках электрогитару, которую он отобрал у одного из членов ансамбля, и бил по струнам. Видимо, пока Царандой отнимал гитару, он успел выдернуть ее из розетки, и поэтому вместо звука было одно сухое шуршание.

– Ребята, – сказал Царандой, – вот все говорят, что Россия – дерьмо. А вот мы хорошо сидим… То есть я хочу сказать, что это неправда. Что Россия – это хорошо. Вот….

Царандой бросил гитару, взял под мышку случившуюся рядом певицу и пошел прочь с эстрады.

Денис повернул голову и увидел, что рядом с ним стоит тот самый Николай, с которым его пытался познакомить Гриша.

– Меня зовут Николай. – сказал человек.

– Что за Николай? – спросил Денис, – а, Гриша. Николай – это кто?

Но Гриша уже давно и безнадежно мок лицом в салате.

– Я из прокуратуры, – сказал Николай, – Гриша сказал мне, что вы готовы бороться с организованной преступностью. То есть что вас интересует Степа Очаковский.

– Готов, – сказал Денис, – всегда готов. С преступностью бороться надо.

– Хотелось бы перевести наше сотрудничество на деловую основу, – объяснил Николай.

Рядом остановилась девушка в красных шортиках и красном лифчике. На подносе у нее было несколько бокалов. Николай из прокуратуры замолчал.

Денис пошатнулся, взял бокал и выпил до дна. Шампанское

было шипучее и скверное. Денис разжал руку, бокал полетел вниз и разбился.

– Ах черт, – сказал Денис.

Он выпил второй бокал, и на этот раз не выпустил его.

– Н-не уходи, – сказал Денис девице. Денис вытащил из-за пазухи пачку стодолларовых купюр и стал заталкивать ее в бокал. Пачка была без банковской ленточки и заталкивалась плохо. Несколько купюр упорхнули из бокала, и Денис изловил их в воздухе. Денис взял вишенку, украшавшую один из коктейлей, бывших на подносе, надел вишенку на деньги и протянул бокал человеку из прокуратуры.

– Д-держи, – сказал Денис, – достаточно?

Две самые верхние бумажки снова слетели с бокала, Денис поймал одну и вручил ее шлюшке.

– А это тебе, – объявил Денис, – мы будем трахаться. А, Николай? Ты с нами, а?

– Да-да, – сказала девица, – мы будем трахаться.

Она взяла Дениса за руку и сделала попытку повести его из залы, туда, где вдоль коридора располагалось несколько уютных комнат с широкими кроватями и зеркалами на потолке. Но Денис не дался. Он отступил на шаг, споткнулся и сел на диван. Николай из прокуратуры вытащил доллары из бокала и поскорее запихал их внутрь пиджака. Он тоже был пьян, но вид долларов, видимо, вызывал у него безусловный рефлекс.

– Мы будем трахаться здесь, – сказал Денис.

Потом он повалился на диван и заснул.

– Отдай деньги, – сказал Николай из прокуратуры девице.

Та взвизгнула, и Николай отвесил ей пощечину.

– А ну шлюха, – заорал Николай, – это не твое!

Девица испуганно выгребла зеленую бумажку из лифчика. В воздухе плавал красный дым, вилась вокруг шеста стрпитизерка, и где-то далеко за задернутыми окнами плыла круглая, как металлический рубль, Луна.

На следующий день Гриша отвез Дениса на дешевую и видимо, конспиративную квартиру, затарившись по дороге упаковкой пива.

Сотрудник прокуратуры Николай уже был на месте. В небольшой гостиной стоял низенький столик с диваном и креслами. Николай, в обтягивающем черном свитере, сидел в одном из кресел. На столике лежала пухлая папка, и туда же Гриша сгрузил упаковочку пива.

Двустворчатая дверь из гостиной была распахнута, и тут же за ней начиналась спальня с широкой, неровно заправленной кроватью.

Гриша вторично представил их друг другу, выпил с ними по кружечке пива и поднялся:

– Ну вы тут без меня побазарьте. А я домой и обратно в казино.

– За встречу! – сказал Николай, широко улыбаясь и свинчивая горлышко бутылке. Денис принялся за изучение папки.

Уголовное дело на Степана Бельского поражало своей классической простотой. События, послужившие его возникновению, произошли в 1995 году, в самом начале приватизации, когда на пути будущей группы «Сибирь» подвернулся Черловский авиационный завод. Завод едва держался на плаву за счет контракта на модернизацию сирийских «МиГов» и имел довольно неплохие перспективы в случае, если ему разрешат самостоятельный экспорт. Группа зашла на завод и принялась модернизировать «МиГи».

Директор завода довольно трезво оценил положение и сообразил, что для подкупа губернатора у группы имеется куда больше денег, чему него. Поэтому он зазвал Цоя в кабинет, где и предложил ему уплатить пятьсот тысяч баксов и дербанить завод, как хочет.

Цой вручил директору требуемую сумму, после чего директор отправился к губернатору и, передав ему двести тысяч долларов (из пятисот), объяснил:

– Это тебе мои личные деньги, чтобы ты прогнал Цоя с завода.

Губернатор, добрая душа, получил деньги и выкинул Цоя.

Возмущению Цоя не было предела. Во-первых, будучи выкинута с завода, группа понесла значительные материальные убытки. Во-вторых, еще значительней был нематериальный урон: выходило, что крутейших москвичей, о жутких обычаях которых и связях в правительстве говорили не иначе, как шепотом, поимел директор свечного заводика. Ослушника надо было давить в зародыше: быстро, примерно и жестоко.

Генерального директора изловили прямо на летном поле. Генеральный, разумеется, знал о недовольстве москвичей и принял соответствующие меры предосторожности. В частности, он обзавелся службой безопасности во главе с известным в городе спортсменом Курбановым по кличке Курбан. Этот-то Курбан и встречал его на летном поле на собственном джипе.

Единственное, до чего не додумался директор – это до того, что Степан Бельский вульгарно перекупит Курбана. Директор влез в поджидавший его джип и поехал с поля, очень довольный собой и судьбой. И только когда джип свернул с привычной дороги, директор запаниковал и принялся рваться на волю.

Директору дали по зубам и привезли в заброшенный пионерский лагерь, где его поджидал Бельский со товарищи. Московских братков было шестеро, и курбановских спортсменов тоже было шестеро – обе стороны не слишком доверяли друг другу. Дело было в конце октября, в опустевших домиках было холодно и сыро, сторож пионерлагеря – брат одного из курбановских спортсменов – благоразумно сидел в своей будке, включив телевизор, и ни во что не вмешивался.

Курбан и Бельский завели директора в небольшую служебную комнатку, приковали к стулу и принялись объяснять, как он неправ. Главным логическим доводом служил включенный в сеть электропаяльник. Паяльник убедил директора, тот видимо упал духом и согласился на все их условия.

Тогда из соседней комнаты призвали юриста областного фонда имущества, и юрист принялся составлять договор, согласно которому директор Мельников продавал все контролируемые им акции ОАО «Черловский авиационный завод» трем фирмам, принадлежавшим соответственно Бельскому, Цою и Курбану.

В комнате, кроме Курбана и Бельского, были еще двое братков с автоматами, и юрист, составляя договор, время от времени косил на них глазом испуганной лани.

Планируя всю эту операцию, москвич Бельский не учел одной существенной детали. А именно, того, что грузный шестидесятилетний директор Мельников во время Великой Отечественной Войны служил диверсантом-разведчиком и даже имел Героя Советского Союза за подвиги в тылу врага. Поэтому, когда юрист кончил писать договор и ражий спортсмен по знаку Бельского снял с директора наручники, то директор ухватился не за протянутую ему шариковую ручку, а, напротив, – за автомат, свисавший с плеча спортсмена.

Директор спустил предохранитель и, рванувшись со стула, обдал комнату широкой веерной очередью. Первые же несколько пуль попали в стоявшего рядом с ним спортсмена: тот сложился, как картонка, и рухнул на пол. Еще одна пуля швырнула на пол юриста. Бельский находился слишком далеко от директора, чтобы остановить его или сбить с ног. Дуло автомата начало разворачиваться в сторону московского авторитета. В следующую секунду Бельский выстрелил: пуля попала директору точно между глаз.

Это была катастрофа.

Ни у Бельского, ни у Курбанова и в мыслях не было гасить директора: лоха следовало закошмарить, отобрать завод и отпустить с миром. Может, когда потом его бы и пристрелили –

но уж, разумеется, не лично Бельский и не на глазах посторонних людей.

В комнату вбежали несколько спортсменов, но помощь их уже не требовалась. Директор лежал на полу в луже крови. Чуть поодаль заходился криком подстреленный юрист. Бельский наклонился над юристом: того ранило довольно серьезно, пуля прошла через руку и грудь и, видимо, задела легкое.

– Выйдем, – сказал Бельский Курбану.

Оба бандита шагнули в коридор.

– Что с лохом будем делать? – мягко спросил Бельский.

Курбанов поежился. Юриста – ежели спасать ему жизнь – требовалось везти в больницу. Пропажа директора авиазавода и появление в больнице юриста с огнестрельным ранением, естественно, вызовет у ментов любопытство. А если учесть, что директор в последнее время был другом губернатора и ментовку подкармливал часто и охотно, то любопытство это будет долгим и въедливым. Конечно, юрист был свой кадр и замазан в куче дел, – но что взбредет в голову подраненному лоху, которого охраняют менты и который наверняка сообразит, что его вполне могут убрать как единственного некриминального свидетеля громкого убийства?

– Ты его подстрелил, тебе его и добивать, – сказал Курбанов.

Бельский, сощурившись, взял Курбана за свитер.

– Ты мне по жизни должен, понял? – сказал он. – Ты без меня покойник был. Чей мудак с автоматом ему подставился? Твой. Иди и убери юриста. Чтоб мы вместе в этом были. Понял?

Курбанов был в панике, но его жадность была больше его паники.

– Я убираю юриста, – сказал Курбанов, – а вы отдаете мне завод.

– Хорошо, – ответил Бельский.

Бельский не соврал: в течение следующих двух недель контрольный пакет Черловского авиазавода, которым доселе владел директор и группа менеджеров, через ряд компаний оказался записан на группировку Курбана.

Другое дело, что группировка не умела, да и не могла обеспечить заводу ни сбыта, ни контрактов, ни комплектующих. Завод мгновенно оказался опутан сетью мелких фирмешек. Фирмешки высосали из него все деньги, забрали продукцию – и проделано это было так хитро, что в итоге завод им же и оказался должен. На первый взгляд в фирмешках тоже сидели люди Курбана. Но только на первый взгляд. Люди Курбана только отвечали за все и приносили своему шефу тоненький пакет с наличкой, а основные финансовые потоки плыли в направлении

настоящих хозяев фирмешек – группы Константина Цоя.

Курбану при этом деньги тоже перечислялись, – на счет небольшой оффшорной фирмы в Лихтенштейне. Фирму зарегистрировал Цой, потому что Курбан разбирался в оффшорках, как свинья в апельсинах, и Курбану сказали, что он – ее единственный владелец.

Особых перемен на заводе не произошло: группировка Курбана как охраняла его, так и продолжила охранять. Директор завода исчез: некоторое время говорили, что Курбан прячет его от москвичей. Но потом по области поползли нехорошие слухи. Скандал начал разрастаться, газеты задавали нелицеприятные вопросы – ведь пропал, в конце концов, не какой-нибудь начальник хлебопекарни, а герой Соцтруда, директор градообразующего и секретного предприятия.

Через три месяца после убийства генерального в область приехал Константин Цой. Разговор между ним и губернатором шел об угольных разрезах, а в конце разговора Цой спросил:

– А кстати, Курбана-то этого, который Мельникова убил, арестовали или нет?

– Почему ты считаешь, что Мельникова убил Курбан? – спросил губернатор.

Цой пожал плечами.

– На аэродроме его Курбан встречал? Курбан. Завод Курбану достался? Курбану. Вот смотрите, что происходит! Человек отказался с нами сотрудничать. Нанял бандюков для защиты. Бандюки же его и убили. Завод взяли себе. Акции записали на свои фирмы. Зарплаты четвертый месяц не платят, налогов не платят, все деньги Курбану идут. А избирательную кампанию вам кто будет оплачивать?

– А вы? – простодушно сказал губернатор.

– Так что ж мы будем оплачивать, если у вас такая политика, что за наши же деньги на этом заводе бандит сидит!

– Вообще-то это безобразие, – сказал губернатор, – моего личного друга убили какие-то бандиты, а МВД даже не шевелится. Завтра же распоряжусь!

Спустя три месяца Курбан позвонил Бельскому из Вильнюса. Он был в панике. Ментовка обкладывала его, методично и планомерно. Все считали, что если завод отошел Курбану, то и директора завалил он. Деньги с завода куда-то утекали, тот оказался не столь прибылен, как думал Курбан. Губернатор тоже, видимо, имел преувеличенные представления о потоке наличности, генерируемой заводом: во всяком случае, через посредников до Курбана доходили предложения договориться, но суммы, которые в них упоминались, были какие-то совершенно

несообразные.

Курбан требовал помощи:

– Если меня возьмут, я за всех грузиться не буду! – заявил Курбан, – я на себя Мельникова не возьму!

– Погоди, успокойся, – отозвался Бельский, – ты откуда звонишь? Из дома?

– Нет. Я в Вильнюсе. Я свалил.

Голос Бельского прозвучал в трубке с секундной задержкой.

– Завтра мой человек будет у тебя. Мы тебе поможем.

На следующий день посланец Бельского действительно приехал в Вильнюс. Он рассказал, что Бельский и еще один человек из очаковских лидеров сейчас в Нью-Йорке, и пригласил Курбана в Нью-Йорк. Курбана к этому времени уже объявили в розыск, пока только на территории России. Его снабдили липовыми документами и выдали билет и визу в Америку, и так как его пригласили в Америку, а не в какой-нибудь Усть-Засранск, Курбан не почувствовал подвоха.

Его спасла случайность. Курбан летел в Нью-Йорк с пересадкой во Франкфурте, и так как он летел первым классом, то на пересадке он прошел отдохнуть в VIP-зал. Там он встретил знакомого коммерсанта из соседней области. Коммерсант еще не знал, что Курбан в розыске. Коммерсант уселся в широкое кожаное кресло напротив Курбана и сказал:

– А Цой-то с вашим губернатором закорешился! Я у него в приемной сидел на предмет поставок угля, тот час не выходил, с кем, думаю, там сидит? А выходят в обнимку с Цоем!

– Ну и что? – сказал Курбан, который, напомним, по большому счету, был простой сибирский валенок и во взаимоотношениях в высоких сферах разбирался очень плохо. Он даже не знал, кто именно делал ему оффшорки.

– Ничего, – сказал коммерсант, – но он же под Бельским ходит. Тебя-то как, не съедят? Вроде Бельский на заводе твоем блатовал…

Курбан рассеянно попрощался с коммерсантом и покинул VIP-зал. В Нью-Йорк он не полетел. Он полетел в Швейцарию. В Швейцарии он позвонил в банк, в котором Бельский открыл счет его фирме, и узнал, что те деньги, которые Бельский перевел ему как часть доходов завода, были позавчера отозваны со счета. Переведший деньги банк написал, что произошла ошибка, и отозвал платеж.

Курбану все стало ясно.

Бельский и Цой разводили его с самого начала. Как только толстая девятимиллиметровая пуля из ПМ превратила гендиректора ЧАЗа в покойника, Бельский сразу понял, что кто-то

за эту смерть будет отвечать. И если группа Цоя сразу же возьмет завод под себя, то она и будет ходить в убийцах.

Курбан сам себя погубил собственной жадностью, вызывавшись управлять заводом. Группа сделала его, – его, бандита, имя которого наводило ужас на половину области, – не владельцем управляющей компании, а козлом отпущения. Зиц-председателем «Рогов и копыт»!

Они опутали его завод долгами, они тянули с него деньги, и все то время, пока они доказывали Курбану, какая убыточная эта штука – авиазавод, Цой, располагающий полными сведениями о потоках наличности завода, ходил к губернатору через задний ход и рассказывал, какие на самом деньги гоняет Курбан через завод! И даже те жалкие бабки, которые они отдали ему, – даже эти бабки они стрясли с его счета, справедливо полагая, что деньги покойнику ни к чему, а Цою, напротив, пригодятся…

Было ясно: там, в большом и шумном Нью-Йорке, в гавани за статуей Свободы, Александра Курбанова по кличке Курбан ждал не новый паспорт, вилла и собственный банковский счет. Его ждала пуля наемного убийцы, которая навсегда уберет с пути группы Цоя мелкого сибирского братка. И кто знает? Очень может быть, что перед смертью его любезно пригласят сказать под видеокамеру, куда он дел труп директора и куда выкинул «мокрый» ствол, тем самым навсегда обезопасив Бельского от возможного обвинения в убийстве…

Курбан снял со швейцарского счета те небольшие деньги, которые там оставались – сорок или пятьдесят тысяч долларов – и бесследно пропал. Ни российские менты, объявившие его в розыск, ни киллеры Бельского так и не смогли взять его след.

Что же до Черловского авиазавода – его имущество было очень быстро передано в новую контору, принадлежавшую Цою.

Денис закончил читать справку. Николай за это время освоил две бутылочки пива и теперь сидел в кресле, сползя вниз и разглядывая Дениса большими кругыми глазами с длинными рестинцами. Ресницы слегка хлопали.

– Вот это дело, – сказал Николай, – мы бы могли вновь открыть.

– Основания?

– Вновь открывшиеся факты.

– Какие же?

В дверь кто-то постучался.

– Заходи, – громко крикнул Николай.

Щелкнул ключ, и спустя минуту в гостиной нарисовался невысокий гибкий паренек лет шестнадцати с развинченными движениями наркомана. Денис подчернуто замолчал.

– Свои, – сказал следователь.

Паренек прошел мимо них в спальню и сел на кровать. Николай перегнулся через столик и негромко заговорил:

– При убийстве только курбановских было шесть человек. Непосредственно. Один дал показания. Завели дело. Свидетеля убили, Цой занес взятку, дело кончилось. Остальные свидетели молчат.

– Ну и?

– А вы представьте себе, – осторожно сказал следователь, – что Курбана все-таки нашли. И арестовали. И что в преддверии его экстрадиции кто-то начал гасить остальных свидетелей.

Васильковые глаза куратора службы безопасности Ахтарского металлургического комбината, не мигая, уставились в прозрачные гляделки черловского следователя.

– И кто же их будет гасить? – в упор спросил Денис.

– Мне какая разница. Вы хотите бороться с преступностью? У вас же вон, чекисты в союзниках? Вот и боритесь.

Денис скосил глаза. В спальне паренек скинул с себя ботинки и вытащил из-под кровати какие-то носки.

– Я подумаю, – сказал Денис.

Денис расстался с сотрудником прокуратуры, жаждавшим бороться с преступностью, около пяти вечера. На улице уже темнело: черный «Мерседес» Дениса мок под дождем.

На этот раз Настя оказалась дома одна. Вчерашний букет Дениса стоял на окошке и отражался в темном стекле, как новогодняя елка.

– О! Ну, как там было в казино? – сказала Настя.

Денис почувствовал, что краснеет.

– Никак, – буркнул он, – я заснул.

– Чаю хотите?

– Хочу, – сказал Денис.

Белый электрический чайник, очертаниями похожий на пингвина, закипел слишком быстро, и чай в фарфоровых чашечках оказался темный и ароматный, ровно того же цвета, что и глаза Насти.

Дом у Гриши был большой, но собственно кухня была почему-то невелика и казалась еще меньше от обилия техники. Почти половину свободного пространства занимал белый пластиковый стол. За этот-то стол под букетом и уселся Денис, а Настя свернулась на стуле наискосок от него. Денис прихлебывал, морщаясь, чай, и смотрел на Настю.

А Настя уперла кулачок в подбородок и сказала:

– А Гриша в своем джипе ствол нашел.

– Когда?

– Да неделю назад. Мы утром встали, Гриша пошел во двор, смотрит, а у машины стекло разбитое. Посмотрел – вроде ничего не взяли. Раз не взяли, значит подбросили. Ну, он вызвал ребят, они осмотрели машину, а за задним сиденьем лежит «макаров».

Настя перегнулась через стол.

– Гриша говорит, что это значит, что где-то мент сидит купленный. Из отдела по борьбе с незаконным оборотом оружия. Потому что если б мент был из обнона, то подбросили бы наркотики, а если мент из обэпа, то пришли бы с проверкой в казино.

– И что же Гриша сделал?

Настя пожала плечиками.

– А ничего. Выкинул он этот «макаров» и ездит, как прежде.

Денис молча прихлебывал обжигающий чай. Он старался не глядеть вбок, туда, где из-под белых шортиков высовывались восхитительно загорелые, точеные ножки Насти. Он слишком хорошо помнил, как вчера половозрелый юнец обозвал его «дядей». Поэтому Денис смотрел не вбок, а прямо. Настя заметила это, обогнула стол и уселась прямо напротив Дениса на подоконник, весело болтая длинными ножками.

– А что это за парень был тут вчера? – спросил Денис, – твой жених?

– Не-а. Он насчет наркоты приходил.

– Он что – колется?

– Он и колется и торгует, – сказала Настя. – Он в юридической академии торгует. Представляешь? Он уже половину будущих прокуроров на иглу посадил. Ему и меня на это самое пристроить хочется.

– А зачем ты с ним водишься?

– А я не вожусь, – рассмеялась Настя, – я ему сказала, что ты мой жених и что ты его порвешь, как Тузик грелку. Это все из-за казино. Царандой хочет, чтобы Гриша там дурью торговал, а Гриша не хочет опять под Царандоя лезть.

Сердце Дениса плеснулось в груди пойманной рыбой, Настя внезапно перегнулась через стол и зашептала:

– Денис Федорыч, а, вы ведь сегодня опять в казино пойдете, возьмите меня с собой, а?

Денис заморгал, а Настя жарко продолжала.

– Там будет сегодня карнавал, я знаю, он везде приглашения рассылал. Там будет жутко красиво, верхнего света не будет, а везде только красный свет и курильницы индийские. И так: ты входишь, а там такая мраморная лестница наверх, квадратная, и повсюду девочки, знаете, как всегда у него: в красных шортиках и в красных курточках, а еще другие девочки в бальных платьях. И

они будут танцевать, сначала с платьями, а потом без платьев, и все это в дыму этом…

– Ну и как же я тебя протащу? – убито спросил Денис. У него из головы не шло то, что Настя сказала насчет Царандоя.

– Погоди!

Настя взвилась с табурета и убежала куда-то наверх.

Коротко вякнул сотовый. Денис взял его и хотел отключить, но потом заметил, что на дисплее высвечивается номер Извольского. Голос шефа был холоден и сух.

– Как дела? – спросил Извольский.

– Есть новости. Надо обсудить.

Денис, как и большинство российских менеджеров, был привычен к мысли, что его телефонные разговоры не только постоянно прослушиваются, что было бы еще полбеды, – но что распечатки этих разговоров могут быть прочитаны любым желающим за весьма скромную сумму. Поэтому и изъяснялся он по телефону обиняками, никогда не называя имен, мест и ситуаций, а предпочитая обходиться словами «наш общий друг», «тот, о ком шла речь», или же «помнишь, тот человек, который не любит футбола».

– У завода проблемы, – сказал Извольский, – Нам не хватает окатыша. Вместо сорока вагонов в вертушке[8] их осталось двадцать три. Остальные якобы в ремонте. Причем из этого ремонта они уходят в Экибастуз и там возят уголь с разрезов Цоя. У тебя завтра встреча с губернатором, съезди перед ней в Павлогорск.

– А…

В трубке раздались короткие гудки.

Денис поднял глаза и обомлел. Перед ним стояла Настя, в красных шортах с курточкой и красных же ботфортах. Между шортами и высокими, выше колен сапогами белели длинные, как у жеребенка, ножки. Бог его знает, где Настя раздобыла этот наряд девиц из казино. В горле у Дениса мгновенно пересохло, и он уставился на девушку взглядом, в значении которого невозможно было ошибиться. Настя засмеялась и уперла ручки в боки:

– Ну что, возьмешь с собой?

– Настя, – сказал Денис, чувствуя себя абсолютным дураком, – я должен ехать. В Павлогорск.

– Когда?

– Сейчас.

Извольский был не первый человек, который заметил нехватку вагонов: первым был директор Павлогорского ГОКа Сергей Ахрозов.

Ахрозов отзвонился в Ахтарск еще день назад, но Извольского на заводе не было, и разговор его с директором по производству вышел весьма мирный. Затем Ахрозов связался с гендиректором «Южсибпрома», но тот по незнанию материала разговора не поддержал, зато охотно посудачил с Ахрозовым на тему, что губернатора и всю его свору надо сажать в концлагерь.

После этой содержательной беседы Ахрозов велел своему начальнику депо к концу недели отремонтировать все собственные вагоны, еще раз позвонил на АМК и отправился обедать.

Он пообедал в заводской столовой, в отдельной комнате, предназначенной для начальства. В комнате был стол, покрытый белой накрахмаленной скатертью, а на столе – граненые стаканы, поднос с хлебом и беленькие щербатые тарелки с надписью «общепит».

На обед Ахрозову подали густые щи и котлету с гарниром из пшенки, ровно то же, что подавали в столовой всем сотрудникам заводоуправления, а так как Ахрозов был начальством, ему порезали еще копченой колбасы и поставили на стол минералку.

Ахрозов отправил все это в себя с таким же равнодушием, с каким водитель заливает внутрь казенной машины 76-й бензин вместо 92-го, запил пшенку минеральной водой, и отправился к мэру, с которым у него был предварительный уговор о встрече.

Однако оказалось, что мэра на месте нет: тот спешно укатил в областной центр. Ахрозов поехал на местную железную дорогу и поговорил с ее начальником. Разговор шел на очень повышенных тонах.

Ничего не добившись насчет вагонов, Ахрозов поехал обратно и пути заехал на один из трех карьеров, добывавших руду для ГОКа.

Несмотря на август, погода была отвратительной. Вот уже третий день над Павлогорском шел злой мелкий дождь, температура упала до плюс десяти, и БелАЗы, выкатывавшиеся из карьера, роняли на дорогу комья белой грязи.

Джип Ахрозова спустился в карьер и остановился около огромного шагающего экскаватора. Экскаватор стоял у самого конца узкоколейки и раз за разом опорожнял пятитонный ковш в разверстые зевы вагонов.

Ахрозов поднял руку, и экскаватор остановился. Экскаваторщик – грузный мужик лет сорока – по знаку Ахрозова спустился вниз по лесенке. Кабина, в которой сидел экскаваторщик, находилась на высоте четвертого этажа.

– Позови прораба, – сказал Ахрозов.

Прораба искали довольно долго – минут двадцать. Ахрозов

понимал, отчего тот прячется, но в конце концов его нашли. К этому времени по карьеру пробежала весть о приезде Ахрозова, и к экскаватору собралось человек шесть или семь других рабочих.

Наконец пришел и прораб.

– Куда идет состав? – спросил его Ахрозов, хотя ответ был, разумеется, ясен.

– На фабрику.

– Почему вскрышу грузишь вместо руды?

Прораб сморгнул. Он грузил пустую породу, потому что бригада только начала разрабатывать пласт, и если бы он вывозил вскрышу в отвалы, то бригада бы не выполнила еженедельный план. Если бы план был не выполнен, зарплата упала бы на двадцать процентов. Прорабу было сорок пять лет, и он грузил вскрышу на фабрику и при прежних хозяевах, и при советской власти: при советской власти вообще чего только не делали! И вскрышу на фабрику, и породу в отвалы, и приписывали к добытым тоннам чуть ли не нули…

– Да чего ж она пустая? – вздумал спорить прораб.

И тут раздался звонок Извольского.

Извольский был взбешен. Он только что прилетел в Ахтарск. Зам по производству побоялся сказать ему о нехватке вагонов, и вышло только хуже: Извольский узнал о проблеме, включив компьютер и заметив данные о непозволительно малых запасах окатыша на складах.

– Почему нет вагонов? – спросил Извольский.

– Я решу эту проблему, – ответил Ахрозов.

– Денис будет завтра у тебя. Посмотрит, как ты ее решаешь.

– Я справлюсь без Дениса.

– У тебя была неделя без Дениса. Мне что, городской мусор в домну сыпать?

И Извольский бросил трубку. Она тут же зазвонила опять. Ахрозов машинально включил телефон, ожидая, что это снова Извольский, но голос, звучавший в трубке, был нежен и тих:

– Сережа? Это Анастас. Говорят, у вас трудности с вагонами. Приезжай ко мне завтра, обсудим…

Ахрозов выключил телефон и повернулся к прорабу. Тот по-прежнему объяснял, что порода не пустая, вот только случайно так вышло, а если посмотреть, так оно в общем-то руда…

Ахрозов размахнулся и ударил прораба под дых. Тяжелый ватник смягчил удар, но прораб все равно задохнулся и упал на колени. Ахрозов прибил его еще раз – сапогом по шее. Прораб опрокинулся на спину.

Экскаваторщики попятились, а охранник Ахрозова бросился на босса и попытался удержать его от рукоприкладства, но

получил удар кулака и отлетел в сторону.

Ахрозов бросился на прораба, сгреб горсть вскрыши и принялся пихать ее прорабу в рот, с криком:

– Это руда? Ты у меня эту руду с кровью сожрешь!

Тут охранник снова кинулся на него, и к нему на помощь подоспел выскочивший из джипа шофер. Вдвоем они оттащили директора от прораба и кое-как впихнули в джип.

Рабочие стояли в оцепенении. Прораб лежал возле рельс, не шевелясь. Белая мокрая грязь под ним постепенно розовела. Джип Ахрозова завелся и пошел задним ходом. Через минуту он остановился, из него выпрыгнул шофер и подбежал к неподвижно лежащему человеку.

– Жив? Ну, слава богу, – сказал шофер, когда прораб под его руками шевельнулся и застонал. – Ну чего стоите, Ироды! В больницу его везите!

– Так чего объяснять в больнице-то? – несмело спросил один из рабочих.

– Хочешь на ГОКе работать? Скажи, что сам упал!

* * *

Когда шофер запрыгнул в машину, директор уже начал приходить в себя. Он молча обмяк на заднем сиденье, а охранник слегка придерживал его за плечи, опасаясь новой вспышки ярости.

– Нельзя же так, Сергей Изольдович, – сказал водитель, – неровен час, убьете кого-то. Скандал будет.

– Давай к заводоуправлению, – хрипло ответил Ахрозов.

По стеклам машины ползли дождевые капли, вокруг неровной, страшно деформированной воронкой простирался желто-серый котлован со склонами, нарезанными серпантином, и чахлыми березами далеко наверху.

Джип приостановился, разъезжаясь с БелАЗом. С соседнего языка породы хлестала вода. Водители часто мыли здесь машины.

– Останови, – сказал Ахрозов.

Джип остановился, и директор, как был, в свитере и штанах, полез под водопад. Ахрозов стоял там минут пять, а потом вернулся в машину, продрогший и мокрый. Когда он вытащил мобильник и попытался позвонить, оказалось, что тот издох.

Сергей Ахрозов вернулся в заводоуправление через полчаса, предварительно заехав домой переодеться. В предбаннике его ждали посетители, но Ахрозов запускать их не стал, а бросил секретарше Любе:

– Я занят.

Прошел в кабинет и дважды повернул в двери ключ.

На столе зазвонил селектор.

Селектор в кабинете Ахрозова был старый, обустренный еще в 60-х годах, когда партия и правительство объявили Павлогорск ударной комсомольской стройкой, и на потемневшей от времени панели до сих пор можно было различить надписи, гласящие: «горком», «горисполком», «1-й секретарь обкома». Тут же стояла вертушка, обеспечивавшая непосредственную связь с Москвой.

Ахрозов подождал, пока селектор умолкнет, подошел к небольшому сейфу, стоящему в углу, и отпер его. В сейфе лежали разноцветные папки с бумагами и пачки американских денег – на всякий оперативный случай. Ахрозов отодвинул бумаги и деньги, запустил руку вглубь сейфа и вытащил оттуда спичечный коробок и алюминиевую, слегка почерневшую от огня ложку.

В коробке был запаянный пластиковый пакетик, а в пакетике – белый порошок. Порошка было много. Его было так много, что если бы Ахрозов попался с порошком, ему бы полагался срок отнюдь не за употребление, – а за хранение оптовой дозы наркотика.

Ахрозов еще раз заглянул в сейф и вынул оттуда упаковку одноразовых шприцов. Одинаковых пластиковых трубочек со сверкающей иглой, по острию которой пролегала дорога в рай. Единственное, чего не боялся никогда Ахрозов – так это заразиться какой-нибудь гадостью. Генеральный директор Павлогорского ГОКа кололся только одноразовыми шприцами и употреблял их только один раз.

Телефон зазвонил снова – на этот раз мобильный. Каким-то образом он ожил после душа. На дисплее высветился тот же номер, с которого намедни звонил Анастас. Ахрозов нажал «отбой» и отключил телефон.

Генеральный директор выложил перед собой пакетик с героином, упаковку шприцов и ложку, сел и долго смотрел на героин застывшими, ничего не выражающими глазами. По экрану компьютера ползли таблицы – огромный комбинат отчитывался перед директором в сделанном и несделанном. За окном между двумя рамами жужжала муха.

Ахрозов сидел минут пять. Потом он пододвинул к себе графин с водой, неспешно вспорол пакет с героином и высыпал его в воду. Получившееся пойло он тщательно взболтал и вылил в туалет. Прополоскал графин и снова опорожнил его.

Упаковку со шприцами он сунул во внутренний карман куртки. Шприцы было проще всего выкинуть где-нибудь по дороге или в ресторане. В конце концов, в туалет их не спустишь, а сами

по себе криминальной уликой шприцы не являлись.

Потом Ахрозов нажал на кнопку селектора и сказал секретарше:

– Где там баба, которая насчет ребенка и матпомощи на операцию? Пусть заходит.

Героин, который Ахрозов вылил в канализацию, стоил около двух тысяч долларов. Чернорабочему на ГОКе надо было работать год, чтобы заработать такие деньги.

* * *

Этим вечером Извольский заехал на дачу к одному своему приятелю – заместителю министра путей сообщения. Они обсуждали новую кандидатуру на пост начальника Черловской железной дороги.

Потом Извольский остался на обед, и отобедать к заместителю министра заехал его сосед по даче – глава банка «Ивеко» Александр Арбатов.

Александр Арбатов и Вячеслав Извольский ненавидели друг друга. Арбатов был банкир, Извольский – производственник. В самом начале приватизации Арбатову приглянулся Ахтарский металлургический, однако его довольно грубо попросили вон и в дальнейшем отказывались от сотрудничества.

Арбатов пытался влезть на комбинат и тем и этим боком, успел порядочно нагадить металлургам в бытность свою вице-премьером, – да так, что после одного из заседаний чрезвычайной комиссии по долгам Извольский отыскал его в респектабельном ресторане и набил Арбатову морду.

Спустя год после этой драки три липовых фирмы, формально принадлежавшие заму Извольского, увели у стального короля семьдесят пять процентов акций комбината, машину самого Извольского нашпиговали из двух автоматных рожков, и отбиться от банка Извольский сумел только благодаря хладнокровной изворотливости, приправленной изрядной дозой удачи.

Поединок с Извольским не прошел Арбатову даром. Все знали, что олигарх Арбатов вонзил было зубы в Ахтарский металлургический – и вынужден был выпустить жертву, поскольку по зубам ему дали, и крепко дали. Служба безопасности Арбатова распустила по рынку слухи, что Извольский не столько отбился, сколько откупился, заплатив Арбатову дань в пару сотен миллионов долларов.

Но слух вышел чрезвычайно некстати, его услышал один из крупных кредиторов банка, человек нефтяной и авторитетный, и

потребовал этих денег в возмещение своих убытков. Так и вылезла правда о том, что Извольский отбился от Арбатова бесплатно, а значит – имеет на него какой-то чрезвычайный даже по нынешним временам компромат.

Словом, вся эта история банк ослабила до крайности и послужила причиной некоторого его политического заката.

– Добрый день, Вячеслав Аркадьич, – спросил Арбатов, – как здоровье?

– Вашими молитвами.

Арбатов вышел в сад, указал рукой на плетеный стул и сам сел напротив.

– Вчера я встречался с Альбиносом, – сказал банкир, – он предложил мне уступить права на те старые оффшорки. На которых висят спорные акции вашего комбината.

– Во-первых, эти оффшорки не имеют никаких прав на акции комбината, – ответил Извольский, – во-вторых, они принадлежат нам.

– Тем не менее Альбинос был готов купить ситуацию. И отспорить продажу.

– И за сколько?

– Альбинос предложил мне предоставить ему право судиться за эти оффшорки, а прибыль – пополам.

– А ты? – спросил в упор Извольский.

– Я сказал, что не подписываюсь.

«Шиш бы ты не подписался, – подумал про себя Извольский, – если бы у меня в сейфе не лежали показания посланного тобой киллера. Ты бы урчал от удовольствия, как кот, которого наконец-то допустили к сметане, вы бы вдоем устроили охоту на мой комбинат, а потом, раздодрав меня и мой холдинг, вы бы передрались за добычу».

– Спасибо, что поставил в известность, – сказал Извольский.

– Всегда рад сотрудничеству, – ответил Арбатов.

Легко поднялся со стула и через мгновение исчез за зеленью дорожки.

* * *

День без наркотика был невыносимо долог.

Ахрозов обнаружил, что он совсем не может есть. Зато все время хотелось сладкой газировки: директор выпил несколько поллитровых бутылочек «Пепси» и «Фанты» и послал секретаршу за новой порцией.

Ахрозов знал, как это будет: он уже дважды пытался

избавиться от наркозависимости.

Впервые наркотики он попробовал в тюремной камере – той самой камере, в которую губернатор засадил непокорного директора Карачено-Озерского ГОКа. Раскрашенный, весь в перстнях, уголовник, почти насильно вколол ему шприц, и Ахрозов так до конца и не знал, был ли тот уголовник просто барыгой, рассчитывавшим на нового клиента, – или это была тщательно спланированная акция областной администрации.

Он кололся два или три месяца, сходя в Москве с ума от вынужденного безделья и все время увеличивая дозу. Бросил через неделю после назначения на Шалимовский ГОК. Героиновая привычка еще не успела въесться глубоко, ломки почти не было, и Ахрозову показалось, что чудовищный период его жизни прошел без следа.

После августовского кризиса все началось опять: ГОК находился под угрозой захвата, Ахрозова травили со всех сторон, и однажды в Москве, после ссоры в Госкомимущества, Ахрозов откинулся на подушки своего черного «Мерседеса» и набрал по мобильнику номер старого знакомого дилера. Дилер оказался на месте.

На этот раз героин помогал плохо: светлые состояния сменялись беспричинной тоской и агрессией, и именно в таком состоянии Ахрозов почти насмерть избил своего зама Наиля. После увольнения потребная Сергею доза подскочила ровно вдвое: с двух до четырех десятых грамма.

И когда он пытался бросить колоться в Павлогорске, было уже поздно. Ахрозов понимал, что это смертельно опасно. Дело было не только в ущербе собственному здоровью: шла тяжелая драка, ГОК находился на передней линии обороны, и узнай тот же Бельский, что генеральный директор ГОКа сидит на игле, это могло кончиться катастрофой. Дважды он пытался избавиться от страшной привычки. Один раз не вынес ломки, другой раз продержался без наркотика тридцать дней, – и в конце концов сорвался после очередной разборки.

Ахрозов был предельно осторожен. Теперь он никогда не покупал наркотика сам, у него был водитель Сашка, старый и преданный, как нянька. Сашка вздыхал, матерился – но исправно возил порошок из столицы области.

Несмотря на дурь, Ахрозов довольно много пил. Водка и героин давали самое страшное сочетание, именно они провоцировали немотивированную агрессивность и полную потерю контроля над собой, – как час назад в Западном карьере.

Ахрозов пробыл на работе до девяти часов. Он поручил начальнику охраны съездить в больницу, и тот сказал, что прораб

лежит в реанимации, и что врачи оценивают его состояние как средней тяжести. Ментам прораб сказал, что свалился с лесенки на экскаваторе.

Затем Сергей заехал в кабак и тупо листал там меню, пока не обнаружил, что смотрит на названия блюд, как правоверный иудей – на сало. Он вернулся в пансионат достаточно рано, поставил какой-то боевик, и к одиннадцати заснул.

Проснулся он минут через сорок от внезапного холода. Закутался в одеяло и попытался согреться. Одеяло не помогало: несмотря на включенное отопление и толстый слой ваты, директора била крупная дрожь, он чувствовал, как со лба стекают капли холодного пота.

Потом, наоборот, стало страшно жарко. В теле болела каждая косточка. Ахрозов набрал номер Сашки, но тот не отвечал.

Директор попытался смотреть какой-то дурацкий фильм, и вышло очень нехорошо. Фильм оказался о полицейских, которые борются с наркотиками, и когда Ахрозов увидел на экране целую горку белого порошка, он едва не потерял рассудок.

Ахрозов выключил видео и стал думать о том, у кого в профилактории можно разжиться героином. Он совершенно точно знал, что героином торговал Алексей Баранов, один из охранников комбината. Рапорт об этом ему подавал Самарин, и Баранова сразу уволили, но у Ахрозова в базе данных должен был быть его домашний телефон.

Ахрозов поднялся и включил компьютер. Он нашел фамилию Баранова, но в последний момент зажмурил глаза и стер всю информацию по этому человеку. Он успел заметить только последние две цифры номера: цифры были – сорок три.

Ахрозов дополз до кровати, надел рубашку и штаны и снова завернулся в одеяло. Суставы болели так, как будто каждую жилочку внутри Ахрозова наматывали на бобину, и Ахрозов стал думать о том, что охранник Баранов жил в заводской пятиэтажке, и что коммутатор в этой пятиэтажке начинался с цифры пятьдесят пять. А что касается двух средних цифр, то это были либо сорок семь, либо сорок восемь. Уж это-то гендиректор точно знал.

Ахрозов нашарил телефон и позвонил своей секретарше, Любе.

– Любовь Андреевна? – сказал он. – Который час?

– Полтретьего, – сказал Люба.

– Вы не могли бы приехать ко мне? Немедленно.

Любовь Андреевна появилась через сорок минут. Она жила не так далеко, в одной из заводских пятиэтажек, и идти от ее дома до профилактория было минут пятнадцать. Что она делала

остальное время – было непонятно, но когда она позвонила в двери профилактория и была впущена охраной, на ней было яркое ненадеванное платье с чуть пожелтевшими от времени кружевами, и тщательно подкрашенные губы выделялись на ее постаревшем, с обвисшими скулами лице.

Любовь Андреевна не нашла, или не осмелилась искать машину такой поздней ночью, и она пробежала всю пустынную дорогу к профилакторию в удобных стоптанных кроссовках. У самых дверей она сняла кроссовки и надела туфли-лодочки, а кроссовки сложила в бывший при ней целлофановый пакет.

Спустя две минуты задыхающаяся, с бьющимся сердцем Люба постучала в дверь флигеля Ахрозова. Тот ничего не ответил, но Люба заметила пробивающуюся из-под двери полоску света. Она нажала на ручку и вошла.

Ахрозов лежал в спальне, завернувшись в одеяло, и в ярком свете Люба видела, что лицо у него совершенно серое и покрытое каплями пота. Широкая кровать, которая обычно стояла посереди спальни, была сдвинута к окну, туда, где под подоконником змеилась труба парового отопления, а на полу в центре ковра красовался огромный невыцветший четырехугольник.

– Люба, – сказал Ахрозов, – там секретер, открой нижний ящик.

Люба открыла ящик: там был какой-то сор и стальные наручники.

– Дай их сюда, – сказал Ахрозов.

Любе стало жутко. Она протянула директору наручники. Они были неожиданно легкие и холодные. Ахрозов завел левую руку за трубу отопления, ловко защелкнул наручники и бросил ключ Любе.

– Иди в другую комнату, – сказал Ахрозов, – и разбудишь меня в девять утра.

– Хотите, я посижу с вами? – спросила Люба.

– Иди в кухню, – повторил Ахрозов, – и убери от меня телефон.

* * *

Ни в какие девять утра Ахрозов не встал. Он не спал всю ночь, время от времени теряя сознание на час или полчаса, и к девяти он лежал, свернувшись калачиком, насколько позволяла прикованная рука. Простыня под ним была совершенно мокрая.

Когда зазвонил телефон, Ахрозов на него даже не прореагировал, а Люба сняла трубку и проворковала в нее

сонным голосом:

– Але…

Она постаралась, чтобы голос ее звучал как можно игривей, и, судя по всему, это ей удалось.

– Люба, ты? – раздался в трубке слегка удивленный голос главного инженера, – дай телефон Сергею.

– Он еще спит, – капризно сказала Люба, – и он просил его не будить. Он о-очень поздно лег.

– Ну поздравляю, – сказал главный инженер, хмыкнул и отключился.

Люба повесила трубку, оперлась обеими локтями о стол и зарыдала.

* * *

К одиннадцати Любе стало ясно, что гендиректор сегодня на работе не появится, и что выдать то, что происходит, за глубокий сон после ночного веселья никак нельзя. Она утерла слезки и позвонила водителю Ахрозова, Саше.

Люба давно знала, что Ахрозов употребляет наркотики, – она еще два месяца назад нашла в комнате отдыха завалившийся за диван шприц, и она давно вычислила, что героин он добывает не сам, а через Сашу. Влюбленная женщина может быть необыковенно наблюдательна.

Между Любой и Сашей состоялось короткое совещание, в результате которого было решено говорить всем, что директор вчера крепко выпил, и на работе будет только завтра.

– Лучше скажите, что я отравился, – проговорил Ахрозов, когда Саша доложил ему о результатах совещания.

– Так врач же придет.

– А хрен ли он поймет, – отозвался Ахрозов, – только наручники сними, пока врач будет.

– С вами посидеть, Сергей Изольдович? – спросил Сашка.

– Вали отсюда, – ответил директор, – не люблю болеть вдвоем.

Денис появился на комбинате в восемь утра.

Ахрозова в кабинете не было, вместо него на белом кожаном диване сидели двое: замдиректора облэнерго и подтянутый человек лет шестидесяти. У человека были светлые глаза и голубые, словно выцветшие зрачки. В раскрытом вороте белого пиджака виднелась толстая золотая цепочка, а руки были украшены таким количеством вытатуированных перстней, что если бы Денис Черяга не знал трудовой биографии павлогорского

вора в законе Мансура, то он тотчас же, по перстням, мог бы ее и восстановить.

Секретарша Люба тоже блистательно отсутствовала.

– Где Сережа? – спросил Денис у охранника.

– Сергей Изольдович заболел, а Любовь Андреевна к нему поехала.

Денис отворил дверь кабинета и сказал:

– Проходи, Мансур. Только сигарету потуши. У Сережи не курят.

Денис неторопливо занял место во главе длинного стола для совещаний. Мансур уселся наискосок от Дениса, а энергетик сел на краешек стола.

– Так в чем вопрос? – сказал Денис.

– В долгах, – сказал Мансур. – По электроэнергии.

– У нас нет долгов. Мы платим все текущие платежи, а предыдущий долг реструктурирован.

– Он реструктурирован не в пользу энергосистемы, – сказал энергетик. Я намерен пересмотреть схему погашения долга.

– Каким образом?

– Я хотел бы получить в его счет заводской Дом Культуры.

– Тот Дом Культуры, где раньше была дискотека, в которой Мансур торговал наркотиками?

Мансур улыбнулся и развел руками.

– Ну я в твои дела не лезу, чем ты торгуешь, Денис Федорыч, – сказал он, – и тебе какое дело, чем я торгую?

– Я что-то не понял, – сказал Денис, – долги кто наделал, Сережа или Брешев?

Брешевым звали прежнего директора ГОКа.

– Брешев, – ответил энергетик.

– Ну так идите к Брешеву и с него спрашивайте. Вон, особняк у него стоит, его и берите.

– Ты на кого залупаешься? – сказал Мансур. – А? Мусор прокурорский? Да я таких, как ты, на зоне на завтрак кушал… Ты как со мной говоришь?

– Я с тобой как бизнесмен с бизнесменом говорю, – спокойно ответил Денис, – хочешь, чтобы я с тобой как мент с уголовником разговаривал? Могу обеспечить.

Мансур молча поднялся, смерил Дениса взглядом, сплюнул на пол и вышел. Энергетик задержался.

– Зря вы так, Денис Федорыч, – сокрушенно сказал он, – люди к вам с деловым предложением, а вы с ними как со свиньями…

Денис молча набирал сотовый Ахрозова.

* * *

С заводоуправления Денис поехал к мэру города Павлогорска. Павлогорский мэр относился к новым собственникам плохо. Раньше, во времена беспредела, именно он был разводящим на ГОКе, получал окатыш вместо налогов и указывал, каким именно фирмам им торговать. Теперь вольница кончилась: дружественные мэру бандиты сидели ровно. ГОК давал половину поступлений городского бюджета. Мэр попытался было заставить его платить больше. ГОК вместо этого учредил благотворительный фонд «Павлогорский окатыш» и из фонда этого финансировал все местные детские дома и социальные программы.

Получился параллельный бюджет, над которым мэр был не властен и воровать который ему было нельзя. Люди, получавшие оттуда деньги, были обязаны не городскому бюджету, а непосредственно Извольскому и Ахрозову.

Мэр громко негодовал по этому поводу.

Последний раз он негодовал неделю назад, на крестинах внучки Мансура. Мэр присутствовал на этих крестинах в качестве посаженного отца.

Мэр очень удивился, узнав про проблемы с железнодорожниками и энергетиками.

– Ну, Денис Федорович, – сказал мэр, – с вашей группой трудно работать. А с Ахрозовым особенно. Он на прошлой неделе Мансуру в грызло дал. И вчера человека избил. Это все знают. Бандитские у человека замашки.

Тут на столе мэра зазвонил телефон. Трубка что-то закрякала в ухо мэру.

– Да, Анастас Григорьевич, – сказал мэр, – да, уже приходили. Да. Передам.

Мэр положил трубку. Денис глядел на него с усмешкой.

– Фрол Иванович, – сказал Денис, – знаете, что бывает, когда дергаешь за хвост павлина?

Мэр недоуменно посмотрел на него.

– Нет, а что?

– Можно надергать много красивых перьев. А если дергаешь за хвост крокодила, знаете, что бывает?

Мэр смущенно пожал плечами. Насчет крокодила он, видимо, все себе представлял.

– Вы когда дергаете за хвост, – сказал Денис, – смотрите, кого дергаете, и где ближайший дзот.

Денис приехал в пансионат к Ахрозову сильно встревоженный. Несмотря на свои угрозы мэру, Денис понимал, что в чем-то мэр был прав: Ахрозов вел себя в Павлогорске как фашистский оккупант в белорусской деревне. Несколько месяцев

назад, когда на Сергея легла нелегкая задача расчистки авгиевых финансов, его тяжелый характер был скорее плюсом: Ахрозова просто панически боялись.

Не то сейчас. Ту же шахту им. Горького, – да разве посмел бы Фаттах так нагло кинуть АМК без согласия Анастаса? А Анастас разве осмелился бы на такую крутую подлость, если б Ахрозов не съездил его по роже? А вчерашний прораб, о котором доложил начальник охраны комбината? Легко бить прорабов, когда мэр свой и менты свои, а ежели сейчас Мансур заведет к этому прорабу прикормленного мусора, да и расколет прораба на иск?

В разгар промышленной войны тяжелый нрав Ахрозова превращался в безусловный минус. А снять его тоже было нельзя. Коней на переправе не меняют.

Впрочем, как бы сильно Денис не злился на Сергея, злость прошла сразу, как только он шагнул в комнату больного. Тот лежал навзничь в ворохе одеял, закрыв глаза, и из полуоткрытого его рта стекала струйка слюны. На столике возле постели стоял поднос с пузатым чайником. Денис в который раз отметил про себя нарочитую бедность обстановки.

– Господи, Сережа, что с тобой? – ужаснулся Денис.

– Отравился, – угрюмо сказал сидевший в углу водитель. Почему-то все его служащие были преданы Ахрозову по-собачьи.

Ахрозов потянулся к чайнику. Денис поспешно налил ему обжигающе-черный раствор в щербатую чашку.

– Это Горный, – сказал Ахрозов, выслушав рассказ про Дом Культуры и электроэнергетиков, – у него слишком большие обязательства перед ворами. Если он не вернет себе бизнес, его убьют.

– Мансур у Горного в доле?

– Это еще вопрос, кто у кого в доле.

Денис наклонился, поправляя одеяло Сережи, и заметил у ножки кровати двухлитровую опороженную бутылку «Спрайта».

– И что ты предлагаешь делать? – спросил Денис.

Ахрозов повернул к нему красное вспотевшее лицо.

– Так уже было, – сказал Ахрозов, – понимаешь, Денис, у меня так уже было. В Оренбурге. И в Курске. Они все приходят один за другим. Они слетаются, как стервятники на подранка. Каждый хочет свою долю. А тот, кто натравливает, он сначала в стороне. Ему даже не надо показывать свою морду, он приходит потом. Он приходит и протягивает руку помощи. А когда ты присматриваешься, то видишь, что на этой руке когти гиены.

– И кто же, по-твоему, за Горным и Мансуром?

Ахрозов закрыл глаза.

– Денис, – сказал он, – вам не надо было меня делать

директором. Я меченый. Мы потеряем комбинат. Я уже два комбината потерял. Я им никогда не мог ответить, понимаешь? Когда это начиналось, кидали все. Кидали лучшие друзья. Я тебе не рассказывал, как от меня Леся ушла?

В спальню вошла секретарша Ахрозова, Люба. Ее полные, слегка накрашенные губы были аппетитны, как две вишенки, и она двигалась счастливо и осторожно, словно несла кувшин с водой. В руках у Любы был поднос с чайничком и белыми фарфоровыми чашками.

Люба сноровисто расставила чашки, выставила на столик вазочку с конфетами и вареньем, и наклонилась у постели Ахрозова, наливая ему полную чашку дымящегося, темно-коричневого чая. На Любе была короткая обтягивающая юбка, и Денис не без удовольствия пригляделся к полным аппетитным ногам. Все-таки Люба была еще очень ничего.

– Вы берите варенье, Сергей Изольдович, – сказала Люба, – домашнее варенье, сама варила.

Повернулась и ушла, покачивая бедрами. У самой двери она обернулась, и Денис случайно перехватил ее взгляд. Люба смотрела на Ахрозова жадно и с каким-то потерянным обожанием.

Денис присел на корточки.

– Сережа, – сказал он, – послушай меня внимательно. Мы не проиграем. Мы – команда. Тогда ты был один. И твой банк тебя сдал. И банку твой комбинат был не нужен, это было всего лишь имущество, которое продается, если с выгодой. А для нас этот ГОК – не имущество. Мы без него как без печенки. Мы никогда не проиграем. Ты меня слышишь? Мы вечером должны быть у губернатора. Ты поедешь?

Глаза Ахрозова были закрыты.

– Езжай без меня, – сказал Ахрозов.

Аудиенция у губернатора была назначена на восемь. К удивлению Дениса, она действительно состоялась, причем с опозданием всего на пять минут.

Губернатор сидел в огромном кабинете. Справа от губернатора на стене висел патриарх. Слева – президент. Губернатор, как Христос, был посередине.

Губернатор за эти несколько месяцев еще больше раздался вширь, и над правым, заплывшим жиром глазком у него вздулся поросший волосиками ячмень.

– С вашей группой, Денис Федорович, – сказал губернатор, – трудно стало работать. Вы во всем видите заговоры. Энергетики денег просят – заговор. Вагонов нет – мятеж. Баронские у вас замашки. А мы, между прочим, суверенная область. Мы не

позволим у себя командовать. Вы должны решить, что вам лучше. Вообще уйти из области. Или договариваться.

Денис сжал зубы. АМК не мог уйти из области. От АМК до Павлогорского ГОКа было двести километров по прямой, и окатыш Павлогорки стоил АМК на пятнадцать процентов дешевле, чем окатыш любого другого ГОКа, а в саму Павлогорку Извольский вложил уже сорок миллионов долларов. Денис сказал Ахрозову правду. ГОК не был имуществом холдинга – ГОК был частью производственного организма.

Денис пожал плечами.

– Изложите ваши требования, – сказал Денис, – если они нам подойдут, мы договоримся.

Губернатор встал и исчез в комнате отдыха. Через минуту он показался снова. Рядом с ним улыбался Анастас.

– Ну что, я тебе обещал? – торжествующе сказал губернатор, – вот. Бери. Люди пришли договариваться.

Анастас недоуменно смотрел на Дениса.

– А где Ахрозов? – сказал Анастас.

– Он болен.

– Ну так я жду его завтра, – резко сказал Анастас.

– И вообще Сережа должен извиниться перед Стасиком, – сказал губернатор, – Стасик мне все рассказал, как его ударили.

Тем же вечером Денис встретился с начальником Черловского РУБОПа Олегом Самариным. Тот, в кабачке, пил пиво с операми. От потемневшего стола пахло плесенью и подтухшей рыбкой.

– Может, пойдем в «Версаль»? – предложил Денис, когда они отсели в сторону и заказали по кружке пива, – Гриша-то казино наконец отстроил. Шикарное казино.

– Не пойду я в «Версаль», – усмехнулся Самарин, – вон, Петька у нас ходит в «Версаль».

Петькой звали одного из оперов, и Денис действительно несколько раз видел его в казино.

– Так вот – еще одна жалоба, и я Петечку вышвырну, – сказал Самарин. – В «Версале» он останется, а в РУБОП – нет.

Девушка в грязном переднике принесла им пиво. Пиво было второй свежести, раки – тоже.

– Олег, у тебя что-то есть по вагонам?

Самарин усмехнулся.

– Мы взяли двоих. Третий бегает. Все трое из бригады Кеши. Кеша – под Мансуром. Остается, конечно, вопрос, – ну хорошо, они вагоны потрошили, а кто их наводил именно на эти вагоны?

– А Мансура мы можем за это притянуть?

– Мы не можем притянуть даже Кешу.

Олег потянулся, заложил руки за голову.

– Дело передано в следственный комитет МВД, следователь под Горным, СИЗО под Мансуром, какие еще вопросы?

– Кто убил Панасоника?

– Кеша. По оперативной информации.

– Почему Кеша на свободе?

– Ты же знаешь. «Наружка» не видела его у дома Панасоника.

– «Наружка» его не видела, потому что пошла пиво пить.

Самарин пожал плечами.

– Олег, – сказал Денис, – я хочу, чтобы наружка изменила свои показания. Чтобы эти два любителя пива заявили, что видели Кешу. Я хочу, чтобы Кешу арестовали, и чтобы ты провел в доме у Мансура обыск на предмет обнаружения вещей, украденных из особняка Панасоника. Я хочу, чтобы по окончании обыска ты забрал Мансура с собой и предъявил ему убийство Леши Панасоника.

Самарин помолчал.

– Денис, против Мансура нет реальных улик. Ты понимаешь, что будет, если мы Мансура отпустим?

– С чего мы его отпустим?

– С санкции прокурора. А прокурору прикажет губернатор. Ты понимаешь, в каком я буду дерьме?

– Понятно. За погоны боишься? Когда ты простым опером с Мансуром дрался, ты за погоны не боялся? Теперь мы тебя из дерьма вытащили, ты зассал?

Самарин молчал очень долго.

– Зря ты так, – сказал Самарин. – Тебе очень важно унять Мансура?

– Да. Мне это очень нужно.

Денис поколебался, стоит ли говорить, что это важно прежде всего для Ахрозова, который на грани нервного срыва, но потом передумал: очень надо Сергею, чтоб о нем судачили, как о впечатлительной девице. К тому же никогда и ни с кем не следовало делиться лишней информацией, даже с союзником. Денис не рассказывал Самарину ни истории с Черловским авиазаводом, ни про то, что любовница Цоя изменяет ему с его менеджером, – эта фантастическая информация, неизвестно с чего выданная Анастасом, кстати, недавно подтвердилась, и Денис искал, как ее выгодней использовать.

Когда Денис ушел, Олег Самарин, начальник черловского РУБОП, вернулся за общий стол, и некоторое время пил пиво, смеясь с подчиненными и заигрывая с толстенькой, густо накрашенной официанткой.

Потом он вышел на улицу с мобильником и сделал несколько звонков. Каждый разговор продолжался недолго, не больше

минуты.

Потом Самарин вернулся в забегаловку и выпил еще полкружечки.

* * *

Сергей Ахрозов приехал в губернаторскую резиденцию к двум часам дня. Анастас отдыхал: он сидел в беседке, нависшей над оформленным диким камнем бассейном. Беседка была из мрамора, с белыми колоннами и равнодушной фигурой наяды, а в самом бассейне с визгом бултыхались красивые длинноногие девочки – модели Анастаса.

Губернаторский фаворит был не один – рядом с ним, под солнечным зонтиком, сидел человек в черной майке и с многочисленными наколками на пальцах, – Мансур. Мансур потягивал коктейль и лениво наблюдал за плещущимися девочками. При виде Ахрозова он поморщился и стал прощаться.

– Хочешь, оставайся, – сказал Анастас Мансуру, – вон, девочку выбери.

Мансур с некоторым даже сожалением взглянул на часы. Усмехнулся.

– Не могу. Встреча.

Повернулся и зашагал по дорожке.

Анастас глядел ему вслед. Он был в одних шортах, без майки, и его тело покрывал загар, такой же ровный и бархатный, как и месяц назад.

В вышине, за деревьями, оглушительно щебетали птицы, за подстриженной лужайкой из альпийской горки выглядывали буйные георгины, и в бассейне, полном дрожащих золотых бликов, плавали русалки. Казалось невероятным, что где-то, всего в десяти километрах отсюда, ворочается дымный, в выбоинах дорог Черловск, а еще через двести километров посереди вырубленной, превращенной в степь тайги, мается от жары безлесный промышленный Павлогорск, с одинаковыми коробками домов и проржавевшими корпусами горно-обогатительной фабрики.

– Нравится беседка? – спросил Анастас. – Точно такая же стоит в саду виллы Боргезе, в Риме. Точная копия одной из беседок Адриана.

– Кого?

– Был такой римский император, великий воин и правитель. Во время одной из своих кампаний в Малой Азии он встретил мальчика по имени Антиной. Они влюбились друг в друга, но

Антиной однажды заболел и умер. Адриан велел уставить его статуями всю империю, и он приказал объявить его богом. Хотел бы я, чтобы меня любили так, чтоб после смерти назвать богом. Мы все бы хотели такой любви. А что мы получаем вместо любви? Вот этих обжабанных девочек?

Ахрозов нервно дернул щекой. Анастас подошел к нему ближе и тоже оперся о мраморный бортик.

– Смешно, – сказал Анастас, – на что ты тратишь свою жизнь, Сережа? На окатыш? Жизнь надо любить.

Ахрозов смотрел вниз, на плещущихся моделей.

– Ты меня позвал на переговоры, – сказал Ахрозов, – мы бы хотели выслушать твои предложения.

Анастас что-то крикнул и замахал рукой.

Одна из девушек поднялась с шезлонга и побежала к беседке. Она остановилась у самого бортика воды и стала глядеть на Ахрозова – снизу вверх. Девушка была в узеньком купальнике, два треугольничка размером с почтовую марку прикрывали соски, если смотреть глаза в глаза. Ахрозов смотрел сверху, два треугольничка не прикрывали ничего.

– Это мое предложение. Держи, – сказал Анастас.

Ахрозов не сразу сообразил, что Анастас говорит не о девушке, а о конверте, который она держала в руках.

Ахрозов разорвал конверт и вынул оттуда бумагу. Это было распоряжение губернатора о выделении из областного бюджета трехсот двадцати миллионов рублей на реконструкцию дамбы и шламохранилищ комбината. План приватизации комбината был так дурацки составлен, что и дамбы, и пруды, из которых ГОК брал воду, оставались городской собственностью. Дамбы находились в аварийном состоянии, и Ахрозов не раз порывался их реконструировать, но Извольский строжайше запрещал, если это не будет хотя бы учтено в счет городских налогов. Мэр собачился и не учитывал.

Распоряжение было подписано, но без номера и без даты.

– Это все предложения? – усмехнулся Ахрозов.

Анастас, словно невзначай, пододвинулся к Ахрозову. Тот сделал шаг назад.

– Нет. Не все. Вы раньше возили окатыш по пятнадцать. Сейчас возите по семь. Разницу вы сейчас кладете себе в карман. А надо – делиться. Половину вам, половину нам. Что ты скажешь?

– Ничего. Я менеджер.

– Дом Культуры надо вернуть Мансуру. Нехорошо, вы человека обидели. Я обещал. А я всегда исполняю обещания. Что скажешь?

– Говорить будет Извольский. Я слушаю.

– Взамен мы отремонтируем дамбы. И спишем долги по электроэнергии. Совсем. Как тебе схема?

– Я слушаю. Я менеджер.

– Сережа, а тебе не надоело быть менеджером?

– Не понял?

– Сережа, они же тебя использовали. Использовали всю жизнь. Сначала оренбургский губернатор. Потом банкиры, потом Сляб. Ты знаешь, почему ты еще директор? Потому что война. Слябу ты был нужен для зачистки территории. Как граната. Гранату используют один раз, она выжигает все вокруг, и ее даже не надо выбрасывать. Ее нет. Он это папе сам говорил, у меня, говорит, на случай черновой работы есть бульдозер, а потом придут другие люди.

Ахрозов страшно побледнел. Анастас затронул самую больную для него тему – его статус на ГОКе. Да, он отдал этому комбинату последний год жизни, отдал до конца, ну и что? Он не был собственником. У него забрали Саркайский ГОК в Таджикистане. У него забрали Карачено-Озерский ГОК. У него забрали Шалимовский ГОК. Когда у него заберут Павлогорку?

– Сережа, – сказал Анастас, – посмотри, неужели тебе до сих не надоело? Ты вкалываешь, как проклятый, а как ты живешь? И как живут они? Ты Рима не видел, ты не видел Неаполя, Сережа, ты знаешь, сколько Извольский тратит на свой частный самолет?

Анастас взял бумагу с губернаторским постановлением.

– Это не подарок Извольскому, – сказал Анастас, – это подарок тебе.

Он придвинулся ближе, и Сергею уже не было куда отодвигаться: дальше была мраморная колонна.

– Сережа, как только станет хорошо, они тебя выкинут. Я этого не хочу. Я хочу, чтобы эти деньги достались хозяину ГОКа.

– Кому?

– Тебе.

Ахрозов вздрогнул.

– Сережа. Разорви соглашение с энергетиками. Они же к тебе пристают. Так ты его разорви.

– Зачем?

– Ты помнишь, сколько комбинат должен по соглашению? Тридцать миллионов долларов. Ты думаешь, эти долги ты платишь энергетикам? Они давно переуступили их мне, напополам с директором. Как только ты разорвешь соглашение, я буду крупнейшим кредитором. Я обанкрочу комбинат. И отдам его тебе. Ты будешь хозяином, понимаешь? И деньги на дамбу будут твои. И льготы будут твои. Ты будешь диктовать Слябу цену на окатыш…

Анастас положил руку на плечо Ахрозову. Прикосновение его было сильным, нежным, и отнюдь не вызывало омерзения. Это было как пещера Цирцеи, где людей превращают в свиней. Ахрозов понимал, что то, что говорит Анастас – это чушь, морок, от первого до последнего слова. Сейчас он, Ахрозов – менеджер Извольского. Потом он будет никто. Перебежчик, сдавший хозяина. Не только не хозяин ГОКа – никто. Пешка в чужих руках. Марионетка. Иуда. И еще – Анастас был умный парень. Он знал, как совратить человека. Как подкупить его, сыграть на чувствах, оболгать других в глазах жертвы. Но это был не ум Анастаса – выдумать схему безукоризненного банкротства комбината.

– Отличный план, – сказал Ахрозов, – и кто его придумал? Альбинос или Фаттах?

Лицо Анастаса было уже совсем близко. Красивое, магнетическое, понимающее лицо. Рука его лежала на плече директора.

– Какая разница? Осуществим-то его мы. Ты и я.

Тишину, повисшую в беседке, разорвал скрип тормозов и грохот бьющегося металла.

Анастас стревоженно выглянул наружу. Девочки вылезали из воды. К воротам резиденции по зеленой лужайке неслись охранники. Стрельбы, однако, не было слышно.

– «Скорую» вызови, – проорал кто-то из секьюрити в рацию.

Анастас взглянул на часы.

– Господи, – сказал он, – ведь Мама должна была приехать…

Анастас выскочил из беседки и побежал к воротам. Ахрозов пошел за ним. Когда он дошел до ворот, створки их были уже раскрыты. На асфальтовой дорожке стоял белый «Мерседес» со смятым капотом, и двое охранников вынимали из него человека. Лицо человека было залито кровью, и скорее по одежде, чем по физиономии Ахрозов узнал в водителе Мансура, уехавшего из резиденции не больше получаса назад.

– Это он… о ворота? – спросил Ахрозов.

– Ага, – сказал охранник, – о ворота. И ворота были калибром девять миллиметров.

Мансур открыл глаза. Разбегающиеся зрачки сделали попытку сфокусироваться на Анастасе.

– В меня стрелял Олег Самарин, – четко выговорил Мансур, прежде чем потерять сознание.

Было два пятнадцать, когда машина Самарина остановилась на шоссе под «кирпичом», ограждавшим поворот к губернаторской резиденции. Самарин завернул на смотровую площадку, с которой открывался прекрасный вид на горы, запер машину и закурил.

Затем справа послышался шум мотора, и перед Олегом затормозил длинный и белый, как опавший яблоневый цвет, «Мерседес». Стекло «Мерседеса» со стороны водителя поползло вниз: за рулем машины сидел Мансур. Самарин молча выкинул сигарету, обошел «Мерседес» и сел на заднее сиденье.

– Езжай вперед, – сказал Самарин.

– Куда?

– Куда хочешь. Хочу посмотреть, не прихватил ли ты с собой пацанов.

Мансур пожал плечами и тронул машину. Вдоль недавно отремонтированного шоссе неслись рыжие скалы, покрытые густым, как тюлений подшерсток, лесом. «Мерседес» был новый, последней модели, в салоне, словно мужскими духами, пахло хорошо отделанной кожей, и летнее солнце плясало на инкрустированной перламутром ручке автоматической коробки передач.

– Давно купил? – спросил Самарин.

– Недавно, – ответил Мансур. – Вот, пленкой ее хочу покрыть. Кларолловой, чтоб как у губернатора.

– Хорошая машина, – сказал Самарин – недешево стоила. Не меньше пяти килограммов героина.

– Слышь, Вадимыч, – усмехнулся Мансур, – ты как на ахтарских стал работать, тоже не на «Жигулях» ездишь.

Самарин дернул щекой. Он приехал на встречу на серебристом сотом «Лендкрузере». Это была служебная машина – подарок ГОКа внебюджетному фонду содействия милиции.

Машина проехала десяток километров, развернулась и поехала обратно. Самарин молчал.

– Зачем звал? – спросил Мансур, когда машина нырнула под «кирпич» и понеслась по гладкой правительственной трассе.

– Сказать, чтобы ты отстал от ГОКа.

– Нет проблем. Отдай клуб и еще знаешь, тот мешок отдай, который вы дома у Панасоника изъяли.

Самарин пожал плечами.

– Останови машину.

Мансур, усмехаясь, притер «Мерседес» к бровке над горным ручьем. Дорога в этих местах была двухрядной, столбы на обочине были выкрашены специальной светоотражающей краской. Казалось, даже вода в ручье блестела ярче, для губернатора.

Самарин взялся за ручку двери, стал одной ногой на асфальт. Внезапно он обернулся к Мансуру.

– Да, кстати, – сказал Самарин, – знаешь, кто приказал убить Панасоника?

Мансур усмехнулся.

– Я, – сказал начальник Черловского РУБОП.

В следующую секунду Олег Самарин выхватил из-под мышки пистолет и выстрелил Мансуру прямо в голову.

Самарин стрелял сбоку и немного сзади, почти в упор. Страшный толчок бросил Мансура на руль иномарки. Он потерял на мгновение сознание, а когда он пришел в себя, он увидел, что весь мир вокруг полон каким-то необыкновенным светом, и время движется страшно медленно. Боковым зрением он заметил, как захлопывается дверца «Мерседеса», и как Самарин уверенным, упругим шагом поворачивается и оступает вбок.

Мансур нажал на газ.

Он был полумертв, кровь заливала ему глаза. Пуля прошла через мозг в сантиметре от виска. Сиди Мансур в каких-нибудь «Жигулях», он бы наверняка погиб. Но «Мерседес» был слишком хорошей машиной, с автоматической коробкой передач. Как надежный конь, он вынес умирающего седока с поля битвы.

Самарин обернулся на звук отъезжающей машины. На мгновение он застыл, опешив: затем выхватил пистолет и выстрелил другой раз и третий.

Самарин бросился следом, но горная дорога петляла, как заяц: иномарка свернула в ущелье и исчезла.

«Мерседес» проехал около трех километров: он доехал до ворот губернаторской резиденции. Ворота были закрыты, а ноги уже не слушались Мансура. Он затормозил в самый последний момент, и еще успел увидеть, как разбегаются перед его капотом охранники, и как белый воздушный мешок бьет ему в лицо.

Он успел сказать самое важное, прежде чем потерял сознание на трое суток.

Игорь Капитолинов, оперативник черловского РУБОП, как раз выходил из «Версаля», где у него была назначена встреча с одним барыгой, когда по милицейской волне прошла весть про Самарина. Капитолинов был старым черловским ментом: он знал всех бандитов в городе и дружил с парочкой мелких коммерсантов, и по нынешним российским, да и по общечеловеческим меркам он был вполне честный мент. Назначение Самарина Капитолинов воспринял с искренней радостью, и сейчас новость ошарашила его:

– Самарин? Мансура? Сам?

– Смотри! – сказал напарник.

Капитолинов обернулся туда, куда он указывал, и увидел начальника РУБОПа. Тот выбирался из какой-то зеленой «Волги», нелепым пятном выделявшейся на фоне стоявших близ казино иномарок. У Капитолинова невольно мелькнула мысль, что

ничего глупее Самарин сделать не мог. Какого черта его понесло к казино? Здесь же его каждая собака знает!

Капитолинов заколебался, не зная, что предпринять, но его напарник уже шагнул к Самарину.

– Олег Вадимович, – сказал опер, – тут сообщение. Вы срочно должны…

Опер не договорил. Самарин изо всей силы врезал ему кулаком под подбородок. Опер рухнул, как подкошенный.

– Всем стоять, – заорал Самарин, выхватывая пистолет.

Капитолинов замер на месте. Водители роскошных иномарок, полукругом выстроившихся перед «Версалем», съежились на сиденьях. Вокруг наступила мертвая тишина, и эту тишину разорвал визг тормозов только что подъехавшего джипа. Из джипа выскочил мелкий местный бандюк, увидел стоящего к нему спиной Самарина и заорал:

– Здорово, менты, здорово, Вадимыч!

Самарин обернулся. Пистолет в его руке дернулся всего один раз, и бандюк покатился по асфальту, визжа и прижимая к себе простреленную ногу. Самарин молниеносно наклонился над ним и вырвал из его рук ключи от джипа.

Самарин с визгом развернул джип, крепко приложившись задними габаритами о стеклянные двери казино. Двери треснули, и Капитолинова обдало дождем осколков. Он еле успел оскочить, когда джип снова развернулся – в его сторону.

Без колебаний Капитолинов выхватил пистолет и выстрелил по колесам. Мимо.

Еще через мгновение джип, с Самариным за рулем, выскочил с платной стоянки, сшибив по пути непроворный шлагбаум.

Капитолинов прыгнул в свой «Форд» и бросился следом.

Погоня продолжалась не больше десяти минут. Джип пролетел под эстакадой, выскочил промышленными задами на улицу Бакунина и рванул к западному району, туда, где у него было больше всего шансов затеряться в лабиринте сталинских пятиэтажек.

«Форд» следовали за ним по пятам. Джип пару раз пролетел на красный, счастливо разминулся с белобоким трейлером, и выскочил к железнодорожному переезду.

Шлагбаум был опущен, и к переезду приближался грузовой состав. Джип прибавил газу, огибая несколько стоящих машин, сшиб шлагбаум и без колебаний перескочил через рельсы под носом у приближающегося тепловоза. «Форд» последовал за ним. В тот момент, когда корма джипа миновала рельсы, Самарин резко затормозил. «Форд» на полном ходу влупился в корму «Паджеро». Удар был такой силы, что двигатель мгновенно сдох.

Машину преследователей отбросило на рельсы.

Отчаянно заорал набегающий тепловоз.

Капитолинов и его напарник едва успели выскочить из развороченной машины. Джип дал по газам и уехал.

Его обнаружили спустя час около автобусной станции на окраине города. Сплошная проверка автобусов, выехавших примерно в это время из Черловска, ничего не дала: Самарин как сквозь землю провалился.

Глава пятая, в которой Степан Бельский читает внуку американского сенатора лекцию о некоторых особенностях российского бизнеса, а обманутый акционер Черловского авиазавода находит заступников

Майя Извольская вернулась в Москву только через месяц, а еще через три дня к ней прилетел бойфренд – Джек Галлахер.

Майе очень нравился Джек. Он был на год старше ее и на полторы головы выше. Джек очень заботился о своем здоровье. Он был членом команды университета по регби, каждый день два часа проводил в фитнесс-клубе, а по утрам занимался джоггингом.

Так случилось, что Джек Галлахер остановился в гостинице «Кремлевская». Он зарегестрировался у стойки и взял забронированный заранее номер, самый обычный, который стоил двести тридцать долларов в сутки. Девушка за стойкой выдала ему листок с номером комнаты и магнитный ключ.

Джек с Майей очень мило поужинали в гостиничном ресторане, а когда они вышли в холл, к ним подскочил предупредительный молодой портье в форменной куртке.

– Простите, – сказал он по-английски, – у нас вышла ошибка. Номер, который вы забронировали, еще занят, мы отвели вам другой номер.

– Россия – страна разгильдяев, – сказал Джек, – наверняка ваш новый номер хуже.

– Надеюсь, что нет, сэр, – заверил его портье.

Майя с Джеком в сопровождении предупредительного портье поднялись на седьмой этаж. Джек с опаской вставил магнитную карточку и распахнул дверь.

Майя невольно ахнула. Это был президентский номер с роскошной гостиной, застланной мягкими коврами, и с видом на Кремль. Посереди гостиной возвышался огромный стол красного дерева, а на нем – ваза с фруктами и бутылка дорогого вина. Распахивающиеся двери вели в кабинет и в две спальни.

– Это какая-то ошибка, – сказал Джек.

– Никакой ошибки нет, – заверил, поклонившись, портье. – В знак извинения за то, что ваш номер не свободен, менеджмент

отеля предоставляет вам за ту же сумму этот номер и желает вам счастливого отдыха.

Джек и Майя посмотрели друг на друга и пожали плечами.

На следующий день Майя и Джек обедали на Рублевке. Извольский по-прежнему не заводил дома в Москве, и когда он оказывался в столице, пристанищем ему служила частная гостиница АМК в Жуковке.

Впрочем, в Москве Извольский оказывался все чаще. Империя его разрасталась: к сибирскому комбинату присоединился уральский завод, парочка предприятий в Нижнем Новгороде и два морских терминала: в Новороссийске и Приморье.

Управлять холдингом из Москвы было все удобней и удобней; к тому же были еще и западные банкиры, с которыми Извольский вел переговоры о возможном размещении акций, а западные банкиры восточней Москвы не водятся, как кукуруза не водится за Полярным кругом.

А еще была Лара, Ларочка. Извольский не доверял ахтарским врачам, девочка была то в Швейцарии, то в Москве, Ирина находилась при ней неотлучно, а Извольский старался надолго не покидать жену.

Понемногу рублевский дом начал переделываться: все номера на третьем этаже были соединены в одну квартиру. Большая часть второго этажа тоже отошла под кабинеты и спальни, и только зимний сад вместе с баром и столовой по-прежнему оставался в общей зоне. Замы Сляба, оказываясь в особняке, все чаще ощущали себя не постояльцами отеля, а гостями Извольского.

Ужин был накрыт на втором этаже, и пока Ирина с Черягой вышли вниз встретить гостей, за столом в полном молчании сидели трое: сам Извольский, полпред Ревко и замминистра МВД. Извольский недовольно дергал щекой. Между ним и замминистра шел не очень приятный разговор: замминистра напомнил Извольскому, что тот обещал людям пятьсот тысяч долларов за назначение Самарина. Выплачено было пока только триста тысяч, и как бы то ни было, оставшиеся двести тоже следовало отдать. Извольский понимал, что требования замминистра справедливы. Но ему было обидно терять лицо.

– Так как мы поступим? – откашлявшись, спросил замминистра.

Извольский подождал, пока из столовой выйдет официанточка, разливавшая по бокалам нарзан.

– Я завтра пришлю Дениса, – сказал Извольский.

Ревко коротко кивнул, а замминистра залпом выпил нарзану и спросил:

– А что там все-таки в Черловске стряслось?

– Денис велел Самарину арестовать Мансура. Тот решил, что проще его убить.

– Это – со слов Дениса, – насмешливо уточнил замминистра.

– С Самариным я на эту тему не разговаривал.

– А ты уверен, что это не Денис заказал Мансура?

– Зачем?

– Затем, чтобы увеличить свою значимость. Чем больше трупов вокруг, тем важнее служба безопасности.

Тут в гостиную влетела веселая молодежь, Майя немедленно потребовала, чтобы все говорили по-английски и не секретничали, и полпред Ревко сказал на совершенно безукоризненном английском, что Славе докучает мафия.

– А почему вы обратились в полицию? – удивился Джек.

После этого разговор на русском прекратился сам собой и заговорили по-английски, о квотах на импорт русской стали в США. Эти квоты пробивало американское стальное лобби через республиканцев. Что же до деда Джека, он был демократом и мог бы поспособствовать решению проблемы. Семейный обед продолжался час, а когда мужчины перешли в гостиную, женщины остались посплетничать в столовой.

– Он очень милый, – рассеянно сказала Ирина, – настоящий американец. Но ведь ты не собираешься за него замуж?

Майя пожала плечами.

– Не знаю. Ирочка, почему Слава такой усталый?

– У них опять драка. Он полгода назад ездил с одним охранником, потом с тремя, теперь уже набилась целая машина…

Майя с Джеком уже уезжали, Извольский вышел за ними на широкий двор к их спортивной машине. На прощание Майя обняла брата, чмокнула в щечку и сказала:

– И большое спасибо за президентский номер.

– Что?

– Джек остановился в «Кремлевской», – нахмурилась Майя, – и вечером оказалось, что кто-то предоставил нам президентский номер. Я думала, это ты… или…

– Майка, – сказал Извольский, – я не хозяин «Кремлевской». Хозяин «Кремлевской» – Степан Бельский. Уезжайте оттуда пожалуйста и немедленно.

* * *

Когда Денис, проводив последних гостей, вернулся к Извольскому, тот сидел в зимнем саду, задумчиво вертя в руках

бокал красного вина.

– Там, – задумчиво сказал Извольский, – дрянь ползет. Слухи всякие. Насчет твоего уговора с Самариным.

– Я могу написать заявление.

– Подотрись своим заявлением. Если кто-то хочет тебя убрать, значит, ты на своем месте. Ты уверен, что Самарин тебя не подставил?

Денис сам задавал себе этот вопрос. Но, как ни крути, это было маловероятно. Надо было пройти неведомо какие курсы по подготовке Джеймсов Бондов и Терминаторов, чтобы выстрелить человеку в голову и оставить его в живых. И зачем? Чтобы вместо поста начальника РУБОП оказаться в розыске? Даже если Самарин работал на врагов холдинга, в этом не было смысла. Будучи доверенным ментом Черяги, он принес бы куда больше вреда.

– Не думаю, – сказал Денис.

Извольский отпил вино.

– Сережа рассказал мне кое-что о переговорах между ним и Анастасом. Думаю, что не все. Анастас хотел оторвать его от нас. Соблазнить пытался.

– Соблазнить – в каком смысле? – уточнил Денис.

Извольский невесело рассмеялся.

– В обоих. Ты что, еще не понял? Анастас втюрился в моего директора со всем жаром своей молодой непорочной души. Сергей дал ему в репу, и он не успокоится до тех пор, пока не трахнет Сергея. А как только он его трахнет, он его выкинет. Он ему припомнит все. Разотрет в порошок.

– Ну, ему долго придется ждать, – усмехнулся Денис.

– Не недооценивай Анастаса. Эта тварь соблазняла таких людей, про которых в жисть не подумаешь, что пидоры. Анастас слишком хорошо понимает, чего хочет мужчина. Сильный мужчина. Он это понимает лучше женщины. И не забудь, все, что делает Анастас, выгодно Цою. Анастаса всегда несет незнамо куда, но выносит прямо на кошелек группы «Сибирь». Анастас очень искренне обиделся, когда нам не вернули шахту. Но когда ему за его искреннюю обиду всучили лишние пятьсот тысяч, обида тут же прошла. Анастас очень искренне предлагает Сергею помощь, если он кинет нас, но как только это произойдет, Анастас сдаст Сергея Цою со всеми потрохами. Потому что Анастас понимает: поссорить моих менеджеров – это половина победы.

Денис смотрел на Извольского искоса. На дворе было уже темно: сквозь стеклянную крышу сверкали крупные августовские звезды.

– Ты говоришь, он не все рассказал?

– Думаю, что не все. Снять я его в этой ситуации не могу. Но мне нужно, чтобы вы полностью доверяли друг другу. Ты понял?

Денис молчал. Он не понял и не мог понять, каким образом он отныне может безоговорочно доверять Ахрозову, который не все рассказывает своему хозяину. Извольский молчал тоже. Потом сказал:

– Я прочитал то дело, которое ты принес. По факту убийства гендиректора Черловского авиационного. Я хочу, чтобы ты нашел этого бандита, Курбана и купил у него акции.

– Что-что?

Денису показалось, что он ослышался.

– Ты невнимательно читал справку, – сказал Извольский, – у Курбана остались акции Черловского авиазавода. Он никому их не продавал. Просто группа «Сибирь» через некоторое время вывела все активы завода в другую структуру. Ты их купишь, а мы возбудим дело о незаконном выводе активов. Из принадлежащего нам предприятия.

Денис уставился на Извольского.

– Возбудим дело? В Черловской области?!

– У тебя есть другие предложения?

– Но, Слава! Есть уголовное дело. Его можно перетащить в Москву. У нас есть прямая возможность посадить Бельского. И потом, Курбан – отморозок. У него к Бельскому…

– Денис, – перебил Извольский. – Я бизнесмен. И Альбинос бизнесмен. Есть вещи, которые бизнесмены не делают. Не заставляй меня задумываться насчет слухов о тебе и Самарине.

– Понял. Найти Курбана и купить у него акции.

Денис уже повернулся, чтобы идти, когда Извольский окликнул его.

– Денис, у тебя сейчас сколько охранников?

– Один. Из них один лишний.

– Возьми еще одного.

Джек с Майей бросили машину в одном из арбатских переулков и долго бродили по Москве. В «Кремлевскую» они вернулись только к девяти вечера, потому что Джеку захотелось поужинать, а московским ресторанам он как-то не доверял.

– В нашей гостинице европейский сервис; и к тому же мне не нравится, когда официанты изъясняются по-английски хуже пингвинов.

Они уже подъехали к гостинице, когда Майя наконец решилась:

– Джек. Тебе не кажется, что нам лучше сменить гостиницу?

– Не кажется, – сказал Джек. – Это совместное предприятие, и

менеджер здесь относится к уважением к иностранцам и твоему отцу. А все остальное в Москве, это бог знает что. Говорят, в некоторых гостиницах персонал не знает английского.

Майя промолчала.

В холле гостиницы было прохладно и пусто после удушающей летней жары, однако в ресторане их ждало разочарование.

– Ресторан закрыт, – сказал им важный метродотель у входа. Его английский был почти сносен. – Мы просим прощения, но просто… тут презентация, вход по приглашениям. В гостинице еще три ресторана, если хотите, вы можете заказать еду в номер…

Джек нахмурился.

Из-за закрытых дверей материализовался крепкий парень в кожаной куртке и что-то сказал метродотелю на ухо. Тот повернулся к Джеку и развел руками:

– Пожалуйста, проходите.

Презентация уже почти закончилась. Столики были погружены в полумрак, на сцене под негромкую музыку прохаживались девушки в нарядах «от кутюр», официанты разносили гостям чай и кофе.

Кто-то с дальнего столика помахал Майе рукой. Она пригляделась и едва узнала Бельского. Он был в черном свитере и каких-то темных брюках. Возле него вился народ. Стол был заставлен тарелками с устрицами, и между деревянными тарелочками с суши возвышались бутылки спиртного. Внимательный человек мог заметить, что все стоявшее на столе сильно отличается от общего меню закончившегося банкета.

Майя и Джек подошли поближе. Бельский протянул ей руку и встал. Он был ниже Джека, и рядом с цветущим голубоглазым техасцем его лицо казалось старым и страшным.

– В летном комбинезоне вы красивее, – сказала Майя.

– Почему?

– Меньше похожи на бандита.

– What? – спросил Джек.

– This man… we met at an airshow. He… was testing the newest Russian plane.[9]

– Вы летчик? – спросил Джек.

– Oh yes! I like to fly planes. This is the only thing I really like.[10]

Английский Бельского был почти сносен. В глазах Джека внезапно погас ревнивый огонек. С точки зрения внука сенатора, сорокалетний пилот-испытатель в потрепанном черном свитере не мог быть ему соперником.

Неслышно подошедший официант унес у Бельского тарелку с опустевшими скорлупками устриц, а другой, ловко оттопырившись, налил ему в чистый бокал белого монтраше. Бельский, однако, отодвинул бокал, и щедро плеснул себе в пустой стакан марочного коньяка. Другая порция коньяка отправилась в стакан Джека. Вино как-то досталось Майе.

– За Россию, – сказал Бельский, – и за наши самолеты.

Джек пригубил бокал и удивился:

– О, – сказал Джек, – потрясающий коньяк!

– Презентация, – ответил Бельский, – приятели пригласили. Сам-то я вряд ли мог бы это себе позволить. Ну, до дна!

И Бельский с Джеком выпили коньяк до дна. Степан тут же наклонился и наполнил стаканы снова. В зрачках Бельского заиграли лукавые чертики. Замминистра МПС, сидевший подле Бельского, уткнул глаза в пол.

– И часто вы летаете? – спросил Джек.

– Реже, чем хотелось бы.

– Что так?

– Керосина мало, денег мало… Все раскрали.

– Брат Майи ужасно жаловался на мафию, – сказал Джек, – он руководитель крупной компании, но у него неприятности с бандитами.

– Выпьем, чтобы у нас не было неприятностей с русской мафией, – предложил Бельский, и они выпили. Джек попытался выпить только один глоток, но Бельский запротестовал, что, чтобы не было неприятностей, надо пить до дна, и они выпили за погибель мафии все вчетвером – Степан Бельский, его правая рука Кирилл, один из замминистров МПС и внук американского сенатора.

– И что же Вячеслав Извольский считает неприятностями? – полюбопытствовал Степан у Джека.

– Он говорит, что у него украли шахту в Сибири. Он говорит, что ее украли два раза. У вас удивительная страна Россия, я еще понимаю, как можно что-то украсть один раз, но как можно украсть одну и ту же вещь дважды?

Бельский чокнулся с ним снова. На этот раз в стакане был не коньяк, а водка.

– Очень просто, – сказал Бельский, – люди сначала обанкротили шахту, а потом предложили выкупить ее долги. Извольский выкупил долги, и тогда у него украли акции.

– А куда смотрели власти?

– А власти получили половину от тех самых денег, которые Извольский заплатил за долги.

– Ужасно, – сказал Джек, – и что, в России мафия можети

проделывать такие вещи?

– Я бы не сказал, что люди, которые делают такие вещи, называются мафией, – усмехнулся Степан, – Я бы сказал, что они называются предпринимателями.

Степан и Джек снова чокнулись, и каждый выпил по полстакана.

– У вас совершенно дикая страна, – сказал Джек, – я рад, что Майя будет жить в Америке.

– Так выпьем за Америку! – сказал Бельский, и они добили второй стакан.

Джек заморгал несколько осоловело.

– Вы так все хорошо объясняете, господин пилот, – искренне сказал Джек, – вот вы мне объясните еще. Господин Извольский сказал, что мафия не дает его предприятию вагонов, и я тоже ничего не понял. Потому что разве вагонами в России распоряжается мафия? Я слыхал, что ими распоряжается министерство.

– Совершенно верно, – сказал Бельский. – Вагонами распоряжается министерство путей сообщения. Весь вопрос, кто распоряжается министерством. Не правда ли?

И Бельский с усмешкой посмотрел на сидящего рядом замминистра МПС. Между прочим, это был тот самый замминистра, с которым Извольский обсуждал вопрос о железнодорожных скидках для «Южсибпрома».

– Вопрос также в том, – хмуро сказал замминистра, – что сделал господин Извольский, когда понял, что ему не хватает вагонов.

– А что он сделал?

– Он велел своему заму застрелить человека, который устроил недостачу вагонов, – ответил замминистра.

– И что? – спросил Джек, слушавший с жадным пьяным интересом.

– Выпьем! – это сказал Степан.

Они выпили.

– Зам перепоручил это дело одному из начальников местной милиции.

– Какой ужас! – сказал Галлахер, – и что же было дальше?

– Дальше была очень неприятная история, – осклабился Бельский, – начальник милиции позвал этого человека на встречу и выстрелил ему в голову. А человек взял и уехал.

– И он жив?

– В коме.

– А начальник милициии?

– В розыске.

Джек некоторое время переваривал эти подробности российской хозяйственной жизни.

– А откуда вы все так хорошо знаете? – подозрительно спросил он.

– Так у нас же завод рядом. Облетываемся-то мы там.

– А завод этот не принадлежит Извольскому?

Бельский невозмутимо улыбнулся.

– Нет, он принадлежит совсем другим людям. Хочешь я расскажу, как брали завод?

Джек смущенно кивнул. Бельский снова наполнил стаканы доверху и заговорщически наклонился к Джеку.

– Я, кажется… я не могу столько пить…

– Слушай, – сказал Бельский, – эти ребята вывезли директора завода в лес и закопали его в землю. А рядом был закопан другой человек. Они спросили другого человека: «Ты нам продашь акции?». Тот отвечает: «нет». И тогда они убили этого другого. Директор завода испугался и продал акции.

Бельский и Джек чокнулись. Джек в ошеломлении выпил стакан до дна.

– А кто был другой? – спросил Джек.

– Да бомж какой-то. Его специально подговорили ответить «нет». Он же не знал, что его убьют.

– И этим бандитам ничего не было?

– Так отчего бандиты? – раздраженно спросил Бельский, – нормальные люди! Почему им должно что-то быть? Живут не хуже других, ездят на черных «Мерседесах» и любят самых красивых девушек! А теперь выпьем, чтоб ты жил, как они!

Они выпили, и Бельский попытался налить еще один стакан, но бутылка с коньяком была уже пуста. Опустела и литровая бутыля водки.

– О черт! – сказал Бельский, – официант, еще водки!

– За мой счет, – поспешно добавил Джек.

– Нет, за мой.

– Слушай, у меня в номере есть водка. Совершенно потрясающая водка. Я должен показать тебе эту водку. Пошли?

– Пошли.

Джек встал и тут же упал обратно.

Бельский помог ему подняться.

– Я сам, – сказал Джек.

– Сам, сам, – успокоил американца Бельский. Джек висел у него на плече, и так как он был немного длиннее Бельского, ноги его волочились по полу двумя макаронинами.

Они вышли в коридор. Пацаны Бельского образовали правильное каре, защищая Степана от потенциального киллера,

но Джек был слишком пьян, чтобы это заметить.

На полпути к лифту Джек неожиданно запел: «Боже спаси Америку». Бельский принялся подтягивать. Мимо проходил какой-то француз. Француз сделал портье замечание на французском.

– Как вы позволяете такое! – спросил француз.

Портье внимательно вгляделся в поющих и ответил:

– Этому – можно.

– Американцам все можно! – возмутился француз.

Джек и Бельский поднялись наверх, и Джек долго пытался попасть магнитной карточкой в щелку под ручкой. Один из охранников Бельского достал из штанов другую карточку и открыл замок. Джек был слишком пьян, чтобы удивиться этому обстоятельству.

– Ух ты какой класс! – сказал Бельский, входя, – ты смотри, Миш, у них даже фрукты на халяву! Да, на зарплату пилота так не проживешь.

– Вот… еще водка… – Джек наклонился, но не удержал равновесия и растянулся на медвежьей шкуре, брошенной на пол перед баром. Бельский отворил холодильник и достал водку. Джек, сидя на шкуре, скрутил с водки крышечку и хлебнул.

Бельский взял у него из рук бутылку. Джек прислонил голову к бару и закрыл глаза. Через секунду Майя услышала его храп. Это было удивительно: никогда Майя не помнила, чтобы Джек храпел.

Бельский поставил бутылку на стол и повернулся к Майе. Свита его дематериализовалась в коридор. Майя вгляделась в глаза Бельского и, к ужасу своему, поняла, что тот практически трезв.

– Спокойной ночи, – сказал Бельский.

И, прежде чем Майя успела ответить, дверь за ним захлопнулась. Майя подождала минуту, потом другую. Джек храпел на медвежьей шкуре. В дверь осторожно постучали.

Сердце Майи заплескалось в груди. Она рывком отворила дверь, но Бельского там не было. На пороге стоял очень коротко стриженый молодой парень в черной куртке.

– Степан Дмитриевич просил вам сказать, чтоб вы ничего не говорили о нем вашему спутнику, – сказал парень. – Степан Дмитриевич сказал, что ему было бы очень неприятно, если б сын американского сенатора узнал о его роли в финансировании авиаразработок.

И дверь снова захлопнулась.

Джек продрал глаза к половине первого. Он сидел в постели над утренним кофе, опухший и несчастный, когда в номер

постучался портье.

– Господин Галлахер, – сказал он, – вы договаривались вчера о поездке в Жуковское. Там военные прислали за вами машину, водитель ждет в лобби.

Джек со стоном взялся за голову.

Машина, которую прислал за ними Степан, была разбитая «Волга» с военными номерами. Водитель был пожилой и степенный мужик лет пятидесяти; у него были русые волосы и честный нос картошкой, и Майя бы очень удивилась, если б узнала, что этот пятидесятилетний мужик, бывший майор спецназа, имеет на своей совести пять гражданских трупов.

Когда они приехали на летное поле, Бельский был в воздухе. Два «двадцать девятых» МиГа кружили над ближним леском, – самолет Бельского был ведомый, а ведущим был Николай Свисский, один из летчиков-испытателей ОКБ «Русское небо».

Разбитая «Волга» довезла их до распахнутого ангара. Из ангара тянуло машинным маслом и керосином, и прямо у ворот двое ребят накрывали раскладной столик: мокрые бока красных помидоров ослепительно сияли на солнышке, крупно нарезанные огурцы прятались в свежей зелени, и Майя с тревогой заметила посереди всего это великолепия литровую бутылю с водкой.

Кто-то тронул Майю за плечо. Она обернулась и увидела блондина, лет тридцати, с карими глазами, серьезно смотревшими из-за стекол больших очков, и неожиданно накачанными мускулами.

– Яша, – сказал блондин, – Яша Ященко, генеральный конструктор ОКБ «Русское небо».

– А чем генеральный конструктор отличается от директора компании? – спросил Джек.

– Ничем. Просто в России с тридцатых годов такая традиция, что главный человек в КБ – это не директор, а конструктор.

Джек поглядел на Ященко очень пристально и тут же расправил плечи, словно собираясь меряться с ним силами.

МиГи сели спустя пять минут. Аэродромный техник, махая флажком, остановил ведомого на ближней рулежке. Еще двое бросились к самолету с приставной лесенкой, и через минуту на бетон спрыгнул Бельский – веселый, довольный, в оранжевом летном комбинезоне. При виде Майи на лице его нарисовалась неподдельная улыбка.

– Я рад, что ты приехала, – сказал Бельский.

– Я приехала, чтобы сказать вам, что это мерзко. Как вам было не стыдно врать насчет Дениса Черяги!

– О чем?

– Об убийстве! Он ничего не приказывал! Брат вообще уверен,

что это вы все организовали!

– Девочка, убийца сидел под следствием за торговлю героином, а вместо этого стал начальником РУБОП и был этим обязан твоему брату. Как я могу заставить главу Черловского РУБОП промахнуться по своему старому врагу? Меня зовут Степан Бельский, а не Господь Бог.

– Но брат говорит…

– А что ему говорить?

– Но если бы он верил, он бы выгнал Дениса…

– Если он выгонит Дениса, Денис приползет ко мне. Представляешь, сколько дерьма тогда вылезет наружу?

Майя повернулась и пошла прочь.

Началось веселье: на импровизированном столе уже резали докторскую колбасу, кто-то поливал керосином угли для шашлыка. Джек тоже подошел к Бельскому. Он был весь зеленый после вчерашнего, и глаза его страдальчески моргали. В руках Джек держал стакан с водкой. Видимо, ребята, хлопотавшие возле стола, заметили его состояние и уже убедили его опохмелиться.

– А кто это приехал? – подозрительно спросил Джек.

Степан оглянулся, куда он показывал. У ангара стояли два черных «Гелендвагена» с высыпавшей из них охраной.

– О, – сказал Степан, – это Яша приехал, Ященко. Хорошие у тебя машины, Яша.

Яша смущенно кивнул. Он не сводил восхищенных глаз с Майи. Джек потянулся за помидором и стал так, чтобы оказаться посередине между Яшей и Майей.

– У вас неприятностей не будет, что вы нас сюда пустили?

– Не будет, – сказал Степан.

– Но вы же обещали нам показать новую машину, – сказал Джек, – будущее российской авиации.

– Новой машины здесь нет, – сказал Степан, – она в Луховицах.

– Это где?

– В общем-то мы можем туда слетать. Транспортник летит через двадцать минут, и если хочешь, мы можем вас взять. Там недалеко есть речка, и там есть отличная рыбалка. А вечером мы прилетим обратно. Ну как?

– Полетели, – сказал Джек.

Майя заколебалась. Черные глаза Степана смотрели на нее с откровенной насмешкой.

– Мы не можем лететь с вами, – сказала Майя, – мы возвращаемся в Москву.

Джек отвел ее в сторону.

– Майя, – сказал он, – этот русский пилот делает нам

любезность. Мне лично очень интересно побывать на русском военном аэродроме. Я бы хотел посмотреть Россию изнутри. Ты можешь привести какие-нибудь рациональные доводы против того, чтобы слетать с ним?

– Я устала, – капризно сказала Майя, – я хочу спать, а вечером я хочу на концерт Пугачевой. А в Луховицы я не хочу.

Она повернулась и пошла обратно к белой «Волге». Когда «Волга» отъезжала, Майя невольно бросила взгляд в зеркальце заднего вида. Бельский стоял вполоборота к ней и о чем-то увлеченно спорил с Яшей Ященко.

Сергея Курбанова удалось отыскать довольно быстро. Вопреки первоначальным сведениям, он проживал не в Испании, а совсем неподалеку от Черловска: в Усть-Каменогорской области в Казахстане. Там у него была собственная хлебопекарня и сомнительный автосервис, от которого за версту пахло угнанными автомобилями.

Курбанов оказался неприятным ожиревшим типом лет сорока пяти, со свиными глазками и профессиональной пластикой борца. К предложению Дениса он отнесся без особого энтузиазма и сразу попросил за акции миллион. Денис отказался, и Курбанов прозрачно намекнул, что мог бы продать акции и Степану. На это Денис с равной прозрачностью намекнул, что он тоже может стукнуть Степану – и о переговорах по продаже, и о том, как недалеко от России сидит Курбан. И в этом случае Курбана наверняка замочат, а Денис, если постарается, сможет взять тепленькими киллеров и закрыть Степана.

После этого Курбан резко умерил аппетиты и стал говорить уже о двухстах-трехстах тысячах. Денис пил с ним три ночи и три дня, а на четвертый день они поехали на охоту. Охотились они с вертолета на бегущего по степи человека. Охота шла резиновыми пулями. У Дениса было такое впечатление, что правила охоты были смягчены ради гостя.

Закончилось все пьянкой в той же степи, и на этой пьянке Курбан окончательно размяк и подписал соглашение о продаже акций за сто пятьдесят тысяч долларов.

Денис вернулся в Усть-Каменогорск вечером пятого числа. Он был пьян в зюзю, и его растрясло по скверным дорогам. В кармане его был подписанный Курбаном договор и билет на самолет в Алма-Ату и далее – в Таиланд. Курбан проводил его в аэропорт.

Извольский полагал, что Денису пока лучше не показываться в России и особенно – в Черловске.

Из аэропорта Денис позвонил в московский офис. Секретарша перечислила ему накопившиеся звонки – ничего не было срочного.

Самолет на Алма-Ату все задерживался и задерживался по техническим причинам. Пьяный Курбан порывался спорить о смысле жизни. Каждый раз, когда он говорил, у Дениса было почтительное удивление, как если бы с ним заговорила барная стойка или блок «Мальборо».

Охрана почтительно поддакивала Курбану. Их было двое, третий – водитель, все с удостоверениями московского СОБРа и автоматами «кипарис». Денис, несмотря на просьбу Извольского, не очень серьезно отнесся к своей безопасности, но тут главным было впечатление, которое ражие собровцы произвели на наглого и пугливого Курбана.

Наконец посадку все-таки объявили, и Денис распрощался с Курбаном. Один из охранников летел вместе с Денисом, два других должны были отогнать машину в Россию. Денис уже сел в «Рафик», который вез пассажиров первого класса к самолету, когда телефон зазвонил снова.

– Денис? Денис Федорович?

Черяга вздрогнул. Это был голос Насти.

– Настя? Что случилось?

– Денис! Гришу арестовали! Денис, боже мой, извините, пожалуйста, что я к вам обращаюсь, но тут творится что-то ужасное, они все от меня чего-то хотят, Царандой хочет казино, менты денег, а ваша секретарша говорит, что вас нет…

– Настя! Настенька! – только и успел сказать Денис.

И тут связь прервалась.

* * *

Спустя пятнадцать минут «Гелендваген» Черяги выскочил из аэропорта и свернул в сторону шоссе Усть-Каменогорск-Черловск. До Черловска было не больше шестисот километров, но это были шестьсот километров по ночной степи и мерзкой полуторарядной дороге.

Самолет до Черловска тоже летал, но он улетел три часа назад, а следующий был только через два дня.

Денис некоторое время пытался набрать Настю, но в трубке раздавались только короткие гудки, а километрах в ста от Усть-Каменогорска пропали и они, вместе с сетью.

Денис откинул голову на подушки, поудобнее устроился на заднем сиденье и задремал.

Проснулся он от сильного толчка. Неведомая сила сначала приложила его о подголовник, потом джип сильно повело влево, и Денис успел раскрыть глаза только для того, чтобы обнаружить,

что пол и потолок в машине меняются местами, как будто это не машина, а карусель. Надсадно визжали лишившиеся опоры колеса, и машина катилась по полю с леденящим хрустом, сминая под собой редкие степные былинки, покрытые коркой ранней изморози.

Дениса бросило на пол, потом на потолок, потом еще раз на пол, а потом машина еще раз нерешительно перекувырнулась, встала на крышу – и так там и осталась.

Охранник на переднем сиденье среагировал мгновенно: он рванул дверцу наружу, выскочил сам и выволок Дениса. Второй собровец, сидевший за рулем, с оханьем выбрался вон.

Денис огляделся. Над степью сияли ровные осенние звезды. Дороги не было. Была засохшая степная трава, меченая инеем, и две колеи, пропаханных в ней «Гелендвагеном». Денис пошел по колеям. Они тянулись метров пятьдесят и начинались в сажени от дороги.

Дорогу от поля отделяла свежевырытая канава в метр глубиной. По бортам канаву украшали холмики рыжеватой земли. Водитель Дениса, видимо, заснул за рулем. Если бы он заснул, когда у джипа скорость была пятьдесят километров, «Гелендеваген» расколотился бы в канаве. Но когда он заснул, скорость машины перевалила за сто пятьдесят, свежий отвал вдоль канавы сыграл роль трамплина, и джип ласточкой перепорхнул через препятствие.

«Смешно, – подумал Денис, – тут разборки, чьи-то хитроумные планы. А ехали бы помедленней – и все. Три трупа».

Потом он включил мобильник и начал ругаться: спутникового телефона у него с собой не было, а сотовый в этом районе не действовал.

Первый трейлер не захотел останавливаться. Бог знает, что примерещилось бедолаге-водителю в пол-второго ночи в четырех насупленных людях, стоящих на обочине. Или он не разглядел валяющегося в степи «Гелендевагена», или решил, что это подстава разбойничков – а так или иначе, когда Денис замахал на обочине руками, трейлер стал было останавливаться, заливая их светом фар, а потом взвыл и наддал. Денис выбежал наперерез трейлеру, тот дико взревел, и Денис едва успел отскочить в сторону.

– Ек! За грабителей нас принял, – сказал водитель.

Была ночь, степь и плюс три.

Следующий трейлер проехал через полчаса, тоже не остановившись.

Еще один показался в три утра. Фары его, видные издалека, сверкнули на взгорке. Денис решительно взял у охранника ствол,

вышел на середину шоссе и так и утвердился посереди полосы, наставив оружие прямо в лоб надвигающемуся грузовику. Водитель с охранниками встали рядом.

Трейлер выскочил из-за поворота. Денис спустил предохранитель, а охранник отчаянно замахал руками. Трейлер с визгом останавливался. Водитель в панике бил по тормозам, трейлер скрипел, как несмазанная дверная петля, широкое брюхо моталось по дороге за кабиной, грозя сбросить машину в кювет.

Трейлер остановился в трех метрах от Дениса. Охранник подбежал к кабине, распахнул ее и выволок наружу водителя. Это был русский мужик, в синей синтепоновой куртке и замызганной бескозырке, из-под которой дико блестели испуганные глаза.

– Ребята, – сказал мужик, – не убивайте! Все возьмите, не убивайте только, с меня все равно голову снимут…

– До Черловска подбросишь? – спокойно спросил Денис, не опуская ствол, – а то у нас тачка побилась.

Водитель дико мотал головой. «Мерс» улетел с трассы достаточно далеко, скорее всего, водилам грузовиков его было просто не видно в ночной степи, и только теперь, внимательно прищурив глаза, водила начал соображать, что, может, все не так уж и плохо, и остановившие его люди с автоматами не обязательно покушаются на его жизнь и кошелек босса.

– В Черловск? – переспросил водитель. – Я вообще-то в Омск еду…

Денис, не опуская оружия, полез в куртку за бумажником. В свете фар сверкнули пластиковые корешки банковских карточек. Денис вынул из бумажника почти всю наличку, которая там была, около полутора тысяч долларов, и сунул ее в руку водителю.

– Ты едешь в Черловск, – сказал Денис.

Водила слабо икнул.

– Вообще-то я могу повести машину, – подал голос водитель.

– Сиди! – холодно бросил Денис, – наводился уже! За «Мерс» из своего кармана будешь платить, понял?

Было уже семь часов утра, когда тяжелый контейнеровоз, скрежеща тормозами, с трудом остановился возле трехэтажного домика, выстроенного на северной окраине Черловска. Охотничья лайка, завидев грузовой «Мерседес» и выпрыгивающих из кабины людей с автоматами, зашлась оглушительным лаем.

Денис включил заработавший наконец мобильник и набрал номер.

– Але, Настя, у тебя все в порядке? – спросил он.

– Не знаю… Денис, тут какой-то грузовик подъезжает…

– Это я приехал, Настя, – сказал Денис. – отворяй калитку.

Собака рычала и рыла землю под оградой. Водитель

грузовика переминался с ноги на ногу на августовской выгоревшей земле.

– Слышь, шеф, – наконец сказал он, – а у вас на фирме в водителях нужды нет? А то больно вы хорошо платите…

– Пока нет, – ответил Денис.

Григорий Епишкин попался на этот раз не с гранатой. В его офисе нашли заброшенный за батарею старый ТТ. Обыск проводил опер, бывший двоюродным братом жены Царандоя.

Григория закрыли позавчера утром: Настя пыталась дозвониться до Дениса два дня, но сотовый его не отзывался, а в приемной АМК Насте отвечали, что Дениса Федоровича сейчас нет, а где он – неизвестно.

Все это Настя рассказывала Денису в пол-восьмого утра, то и дело запахивая тоненький халатик и испуганно кося глазом на здоровенных охранников Дениса, молча прихлебывавших кофе в кухоньке. Правый глаз одного из них окончательно заплыл могучим фиолетовым синяком, – напоминание о валявшемся в степи джипе.

– Тебе не угрожали? – спросил Денис.

– Нет. Я когда к Грише пошла, позвонил Царандой и велел мне передать Грише, чтобы тот не рыпался и отдал казино. И тогда его сразу выпустят. А меня все равно к Грише не пустили…

Денис протянул руку, чтобы взять кусочек сыру, неловко шарахнулся о кромку стола и едва не взвыл: до того саднил ободранный бок.

Денис задумчиво почесал голову, взял мобильник и набрал номер Царандоя, который продиктовала ему Настя. Дозваниваться пришлось долго. Пол-восьмого – это не то время, когда трубки снимают раньше, чем они закукарекают.

– Але! – наконец раздался в трубке заспанный голос авторитета.

– Это некто Черяга говорит. Если помнишь.

– А че?

– Встретиться надо. По поводу казино.

– Казино?! А те-то че…

– Расскажу при встрече. И еще – просьба до нашей встречи никаких действий по Грише не принимать. Ясно?

В трубке на глазах просыпались.

– Ясно.

* * *

Встреча с Царандоем состоялась на нейтральной территории

– на втором этаже небольшого загородного ресторана, специально устроенного на отшибе от Черловска, дабы не смущать случайного прохожего скопищем крутых иномарок у стилизованного под русское крылечко подъезда. Кафе было обустроено в виде русского двухэтажного теремка, с витыми столбиками крылечек, высокими ступенями и резными наличниками. Святорусский пейзаж дополняли камуфляж вневедомственных ментов и полированные бока скопившихся на стоянке иномарок.

Денис приехал в ресторан, разумеется, уже не на грузовике. Из Ахтарска были своевременно вызваны приличествующие случаю тачки.

Ворота стоянки разошлись в стороны, давая дорогу черному бронированному «Мерседесу» и следующему за ним джипу сопровождения. Денис подождал в машине, пока из джипа выскочила охрана, быстро и споро, как ищейки, обнюхала все вокруг, и предупредительно распахнула дверцу перед шефом.

Денис прошел несколько шагов по двору, закрытый со всех сторон мощными плечами охранников, и исчез в распахнутой двери теремка.

На втором этаже было светло и приятно. Кабинет был устроен в виде горницы, с белеными стенами, смыкавшимися треугольником вверху, и просмоленной балкой, с которой свисали пучки трав и вязки крупного, неправдоподобно красного лука. За накрахмаленной скатертью сидел Царандой. А справа от него – еще один человек. Фаттах Олжымбаев. Бывший временный управляющий шахты им. Горького и правая рука Константина Цоя.

Денис шагнул в сторону, кивнув на столик у окна. При столике стояло всего два стула.

– Присядем? – сказал он Царандою. И тут же опустился за стол, левым боком к свежевымытому стеклу.

Денис отметил про себя секундное колебание Царандоя. Авторитет прищурился: он явно не желал садиться за стол у окна, но, учитывая, что собственно напротив стекла находился Черяга, а стул, оставленный Царандою, стоял при стене из толстых просмоленных бревен… Царандой сел. Он явно недоумевал насчет присутствия Дениса в Черловске. По его расчетам, Денис должен давно быть в Швейцарии, и прятаться не только от черловской ментовки, но и от Интерпола. Если Денис приехал в Черловск, да еще и с такими понтами, значит, Царандой что-то не понимал в раскладе. А когда что-то не понимаешь, легко на что-то нарваться.

Фаттах с улыбкой взял третий стул и сел рядом.

– Ты мне поясни ситуацию с казино, – сказал Денис Царандою.

– У меня была шахта, – сказал Царандой, – бабки с нее снимал Гриша. Теперь шахты у меня нет, а у Гриши есть казино.

Улыбнулся и развел руками.

– Гриша проворонил шахту. Пусть и отвечает. Все ясно?

Денису было ясно все. После скандала с Самариным Царандой решил мириться с группой «Сибирь», а за счет кого? Разумеется, за счет слабого партнера. Царандой отдавал Фаттаху казино, которое ему не принадлежало, а взамен получал прощение долгов. Это была классическая манера мелкого российского бандита: придраться к чему-либо, хоть к цвету носок, и отобрать бизнес.

В обычной ситуации Денису бы даже в голову не пришло ввязывать в разборку между бандитом и блатным коммерсантом, замазанным дерьмом по самые ушки. Тем более, когда у него самого дымился зад. Но у этого коммерсанта была сестра Настя.

– А ты здесь при чем? – спросил Денис.

– А я у Гриши казино покупаю, – сказал Фаттах.

– Задорого?

– Не обидим, – сказал Фаттах, – уголовное дело прекратим. Ну, и тысяч сто заплатим.

Денис помолчал. Ремонт казино обошелся минимум в полтора миллиона. Долгов на Грише висело тысяч пятьсот: Гриша, широкая душа, бесплатно угощал в ресторане половину города и вообще был едва ли не единственным в России хозяином казино, который работал мало что не в убыток. Если Гриша отдаст казино даром, его просто убьют, – те самые кредиторы, которые на халяву напивались в «Версале». Царандоя это наверняка устраивало: чем мертвей Гриша будет, тем меньше вероятность, что он сможет как-нибудь сровнять счет.

Денис помолчал.

– Ты понимаешь, в чем дело, – сказал Денис, – ты не у Гриши казино отнимаешь. Ты его у меня отнимаешь. Потому что моя доля в нем – половина.

Маленькие колючие глазки Царандоя вонзились в сидевшего напротив Черягу. Это было плохо. Совсем плохо. Царандой полагал, что красный примчался сюда, потому что положил глаз на Настю. Фиг ли! Оказывается, у него с Гришкой деловые завязки! Интересно, откуда этот парень взял личных семьсот штук?

– Тебя что ж, вместе с Гришей посадить? – усмехнулся Фаттах. – Это нетрудно. Мансур, когда выйдет из комы, много чего наговорит.

Денис повернул голову:

– Фаттах, можно тебя на два слова?

– Куда?

Денис безразлично ткнул пальцем куда-то на лестницу.

Фаттах пожал плечами и вышел вслед за ним.

Фаттах оперся о лестницу и заулыбался. У него всегда была обаятельная улыбка проказливого школьника, и круглое, как луна, белоснежное лицо, сводившее с ума женщин.

– Ты пойми меня, Денис. Если б ты убил Мансура, ситуация у вас в области была б одна. А сейчас, когда Самарин в бегах, она совсем другая. Мне это казино очень нужно, а денег нет. Ты мне объясни, как мне выйти из этой ситуации, не сажая тебя в тюрьму, и как ты скажешь, так я и сделаю.

– Нет проблем. Заплати полтора миллиона и забирай казино.

– Я же тебе сказал: у меня столько нет.

– Укради у Альбиноса.

Олжымбаев оскорбительно засмеялся.

– Я не сумасшедший. Тот, кто обманывает Костю, долго не живет.

– В таком случае у тебя печальные перспективы, – сказал Денис.

Медленным, почти ласкающим движением он достал из внутреннего кармана сюртука небольшую фотографию и показал ее Фаттаху. Тот недоуменно посмотрел на нее. Фаттаху потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, что на снимке запечатлен он сам – в постели с Ниной.

– Ты все-таки заплатишь полтора миллиона, – сказал Денис.

– Я не смогу вынуть такие деньги.

– Ну хорошо, я согласен на миллион. А на оставшиеся деньги объясни Анастасу, что санкцию на мой арест придется порвать. В противном случае я казино не продам.

Денис поднялся и исчез за занавеской.

Через пять минут в кабинет заглянул Царандой.

– Ну что, договорились? – сказал Царандой.

– Да, – ответил Фаттах, – договорились. Тысяч триста я Денису плачу.

Шестисотый «Мерс» Фаттаха покинул площадку у ресторана в полседьмого вечера. Царандой, вышедший провожать нового партнера, задумчиво смотрел, как схлопываются ворота за уехавшими машинами.

– Красиво всех мусор развел, – сказал Царандой своему заместителю. – Ты заметил, что он все бабки себе потребовал? Мамой клянусь, он из этого дела ни копейки Гришке не отвалит.

– А Гриша?

– А что Гриша? Из тюрьмы вышел, шкуру спас – оно и так ему хорошо, и так хорошо. Ты думаешь, у этого мента и правда доля в казино?

– А что, нет?

– Мозги у него варят, вот что! Учись, как разводить надо! Триста штук ни за что себе в карман стряс, и еще будет везде говорить, что доброе дело сделал!

Гришу Епишкина освободили на следующий день. Никто ничего ему не говорил – просто подписали бумаги, сняли наручники и вытолкали вон из ворот следственного изолятора.

Гриша в некотором обалдении щурился на августовское солнце и на дожидавшийся его шестисотый «Мерс» с ахтарскими номерами. За «Мерсом» черным гробом высилась машина сопровождения. Стекло «Мерса» опустилось, и из машины высунулся Черяга:

– Ну что ждешь? Давай быстро садись! Настя уже твой любимый салат устроила!

С собой Настю Денис не взял, мало ли какие у СИЗО его ждали неожиданности.

Гриша съел любимый салат и пирог с грибами. Он съел заливное из осетрины, два помидора, печеную свиную ножку и куропатку в кляре. Гриша явно поставил себе целью отъесться за три дня в СИЗО. Вероятно, он также не прочь был бы и напиться, но Денис предусмотрительно отнял у него спиртное. Гриша был ему нужен трезвым и серьезным.

Когда Гриша покончил с печеной ножкой и все присутствующие перешли в гостиную, к телевизору и чаю, Денис вкратце рассказал о своих переговорах с Фаттахом.

– Казино я продал, – сказал Денис, – за лимон. Сколько ты кредиторам должен?

– Штук семьсот, – хмуро сказал Гриша.

– На хлеб хватит, на икру хватит, на «Мерседес» не останется, – констатировал Денис. – Ты понимаешь, что тебе в Черловске больше жить нельзя? И Насте тоже нельзя?

– Ну?

– У меня есть место. На Павлогорском ГОКе. Зам директора по безопасности. Раньше нас там прикрывал Самарин, а теперь Самарин далеко.

Помолчал и добавил:

– Ты уж извини, Гриша, мест на заднем сиденье «шестисотого» мерина у меня для тебя нет. Сумеешь развести ситуацию в Павлогорске – можешь просить у Славы что угодно, хоть замок в Калифорнии. Не сумеешь – влетишь круче, чем здесь.

* * *

Григорий Александрович Епишкин, тридцати девяти лет от роду, врач-оталоринголог по первой профессии, полученной им в медицинском институте, и кандидат на роль главы службы безопасности Павлогорского ГОКа, был представлен стальному магнату Вячеславу Извольскому на следующий день: дело было в Ахтарске.

На собеседование ушло около пятнадцати минут; Гриша пытался было шутить, был встречен ледяной внимательностью собеседника, однако не стушевался, отпустил пару удачных шуток и в конце концов все-таки заставил Извольского улыбнуться.

По окончании встречи Гришу отправили ждать в приемную, а Денис со Слябом остались одни. Извольский сидел в кресле, рассеянно обмахиваясь бумажкой из папки, которую притащил ему Денис. В бумажке Черяга узнал справку о прекращении уголовного дела.

– Почему не мент? – спросил Извольский, – почему блатной?

– Мне не нравится ситуация в Павлогорске. В таких ситуациях менты слишком часто сдают хозяев. Особенно если от них требуют что-то стремное.

– И как ты его вытащил?

– Олжымбаев спит с любовницей Цоя.

Извольский помолчал.

– Ты мне этого не говорил.

– Думал, как использовать.

– Ты это использовал для своих целей, не так ли? Я послал тебя решить проблему с вагонами, и ты влез по уши в дерьмо? Но проблему какого-то Епишкина ты решил вполне успешно, причем это была проблема с теми же людьми, что и у нас?

– Ты что, считаешь, что я заказал Самарину Мансура?

Извольский помолчал.

– Я так не считаю. Но ты мне можешь членораздельно объяснить, почему мелкий блатной коммерсант тебе нужен как зам директора в Павлогорске?

Денис вдруг опустил глаза и сказал:

– У него… в общем, сестра у него… Настя…

Извольский расхохотался.

– Ну, ежели так… на свадьбу-то пригласишь?

Денис уже отворил дверь кабинета, когда Извольский окликнул его.

– Денис.

Черяга повернулся.

– Ты нашел Курбана?

– Да. Мы договорились. Сто пятьдесят тысяч, примерно как ты сказал.

– Не надо сто пятьдесят. Скажи Курбану, что мы заплатим ему пятьсот, но только когда вернем активы.

Черяга помолчал.

– У Курбана специфическое мышление, Слава. Он может решить, что мы вернем активы, только если Бельский будет мертв.

– Это проблемы Курбана. Кстати, ты на эту стрелку… с Фаттахом… брал машину сопровождения?

– Да. Ахтарский СОБР.

– Оставь их при себе. На постоянной основе.

В ту же ночь Денис и новоназначенный начальник службы безопасности выехали в Павлогорск.

– Ничего не понял, – сказал Денис, – зачем он тебя звал?

– Решал, мочить или в живых оставить, – серьезно объяснил Гриша.

– Ты что?!

– Ну, ты даешь, Дениска. С такой глыбой бок о бок живешь, а до сих пор не привык… Ты сам подумай – вот у него второй человек в империи, правая рука глаз на девицу положил, а брат у девицы не то жулик мелкий, не то бандит под следствием. Да на хрен ему такая гниль в королевстве датском?

* * *

Больше всего Денис боялся, что Ахрозов воспримет назначение Гриши как знак недоверия. Однако Сергею было не до того. Он влетел в своего нового зама на пороге своего кабинета, сунул широкую, как лопата, руку, буркнул:

– Сергей. Можно Сережа, – и удрал на серебристом «Лендкрузере» выяснять какие-то подробности про сломавшийся десять минут назад экскаватор.

Следующий день был воскресенье, и Денис пригласил Гришу на охоту. И Гриша, и Сергей были страстными охотниками, – а как еще лучше подружить двух мужиков, как не за только что изловленным кабаном, залитым стопкой водки? Как ни крути, но Грише в Павлогорске предстояло не только взять на себя функции, которые еще недавно выполнял Самарин, но и ненавязчиво приглядывать за Ахрозовым.

Лететь собрались на заводском вертолете, который Ахрозов все никак не мог продать: задорого покупателей не находилось, а

задешево Ахрозов не хотел.

Когда Денис явился утром на вертолетную площадку, он с удивлением заметил, что Гриша не один: рядом с ним, похожая на дюймовочку в камуфляже, вертелась Настя. На Насте были шнурованные ботиночки и камуфляжные штанишки, почему-то сидевшие на ней, как лосины на танцовщице в баре. Коротенькая курточка доставала ей ровно до пупа, а поскольку поддетая под нее маечка тоже была до пупа, между курточкой и штанами то и дело мелькала обворожительная полоска белого девичьего тела.

Денис очень хорошо представил себе Настю с этой полоской и штук десять пьяных мужиков (а что народ напьется не то что по прибытии, а еще в вертолете, Денис знал по собственному опыту), решительно отвел Гришу в сторону и зашептал:

– Ну ты чего ее притащил, что, хочешь чтоб за шлюху приняли?

В эту секунду к площадке подъехал джип Ахрозова. Гендиректор выскочил из машины, в зеленом камуфляже и с зачехленным карабином в правой руке. К нему немедленно сунулся кто-то из замов, отвел в сторону и зашептал:

– Сергей, это что за баба? Ведь договорились – без баб…

Ахрозов неприязненно сморщился.

В следующую секунду Настя вихрем промчалась между машинами, схватила Ахрозова за рукав и зачирикала, как иволга:

– Ой, Сергей Изольдович? А я Настя, сестра Гриши. Я его очень-очень просила меня взять, я знаю, что у вас охота мужская, но я буду совсем как мужик, вот увидите, я утку в лет бью… Можно мне поехать?

Ахрозов глядел на Настю совершенно растерянно. Глаза директора прошлись сначала по миниатюрному, словно на зайчика сшитому камуфляжу, потом остановились на белой полоске между курточкой и штанами, потом на мгновенье взлетели вверх, встретились с живыми черными глазами Насти, и словно испугавшись, окончательно уткулись в землю.

– Какого Гриши? – обалдело спросил Ахрозов.

– Да Гриши Епишкина, зама вашего нового, ну так можно я с вами?

Ахрозов растерянно бегал глазами по Насте, и то, как он это делал, Денису совсем не понравилось.

– Да, конечно, лети, – сказал Ахрозов.

При посадке Денис как-то замешкался, и когда он влез в вертолет, оказалось, что места возле Насти уже заняты. Она сидела за самым первым столиком, у окна, рядом с ней сидел Гриша, напротив – Ахрозов и зам мэра. Им уже успели притащить откуда-то бутылку. Настя цедила из стаканчика пепси-колу, а

Ахрозов заливался соловьем. Последний раз Денис видел Ахрозова в таком состоянии, когда пускали новую насосную станцию.

Настоящая охота начиналась километрах в ста к западу от Павлогорска, там, где безлесные ровные поля переходили в холмы, а дальше – в отроги Южного Урала, заросшие многовековыми пушистыми соснами.

Там, на берегу Туры, на земле Чешкинского охотхозяйства бывший директор ГОКа выстроил зимний бревенчатый домик с банькой и сараем для электрогенератора.

Егерь Миша с женой уже хлопотали над пикником: на площадке подле баньки весело трещал костер, грубый деревянный стол стремительно уставляли снедью, привезенной с собой в вертолете: хрустящими малосольными огурчиками и капустой, слезящейся, с хрустальным срезом осетриной, нежно-розовой семгой и селедкой, укутанной бордовой свекольной шубой. Посередине стола оставили место для котлов с ухой и шурпой; спиртного принесли два ящика, и стол вскоре ощетинился бутылками, как дот – стволами.

Настроение Дениса испортилось еще в вертолете, и он не пошел на охоту, а стал стрелять по бутылкам, выставленным на ближайший пенек. Денис выпил бутылку пива и стрелял плохо.

Вместе с ним стрелял начальник милиции города Черловска. Начальник милиции весил сто пятьдесят килограмм и охоту особенно не любил, а увязался за всеми, чтобы выпросить деньги на патрульные машины. Денис дал ему понять, что деньги на машины – это строго компетенция Ахрозова, и холдинг через голову своего директора такой бытовухой заниматься не будет.

Денис уже проигрывал начальнику двадцать очков, когда из леса выбежала красивая белая лайка. За ней вышли двое охотников с ружьями и подсумками. Когда они подошли ближе, Денис увидел, что это Афанасий Горный и какой-то павлогорский коммерсант. Следом за Горным топали два охранника.

Два месяца назад, когда Денис с Горным повстречались в аэропорту, криминальный коммерсант был вообще без охраны. Как и сам Денис. Три дня назад Извольский приказал Денису не ездить без машины сопровождения. Что ж. По мере роста конфликта всегда растет число вооруженных людей, которые в нем участвуют.

Денис промазал по очередной бутылке, с досадой кинул на траву «макаров», и пошел навстречу Горному.

– Привет, Афанасий, – сказал Денис, останавливаясь в полуметре от коммерсанта и не протягивая ему руки, – как дела?

– Нормально, – ответил Горный, – вот, Мансура вчера

навещал.

– Говорят, у тебя бизнес проверяют? Ювелирный?

Сеть ювелирных магазинов Горного «Росинка» была примечательна тем, что ни один грамм продававшегося в ней золота не был добыт законным путем. Все золото было извлечено из черновой меди на заводах Цоя, и партнером Горного по ювелирному бизнесу состоял непосредственно Бельский.

– Говорят, у вас с вагонами проблемы, – в тон ему ответил Горный.

Он стоял совершенно прямо, как натовский генерал, поседевший на службе, и смотрел куда-то мимо Дениса. Камуфляж странно оттенял густые седые волосы и волевое лицо, из-за морщин походившее на скорлупу грецкого ореха.

Денис оглянулся и увидел Ахрозова с Гришей, выходивших из леса. Ахрозов тащил кабана, а на поясе Гриши висел небольшой фазанчик. За ними шла Настя и несла охотничий карабин. Волосы ее отсвечивали на солнце золотом, и с карабином она напоминала эльфа, одетого в камуфляж.

– Это кто? – спросил Горный.

– Новый начальник службы безопасности.

– Нет, девчонка. Его девчонка?

Денис промолчал.

– Ты смотри, чтобы не было как с Самариным, – посоветовал бизнесмен.

Денис недоуменно посмотрел на него.

– У Самарина девушка была, Катя, – пояснил Горный, – он ее сюда на пикник взял. С Сергеем были две какие-то девки, а с Самарином была Катя.

Горный говорил, не смотря на Дениса. Он смотрел куда-то вдаль, в голубое небо, оперенное лепестками белых облаков.

– Они напились, и Сережа попросил у Самарина Катю. Самарин сказал, что Катя в аренду не сдается. Тогда Самарина напоили, а Сережа Катю оприходовал на плотинке. Катя очень орала. Ты что, не знал?

– Нет, – сказал Денис.

– Понимаю. Самарин решил тебе не рассказывать. Потому что не бывать ему б иначе в главментах.

– Почему не бывать? – сухо спросил Денис.

– Потому что прикормленному менту, у которого такое сделали с девушкой, трудно доверять.

– А ты откуда знаешь? – спросил Денис.

– А я там был. Ментов там еще была пара штук, да охранник Ахрозова. Охранник Кате ножки держал.

Горный повернулся, помахал Денису рукой и крикнул одному

из охранников:

– Эй, Мишка, пошли костер раскладывать!

Обед сготовили к четырем дня.

Гости обсели деревянные, источенные жучком скамьи. Какая-то высокая, полная девушка раздавала из казана шурпу. Малосольная семга сверкала в листьях салата, аппетитно скворчали грибы в сметане, и над всем этим великолепием царил жареный кабанчик, окруженный почетной охраной из поллитровок.

Настя и Ахрозов сели посереди стола. Сергей резал для Насти кабанчика и шептал ей на ушко. Настя запрокидывала головку и смеялась.

– А мне жарко, – громко сказала Настя.

Она встала с деревянной скамьи и принялась сдирать камуфляжную курточку. Курточка сдиралась плохо, и Настя капризно сказала:

– Ну что вы стоите? Помогите!

Ахрозов поспешно встал и помог Насте снять курточку. Под ней обнаружился черный хлопковый топик, обтягивающий небольшие, явно не стесненные лифчиком грудки. Настя взяла у Ахрозова курточку и бросила ее на траву.

– Осторожней, – сказал Сергей, – здесь клещи могут быть. Вряд ли, конечно, уже август… У вас прививка против энцефалита есть?

– Нету, – сказала Настя.

Один из подчиненных Ахрозова подошел к нему и о чем-то заговорил, тыча в направлении реки. Ахрозов отвечал ему вполголоса. Насте стало обидно, что Сергей говорит не с ней, а с каким-то прыщавым парнем.

– Это вы о чем? – спросила Настя.

– Да так, у нас электричество отключают. Вон, вчера на аглофабрике чуть пожара не было.

– А что такое аглофабрика?

– Это то, где агломерат делают.

– А зачем?

Ахрозов остолбенел, и Настя поняла, что ляпнула что-то не то.

– Настя, – голос Ахрозова был неожиданно сух, – ты хоть понимаешь, что производит мой комбинат?

– Руду, – сказала Настя немедленно. Потом прыснула в ладошку и поправилась: – хотя нет, руда – это то что он потребляет, так?

Ахрозов молчал.

– Ой, Сергей Изольдович, – расхохоталась Настя, – да вы не

сердитесь! Ну я честно не знаю. Но мне очень-очень интересно!

– Ну если тебе так интересно, приходи завтра, – сказал Ахрозов, – я тебе покажу комбинат.

Настя посмотрела по сторонам и неожиданно увидела Дениса. Он сидел в стороне от всех на каком-то бревне, и рядом с ним сидела высокая полноватая девушка. Денис о чем-то пьяно ей рассказывал. Девушка хохотала.

После обеда к Сергею пристал начальник милиции. Настя заскучала и, как любопытная кошечка, принесенная в новый дом, принялась обнюхивать окрестности.

Выл конец августа: трава уже выгорела на солнце, но лес, огибавший вертолетную площадку, был зелен и душист. За охотничьим домиком располагался двор с генератором и поленницей, а за двором начинался спуск к реке.

Река в этом месте была неожиданно бурная, с плоским левым берегом и обрывистым правым. По ту сторону начиналась степь. По эту сплошной стеной вставала тайга, и река сверкающей косой отделяла лес от степи. Узкая туча надвое перечеркивала садящееся солнце, резкий ветер заносил в лес пряный, прелый запах выгоревшей белесой степи, и узоры синих и рыжих мхов на изломе скалы были как загадочные иероглифы, начертанные сотни лет назад пропавшими племенами.

У самого края обрыва, на гранитном валуне, поросшем красным лишайником, сидел седой человек в камуфляже. Настя решила, что он тоже прилетел на вертолете, но потом из кустов к ней вышла белая лайка, и Настя удивилась. Лайки в вертолете точно не было.

– Зара, фу, – не оборачиваясь, сказал седой.

Настя подошла к нему и стала гладить лайку.

Степь по ту сторону реки тянулась в вечность. Далеко-далеко в выгоревшей траве трепыхался белый флаг, и под ним стояли три брезентовых палатки. Только тут Настя заметила в кустах у реки небольшую резиновую моторку. В моторке копошились люди.

– Это ваши? – сказала Настя, показывая на палатки.

– Нет, археологов, – ответил седой.

– А чего они копают?

– Старые поселения. Им четыре тысячи лет. Жили тоже люди, строили из глины, медь плавили. Эти археологи даже печку тогдашнюю сделали. Вполне нормальная печка для кустарного производства. Плавят в ней медь и продают фигурки на сувениры. Вон…

Седой потянулся и вынул из кармана божка на веревочке. Божок был с двумя головами и очень большим бронзовым

пенисом.

– Сувенир? – спросила Настя.

– Не, настоящий. Археологи ко мне ходили, я им денег дал раскопки. Вот, подарили.

– А куда они делись? Ну, те, из поселений.

– Туда же, куда мы денемся. Мы уйдем, а степь останется. А потом придет еще кто-то через четыре тысячи лет, восстановит наши заводы и будет делать на них суверниры. И наши боги будут для них игрушками.

– У нас нет таких богов.

– Есть. Сотый «Лендкрузер», часы от «Патек Филипп». У меня есть очень хороший друг, которому «лендкрузера» уже мало, он для кайфа передвигается на высокоскоростном современном истребителе…

– А с Денисом вы давно дружите?

– Когда-то дружил.

– А сейчас?

– А сейчас он занимается тем, что по приказанию Сляба пытается отнять мой бизнес.

Настя помолчала. Седой обернулся, протянул ей руку и усадил на валун рядом с собой. Настя про себя отметила странную, медвежью грацию бизнесмена. Настя невольно отодвинулась, и тут же тяжелая, мускулистая рука Горного легла ей на плечо.

– Не надо, дочка, – сказал он, – тебе сколько?

– Восемнадцать, – с вызовом сказала Настя, – и меня зовут не дочка, а Настя.

– А мне – шестьдесят четыре. И я тебя, в отличие от Черяги, не съем.

Настя притихла. Ей чем-то нравилась эта сильная и тяжелая рука на плечах. И весь Горный был какой-то приятный. Он пах дымом, мясом и табаком.

– Послушай моего совета, дочка, – сказал Горный. – У твоего брата есть немножко денег. Пусть он тебе купит стипендию, и езжай-ка ты в Оксфорд или Даллас какой-нибудь. Найди там себе белозубого американца, домик с зеленым газоном, и рожай ему американских детишек. А от таких людей, как Денис и особенно Ахрозов, держись подальше.

– А мне Сережа нравится, – с вызовом сказала Настя – он очень милый.

– Понимаешь, дочка, мы все немножко уроды, но когда появляются люди вроде Ахрозова, то…

Горный помолчал.

– Что – то? – спросила Настя.

– Убийства, дочка, это как грузди. Они в одиночку не растут. Неужели ты не понимаешь, почему начальником службы безопасности стал твой брат, а не мент?

– Почему?

– Потому что твой брат обязан Черяге всем. Потому что на ГОКе пахнет паленым, а когда пахнет паленым, то менты начинают предавать хозяев. Мента нельзя попросить кого-то убить, Самарин не в счет, он чокнутый. А твоего брата можно.

Люди в резиновой лодке наконец запустили мотор. Горный крикнул лайку и стал спускаться вниз, бросив последний взгляд на Настю и на палатки в степи.

* * *

В вертолете Денис оказался с Настей в разных местах. Он был уже довольно пьян и уныло глядел на пустынную степь, по которой бежала размытая тень от вертолета. Он намеренно сел рядом с высокой девицей, не то женой, не то подстилкой главного инженера. Денис громко смеялся и поил девицу водкой, девица призывно щурила подведенные глаза, и главный инженер тоже смеялся – очень громко и очень натужно.

Когда вертолет сел, девица и главный инженер помогли Денису выбраться из самолета. Он сказал:

– Я сам.

Спрыгнул с подножки, пошатнулся и въехал мордой в гравий на вертолетной площадке. Что-то вежливо зашуршало над ухом, Денис перевернулся и увидел, что около него бережно остановился его собственный «Мерседес».

Денис поднялся, цепляясь за колесо. Девица помогла ему встать. Настя стояла напротив, между Ахрозовым и Гришей, и ее короткие черные волосы топорщились на ветру. Рукой она заслонялась от пыли, поднятой лениво вращающимися лопастями. Чуть поодаль стояли стайка чиновников. Начальник милиции что-то сказал Денису, тот не услышал за шумом лопастей, и мент повторил:

– Ну что, Денис Федорович, в баню?

– В баню, – подтвердил Денис, окончательно распрямляясь, – поедешь с нами, Сережа?

– Нет, не поеду, – ответил Ахрозов.

– О-па, какие мы гордые, – сказал Денис. Он переступил ногами и сполз по крылу «Мерседеса» на сиденье. Охранник ему помог.

* * *

Афанасий Никитич Горный, владелец фирмы «Акрополис», Тихвинского машиностроительного завода, сети ювелирных магазинов «Росинка» и десятка автозаправок, вернулся с охоты днем в понедельник. Охоту он любил, но последнее время не часто мог ее себе позволить, потому что в отличие от московских шаркунов вроде Черяги охоту он понимал, как охоту, а не как пикник с попутным решением административных проблем, и летал туда не на вертолете, а плыл обыкновенно на лодке, два дня вверх по неспокойной Туре и день вниз, да еще и несколько дней в верховьях; а где в нынешнем ритме жизни выкроить целую неделю?

Вернувшись, Горный обнаружил, что вице-президент АМК ему не соврал: «Росинку» проверяли вот уже третий день; проверка началась в пятницу, когда Горного не было в пределах досягаемости, и вели ее те же чекисты, которые несколько месяцев назад выгнали арендаторов из приглянувшегося полпреду здания.

Это было плохо. Хотя формально все бумаги «Росинки» были в порядке, и каждый грамм золота, по документам, был сдан в ее мастерские частными владельцами золотых колечек и наследственных цепочек.

Афанасий Горный принадлежал к почти исчезающему в новой России типу бизнесменов.

Он родился в 1938 году в колхозе под Архангельском. Бог его знает, какими путями – но сельский паренек сумел вырваться из колхоза, обзавестись паспортом и на пятерки закончить авиационный институт. На авиационном заводе в Комсомольске, куда он попал по распределению, Горный быстро осилил ремесло снабженца, затем перебрался в Министерство гражданской авиации, а к 1980 году он возглавлял сеть зарубежных представительств «Аэрофлота».

Представительства эти были ни чем иным, как шпионскими конторами, через которые финансировалась деятельность российской разведки и братских спецслужб, и понятно, что на такой должности никто, кроме матерого кагебешника, сидеть не мог. Горный и вправду был кагебешником, не менее, чем полковником, но где и в какой период своей жизни он отучился в соответствующих учреждениях, понять было трудно.

В 1983 году, через месяц после прихода к власти Андропова, одного из курьеров «Аэрофлота» сняли с токийского рейса. В дипломате курьера нашли полтора миллиона долларов.

Само по себе это не было неожиданностью: система курьеров

и создавалась под перевозку иностранной валюты, – для помощи братским компартиям, как уже отмечалось. Проблема была в том, что валюта в чемодане курьера братским компартиям предназначена не была. Более того – это вовсе не была государственная валюта.

Курьер сдал начальника отдела, начальник отдела сдал начальника управления, а тот, в свою очередь, сдал Афанасия Горного, полковника КГБ, через которого проходила половина денег на нужды Западной Европы.

И тогда выяснилось, что сеть, обустроенную в целях свержения мирового империализма, полковник КГБ Афанасий Горный использовал в интересах черного рынка. Именно через Горного цеховики, валютчики и хлопкобароны Средней Азии гоняли доллары за рубеж. Горный был мозгом и центром всей схемы. Он оперировал суммами, которые вызвали бы уважение даже у «Меррилл Линч». Он знал всех: от восточных партийных функционеров, лопавшихся от жира, долларов и хлопка, до поджарых северных цеховиков.

Афанасий Горный выполнял роль Центрального Банка для российского валютного рынка.

Он не сдал никого.

Горного судили и обещали ему вышку, но пока шло следствие, Андропов умер, и Горному дали пятнадцать лет строгого режима. Его отправили в лагерь в Хабаровском крае. Через два дня после того, как Горный оказался в лагере, туда прилетел вертолет. Из вертолета высадился начальник краевой милиции, краевой прокурор и второй секретарь крайкома. Второй секретарь крайкома вызвал к себе начальника лагеря и попросил его накрыть стол и позвать к столу Афанасия Горного. Три высоких чиновника решили засвидетельствовать почтение другу своих друзей.

Горный вышел на волю в 1993 году. Он много повидал в лагере и еще больше повидал в годы дикой приватизации. Он был уже стар; он не так любил воевать, как молодежь, и он знал, что во время войны люди слишком часто предают друг друга. Сам он ни разу не предал никого, и в конечно итоге считал, что только поэтому остался жив.

Горный не сразу сорвался с места, получив отчет от сотрудников. Он не спеша принял душ, разделал с охранником дичь, и снова помылся. Потом он надел деловой костюм, повязал галстук от Вриони, и поехал к Фаттаху Олжымбаеву, вице-президенту группы «Сибирь».

Когда он приехал в Черловск, было уже около одиннадцати вечера. Фаттаха Горный застал в его новом ночном клубе в

окружении стайки отлучившихся от шеста девиц. Девиц Горный прогнал одним движением руки; взял стул и сел напротив Фаттаха.

– У меня проблемы, – сказал Горный, – на «Росинке» и на заводе. Думаю, что Черяга будет банкротить завод.

– Тихвинский, что ли? – уточнил Фаттах.

Тихвинский машиностроительный завод был монополистом по изготовлению железнодорожных костылей и основой Горныйского бизнеса на железнодорожных зачетах.

– Да.

– Ну так продай его нам.

– Не понял.

– Что ж тут непонятного? Зачем я буду защищать твой завод? Ты, Афанасий, определяйся, с какой ты стороны. А то ты хочешь, чтобы мы решали твои проблемы, – а что мы получаем взамен?

Горный помолчал.

– Это не вы решаете мои проблемы. Это я решаю ваши. Костя меня просил…

– Погоди! Что значит – наши проблемы? У тебя отбирают бизнес, железную дорогу. Это твои проблемы, мы завтра пойдем и вон, через полпреда все будем возить. У нас сейчас убытки, потому что мы возим через тебя, а через тебя дороже. Твой бизнес только нами держится, и ты его хочешь сохранить как свой бизнес?

– Фаттах, Степан мне обещал…

– Да что Степан понимает в бизнесе! – резко сказал Фаттах.

Горный молча поднялся и покинул казино.

Понедельник начался для Сергея Ахрозова с очередной склоки. С утра не было начальника ремонтного цеха – сучонок вчера напился и сорвал совещание, ночью кто-то разорил оставленный без присмотра БелАЗ, и вдобавок от энергетиков пришло очередное письмо, в максимально хамских выражениях утверждавшее, что комбинат просрочил платежи за электроэнергию аж на два дня.

Ахрозов созвал совещание и велел ни с кем ни соединять, а когда совещание кончилось, оказалось, что ему звонил мэр и что Люба этого не передала.

Ахрозов вызвал Любу в кабинет и начал на нее орать.

– Какого…? – орал Ахрозов, – есть список людей, с которыми я разговариваю при любых обстоятельствах! Ну и что что никого не соединять? К Аркадьеву это не относится! Как можно так работать?

С крупного продолговатого лица Любы уже готовы были сорваться первые слезы.

– Почему в предбаннике все время накурено? – продолжал Ахрозов, – Что значит: я запретил отлучаться с рабочего места? Ты бы еще на рабочем месте еб…

В этот момент раздался осторожный стук в дверь, створка ее приотворилась, и в кабинет просунулась мордочка Насти.

– Ой, Сергей Изольдович, – сказала она, – а вы заняты? А то мне сказали, что вы заняты…

Ахрозов покраснел, и непроизнесенное окончание фразы застряло у него в глотке.

– Ладно, Люба, иди, – сказал он.

– А вы?

– А я девушке обещал комбинат показать, – сказал Ахрозов.

Люба сглотнула слезы и вышла, стараясь не смотреть на молодую сестренку начальника службы безопасности.

* * *

Экскурсия вышла интересной, потому что жизнь для Насти вообще была интересная штука. Сначала машина долго-долго ехала между белых барханов, которые изумительно подошли бы для съемок фантастического фильма, – это были отвалы комбината.

Отвалы, перерезанные следами грузовиков, простирались на несколько километров, время от времени на пути возникали насосная станция или линия электропередачи, и тогда Ахрозов вылезал из машины, заходил на станцию и придирчиво инспектировал каждый гвоздь. При виде его рабочие немедленно принимались работать, и Ахрозов тут же начинал кричать.

На самом комбинате шум был ужасный. Гигантские мельницы вращались, как колеса судьбы, железные поручни над железным полом были покрыты жирным черным осадком, и когда Ахрозов зашел на склад, рабочие бросились тушить на складе свет.

– Раньше надо было экономить свет, когда я не пришел, – сказал Ахрозов, – а теперь что? Я вон человеку хочу склад показать.

Но, против обыкновения, не ударил мастера и даже не выругал его.

Потом завод кончился и началась природа. Черный джип Ахрозова миновал карьеры и железнодорожную станцию, и наконец поехал вдоль неширокой в этих местах Туры. Река текла в глубоком овраге, обросшем со всех сторон кустами и елями, и из оврага оглушительно трещали лягушки. В овраге было

холодней, чем вчера в степи, зелень на земле уже истлела, и среди облетевших кустов горели гроздья рябины.

Потом река раздалась и превратилась в дивной красоты пруд. На другом его берегу из-за кедров и елей выглядывали роскошные каменные дачи, и на причале качались две белобоких яхты: Богоявленский пруд считался одним из красивейших мест региона. Несколько самых богатых людей области, в том числе Афанасий Горный, обустроили здесь свои резиденции.

– Ой, ежевика! – вскрикнула Настя и сбежала с дороги, вниз, туда, где на длинных буро-зеленых плетях ежевики виднелись черные крупные ягоды.

Кусты ежевики расползлись по старой плотине, отделявшей пруд от Туры. Приглядевшись, Настя заметила остатки огромного железного колеса, а с другого края плотины – кирпичный вытянутый дом с выбитыми окнами и датой, выложенной под самой крышей: 1893. Сквозь трещины в плотине сочилась вода.

Ахрозов, спустившийся вслед за ней, стал озабоченно трещины разглядывать.

– Это что? – спросила Настя.

– Старая электростанция, – ответил директор. – Здесь еще Синебрюховы построили целый каскад электростанций. Первый каскад в России, тут же тоже тогда руду добывали. На Богоявленке.

– А почему их забросили?

– Невыгодно. Река небольшая, сейчас совсем другие мощности нужны. Во-он, внизу у Нижнесушинки еще одна плотина.

Ахрозов стоял совсем близко от Насти, сильные его пальцы с изъеденными ногтями взяли Настю за плечи и развернули в сторону далекой, запрятанной за деревьями и дымкой Нижнесушинки, и на Настю мгновенно пахнуло мужским потом из-под кожаной куртки. Запах был нерезкий, даже приятный.

Настя старательно приподнялась на цыпочки, обхватив руками кирпичную кладку, так, чтобы ее короткая юбка взъехала как можно выше, но так никакой плотины и не увидела. Когда она обернулась, она увидела, что Ахрозов смотрит не на нее и не под юбку, а спрыгнул под откос, и озабоченно изучает трещины в плотине.

– Что такое? – спросила Настя.

– Да ничего. Мэр, сучонок. В прошлом году списал триста тыщ баксов на ремонт плотины, где тут ремонт? Тут ежевика, а не ремонт.

– А надо – ремонт?

– Конечно, надо, – буркнул Ахрозов, – рухнет, так мало не

покажется. А мы, между прочим, Богоявленку хотим купить. Там руда хорошая, а директор урод.

Настя снова приподнялась на цыпочки, выглядывая Богоявленку, которую хотели купить. Ничего не выглядела: однако на этот раз Ахрозов глядел уже не на плотину, а на нее, и вдобавок стоял внизу. Загляделся так, что поскользнулся и проехал два метра вниз по бетонному, заросшему мелким вьюном откосу.

Когда они поднялись к шоссе, Ахрозов приказал водителю ехать обратно. Дорога вскоре отвернула от Туры и пошла вдоль рельс. Снова вода показалась только через двадцать километров.

Теперь это была уже не река, а огромный пруд в оправе из вековых сосен, со строгой и черной водой, похожей на зеркало, в которое ночью глядятся пролетающие над землей спутники.

По ту сторону пруда начинались низкие осыпавшиеся горы, и роскошная мраморная лестница поднималась к пансионату «Иволга». Дорога в это месте ветвилась, уходила на дамбу, и тут только Настя заметила, что впереди еще один пруд, расположенный гораздо выше и отделенный от нижнего шестиметровой высоты плотиной.

– А зачем эти пруды? – спросила Настя.

– Это шламохранилища, – с немедленной готовностью отозвался Ахрозов. – Сашка, останови машину. Или нет, у первого пруда останови.

Спустя пять минут черный джип притерся к бровке дамбы, и Настя с Ахрозовым вышли из машины. Дорога в этом месте дамбы была узкая, по ней с трудом мог проехать тяжелогруженый грузовик.

Третье шламохранилище был совсем уже некрасивый пруд, с бетонным бордюром вдоль дороги и серо-зелеными берегами. Вода в нем была беловатая и мутная.

– Всю работу по очистке руды на комбинате делает вода, – сказал Ахрозов. – Это замкнутый цикл. Грязная вода сбрасывается вот в этот пруд. Она со шламом, то есть с пустой породой. Здесь вода отстаивается, шлам уходит на дно, а вода сбрасывается во второй пруд. Там она отстаивается снова, а в третий пруд она уже идет совсем чистая. Оттуда через насосы она снова идет на комбинат.

По дороге, вслед за директорской машиной, подъехал тяжелогруженый КамАЗ и остановился, опасаясь сигналить. Дорога в этом месте была узкая, джип и КамАЗ разъехаться не могли, и когда Настя взглянула на насыпь, она увидела, что дорога мало того, что узка – еще как бы и размыта подступающей водой.

– А отчего так дамбу размыло? – спросила Настя.

– Потому что упыри пять лет здесь сидели, – резко ответил Ахрозов. – Дамбу каждый год нужно подсыпать, а чем? Пустой породой. А эти ребята морковку рыли.

– Какую морковку? – не поняла Настя.

– Вскрышными работами не занимались, пустой породы не вывозили, – пояснил Ахрозов. Он невольно вспомнил о тех трехстах двадцати миллионах, которые сулил ему Анастас. Формально предложение оставалось в силе. Настя, вздрогнув, смотрела на обманчиво-спокойную гладь шламохранилища.

– А если дамбу прорвет? – спросила она.

– Не должно. Мы ее сейчас укрепляем. – Ахрозов обернулся и заорал своему водителю:

– Ну чего стал? Дай дорогу машине, он работает, а ты ворон считаешь!

Джип Ахрозова заурчал и сполз с дороги на насыпь, пропуская КамАЗ.

Настя поглядела на Ахрозова и засмеялась.

– Ты что смеешься? – спросил директор, – я что-то смешное сказал?

– Ага, – кивнула Настя. – Ты так на этот комбинат смотришь, как будто он твоя жена. И еще ты ужасно смешной.

– Почему?

– Так. Тебе девушка нравится, другой бы ее в ресторан пригласил. А ты шламохранилище поволок показывать.

Ахрозов посмотрел на часы и, к удивлению своему, увидел, что уже около восьми вечера. Он пропустил все, даже шестичасовое селекторное совещание.

– Ты хочешь в ресторан? – спросил растерянно Ахрозов.

Настя подбоченилась.

– Конечно хочу, – сказала она, – я ужасно проголодалась.

* * *

В ресторане все было как нельзя лучше: он был обустроен в провинциальном великосветском стиле, с золочеными канделябрами над белыми столиками и очаровательными официантками в коротких сиреневых юбках. Горящие на столах свечи отражались в зеркальных стенах, вокруг них все тонуло в полумраке, в середине зала пылал огромный камин, и Настя чувствовала себя ужасно довольной: ее, как взрослую, привезли в большой красивый ресторан на большом черном джипе, и человек, сопровождавший ее, был самый главный человек в

городе, и секьюрити при входе почтительно кланялись ему, а когда охранники Ахрозова прошли через металлоискатель, в их карманах зазвенело, но секьюрити не остановили их немедленно, а только несмело спросили:

– Оружие есть?

– Есть, но мы стрелять не будем, – пообещал Ахрозов, и Настя при этот ответе гордо вздернула головку. Она почувствовала, что все взгляды устремлены на нее.

Ужин тоже был выше всяких похвал: Настя съела десяток устриц и толстую-толстую отбивную, и еще салат из гребешков, и даже стащила половинку бифштекса с тарелки Ахрозова. Она очень проголодалась.

Они уже ели десерт, когда Настя заметила за соседним столиком компанию развязных парней в кожаных куртках. Настя толкнула Ахрозова под локоть и спросила:

– А эти чего здесь делают?

– Это их ресторан. Точнее, Мансура.

– А почему мы тогда сюда пошли?

Ахрозов слегка замялся, покраснел и ответил:

– Это единственный приличный ресторан в городе.

– А у завода свой ресторан есть?

Ахрозов покраснел еще пуще и выдавил:

– Да.

– Тогда пошли туда, – сказала Настя.

Ахрозов молчал.

– Ну Сергей Изольдович, ну пожалуйста! – взмолилась Настя. – Ведь там у вас, наверное, девочки голые пляшут, да?

В ресторане Ахрозова голые девочки не плясали. Они плавали в бассейне с прозрачными стенками.

– Ну хорошо, – сказал Ахрозов, – только мне надо заехать переодеться.

Апартаменты Ахрозова, которые многим окрестным крестьянам показались бы невероятно роскошными, для генерального директора были более чем скромны.

Ахрозов жил даже не в «турецкой деревне», куда в гостевой дом определили Гришу, а просто в одноэтажном флигельке на территории бывшего партийного пансионата «Иволга». Номер был двухкомнатный, с маленькой прихожей, застланной порыжевшим ковром, с гостиной и большой спальней. К спальне был пристроен широкий солнечный балкон, а к гостиной – небольшая кухонька. Они прошли в кухню.

– Чаю будешь? – спросил Ахрозов.

Насте почему-то очень хотелось пить.

– Да.

Ахрозов захлопотал на кухне около чайника. Сквозь приотворенную дверь Настя видела его широкую спину, обтянутую черной фуфайкой, и сидящие мешком брюки. Директор делал все споро, по-холостяцки, – через минуту белые с синим ободком чашки уже стояли на столе и тут же громоздились нарезанные горкой бутерброды с сыром. Из стенного шкафа была извлечена непочатая бутылка коньяка, а из холодильника – запотевшая баночка кока-колы.

Ахрозов оборвал с бутылки пробку и налил коньяк в два стеклянных стакана, таких же, в которых в столовой подавали кисель и молоко.

– Я не буду, – поспешно замотала головой Настя.

Ахрозов не стал настаивать и выхлебал свой стакан сам, до половины.

На кухне запел чайник, и тут же зачирикал мобильный телефон. Ахрозов, разговаривая, поднялся со стула. Через минуту он вернулся со свежезаваренным чайником. Поступь у Ахрозова была мягкая и тяжелая, как у мишки, который подходит к улью с медом. Мобильник пискнул было снова, но Ахрозов отключил его и кинул куда-то на сервант.

Чай был густой и прозрачно-коричневый, как раз такой, какой нравился Насте.

– Сахару? – неловко спросил Ахрозов.

Настя наморщила лобик.

– Не. Печенья.

Ахрозов распахнул дверцу шкафа и принялся рыться в поисках печенья. Но печенья в квартире не оказалось. Директор слишком привык питаться где придется – или в столовой для инженеров, или в ресторане. Ахрозов прошел в спальню и нажал на интерком. Через минуту в дверях образовался охранник.

– Печенья принеси, – сказал Ахрозов.

Охранник оглядел ничего не выражающим взглядом Настю и исчез. Директор вернулся в кухню, опустился на крякнувший под ним стул и допил остатки коньяка. За окном стремительно, как это бывает на юге, темнело. Вдоль дороги, бегущей по гребню озера, выстроилась во фрунт цепочка огней.

– А вы здесь совсем один живете? – спросила Настя.

– Да.

– А жена есть?

– Нет, – сказал Ахрозов, – жена сбежала.

Черные как ежевика глаза Насти удивленно расширились. Она нерешительно облизнула губки, не зная, задавать вопрос или нет. Ахрозов поглядел на нее и сказал:

– К режиссеру какому-то. В Питер.

– Почему в Питер?

– Не знаю. Она у меня всегда такая была… интересная, знаешь. Все Пастернак, да Вальмонт, да серебряный век… А тут я со своими железками. Она меня каждый вечер шпыняла: а ты, мол, знаешь, какие стихи Пастернак про осень написал?

– А какие?

– А фиг его знает… Она и сама не знала.

Ахрозов налил себе еще коньяка, разбавил его кока-колой и выпил. Коньяк и кока-кола оба были коричневыми, и Настя не могла понять, сколько кока-колы было в стакане, а сколько спиртного.

– А этот… крутился… в кино обещал снять.

– Снял?

– Нет. Он вообще за наркотой приезжал… и ее на это дело посадил… уже в Питере.

– Она живая? – спросила вдруг Настя.

– Нет.

Настя тихо охнула.

– Зарезали ее два года назад. Она до шлюхи вокзальной докатилась. Так, труп не очень-то и опознали…

– И вы ее и не искали?

– Не искал. Думал – сама прибежит.

– А она?

– А она приезжала. В Таджикистан. А там уже никто не знал, где я…

Настя молчала.

Ахрозов уперся тяжелыми кулаками в стол, Настя заметила, как под черной фуфайкой перекатились тугие мускулы.

– Если она от меня к какому-то глисту ушла, так какой я после этого мужик, а? – спросил Ахрозов.

– А дети есть? – спросила Настя.

– Сын. В Кембридже. Нечего ему тут нашу вонь нюхать.

– А у меня будет много детей, – сказала Настя.

– Это сколько – много?

– У меня будет девочка, и мальчик, и еще девочка, и еще мальчик, – сказала Настя. – Вот. Чем больше, тем лучше. А ты совсем какой-то несчастный.

– Почему?

– Так. Ни детей, ни жены. Одни шаровые мельницы.

– Я действительно не очень счастливый человек, Настя, – хрипло сказал Ахрозов.

Они замолчали. У Ахрозова в кармане неожиданно зазвенел второй недобитый телефон, директор дернулся, выключил и его. Потом наклонился к интеркому, рявкнул:

– Да где твое печенье?

– Дак в город поехали, Сергей Изольдович, – растерянно доложил охранник, – нету печенья в доме.

– Чтоб через десять минут было, – сказал Ахрозов, – уволю к чертовой матери.

Настя сидела, опустив глаза. Про печенье она сказала просто так: не очень-то было ей и нужно это печенье, тем более чтобы отправлять за ним в город служебную машину.

– Так вы переодеваться-то будете? – сказала Настя.

– Потом, – сказал Ахрозов.

Он тяжело поднялся и достал из шкафа новую бутылку коньяка. Настя с некоторой тревогой следила, как граненый стакан снова наполняется янтарной жидкостью.

– Я Западный карьер тебе показывал? – спросил Ахрозов.

Настя на всякий случай кивнула.

– Я там человека убил. Посредника. Он у экскаваторщиков запчасти скупал. Я заметил, что норма расхода долот – в два раза выше. Ну, мы с охраной их наземь положили. Он лежит, и я вижу, он из-под мышки ствол тянет. Я в него выстрелил. Прямо в голову, а? Там мозги на пять метров разлетелись.

– Я наверное пойду, – сказала Настя.

– Погоди, – сказал Ахрозов. – У него шесть детей, да. Все от голода пухнут. А ты думаешь, Сляб это ценит? Он меня выкинет, за то, что я человека убил. Когда я все тут расчищу. А я для него человека убил. А, Настя? Я прав был или нет?

Настя промолчала.

– А воровать перестали, – сказал Ахрозов. Закрыл глаза и добавил: – Это режиссеришку бы так… Как ты думаешь?

– Я думаю, что тебе лучше в ресторан не ехать, – сказала Настя, – лучше я домой пойду.

Она поднялась, и Ахрозов неожиданно легко поднялся перед ней и перегородил ей путь к выходу.

– Не уходи, – сказал Ахрозов. Его руки внезапно оказались у нее на плечах. Ахрозов выпил в этот вечер довольно много, но то ли оттого, что это был дорогой коньяк, то ли еще почему, а только спиртным от него особенно не пахло. Так, скорее табаком и каким-то особым мужским запахом – крепкого, сильного мужика.

– Мне пора, – сказала Настя.

– Я для тебя слишком старый, да?

Настя помотала головой.

– Мне пора, – повторила она.

Ахрозов был ненамного выше Насти, и так как Настя любила высокие каблучки, то сейчас они стояли почти совершенно

вровень. Глаза Ахрозова, серые и подернутые какой-то дымкой, неотрывно глядели в глаза Насти.

– Все для Дениса, да? – хрипло спросил Ахрозов.

– У меня с Денисом ничего нет, – ответила Настя.

– Тогда останься.

Настя молчала. Ей было страшно жалко Ахрозова, но она боялась ему об этом сказать. Ахрозов был не из тех мужиков, которые обрадуются, если их пожалеет женщина. «Это у него просто пьяная придурь, – подумала Настя, – у него была куча баб, а у меня не было ни одного мужчины, и если бы здесь была любая другая женщина, он вел бы себя точно также. А завтра он и не вспомнит».

Ахрозов неожиданно плавно соскользнул на колени и теперь смотрел на Настю снизу вверх. Насте внезапно стало страшно. Очень страшно. В серых глазах Ахрозова разгоралась какая-то непонятная заря.

Потом в пансионате внезапно погас свет. Ахрозов вскочил с колен и метнулся к окну. За озером, где находились цеха, расстилалась непроглядная чернота: только белые крупные звезды отражались в туской воде шламохранилища.

– Твою мать, – сказал Ахрозов, – они отключили комбинат!

На столе жалобно зачирикал интерком.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой служба безопасности Павлогорского ГОКа штурмует электрическую подстанцию, а Степан Бельский ведет переговоры с «Аэроспасиаль»

Денис вернулся в Павлогорск двадцать девятого августа.

Количество охранников у дверей удвоилось, а самое дверь защищала прочная стальная решетка. Комбинат, под бдительным оком Гриши, переходил на осадное положение.

За неделю, прошедшую со времени прошлого приезда Черяги, электричество отключали три раза. Формальной причиной служил недостаток топлива на Павлогорской ГРЭС, но почему-то под веерное отключение попал только Павлогорский ГОК да еще небольшая птицефабрика, с которой у мэра были свои счеты. С вагонами дело обстояло по-прежнему скверно.

Было уже семь часов вечера, и заводоуправление изрядно опустело.

Денис зашел на второй этаж и прошел в приемную директора. В большом аквариуме плавали красные рыбки, дверь из предбанника в кабинет стояла раскрытая. Денис зашел в кабинет, но и там никого не было. В предбаннике хлопнула дверь, послышались женские голоса. Видимо, это вернулась секретарша, Люба, и с ней еще какая-то женщина. Денис уже повернулся было, чтобы выйти, но тут послышался жаркий-жаркий шепот,

срывающийся на визг.

– Денис Федорович как уехал, она на следующий день в кабинет заявилась. Юбочка до попы, кофточка до пупа… А про печенье знаешь?

Ответа не последовало, и женщина защебетала дальше:

– Они в пансионат приехали, а Сашку-то он отослал прочь, и знаешь, че сказал? Печенья, говорит, нам купи! В час ночи! Уж не знаю, в какой они там позе это печенье ели… Люба, да ты чего плачешь?

Денис вышел из кабинета, и обе женщины замолчали. У Любы были расстроенные глаза. Вторая баба была толстая и румяная, видимо, жена одного из охранников Ахрозова.

– Где Сережа? – спокойно спросил Денис.

Сережа был в кабинете главного инженера. Кроме главного инженера, в кабинете наличествовали: Гриша Епишкин, зам по финансам, еще пара мужиков и трое девок. Стол украшали три пустых водочных бутылки и половинка полной. С бороды главного инженера свисала закуска. Дым от сигарет стоял такой, что, будь в здании система противопожарной безопасности, она бы сработала еще час назад.

– А! – сказал Ахрозов, поворачиваясь к Денису, – вот и, так сказать, высший руководящий состав. Присоединяйся, коли не брезгуешь.

Денис остановился на пороге кабинета.

– Ты не рано начал отмечать?

– Мы сегодня подстанцию взяли, – сказал Ахрозов, – подписали договор и выставили охрану. Так и передай Славке: проблем с электричеством больше не будет.

– У нас проблемы, – сказал Денис, – потому что ты набил морду Мансуру. Потому что вместо того, чтобы заниматься производством, ты машешь кулаками и таскаешь чужих девушек по кабакам.

– Это каких же чужих девушек я таскаю? Здесь, в Павлогорске, все мои девушки. Любая девушка – моя. Только свистни.

– Ну посвисти.

Гриша Епишкин подошел к Денису и обнял его за плечи.

– Денис, ну что, ты ради бога, у всех был трудный день…

– Денис Федорыч хочет сказать, – громко заговорил Ахрозов, – что у него любовь и я перешел ему дорогу.

Ахрозов попытался встать, но не смог. Чтобы набраться сил, он взял со стола бутылку, сокрушенно посмотрел на двести грамм водки, которые там оставались, и хлебнул прямо из горлышка.

– Маленькая поправка, Денис. У тебя нет права на любовь.

Ахрозов пьяно помахал пальцем.

– У тебя есть право на секс. В неограниченном количестве. Хочешь с одной девкой. Хочешь с тремя. В бассейне, в гостинице, в бане и в Таиланде. В свободное от работы время. Права на любовь у тебя нету, потому что любовь не бывает в свободное от работы время.

Денис молчал, ожидая продолжения тирады. Однако продолжения не последовало. Ахрозов шумно вздохнул, допил водку из горлышка и улегся головой на стол.

Денис вышел в полупустой коридор и некоторое время стоял неподвижно, потом достал сотовый и набрал номер.

– Афанасий Никитич? – спросил он, – это Черяга. Нам бы встретиться. Нет, сегодня.

Вечером после истории с Жуковским Майя перетащила вещи к себе на квартиру, и Джек переехал вместе с ней. Там было не так удобно, как в президентском номере, и некому было стирать и подметать пол, но Майя что-то соврала Джеку, и он покорно подчинился.

Телефон в квартире Майи зазвонил на следующий день. Майя взяла трубку, ожидая втайне услышать голос Бельского: однако это был ее брат.

– Майка, – сказал он, – там внизу стоит машина. Я хочу срочно тебя видеть.

Молчаливый водитель привез ее в представительство АМК: белый треэтажный особнячок с черепичной крышей. К изумлению Майи, ей пришлось подождать примерно минут пятнадцать в переговорной, а потом откуда-то из боковой комнаты появился Слава. Он был в белой рубашке, потный и усталый.

Извольский сел за стол и сказал:

– Я случайно поговорил с Джеком. Он был в полном восторге от аэродрома в Жуковском. Он сказал, что вас туда пригласил знакомый пилот Степан, которого вы накануне встретили в «Кремлевской».

Майя молчала.

– Джек не нашел ничего удивительного в том, что русские пилоты запросто гоняют чаи в гостинице, где чашка этого самого чая стоит половину месячной зарплаты военного. Он очень подробно описал внешность этого пилота. «Уши волка и глаза рыси», – сказал Джек. Ему не откажешь в некоторой наблюдательности.

Майя молчала.

– Бельский звонил тебе?

– Нет.

– Майя, я добуду все распечатки твоих звонков через полчаса.

Я что, должен шпионить за собственной сестрой?

– Он мне звонил.

– Когда?

– Уже давно. После выставки. Он прислал цветы, а потом позвонил.

– Что он хотел?

– Поужинать.

– А ты?

– Я отказалась.

Извольский помолчал. Потом:

– Завтра ты уезжаешь из России.

– Почему? Мне здесь весело.

– Ты что, не понимаешь? Бельский мой враг.

– А если я ему нравлюсь?

– Это не имеет значения, – сказал Извольский. – Когда речь идет о бизнесе, личные чувства не имеют значения.

* * *

На следующий день личный бронированный «Мерседес» Извольского подвез Майю и Джека к залу отлета в Шереметьево-2. Они летели в Сардинию, на виллу, которая принадлежала полпреду Ревко. Полпред очень настойчиво позвал их покататься на яхте. Шеф личной охраны директора АМК сопроводил студентов до стойки регистрации. Они сдали багаж и остояли очередь на паспортный контроль. После этого они поднялись в зал для пассажиров бизнес-класса. До рейса оставалось еще сорок минут, Джек все любил делать заранее.

– Ты знаешь, – сказал Джек, когда они уселись в кресла, – по-моему, твой брат не просто так захотел, чтоб ты поплавала на этой яхте. По-моему, ему хотелось отослать тебя из Москвы.

– Зачем?

– Не знаю, наверное, из-за его проблем. Но ему точно не хотелось, чтобы ты была в Москве. Поверь мне, я очень наблюдательный человек.

И тут за его спиной раздался знакомый голос.

– Ничего себе, – сказал голос, – да тут жрачку бесплатно дают!

Джек и Майя обернулись. Позади них стоял Степан Бельский, со стаканом апельсинового сока в одной руке и дипломатом в другой. Он был в бежевых брюках и черном потрепанном свитере. За ним маячило улыбающееся лицо Яши Ященко.

– А еще там булочки дают и даже выпить! – продолжал Бельский, плюхаясь в кожаное кресло, – ух ты, и телефон есть позвонить!

Последнюю фразу он сказал по-английски.

– Вы, наверное, впервые летите бизнес-классом? – сдержанно спросил Джек.

– Да я не просто бизнес-классом! – в полном восторге заорал русский пилот, привлекая к себе всеобщее внимание и заставляя обернуться двух пожилых леди, мирно кушавших кофе со свежевыпеченными muffins, – я на частном самолете лечу! По приглашению «Аэроспасиаль»! У нас с ними переговоры! Прикинь, я на тренажере над Францией летал, над вероятным противником, а теперь они мне чартер оплачивают! Е! Ты когда-нибудь на частном самолете летал?

– А когда ваш рейс? – спросил Джек.

Бельский взглянул на часы.

– Через пятнадцать минут.

Майя встала и демонстративно села подальше от Бельского. Джек последовал за ней.

– Правильно, – сказал он, – нечего общаться с этими людьми. Он забавный, этот пилот, но это не наш круг общения. И к тому же он русский.

До посадки оставалось еще около получаса. Майя оглянулась. Бельский о чем-то спорил с Ященко. Ященко считал на калькуляторе, Бельский возражал.

– Ты знаешь, – сказал внезапно Джек, – я думаю, нам надо подумать о свадьбе. Я понимаю, что у твоего брата сейчас трудности, но я думаю, что мы сможем ему помочь, особенно в том, что касается квот на экспорт стали…

Майя положила ему руку на запястье и нежно заглянула в глаза.

– Джек, милый, – сказала она, – ты знаешь, это такой серьезный вопрос. И вообще… Я совсем забыла, мне одну вещь надо купить в duty-free… Я сейчас.

– Простите, у вас сейчас должен лететь чартерный рейс на Париж, – сказала она через пять минут у стойки авиакомпании. – Где регистрируют пассажиров?

Спустя десять минут хорошо одетый молодой человек провел ее на посадку в небольшой представительский «Боинг». Бельский уже сидел в салоне, спиной ко входу, и, перегнувшись через столик, о чем-то увлеченно спорил с блондином Яшей. Майя уловила слова «носок» и «предельные углы атаки». Рядом с Бельским в широком кожаном кресле дремал еще один летчик фирмы, Коля Свисский.

Майя остановилась над креслом Свисского и сказала:

– Вы не позволите сесть?

Бельский повернул голову, и Майя второй раз в жизни увидела, как он улыбается. Первый раз на ее памяти он улыбался на аэродроме, сразу после посадки.

– Да, Коля, – сказал он, – уступи-ка девушке место.

Рейс на Сардинию занимает больше трех часов, и когда Извольский набрал номер сестры, в Москве было около четырех утра. Ее мобильный был выключен, и Извольский позвонил на мобильный Джеку.

– Но она же осталась в России, – сказал Джек.

– Как – в России?

– Так. Она вышла перед посадкой, а когда я сидел в самолете, позвонила и сказала, что я обязательно должен лететь, и что она непременно прилетит следующим рейсом и объяснит, в чем дело. Мистер Извольский, я страшно переживаю, и если я могу чем-то помочь…

– Она ушла сама? Ты не заметил… чего-нибудь странного?

– Нет. Ничего странного. Вот только этот пилот, из Жуковского, помните, я рассказывал? Он тоже был в VIP-зале. Только летел во Францию.

Звонок на мобильный Степана раздался почти сразу же.

– Степан? Ты случайно не знаешь, где моя сестра?

Шепот. Легкий женский смех. Извольский почти кожей почувствовал, как на том конце связи шуршат шелковые простыни.

– Знаю. И даже могу дать ей трубку.

Извольский помолчал.

– Степан, я не верю, что ты ее любишь. Но если это одна из твоих разводок, если хоть волос упадет с ее головы… Степан, тебе никто не поможет, даже твой партнер, с которым ты пилишь государственную нефть.

– Ты имеешь в виду Костю?

– Я имею в виду вице-премьера, – ответил Извольский.

Черяга и Горный встретились в час ночи в ресторане того самого Дома Культуры, в котором год назад торговал наркотиками Мансур. Ресторан уже закрывался; с кухни доносилось громыхание тарелок, да маялся на всякий случай бармен за стойкой.

Бармена выгнали, и его место занял молчаливый парень с короткой стрижкой и удостоверением сотрудника службы безопасности АМК. Четверо парней – по двое с каждой высокой переговаривающейся стороны – встали у порога. Еще двое прошли к черному ходу. «Скоро я буду ходить с небольшой дружиной», – подумал Денис, задумчиво провожая взглядом своих охранников.

Горный сидел посередине зала, большой и грузный, как экскаватор, и прихлебывал из фарфоровой чашечки зеленый листовой чай. Когда Черяга подсел к нему, Горный не пошевелился и не сказал «здравствуй», а только вопросительно поднял брови.

– Афанасий Никитич, – сказал Черяга, – я бы вполне мог обойтись без этой встречи. Я думаю, Слава был бы этому рад, а Сергей уж точно. Они очень злы на вас.

– Какое совпадение, – усмехнулся Горный, – а я на них. С чего бы это?

Денис помолчал. Потом выложил на стол папку.

– Пункт первый, – сказал Денис, – вчера арбитражный суд соседней области принял к рассмотрению иск о банкротстве Тихвинского машиностроительного завода. Девяносто процентов ваших долгов скуплено нами. Это обошлось нам в четыреста тысяч долларов, но Слава посчитал, что завод по производству

железнодорожных костылей – это удачное дополнение холдинга, основой которого является завод-монополист по изготовлению железнодорожных рельс. Вы прекрасно понимаете, что для вас приемлемого выхода из этой ситуации нет. Либо мы обанкротим завод, либо вы погасите эти долги, а по номиналу это около пяти миллионов долларов.

– Это для меня не новость, – сказал Горный.

– Пункт второй. – Вчера в органы налоговой полиции Черловской области поступило анонимное заявление о том, что две «бочки» бензина, которые вы реализовали через свою сеть автозаправок, оформлены по липовым документам и на самом деле принадлежат преступной группировке Мансура. Вы лучше меня знаете, что весь бензин, который вы якобы реализуете как клиентский, поставляется по липовым документам. Вы лучше меня знаете, что начальник налоговой полиции области совсем не дружит с губернатором и очень дружит с полпредом, и что в этих условиях возбудить дело будет мне стоить меньше десятки. А вот прекратить дело – совсем другой коленкор. Оно уйдет наверх, и даже я не смогу его контолировать, и тут уж не только десяткой, а и сотней штук не обойдешься.

Горный молчал.

– Пункт третий. – сказал Денис, – ваш самый крупный бизнес – это золотой бизнес. Сеть ювелирных магазинов «Росинка». Ею очень заинтересовались федеральные чекисты. Которые, как вы понимаете, с губернатором совсем не дружат. А дружат опять-таки с полпредом. Особо обращаю внимание, что в этом бизнесе вы пополам со Степаном, а вот в ваших железнодорожных делах Степан не дольщик. А также на то, что золото, которое приносит Степан – это не золото с приисков. Это золото, полученное из черновой меди на заводах Цоя. Его крадут после того, как занижают его содержание в документах. Поэтому когда ФСБ начнет разбираться с вашей ювелиркой, то все претензии Степана будут к вам.

Горный хмуро пролистал документы и отложил в сторону. Денис в который раз обратил внимание на его руки – тяжелые и разлапистые, с редким белым пушком на пальцах и совершенно без старческих пигментных пятен. На левой руке три пальца, от мизинца до среднего, были обрезаны начисто, – это в лагерной драке Горный схватился за нож. На оставшемся указательном пальце сидела тяжелая золотая гайка с тремя бриллиантами.

– Через три недели, – сказал Денис, – от вашего бизнеса не останется ничего, за бензин на вас выпишут орден, по ювелирке вы будете бегать от бандитов, и все, от ментов до судей, будут просить у вас денег, которых у вас уже не будет.

Руки у Горного совершенно не дрожали. Черяга немного помолчал.

– Война, – дорогостоящая вещь, особенно когда человек в розыске. Вас объявят в розыск на территории России и на территории Европы. Если вы уедете, то сразу потеряете свой бизнес. Если останетесь, война разорит вас. Вам нужно будет менять квартиры, машины и телохранителей. Телохранителей как минимум шестеро, – трое по две смены, это шесть тысяч в месяц. Еще шесть тысяч кладем на квартиру, машину и водителя. Еще вам нужно содержать офис, – тысяч сорок, как минимум, кладем на аренду и зарплату сотрудникам. Кроме этого, есть еще арбитражные суды. Если сейчас вы защищаете свой железнодорожный бизнеса на деньги, которые вы берете с бензина и золота, то через неделю вам придется защищать все, что у вас есть, а постоянного источника денег у вас не будет. Самое мелкое решение суда, которое не то что позволит вам отстоять бизнес, а просто создаст прецедент для новой жалобы, стоит не меньше двадцати тысяч долларов, а в случае с человеком в розыске – и того больше. А вам надо будет защищать сразу четыре бизнеса. По моим подсчетам, если вы решите драться, вы будете проедать по двести тысяч в месяц.

– Вы думаете, у меня нет таких денег? – спросил Горный.

– Кроме денег, у вас есть и партнеры. И если я что-нибудь понимаю в их психологии, то первое, что они сделают – это переведут стрелки на вас. Они скажут, что бизнес сдох из-за вас, и вы должны возместить убытки. Потому что бандиты всегда берут деньги не у виноватого, а у слабого.

Горный молчал.

– Кого вы защищаете? – спросил Денис, – Цоя? Цой стал такой большой, что не общается с вами. Степана? Степан разучился стрелять и играет в самолетики. С вами общается Фаттах. А Фаттах – это мелкий сучонок, который живет по принципу: «падающего – ограбь». Про Анастаса я говорить не буду. Афанасий Горный, который в лагере создавал для воров кооперативы, никогда не будет партнером гомосексуалиста.

Горный пошевелился – добыл стакан воды и залпом выпил. Он очень хорошо помнил свой разговор с Фаттахом неделю назад.

– Все, что мы используем, это легальные методы, – сказал Денис, – а легальные методы имеют один недостаток – раз запустив, их нельзя остановить. Вы – разумный человек, вы не игрок, как Цой. Если вы видите, что проиграете партию, вы не будете ее доигрывать. Поэтому я здесь. Против желания Сляба. Категорически против желания Ахрозова. Вы видите, что я могу поставить мат в три хода, а я предлагаю почетную ничью.

За столиком воцарилось молчание. Грохнула на кухне оброненная поваром кастрюля, где-то далеко за окном звякнул трамвай. Денис глядел на руки Горного. Горный посмотрел, куда он глядит, спокойно улыбнулся, но искалеченной руки не убрал.

– К вопросу о легальных методах, – задумчиво сказал Горный, – вряд вы такой уж их сторонник, Денис Федорович, если приказали убить Мансура. И Панасоника.

– Чушь, – сказал Денис сердито, – я клянусь, я…

Горный властно поднял руку, и Денис замолчал.

– Мансур, наверное, выживет, – задумчиво сказал Горный, – месяца два еще будет валяться, но выживет. Я тебе никогда не рассказывал, как Мансур помог мне с бандитами?

– Нет.

– На меня наезжал один бычок. В девяносто четвертом. Я пожаловался Мансуру. Мансур посадил его в машину и при мне застрелил.

Денис удивленно поднял брови.

– Потом люди этого бандита начали приходить к Мансуру с претензиями. Мне пришлось прятаться. Платить. Мансур сказал, что я был неправ. Что я неверно объяснил ситуацию. И в возмещение должен отдать бизнес. Я бы отдал бизнес, только я случайно встретил убитого в ресторане в Черловске.

Горный помолчал.

– Вот такие у меня… партнеры… – негромко сказал Горный. – Там в чем заключается ничья?

– У нас кончаются проблемы с нехваткой вагонов. У нас перестают выключать электричество. Вы продаете свою железнодорожную компанию «Южсибпрому» и становитесь первым заместителем его генерального директора. Ваш остальной бизнес нас, разумеется, не касается.

– Я последний раз был чьим-то замом тридцать лет назад.

– Это отказ? – спросил Денис.

Горный долго молчал.

– Нет, – сказал Горный. – Это не отказ. Просто если вы помните мою биографию, вы понимаете, почему я не могу быть замом у помошника Андропова. Почему бы вам не назначить на это место меня?

Невесело усмехнулся и добавил:

– Я, как-никак, тоже чекист…

Денис помолчал. Горный был прав, и к тому же нынеший директор «Южсибпрома» Агафонов был даже не пустым местом, а отрицательной величиной. Вездеятельность бывшего помощника Андропова была причиной половины бед ГУПа, и между Извольским и Ревко уже существовало твердое соглашение, что

Агафонова надо менять.

– Я не могу решать этот вопрос сам, – сказал Денис.

– Ну так обсуди его с Ревко. Встретимся завтра в двенадцать. Подойдет?

– Завтра в девять.

Горный посмотрел на часы: они показывали пол-первого ночи.

– У меня у внучки завтра день рождения, – сказал Горный, – и я ей игрушку обещал купить, а центральный универмаг в воскресенье работает с девяти. Завтра в пол-десятого. У меня в офисе.

Горный, не прощаясь, встал, и побрел к двери.

– Афанасий, – негромко окликнул его Денис.

Горный обернулся.

– Если мы придем к согласию, ты мог бы организовать для меня встречу со Степаном?

– Почему со Степаном? Почему не с Цоем?

– Потому что Цой не способен вести переговоры, не поставив противника раком.

Лагерь приучил Афанасия Горного рано вставать, и тридцатое августа не составило исключения: Горный встал в семь, несмотря на воскресенье и неожиданно ненастную погоду, и долго колол дрова во дворе своей роскошной виллы на берегу Богоявленского пруда.

Он заехал сначала не в центральный универмаг, как сказал Денису, а в свой собственный ювелирный магазин, и долго копался там среди витрин, тщательно чего-то выбирая. То, что он выбрал, было под его присмотром запаковано в бархатную коробочку, а затем с надлежащими инструкциями передано рассыльному – дюжему детине с короткой стрижкой охранника.

Чекист-проверяющий вышел в зал посмотреть на хозяина, но ничего не сказал, и только проследил, чтобы покупка прошла через кассу.

Затем Горный поехал в универмаг. В последнее время Горный чувствовал себя довольно напряженно, и после истории с покушением на Мансура за его «Мерседесом» постоянно следовал джип сопровождения со штатными милицейскими сотрудниками, охранявшими его по контракту. Милиционеров было трое, не считая водителя, и все они были в камуфляже и с оружием. Еще один охранник – с оружием, но не милиционер, постоянно ездил с Горным в «Мерсе».

В универмаг Горный приехал в девять часов три минуты и оказался одним из первых посетителей. Горный часто баловал внучку игрушками, но по большей части он привозил их из

Парижа и Вены, или из международных аэропортов. Сейчас из-за всей этой войны против ахтарского холдинга ему было не до заграниц, а без подарка внучку оставлять не хотелось.

«Мерс» Горного притерся вплотную к широким ступенькам у входа в универмаг, и двое милицейских охранников встали у выхода, а еще двое – один милиционер, с автоматом, а другой старый охранник Горного, пошли с бизнесменом внутрь.

Горный и не ожидал, что павлогорский универмаг, который он лет пять назад отказался брать по причине его крайней запущенности и большого количества деливших его «крыш», будет так хорошо отремонтирован и так изобилен товарами.

Горный купил целую кучу всяких игрушек в больших пестрых коробках, куклу Барби и набор мебели для куклы. Пакет с игрушками Горный отдал охраннику в камуфляже. Тот взял их в руки, и они у него, в нарушение инструкций, оказались заняты. В этот момент у Горного зазвонил мобильник. Тот взял трубку, и это оказался Черяга.

– Ты где? – спросил Черяга.

Горный взглянул на часы и увидел, что до половины десятого осталось еще тринадцать минут.

– В универмаге, – ответил Горный, – Денис, я же сказал, в половине десятого буду.

И выключил трубку.

Потом они спустились с третьего этажа на второй, и там Горный увидел в витрине небольшой электромобильчик, на котором внучке было бы хорошо кататься по мраморным дорожкам его загородной дачи. Когда электромобильчик упаковали, получилась очень внушительная, полтора на два метра коробка. Горный кивнул второму охраннику и сказал:

– Возьми.

Они спустились на первый этаж, и там Горному навстречу попалась тележка. Ее вез бородатый грузчик в синем фирменном комбинезоне и синей же кепке-бейсболке, глубоко надвинутой на глаза. Тележка была гружена ящиками, на которых анфас красовалась стилизованная копия израильского автомата «Узи». Коробок было много, и они грозились вот-вот обрушиться.

Тележка была широкая и еле пролезала в проход. Охранники и Горный посторонились, чтобы пропустить ее, а охранник в камуфляже даже забился со своей коробкой в щель между прилавками.

Вородач с тележкой протиснулся мимо Горного, но тут колесо тележки задело стойку прилавка, коробки ворохом посыпались вниз. Верхняя, плохо закрытая коробка, ударилась о пол, и из нее веером разлетелись легкие пластмасовые автоматы.

Грузчик выматерился и нырнул за ними.

Охранник в камуфляже стал выбираться из-за прилавка, а старый телохранитель Горного вдруг почувствовал неладное и шагнул навстречу грузчику. В следующую секунду грузчик выпрямился, и в руках его оказался автомат – отнюдь не пластмассовый «узи», а самый обыкновенный советский «калашников», кем-то подложенный под коробки, отчего вся конструкция, собственно, и была неустойчива.

Первая очередь убила телохранителя на месте и рассадила вдребезги половину окрестных витрин. Второй охранник судорожно искал свой автомат. Но коробка с электромобильчиком, застрявшая между прилавками, мешала ему. Киллер слегка развернулся и дал вторую очередь. Горный погиб мгновенно. Охранника в камуфляже тяжело ранило, но большая часть предназначавшихся ему пуль застряла в игрушечном авто, он выронил автомат и завалился вглубь прилавка.

Киллер торопливо подбежал к Горному и всадил ему еще одну пулю, на этот раз одиночную, между глаз. Затем он бросил «калашников», перепрыгнул через тележку и побежал к служебному выходу из универмага, сопровождаемый начинающимся визгом редких посетителей и продавцов.

* * *

Денис терпеливо прождал Горного в его офисе до половины десятого, а потом еще пять минут и еще пять минут. Скучающая секретарша предложила ему кофе, и Денис выпил кофе и съел булку, потому что волновался.

В десять без пятнадцати он позвонил Горному на мобильник, но Горный не отозвался. В десять без пяти он позвонил снова, и опять безрезультатно. «Дурак! – выругал себя Денис, – какой универмаг, какие игрушки! Этот урод давно в Черловске, затирает следы по бензину, а ты не на него купился вчера, как последняя институтка!»

Больше всего Денису было стыдно перед Ревко. Он поднял полпреда в четыре часа утра.

В десять часов Черяга позвонил снова, и на этот раз, к его облегчению, в трубке раздался какой-то казенный голос, наверняка охранник Горного.

– Мне Афанасия, – сказал Черяга.

– Простите, а кто его спрашивает?

– Денис Черяга.

Трубку прикрыли рукой, казенный голос консультировался с кем-то, стоящим рядом.

– Простите, Денис Федорыч, а о чем вы хотели поговорить с Афанасием Никитичем?

– Я полчаса в его офисе, он сколько будет опаздывать? Дай ему трубку!

Пауза. Снова приглушенные консультации. Потом казенный голос сказал.

– Денис Федорыч, вам лучше было бы подъехать к нам немедленно. В центральный универмаг.

– Что такое?

– Афанасия Горного убили сорок минут назад.

Казенный голос говорил в трубку что-то еще, но Денис уже не слышал. Кажется, казенный голос сказал, что один охранник убит, а другой тяжело ранен, и еще ранена продавщица в отделе галантереи.

– Сейчас буду, – сказал Денис.

Он поднялся, и пока поднимался, опрокинул остатки кофе себе на брюки.

На улице к Денису подошел коротко стриженый парень в слишком потертой для бандита куртке. На фирменной его фуражке красовалась надпись: «Росинка», – так называлась ювелирная сеть Горного, наезд на которую Денис так хорошо организовал.

– Простите пожалуйста, – сказал парень, – Афанасий Никитич велел передать это вам, когда вы выйдете из его офиса.

В руках парня была небольшая коробочка, кокетливо запакованая в тисненую бумагу и с красной атласной розочкой вместо узла. Охранник Дениса потянулся было взять коробочку, но Денис был так растерян, что молча забрал ее из рук рассыльного и плюхнулся на заднее сиденье своего джипа. Охранник вскочил следом.

– К универмагу, – сказал Денис.

Когда джип тронулся, Денис, не думая ни о чем, оборвал розочку и вскрыл коробку. Внутри было две коробочки поменьше, а в них – два изящных кольца белого золота, с тонким желобком посередине и с небольшими бриллиантами, вплетенными в листья. Со дна коробки Денис выудил записку: «Тебе и Насте на свадьбу».

Денис откинулся на сиденье и закрыл глаза.

* * *

Как ни парадоксально, Степан Бельский не соврал Джеку, утверждая, что летит во Францию на переговоры с «Аэроспасиаль». Правда, он забыл упомянуть, что на борту частного «Воинга», летевшего во Францию, было написано не Aerospadale или там Dasso, а «группа „Сибирь“, и что Константин Цой был немало раздосадован выходкой Степана, который поставил на уши пол-Шереметьева, чтобы улететь во Францию во что бы то ни стало не через три дня, а через три с половиной часа.

Вот уже второй месяц Бельский был захвачен новым проектом. Проект состоял не более и не менее как в том, чтобы предложить новый «МиГ-1-48 „Сапсан“ Европейскому Союзу в качестве базовой модели истребителя-перехватчика пятого поколения.

Идея казалась безумной только на первый взгляд. Дело в том, что авиационной школой Европа явно уступала России, а финансовыми возможностями столь же явно превосходила. Новая объединенная Европа тяготилась воздушным превосходством американцев, – их «еврофайтер» и был первой попыткой избавиться от такого превосходства. Попытка вышла неудачной: «еврофайтер» был заведомо ученической машиной – технически вымученной и интеллектуально беспомощной.

У Европы не было авиационных конструкторов. У России – технических возможностей. Их сотрудничество позволило бы создать на базе нового «МиГа» машину пятого поколения в течение года-полутора.

Разумеется, и речи не было о том, чтобы новая машина называлась «МиГом». Бельский не строил иллюзий: никогда и ни при каких обстоятельствах российская машина не будет принята на вооружение стран НАТО. Конфиденциальные переговоры, которые вели «Аэроспасиаль», «АЕС», «Бритиш Аэроспейс» и ОКБ «Русское небо», заключались в следующем: французские, испанские и британские авиастроители получают полный доступ к документации нового МиГа. Новый «МиГ» становится новым «Еврофайтером», а Россия, в обмен, получает право производить до пятнадцати процентов комплектующих на своих заводах. Объем заказов на новую машину еще до окончания разработки составлял триста штук, пятнадцать процентов комплектующих означали четырнадцать миллиардов долларов для голодающей российской оборонки – втрое больше, чем весь экспорт российского оружия в 2002 году. Нет нужды подчеркивать, что заказы на большую часть комплектующих должны были достаться предприятиям, там или иначе находившимся под контролем группы «Сибирь».

В июле ОКВ «Русское небо», Черловский авиазавод и западноевропейский консорциум, состоящий из французской «Аэроспасиаль», британской «Вритиш Аэроспейс», шведской «Сааб» и испанской «АЭС», подписали протокол о намерениях. Еще не рожденный российский «МиГ-1-48 „Сапсан“ получил новое европейское имя – „Цезарь“.

Бельский присутствовал на подписании в качестве одного из летчиков-испытателей фирмы. Даже скептически настроенный Цой был вынужден признать, что в безумной затее Степана есть толк.

А полпред Ревко, в чьем ведении находился Черловский авиационный завод, заметил в разговоре с президентом:

– Остается посетовать, что Степан Дмитриевич Бельский не был ракетчиком. Иначе у нас сейчас была бы великолепная перспектива разрабатывать новейшие баллистические ракеты на деньги очаковских бандитов.

Степан официально в проекте «Цезарь» не участвовал и даже не значился в членах делегации: он просто скромно остановился на шикарной вилле в одном из пригородов Париже, и на эту виллу то и дело приезжали члены делегации. Остальное время Степан проводил с Майей.

Джек даже не забылся: он выцвел на фоне Степана, как выцветает акварель на солнце.

Степан дурачился, как мог. Здесь, в Париже, у него практически не было охраны, но почему-то и без охраны любое нарушение общественного порядка сходило ему с рук. Он всегда парковал машину там, где стоянка была запрещена. Полицейские ни разу не сделали ему замечания и только боязливо лепили на стекло штрафы.

Он ужинал в ресторане на берегу пруда и, усомнившись в свежести поданной им утки, тут же пристрелил другую, плававшую в пруду. Официант не осмелился возразить, а когда Степан расплачивался, он медленно, так, чтобы официант видел каждое его движение, посчитал чаевые: двадцать тысяч франков.

– Держи, – сказал Степан, – пересчитай.

Официант пересчитал деньги: их оказалось пять тысяч. Пятнадцать тысяч Степан «заломал» и, смеясь, швырнул официанту.

В одном из самых модных французских ресторанов Степану и Майе захотелось заняться любовью: время было позднее, за столиками сидели две или три пары. Степан прошептал что-то сопровождавшему их Кириллу, и тот принялся обходить столики. Пары, сидевшие за ними, оглядывались на русских и поспешно исчезали.

Последними ретировались официанты.

За эту ночь Степан заплатил ресторану тридцать тысяч франков.

Они ни разу не обсуждали взаимоотношения группы «Сибирь» и Ахтарского металлургического комбината, и в этом не было никакого притворства: когда они были рядом, все остальное было совершенно неважно.

Извольский больше Степану не звонил; однако когда через неделю Майя попыталась расплатиться в супермаркете кредитной карточкой, оказалось, что карточка заблокирована. Заблокированы были и еще две карточки, счета по которым оплачивали компании ее брата.

Когда она вернулась без молока, Степан еще лежал в постели. Она была так расстроена, что Бельский сразу обо всем догадался.

– Что такое, девочка? – сказал он.

Майя села к нему на постель:

– Брат заблокировал мои карточки.

– Этого следовало ожидать. Ему было б очень неприятно, если б девушка Бельского оплачивала свое молоко из денег АМК.

– А ты не мог бы с ним помириться?

– С какого дуба?

– Из-за меня.

– Нет. Ты – это личное, а Слава – это бизнес.

– Не понимаю, как можно отделять бизнес и личное.

– У тебя нет бизнеса, вот ты и не понимаешь.

В этот день Степан купил ей у Tiffany похожие на две слезы сапфировые серьги, в цвет синих глаз Майи.

* * *

В ночь на второе сентября Майя проснулась и обнаружила, что Степана в постели нет. Она тихонько зажгла свет и сползла с кровати.

Степан спал внизу, в гостиной. Сначала Майе показалось, что простыня постелена прямо на ковер, но когда она дотронулась до простыни, она поняла, что Степан лежит на листе фанеры.

Степан заворочался и проснулся. Майя легла рядом и положила голову ему на плечо.

– Что с тобой? – спросила Майя.

– Позвоночник болит. Последствия неудачного катапультирования. Меня за это выкинули из армии.

– Обидно было?

– Очень. Я тогда мечтал о военной карьере. Сейчас наверное

бы дослужился до командира эскадрильи.

Они помолчали, и потом Майя неожиданно сказала:

– А это страшно – убивать людей?

– Кто тебе сказал, что я убивал?

– Без этого не становятся авторитетами.

– Люди, которые убивают других, становятся киллерами. Авторитетами становятся немного другие люди.

Степан лежал, вытянувшись на спине, и по неподвижности позы Майя поняла, что ему очень больно.

Было так тихо, что можно было услышать, как катится по небу луна. Листва на дубе была словно вырезана из серебра. Потом гравий у ворот зашуршал под колесами машины, далеко внизу прозвенел звонок. Майя услышала, как охранник Степана отворяет дверь.

Степан накинул халат и вышел из гостиной. В прихожей стоял человек по имени Кирилл – правая рука Бельского.

– У тебя мобильные не отвечают, – сказал Кирилл.

– Допустим.

– Сегодня в Павлогорске расстреляли Горного.

Степан долго молчал. Потом приказал:

– Я хочу, чтобы ты связался с человеком по фамилии Шевчук. Дмитрий Борисович Шевчук. Если надо, я сам ему позвоню.

* * *

В универмаге Денис пробыл недолго – около пятнадцати минут. Там уже был городской прокурор и замначальника городского УВД. Менты были видимо растеряны и ничего у Дениса не спрашивали, только попросили его не уезжать из города.

Следователь, назначенный на дело Горного, объявился только на следующий день в девять утра. Он позвонил Денису на сотовый и попросил через час подъехать в прокуратуру.

Следователю не было и двадцати пяти, он был застенчив видом и нагл глазами, и звали его Дмитрий Борисович Шевчук. Костюм у него был шикарный, а кабинет ободранный, и коллега, сидевший напротив Дмитрия Шевчука, при виде Дениса поднялся и вышел вон.

– Скажите пожалуйста, Денис Федорович, – спросил следователь, – в день убийства у вас была назначена встреча с Горным?

– Да. Я уже говорил. На половину десятого в его офисе.

– А когда вы последний раз виделись с Афанасием

Никитичем?

– Накануне. В ресторане ДК.

– Какова была тема разговора?

– Я предложил ему мир.

– Он отказался?

– Он согласился.

– Простите, но в это трудно поверить, Денис Федорович. У комбината большие проблемы, виновником которых вы считали Горного, и у Горного большие проблемы, виновником которых он называл комбинат. Насколько я знаю, кто-то банкротит его завод, а местное ФСБ вот уже неделю старается над его ювелиркой.

– И зачем я тогда с ним встречался? – усмехнулся Денис.

– Ну это довольно очевидно. Горный – теневая фигура. На экране не появляется, на приемах тоже. Людный ресторан – идеальное место, чтобы показать человека киллеру.

Денис помолчал.

– Вы совершенно серьезно думаете, – сказал он, – что вице-президент крупного холдинга не имеет других способов показать Горного киллеру, как нарисоваться с ним в ресторане?

– Почему нет? Это удобный способ.

– Хорошо. Предположим, я бы показал Горного киллеру. Киллер, по вашей логике, должен был бы проводить его до дверей особняка. А потом он должен был бы выслеживать Горного несколько дней. Уточняя все его перемещения и распорядок дня. Разве не так?

– Не так. Дело в том, что сегодня утром вы контролировали по телефону все перемещения Горного. Раненый охранник пришел в себя, и он показывает, что за несколько минут до покушения Горный говорил по телефону с каким-то Денисом и сказал, что он в универмаге. Точные слова Афанасия Андреевича были: «Я же сказал, я в универмаге!» То есть вы заранее знали, где он будет.

Денис помолчал.

– Если бы мы считали, что пуля в голове Горного разрешит все наши проблемы, мы бы вряд ли потратили на банкротство его завода четыреста тысяч долларов. Служба безопасности призвана решать проблемы комбината, а не создавать их. А любое убийство проблемы создает.

– Как, например, попытка убить Мансура. Она ведь создала вам кучу проблем, не правда ли?

Денис еле сдержался.

– Олег ненавидел Мансура, как чечен – кровника. Сначала найдите Олега и получите у него показания, что это я заказал ему Мансура, а потом предъявляйте мне обвинение.

– Самарин признался Мансуру в убийстве Панасоника.

– Я бы на месте Мансура сказал, что он признался в сотрудничестве с Бен Ладеном.

– У вас есть какие-нибудь версии, кто мог убить Горного?

– Афанасий Горный был должен очень много денег. Мансуру. Губернатору. Степану Бельскому. У него была куча обязательств перед самыми разными уголовниками. И он платил им из денег, которые он снимал с железной дороги. Когда железнодорожные деньги кончились, у него возникли колоссальные проблемы. Если Горный решился на то, чтобы устроить железнодорожный кризис, то, будьте уверены, – такие вещи делаются не ради собственной прибыли. Такие вещи делаются ради собственной шкуры, если вы боитесь, что кредиторы отвернут вам голову.

– Вы угрожали Горному во время вашей встречи.

Денис подумал несколько секунд, тщательно формулируя ответ.

– От имени нашего холдинга и полпреда президента я предложил ему возглавить «Южсибпром». Он согласился. Его партнеры испугались, что согласившийся Горный очень много может рассказать. И вот результат.

– Ну что же, – сказал следователь Шевчук, – вот вам протокол, прочтите и распишитесь.

Денис нашел Ахрозова в ресторане с Настей. Раньше за Ахрозовым не водилось привычки посещать ресторан в дневные часы. На Насте были рваные джинсы и белая маечка с прорезями. Черные длинные волосы были, словно золотым ободком, украшены солнечным светом, лившимся из узкого окна. Настя бросилась ему на шею:

– Денис, тебя отпустили! – закричала она.

– Отпустили. И даже не взяли подписки о невыезде. Я вечером лечу в Москву, – хочешь со мной?

– Конечно, хочу!

Ахрозов нахмурился.

– А кто следователь? – спросил он.

– Следователя прислали по такому случаю из Черловска. Из следственного комитета МВД. Шевчук Дмитрий Борисович. Сука полная. Мне Самарин в свое время говорил, что он работает на группу «Сибирь».

– А кстати, – спросил Ахрозов, глядя в упор на Дениса, – это правда, что ты Самарину еще и заплатил за Мансура? Пятьдесят штук.

Рука его легла на плечи Насти.

– Настя, оставь нас на минутку, – попросил Денис.

– Почему? – сказала Настя с вызовом. – Мне здесь нравится.

Ты же мне два раза это место обещал показать.

Денис вспыхнул.

– К вопросу о Самарине, – спросил Денис, – это правда, что ты у Самарина попросил его девушку, а когда Самарин тебе ее не дал, ты Самарина напоил, а девушку изнасиловал?

Разумеется, Денис не имел права говорить ничего подобного. Это была непроверенная информация. Это была информация, полученная от злейшего на тот момент врага комбината, – вдобавок покойного. От человека, который пытался оставить АМК без сырья. От человека, про которого было известно, что он дружен с ворами, с Бельским, с Цоем и вообще если и не является вором в законе, так потому, что сам не захотел коронации. В какой-нибудь другой раз Денис ни за что не стал бы выяснять отношения с гендиректором ГОКа иначе, чем в присутствии Вячеслава Извольского. Но вид Насти – тоненькой, хрупкой Насти, сидящей бок о бок с Ахрозовым в этом паскудном ресторане, – приводил его в бешенство.

Настя испуганно вздернула брови. Ахрозов молча поднялся и, развернувшись, влепил Денису кулаком в лицо.

Ахрозов был выше Дениса на полголовы и тяжелее его на пятнадцать килограммов. Денис подсознательно ожидал удара и потому успел отскочить в сторону, но не очень удачно, – чуть справа от него стоял телохранитель Ахрозова, и в этого-то телохранителя Денис и ткнулся.

– Держи его, Мишка, – скомандовал Ахрозов.

Разумеется, Мишка никогда бы этого не сделал. И охранники Дениса, и охранники Сергея были слишком хорошо вымуштрованы, чтобы лезть в драку между хозяевами. Но Денис непроизвольно среагировал на слова Ахрозова, на мгновение отведя взгляд вправо, – и в ту же секунду кулак Ахрозова врезался ему в солнечное сплетение, отбросив его к стене.

Ахрозов еще успел ударить его ногой в живот и больно пнуть по коленной чашечке, прежде чем опомнившаяся Настя подлетела к директору, обхватила его руками за талию и завизжала на весь зал:

– Сережа! Денис! Да кто-нибудь!

Опомнившиеся охранники гроздьями висли на Ахрозове. Денис ползал у стенки, как придушенная мышь. Настя кинулась к нему.

– Денис, миленький! Ты не ушибся?

Денис с трудом поднялся на ноги.

– Так ты не ответил мне на вопрос, – сказал Денис.

– Ты все вранье обо мне собираешь? Ну что ж, если это твой уровень как зама по безопасности, то неудивительно, что мы в

таком говне…

Ахрозов круто повернулся и пошел со своими охранниками прочь из ресторана.

* * *

Рейсовые самолеты из Павлогорска в Москву не летали. Извольский прислал за Денисом свой личный борт, и эта мелочь окончательно взбесила Ахрозова.

Сергей сидел в кабинете, выслушивая отчеты подчиненных и готовясь взорваться при любом удобном предлоге, когда его мобильник разразился печальным звоном: это звонил хозяин.

– Что ты там не поделил с Денисом? – спросил Извольский.

– Ничего, – ответил Ахрозов, – просто я с убийцами не работаю.

– Что значит – убийца?

– А то и значит, – вспылил директор, – он въехал по самую шею, да? Он выложил Афанасию все и предложил дружить домами, а когда Афанасий послал его на хрен, Денис понял, что деваться ему больше некуда. И он отдал распоряжение.

– И у тебя есть доказательства? – голос Извольского доносился необыкновенно отчетливо, словно они сидели друг напротив друга, а не один в Москве, а другой – в Сибири.

– Это очевидно. Он контролировал все перемещения Горного. Он за пять минут до стрельбы звонил ему, чтобы удостовериться, что тот в универмаге.

– Так, – сказал Извольский, – ну-ка быстро, зубную щетку в карман и на самолет. Я вас хочу видеть обоих.

Ахрозов взглянул на часы. Самолет должен был улететь минут через пятнадцать.

– Я не успею, – сказал Ахрозов.

– Задержи взлет.

– Я на одном самолете с Черягой не полечу.

– Так, – в голосе Извольского звенело с трудом контролируемое бешенство, – ты сейчас позвонишь и задержишь взлет.

А через полчаса ты будешь в воздухе с Черягой. Мне ваша психбольница нужна завтра утром. В полном составе.

* * *

Настроение у Сергея Ахрозова было поганым еще задолго до

того, как их самолет приземлился в Москве, но сразу после посадки оно испортилось окончательно, как портится заглохший движок пробегавшего двадцать лет «Запорожца».

Во-первых, во время полета Настя ушла в тот салон, где сидел Черяга, и так как Ахрозову меньше всего хотелось видеть Черягу, то ему пришлось остаться и без Насти.

Во-вторых, в Москве слишком поздно узнали, что Ахрозов тоже прилетает, и на летном поле оказалась всего одна машина, заказанная для Черяги. Как выяснилось впоследствии, московский офис, узнав о приезде Ахрозова, искренне пытался пробить пропуск на поле еще для одной машины, но Москва – это вам не Ахтарск, там машины на поле пускали с таким скрипом, что секретарша физически не успела до отведенного срока.

В результате Черягу на летном поле ждал черный «Мерс», а к Ахрозову подвалил желтенький микроавтобус, в котором обыкновенно развозят VIP-пассажиров.

– Да садись в мою, – равнодушно сказал Черяга, и слово «моя» окончательно взбеленило Ахрозова. Он отвернулся от Дениса и полез вместе с какими-то попутными шавками в желтенький рафик.

Настя поехала с Денисом.

Денис отправился в загородную гостиницу АМК, а Ахрозов, из какого-то упрямства, велел везти себя в свою арбатскую квартиру, шикарную, купленную два года назад банком. В квартире стоял густой нежилой запах, и охранник Ахрозова долго щелкал ключами, пока наконец открыл замки.

Ахрозов позвонил на сотовый телефон Извольского, но тот был выключен. Ахрозов перезвонил на другой телефон, трубку взял охранник и сообщил, что Вячеслав Аркадьич сейчас на встрече и позвонит ему сам.

Ахрозов свистнул охранника и вышел на Арбат.

Арбат жил своей обычной жизнью – равнодушной, пестрой и сытой, мимо Ахрозова катились довольные стайки мальчишек и девочки в красных брючках и черных курточках, под полотняным зонтиком выстроились куклы Горбачева и Путина, с которыми можно было фотографироваться, и где-то у изножья магазина играл оборванный скрипач.

Молодые девочки оглядывались на Ахрозова и видели пожилого, растерянного провинциала с желтыми кругами под глазами и в помятом старом пиджаке. Если бы кто-нибудь сказал им, что зарплата этого человека составляет три миллиона долларов в год и что час назад его привезли в Москву на чартерном самолете, они бы захихикали и сказали: «не верю».

Именно за это ненавидел Ахрозов Москву: за анонимность.

Здесь любой хлыщ, нацепив костюм от Армани, удостаивался более внимательных взглядов, нежели он, Сергей Ахрозов.

Ахрозов давно не ел, а в самолете высосал три банки пива, и его мутило от голода, а пуще – от тоски. Москвы он практически не знал, а последние полгода, бывая в ней, ездил только по одному маршруту: офис АМК – загородная гостиница – «Кремлевская», где иногда назначались важные встречи и где всегда можно было найти девок и рулетку.

Ахрозов отдал распоряжение и свернул в переулок, куда через минуту подкатила его машина.

– В «Кремлевскую», – сказал Ахрозов.

В «Кремлевской» Ахрозов прошел в ресторан. На втором этаже было прохладно и еще пустынно, и Ахрозов спросил себе салат и бутылку водки. Ему принесли какую-то барнаульскую водку за сорок долларов. Пить было не с кем, и Ахрозов усадил напротив себя охранника.

– Я не пью, – пискнул тот, глядя, как босс наливает ему полный стакан.

– За твое здоровье, – отозвался Ахрозов, и охранник не посмел ослушаться.

Охранника Ахрозов споил необыкновенно быстро. Видимо, тот действительно никогда не пил и всячески укреплял организм здоровым образом жизни, потому что уже после первого стакана его повело, а третий охранник закончил под лавкой.

Ахрозов съел салат и выпил бутылку, а потом съел еще один салат и выпил еше одну бутылку. Он с необыкновенной ясностью сознавал, что положение его безнадежно. Он схлестнулся с Черягой, и Извольский, конечно, не допустит, чтобы два его высших менеджера цапались между собой, как два кобеля из-за суки.

Кого-то выгонят, и что выгонят Ахрозова, ясно заранее. Во-первых, кто он и кто Черяга? Черяга – это всем известно – доверенный человек Извольского, его личный шпион, конфидент и, возможно, палач. Черяга доказал свою верность Извольскому, когда Сляб лежал назвничь на больничной койке, и когда Денису надо было только шевельнуть пальцем, чтобы Сляб отправился на тот свет, а АМК со всеми потрохами отошел Денису. Извольский доверяет Черяге абсолютно во всем, и кто знает? Если Горного все-таки стрельнул Черяга, то без одобрения Извольского он точно бы это не сделал.

А что Ахрозов? Ахрозов работает на Сляба едва шесть месяцев, и за это время он успел поссорить Сляба с половиной области и выбить зубы Мансуру. Анастас говорил правду. Его бы выкинули давно, если б не драка. Использовали бы для

разгребания грязи и выкинули. Как это сделали еще до Извольского оренбургский губернатор и московский банкир.

Ахрозов пил и косился направо, в идеально полированную поверхность мраморной колонны, и зеркало сбоку, в котором отражался он сам – помятый, грузный, с рожками волос, обрамляющих лысину. Даже смешно было думать, что Настя предпочтет его Черяге. Интересно, сколько времени в неделю этот тип проводит на тренажерах?

Охранник Ахрозова мок под лавкой, и Сергей пересел за соседний столик. Настроение у Сергея было чудовищным. Он выпил еще стакан и съел еще дюжину устриц, но водка его не брала.

Ахрозов подозвал официанта, внимательно посмотрел на него и сказал:

– Слушай, тут был этот… Кислый. У него трубка не отвечает. Мне герыч нужен, срочно.

Официант обозрел помятую фигуру в несвежей рубашке, решил, что перед ним не то упившийся чиновник, не то милицейская утка, и ответил:

– Какой Кислый? Гражданин, вы кто такой?

Ахрозов поднял глаза, и официант осекся. С простонародного хохлацкого лица на официанта в упор смотрели два зрачка, как два ствола, и были эти зрачки темны и страшны, как расчехленный ствол корабельной пушки. Это были глаза человека, привыкшего ломать людей о колено и распоряжаться миллионами, и официант мгновенно забыл о потрепанной одежде и свалявшихся волосах.

– Минуточку, – сказал официант и отошел прочь.

Ахрозов остался наедине с водкой и устрицами.

Было безусловной ошибкой приезжать в «Кремлевскую». Это гнездо Бельского, а Бельский – партнер покойника Горного. Но с другой стороны, кому какое дело? Ни одна собака, кроме самого Бельского, Ахрозова здесь не знает, а Степан, если правда то, что говорят о нем и сестренке Извольского, за границей. Не то во Франции, не то в Англии, где у него роскошный дом на Кенсингтон-авеню и старинное поместье где-то в Гемпшире: говорят, поместье продавалось не иначе как с баронским титулом, так что Степа Бельский, выходец с очаковских окраин, сын безвременно погибшего от пьянства сварщика и Зины, мастера-штукатура третьего разряда, у нас теперь аглицкий барон…

Сергей пил и глядел на свое отражение в зеркале, и когда он поднял голову очередной раз, он увидел, что рядом с ним отражается еще один человек, с узко посаженными глазами

хищника и бледным, изрытым шрамами лицом.

– Привет, – сказал человек.

Сергей поглядел на него внимательно.

– Я уже пьяный или это ты, Степа?

– Ты пьян, но это я, – отозвался Бельский.

– Я думал, ты за границей, – сказал Ахрозов.

– Трудно за границей сидеть, когда старых партнеров из калаша расстреливают.

– Это не я.

– Догадываюсь. У тебя должностей таких в штатном расписании нет, чтоб стрелять. Ты бы дал ему в грызло, и все.

– Слушай, это правда, о тебе и…

– Не лезь.

– Хочешь стать наследником Славки?

– Там через два месяца нечего будет наследовать.

Зазвонил телефон. Ахрозов попытался сцапать его, но неудачно, телефон прокатился на брюшке по столу и упал бы, если б его не поймал Бельский.

– Ало! – сказал Степан в трубку.

В трубке рокотнул голос Извольского.

– Дай Сергея.

– Тебя, – сказал Степан, – шеф.

Ахрозов покорно взял трубку и не то хрюкнул, не то мяукнул в микрофон.

– Пьян? – спросила трубка голосом Извольского.

– Да, – честно ответил Ахрозов.

– Очень или средне?

– А… я эт-то…

– Ясно, – сказал Извольский, – передай трубку охраннику.

У Бельского был очень хороший слух, а у трубки – громкий динамик. Ахрозов недоуменно поглядел на трубку, но Бельский уверенно забрал у него телефон.

– Але, – сказал Бельский.

Его необразованный говорок как две капли воды походил на выговор простого охранника.

– Сережка где поселился? У себя на квартире?

– Ага, – сказал Бельский.

– Когда свалится под лавку, волоки его на квартиру и пусть он там проспится. А утром хоть что, хоть в проруби купайте, – в одиннадцать ноль ноль он должен быть у меня. Трезвый. Иначе тебя уволю. Въехал?

– Будет сделано, – сказал Бельский.

Он на минуту представил себе, как Сляб увольняет его. Интересно, с какой должности?

Бельский выключил телефон. Рядом со столиком материализовался давешний официант. За его плечом улыбался белобрысый хлыщ. Судя по виду, хлыщ был законченным наркоманом.

Хлыщ подмигнул, Ахрозов встал и вместе с ним вышел в туалет.

– Двести, – сказал хлыщ, вытаскивая из кармана запаянный пакетик с двумя беленькими таблетками.

– А не отравишь?

Хлыщ невольно оглянулся, как будто сидящий в ресторане Бельский мог видеть их через три стены.

– Мне что, жить надоело? – искренне сказал хлыщ.

– Мне нужен порошок.

– Хорошо. Приходи в триста третий номер, будет тебе порошок. Тебе же надо с *ним* договорить, а?

И хлыщ снова невольно оглянулся.

Ахрозов запил таблетку водой из-под крана и снова вышел в зал. Бельский сидел все в той же позе, широко расставив колени и заложив руки за спину.

Ахрозов сел напротив. Бельский поставил локти на стол и скрестил руки. Глаза его оказались прямо у глаз Ахрозова.

– Почему Сляб приказал убить Афанасия? – спросил Бельский.

– Это не Слава. Это Черяга.

– А почему Черяга?

– Он уговаривал Горного сдаться. Он показал ему все документы, которыми мы его иметь будем. А Горный отказался. И получилось, что он документы-то спалил…

– А Ревко подтверждает, что Денис приезжел к нему ночью. Просил поставить Горного на «Южсибпром».

– Приезжаеть-то он приезжал. А Горный об этом знал?

– Ты понимаешь, – спросил Степан, – что я не хочу этой войны?

Сергей кивнул.

– Почему я должен воевать с братом девушки, которую я люблю? Потому что так хочет Костя? Я сумею объясниться с Костей. Но если появился труп, и это труп моего друга, то трупов будет два.

Ахрозов сморгнул. Потом помахал рукой перед носом.

– Слышь, Степ, а чего у тебя четыре глаза?

Бельский на этот вопрос ничего не ответил, и Сергей протянул руку, чтобы пощупать лицо Бельского и убедиться, четыре там глаза или два. Бельский перехватил его за запястье и сказал:

– Ты понял? Пусть Сляб выгонит Черягу. Я больше ничего не прошу.

– Поедем со мной к Славке. А?

– Когда?

– Сейчас.

– Поехали, – сказал Бельский.

Ноги Ахрозова заплетались так же, как и язык. Бельский вытащил его из-за стола.

– Я на минуту, – проговорил Ахрозов, – мне надо… в номер… триста третий номер…

– Я подожду, – сказал Бельский.

На третьем этаже пол был застлан красной дорожкой, а двери номеров отделаны белым и золотым. Ахрозов вышел из лифта и оперся руками о стену. С полом происходило что-то странное: он весь колыхался, как будто под ковром скользила гигантская анаконда. Немка, вышедшая вместе с ним из лифта, кинула на Ахрозова уничтожающий взгляд.

Дверь триста третьего номера была незаперта. Ахрозов вошел внутрь, но тут пол еще раз качнулся и сбросил его с себя, как лошадь – седока.

Когда Сергей очнулся, он обнаружил, что лежит на постели в триста третьем номере, полураздетый, и чьи-то влажные губы касаются его лба. Ему показалось, что это губы Насти.

– Господи, Сережа, Сереженька, – послышался чей-то шепот, – ты мой единственный. Они за это ответят, все. Я их раздавлю, для тебя, я все сделаю, только очнись!

Сергей открыл глаза. Около него на коленях стоял Анастас. Он был только что из душа, в белом пушистом халате. Нежные, сильные его пальцы с ухоженными ногтями гладили плечо Горного.

– Сережа, ну как же можно есть всякую дрянь, – бормотал Анастас, жадно глядя на директора, – тебе нужен порошок? Я тебе дам лучший порошок…

Ахрозов приподнялся и сел. В углу спальни пылал настоящий камин, языки пламени высовывались из камина и лизали зеркальный потолок. В пламени танцевали черти.

Нос Анастаса вдруг необычайно удлинился и превратился в хобот. Во рту сверкнули волчьи клыки.

Ахрозов вскрикнул и изо всей силы влепил Анастасу кулаком в лицо. Хобот треснул и отломился, как сломанная дошечка, Анастас с грохотом обрушился на каминную решетку. Полы халата распахнулись, открывая длинные безволосые ноги и живот, одна нога задела подставку для каминных щипцов. Щипцы покатились в огонь.

Ахрозов с трудом вылез из кровати. Стены комнаты раздувались и опадали, как желудок гигантского насекомого. На теле Анастаса показались трещины, и сквозь них полезли черные щупальца.

Анастас застонал и приподнялся. Черные его глаза с изумлением и укором глядели на Ахрозова.

– Сережа, за что? – еле слышно пролепетал Анастас.

Сергей схватил щипцы и стал хлестать ими по щупальцам. Он бил до тех пор, пока лицо человека, лежавшего на полу, не превратилось в бесформенный фарш, а одна из половинок щипцов не треснула и не отлетела в угол комнаты.

Потом Ахрозов потерял сознание и упал рядом с трупом, лицом в колышащийся пол.

Прошло пятнадцать минут – в номере все было тихо.

Затем дверь неслышно отворилась, и в номере показались двое: Бельский и Кирилл. Бельский некоторое время постоял на пороге спальни, вглядываясь в неподвижно лежащие фигуры, а потом наклонился над Анастасом и пощупал пульс.

– Отвези его домой, – сказал Бельский, кивая на Ахрозова.

Повернулся и вышел вон. Спустя десять минут Бельский, в отдельном кабинете, еще раз просмотрел запись всего, что происходило в номере с той минуты, как на пороге его показался Ахрозов.

Степан вынул оригинал записи, а последние кадры, запечатлевшие его и Кирилла, стер и с пленки, и из компьютера.

* * *

Сергей Ахрозов очнулся утром в своей московской квартире от телефонного звонка.

Звонил водитель, присланный за Ахрозовым.

– А? – сказал Сергей. – В одиннадцать? Никуда я не поеду.

И бросил трубку. Память была абсолютно ясной. Сергей помнил все: качающийся пол, чертей в пламени и даже черные петли, которые росли из Анастаса. Все – до того момента, как он упал лицом в ковер.

Вот как он очутился в квартире – этого Сергей решительно не помнил. Возможно, он добрался сам, в потустороннем состоянии. Возможно, его привезли по приказу Степана.

В любом случае он вляпался не по шею, а по уши. Не приходилось сомневаться, что все, произошедшее в «Кремлевской», было снято на пленку, и на пленке этой мертвец есть, а вот чертей и щупалец, натурально, нет. И на этот раз это

не избитая проститутка, Мансур со сломанной челюстью и не искалеченный прораб. Это труп Анастаса, и за Анастаса черловский губернатор не только посадит Ахрозова, но и вышвырнет Извольского из области. «Через два месяца нечего будет наследовать», – вспомнил Ахрозов слова Бельского.

Что он может сказать на суде? Что его подставил лично Бельский? А Бельский скажет, что в «Кремлевской» не был, и весь персонал гостиницы, от мала до велика, это подтвердит, и Сергей Ахрозов выйдет лгуном, который неумело пытается запутать в свое преступление врага компании. И вообще, если на то пошло, первое, что спросит Черяга: «как же так получилось, что вы, Сергей Изольдович, приехав в Москву, первым делом бросились к Бельскому, и о чем это вы говорили с ним без охранников?»

Извольский еще этого не спросит, а Черяга спросит тут же. И выйдет так, что враги этой истории не поверят, а друзья из-за этой истории сочтут его предателем и отшатнутся.

Ирония судьбы заключалась в том, что, скорее всего, никто и помыслить не мог, что Ахрозов убьет Анастаса. Следует глянуть правде в лицо: Ахрозов просто подложили под губернаторского фаворита, как накачанную наркотиками проститутку, и именно это и собирались записать на пленку. Записали другое. Еще лучше.

Она была хороша, очень хороша, ловушка, расставленная Бельским. Имея такой компромат на Ахрозова, Бельский мог бы вертеть им, как перышком. Но Бельский опоздал. Ахрозова вызвали в Москву, чтобы уволить. И как только Бельский узнает об этом, он отошлет кассету в органы.

Тогда все равно выйдет оглушительный скандал, который скомпрометирует Извольского, а черловский губернатор будет убежден, что Сляб уволил своего директора, именно узнав об убийстве…

Мобильный Ахрозова прозвонил еще раз.

– Ты где? – спросил Извольский.

– Я никуда не поеду, – ответил Ахрозов.

– Ты поедешь и будешь у меня через двадцать минут.

Ахрозов приехал в офис спустя два часа. Его провели в переговорную и оставили там одного. В переговорной было прохладно и тихо, и в углу сонной мухой жужжал кондиционер.

Ахрозов прождал двадцать минут и еще раз двадцать, а потом набрал сотовый Извольского. В трубке раздался длинный гудок – и тут же сотовый отключили. Ахрозов подождал еще полчаса и вышел в приемную.

– А где Слава? – спросил он у секретарши.

Та удивленно на него глядела.

– Вячеслав Аркадьевич срочно уехал, – сказала она, – ничего не сказал, велел всем ждать.

Ахрозов уехал из представительства около трех часов дня, так и не дождавшись Извольского. На этот раз он поехал не в квартиру, а в загородную гостиницу АМК. Он до вечера смотрел телевизор, а потом спустился вниз поужинать.

В столовой, кроме него, ужинали двое: какой-то угольный директор и один из вице-президентов холдинга. Пришлось подсесть к ним. Вице-президент приветственно взмахнул рукой и сказал:

– Слыхали, Сергей Изольдович, в губернаторской семье траур, зарезали Анастаса. Вчера ночью. В «Кремлевской». По телевизору уже передали…

– Кто зарезал-то, неизвестно? – спросил Ахрозов.

– А хрен знает, какой-нибудь очередной любовник. Анастас голый, истыкали его как подушечку для булавок, кокаин на ковре сантиметровым слоем…

Угольный директор поразмыслил и изрек:

– Убийцу, наверное, скоро поймают. Быть того не может, чтобы Анастас жил в «Кремлевской» и этот номер не был бы набит жучками.

– Служба безопасности «Кремлевской» клянется, что ничего не ведает и за гостями не шпионит.

Ахрозов просмотрел меню и сказал официантке:

– Я ничего не буду. Голова болит.

В номере Ахрозов еще раз позвонил Извольскому, но телефон снова выключили, и он не стал перезванивать. В конце концов, у Извольского стоял определитель номера, и если звонок Ахрозова для него еще важен, – пусть набирает сам.

Телефон зазвонил сам в восемь часов вечера.

– Але! – сказал Ахрозов.

На том конце трубки молчали.

– Але! – против воли Сергей сорвался на крик.

Связь была исправной: было такое впечатление, что человек, держащий вторую трубку, едет в машине. Далеко-далеко слышалась музыка, и доносился шум от улицы за стеклом.

– Але! – повторил Ахрозов.

Трубку подержали еще несколько мгновений и бросили.

Через полчаса последовал еще один, такой же, звонок. Номер звонившего не определялся.

К десяти вечера Ахрозов весь извертелся. Вынужденное безделье разъедало его, как царская водка разъедает золото. Странное дело, но снять возбуждение алкоголем не хотелось, при одной мысли о водке или дозе Ахрозов чувствовал тошноту.

Возможно, это было из-за той дряни, которой Ахрозова окормили вчера. Или, наоборот, из-за стресса.

Вице-президент и угольщик снова поднялись к нему в номер и позвали вниз, поиграть в боулинг. Ахрозов отказался.

К одиннадцати вечера он принял решение. Ахрозов заказал машину и поехал в «Кремлевскую». Он не сомневался, что пленка с записью убийства существует, и что Бельский предъявит ее в самый неподходящий момент. Он хотел расставить все точки над «и» сам.

* * *

Когда Ахрозов вошел в казино, праздник жизни был в самом разгаре. Бельского в общем зале не было. Кое-кто из знакомых помахал Сергею рукой, несколько удивленный встречей. За одним из столиков, к которому был вынужден подойти Ахрозов, обсуждалось убийство Анастаса. Видимо, в гостинице это было новостью номер один.

Ахрозов попросил себе чашку кофе и фруктов, а потом поднялся на второй этаж, в VIP-помещение. У него не было соответствующей карточки, и охранник, не знавший его в лицо, не хотел его пускать.

– Скажи Степану, что я хочу с ним поговорить. Сейчас, – сказал Ахрозов охраннику.

– Вы – это кто?

– Он знает.

Ахрозов спустился вниз и выпил заказанный кофе, а через некоторое время к нему бесшумно подошел официант:

– Вас ждут, – сказал официант.

Они прошли на второй этаж, миновали VIP-зал и оказались где-то в служебных помещениях гостиницы. Там они спустились в гараж, где Ахрозова уже ожидал черный «Мерседес» с тонированными стеклами. Около задней двери дежурил стриженый парень в кожанке.

– Вам сюда, – сказал парень, распахивая дверь.

Ахрозов сел на заднее сиденье, парень вскочил вперед, к водителю, и «Мерседес» тут же вылетел со стоянки, бесшумно, как ниндзя, стелясь по мокрому осеннему асфальту.

Поездка была недолгой: спустя десять минут «Мерседес» нырнул в раскрытые ворота одного из арбатских особнячков. На особнячке не было ни одной вывески, и вход в него располагался не с улицы, а со двора, перекрытого высоченным, с телекамерами забором.

Ахрозов ожидал, что машина остановится у подъезда, но не тут-то было: в стене особнячка открылись ворота, и машина въехала по пандусу в небольшой подземный гараж.

Ахрозов, не дожидаясь стриженого мальчика, отворил дверь и вышел из машины. В гараже царила полутьма, словно в вырытой, но еще не засыпанной могиле. Фары «Мерседеса» отражались от луж на бетонном полу и хромированного лифта в дальнем конце. Около лифта стояли двое охранников с рациями в руках и кобурами на поясе. Еще один охранник подошел к Ахрозову.

– Вам сюда, – сказал он, указывая на лифт.

Пока они поднимались, охранник несколько раз переговаривался по рации. Ахрозов сам был не новичок в том, что касается мер безопасности. Но то, что он наблюдал, было не безопасность. Это было шоу.

Наискосок лифта на третьем этаже во всю стену располагалось зеркало, удваивая и без того немаленькую площадь особняка. Приемная была огромной, и ни одной из дверей, ведущей из приемной, не было никаких табличек. Дверь слева была открыта, и за ней виднелся длинный обеденный стол. Дверь направо была закрыта, судя по всему, это был кабинет.

Секретарш в приемной не было: за одним из столов сидел невыразительный человек в штатском.

– Прошу, – сказал охранник, становясь у дверей кабинета.

Ахрозов толкнул дверь и вошел. В кабинете можно было б устроить теннисный корт. У дальнего конца его возвышался породистый стол красного дерева и высокое, похожее на трон кресло. Сейчас кресло было пусто.

Чуть дальше стоял диван белой кожи и кресла, окружавшие низенький стеклянный столик. Под поверхностью столика плавали серые округлые рыбки – пираньи. В радужном стекле отражался экран видеомагнитофона, и на экране этом был вчерашний номер в «Кремлевской».

На диване сидел круглолицый человек в бежевой водолазке и с совершенно белыми волосами.

Это был не Бельский. Это был Константин Цой.

– Садись, Сережа, – сказал Цой. – Хочешь посмотреть?

– Да.

– Что, не помнишь, что делал?

– Все помню.

Цой щелкнул ленивчиком, и изображение ожило. Съемки продолжались минут семь. Это были съемки хорошей оптикой. Класс изображения был даже выше, чем на любительской VHS. На пленке было очень хорошо видно, что никакого хобота у Анастаса нет.

Пленка закончилась. Ахрозов сидел в кресле и глядел, как плавают под стеклом пираньи.

– Выпить хочешь? – спросил Цой.

– Не в этом офисе и не из твоих рук.

Цой достал из шкафа бутылку с минералкой и два тяжелых стакана венецианского стекла. От вида холодной воды у Ахрозова пересохло в горле, он взял и механически опростал стакан. Цой поднес к губам свой.

– Тебе надо лечиться, Сережа, – соболезнующе сказал Цой.

Ахрозов молчал.

– Меня подставили, – вдруг жалобно сказал Ахрозов. – Это… это гадко, позорно…

– Кого это интересует?

Ахрозов промолчал.

– Извини, Сереж, картина ясная. Имеется, извини, два пидора. Первый заходит в номер, косой выше крыши, и падает носом в ковер. Второй волокет его в постель и раздевает. Тут первый приходит в себя и шинкует второго каминными щипцами. И потом, тебя что, заставляли дурь жрать? Тебя Степан, что ли, накормил кислотой?

– Я… я не контролировал себя…

Цой запрокинул голову, словно собираясь расхохотаться.

– Ты хочешь сказать, что экспертиза признает тебя невменяемым?

Сергей молчал.

– Ну и что? Извольский что, оставит тебя генеральным директором? А тогда какая тебе разница, дадут тебе двадцать пять лет или дурку?

Цой рывком наклонился к Сергею.

– Ведь именно это тебя мучит, да, – что каждую секунду тебя могут выкинуть на улицу? Что Извольский – хозяин, а ты – репей сбоку. Не так ли? Кого ты хотел убить на самом деле, когда шинковал этого придурка? Черловского губернатора? Или Извольского?

– А если я хотел убить тебя? – тихо выговорил Ахрозов.

– Меня? – Цой искренне удивился. – За что?

Он запрокинул голову и засмеялся, и смех его звучал почти по-мефистофелевски.

– За что? За Шалимовку? Извини, Сережа – мне был нужен этот комбинат. Nothing personal, как говорится. Он продавался на чековом аукционе, если ты помнишь. И мои заводы сидели без него на сухпайке. И когда я услышал, что банк тоже нацелился на комбинат, я пришел и сказал: ребята, зачем портить друг другу игру и тратить друг у друга деньги? Давайте вы возьмете мои

ваучеры и вложите их от своего имени, а акции мы потом разделим поровну. А я обеспечу, чтобы на аукционе не было посторонних. И они взяли мои ваучеры и купили контрольный пакет за два с половиной лимона. Два с половиной миллиона долларов за ГОК, который выпускает в месяц окатыша на десять миллионов! А потом они пришли ко мне и сказали: ты знаешь, парень, мы передумали, вот тебе твоя доля деньгами, целых полтора миллиона, а ГОК будет наш.

Извини – у меня были партнеры, которые убивали за меньшее. Я Константин Цой. Меня не кидают, как лоха на пляже. Я шесть лет ждал, пока я отплачу этим уродам с процентами. И я не виноват, что ты попался у меня на пути. Когда ты выбирал работу, надо было помнить, что ты работаешь на кидалу.

Ахрозов сидел, уставясь в одну точку. Рука его автоматически протянулась к бутылке с водой. Он налил стакан и снова жадно выпил.

– Я мог посадить тебя два года назад, – сказал Цой. – За Наиля, который от твоих побоев месяц в больнице лежал. Я тебя не посадил. Я заплатил тебе те деньги, которые зажал банк. Ты знаешь, сколько я тогда дал за акции? Двадцать миллионов. Эти двадцать миллионов спас для банка ты и только ты. Тебе по праву полагалась половина. Тебе дали хоть копейку? Скажи, Извольский в такой ситуации заплатил бы деньги врагу, который стоил ему двадцать лимонов? Извольский отговорил бы Наиля, когда тот побежал в ментовку с заявлением?

– Извольский дал мне этот ГОК, – сказал Ахрозов.

– И когда он посмотрит эту пленку, он бросит тебя губернатору, как кость собаке. Ты для него даже не пешка, ты мусор на доске.

Ахрозов молчал.

– Кстати, о мелких одолжениях, – усмехнулся Цой. – Ты в своем Павлогорске заметил, что мы сменили в Оренбурге губернатора?

– И что?

– Между прочим, новый губернатор отдал нам в траст Карачено-Озерский ГОК. То есть принадлежат акции Макееву, а управляем ими мы. С правом выкупа.

Ахрозов вскинулся. Слова его прозвучали почти как крик.

– Акции не принадлежат Макееву! Они принадлежат мне! Я… я подам в суд.

– Подай. Я, например, готов сделать все, чтобы ты его выиграл.

У Ахрозова внезапно пересохло в горле.

– Ты врешь, – сказал он, – ты… ты не можешь… если я…

Ахрозов окончательно запнулся и кивнул на опустевший экран видеодвойки.

– Я рискну, – сказал Цой. – Я рискну там, где не рискнет Извольский. Потому что он не сотрудничает с убийцами.

– А ты – сотрудничаешь?

Цой пожал плечами.

– Ну, в сущности, что ты такого сделал? Прикончил подонка, который к тебе приставал? Я бы на твоем месте сделал бы тоже самое, только давно и через специально обученных людей. Жалко, конечно. Мы этого не планировали. Полезный был подонок, надо признаться. Со мной работал.

– С тобой всегда подонки работают.

– Ну, вот это преувеличение. Ты же будешь со мной работать?

– Я сумасшедший. Но не до такой степени.

– Ты конечно сумасшедший. И я догадываюсь, чем тебя вылечить.

– Чем? Электрошоком?

– Тебя можно вылечить, если сделать из менеджера – собственником. Давай меняться. Ты отдашь мне Павлогорск, а я тебе – Озерский ГОК. У тебя очень распространеная болезнь, поверь мне, Сережа. Просто симптомы слишком яркие.

– Меня все равно выгонят, – сказал Ахрозов, – я разругался с Черягой.

– Из-за чего?

Ахрозову было уже все равно, с кем быть откровенным – с собутыльником, с попутчиком в метро или палачом.

– Из-за девки.

Цой, запрокинув голову, расхохотался.

– Ничего… посреди драки не выгонят. Потом – да, потом – извините. Ты там слишком много мозолей поотдавил… Так что, – будем меняться?

Ахрозов молчал.

– Ты сделаешь на Павлогорке то, что предлагал тебе Анастас, – сказал Цой. – Взамен ты получишь свой старый завод. Он мне не нужен. Он не вписывается в структуру моего холдинга.

Ахрозов усмехнулся.

– Я не знаю ни одной вещи в России, которая не вписывается в структуру твоего холдинга, Константин Кимович. Ты охотишься на все, что потребляет газ, воду и электроэнергию.

– У тебя есть выбор?

Ахрозов, опустив голову, глядел сквозь радужное стекло стола. Под стеклом плавали серые рыбки пираньи.

– Нет, – медленно проговорил Ахрозов, – выбора у меня нет.

* * *

Черяга был у Извольского в десять утра.

За прошедшие несколько дней Извольский еще больше осунулся. Денис очень хорошо знал причину. Швейцарские врачи отказались делать операцию Ларочке – слишком велик риск, сказали они. Майя Извольская прилетела из Франции. Ее видели вместе со Степаном в одном из ночных клубов столицы.

Извольский рывком встал, обошел стол и навис над Черягой.

– Что у тебя там с Серегой?

– Ахрозова надо убирать, – сказал Черяга.

– Почему?

– Он не контролирует себя.

– В смысле?

– Он избивает людей. Когда выключили в первый раз свет, он охранника на подстанции чуть не убил.

Извольский смотрел на Дениса тяжелым, ничего не выражающим взглядом.

– У тебя есть эта девушка, Настя? – спросил Извольский.

Денис молча кивнул.

– Сережа напился и лапал ее, а она ему отказала?

– Да.

– И после этого он избил охранника на подстанции?

Денис молчал.

– Я бы в этой ситуации не только охранника избил, – сказал Извольский. – Я бы в этой ситуации еще и тебе по морде съездил.

– Дело не в том, что он его избил. Дело в том, что это не единственный случай. Он бил рабочих…

– Пусть не воруют.

– Он врезал Мансуру.

– Эта тварь заслужила не оплеуху, а то, что она получила от Самарина.

– Он…

– Хватит, Денис. Если мой лучший директор ухаживает за твоей девушкой, это еще не повод, чтобы я его увольнял.

– Если ты считаешь, что я использую свое служебное положение в личных целях, я могу написать заявление об оставке, – сказал Черяга.

– Я подумаю над этим предложением, – ответил Извольский.

Ахрозов приехал в офис около полудня. Его провели в переговорную и оставили там одного. В переговорной было прохладно и тихо, и в углу сонной мухой жужжал кондиционер.

Ахрозов плюхнулся в кресло, запрокинул голову и задремал. Когда Ахрозов открыл глаза, перед ним стоял Извольский.

– Ну что, хорошо погулял? – спросил Извольский.

– Хорошо, – внутренне содрогнувшись, ответил Ахрозов.

Извольский крякнул, подошел к Ахрозову и эдак обошел его слева направо, настолько, насколько позволял стол. Потом присел на краешек столешницы.

– Так что ты там тер насчет Дениски? Да еще по телефону?

Ахрозов молча махнул рукой.

– Так. Вижу, осознал. А что мне утром насчет тебя Денис предлагал, повторить?

– Не надо.

– Правильно. Не надо. Нехай сам Денис повторит, не хватало мне еще чужой хай пересказывать.

Извольский помолчал.

– Мало нам проблем в Павлогорске. Света нет, окатыша нет, на Дениса уголовщину вешают, – нет, ты подумай! Еще вы задрались! Как два кобеля! Из-за бабы!

Извольский наклонился к самому лицу Ахрозова.

– Ну ведь его баба, а? Он ее привез, он за ней в Черловск сорвался, ну ты скажи, куда ты полез? Ты ведь в дом чужой не полезешь, чего ты к бабе чужой прицепился?

– Я…

– Цыц!

Извольский встал и сердито заходил по комнате.

– Визгу на пол-Сибири, один другому в грызло дал, на аэродроме склоку устроили из-за «Мерса», как бабы из-за морковки! И какие из всего этого выводы?

– Выводы такие, что один из нас лишний.

– Ну ты смотри. И Денис такой вывод тоже сделал. Читай.

Извольский сунул Ахрозову лист, и Сергей увидел собственноручное, с подписью, заявление Дениса об уходе по собственному желанию. Мечено заявление было сегодняшним числом. Сердце Ахрозова оборвалось.

– Это он сам написал? Без принуждения?

– Нет, я ему ствол в морду ткнул, – сердито ответил Извольский. – А ты надеешься, что я подпишу, да? Во тебе!

Извольский, на глазах Ахрозова, порвал заявление напополам и спихнул лоскуты в корзинку для мусора. Пододвинул одной рукой кресло и сел напротив Ахрозова.

– Значит, так, – сказал Извольский, – я тут давно на этот счет думал, раньше хотел сказать, да только все это дерьмо началось. Был, Сережа, полгода назад, Павлогорский комбинат, и был это не комбинат, а акционерное общество «авгиевы конюшни». И ты это АО вычистил. В общем, в связи с этим: у меня сейчас шестьдесят два процента комбината. Твоих – одиннадцать

процентов. Когда разгребемся с нынешним дерьмом, купим остальное. Если будешь хорошо работать – получишь блокирующий пакет.

Ахрозов сидел совершенно неподвижно. Ему показалось сначала, что он ослышался или до сих пор под кайфом. Извольский встал.

– Я вчера не успел с тобой поговорить, – сказал Извольский, – знаешь почему? Этого еще нет в газетах, но Альбинос купил Корсунький ГОК.

Ахрозов вздрогнул. Он только вчера говорил с Цоем – и тот даже не счел нужным похвастаться новой покупкой.

– Я слишком поздно узнал о сделке, – продолжал Извольский, – пытался ее сорвать. Альбинос заплатил за ГОК сто сорок миллионов долларов. Я предложил сто шестьдесят, но, видно, там не одни деньги были. Ты понимаешь, что это значит? Если мы не будем единой командой, мы не выиграем, Сережа. Альбинос пленных не берет.

Пламя промышленной войны между АМК и группой «Сибирь» распространилось по всей России.

Извольский купил крупный угольный порт в Новороссийске – Цой перекупил менеджеров порта и запугал их, и прежде чем Денис успел отследить произошедшее, менеджеры сдали порт Цою же в аренду на девяносто девять лет за две тысячи долларов в месяц.

Цой выложил десять миллионов долларов за крупную угольную шахту, а когда он туда зашел, оказалось, что Извольский за несколько сот тысяч долларов получил в аренду горно-обогатительную фабрику, запиравшую единственную ведущую из шахты дорогу. Извольский запросил за переработку столько, что реальная рентабельность шахты упала до двух процентов, и Цою ничего не осталось, как согласиться.

На первый взгляд, силы противников были несравнимы. Извольский, хоть и мог держать губернатора у себя в приемной по часу, – был все-таки хозяином одного завода и нескольких связанных с ним технологической цепочкой предприятий. Извольский никогда особо не нуждался в политической поддержке, не терся в Кремле и не имел в правительстве ни врагов, ни дорогостоящих союзников. Все льготы, какие ему требовались, он не без основания предпочитал получать на местном уровне, используя губернатора в качестве половичка. Федеральные министры, по его мнению – это было дорого и ненадежно, к тому же президент менял их, как трусики, и каждый последующий министр зачастую норовил наказать всех, кто спонсировал предшественника.

Другое дело – Цой. Он был столь же незаметен, сколь и всесилен. В лицо его знали меньше депутатов, чем получали от него содержание. Его называли партнером министров и вице-премьеров, ему приписывали самые фантастические связи, – истина же заключалась в том, что нередко путем хитроумных разводок на правительственных постановлениях, выгодных Цою, красовались подписи его злейших врагов.

Цой коллекционировал заводы, как другие коллекционируют почтовые марки, он возил на охоту премьеров и прокуроров, и как танк, прущий по цветущей гречихе, он, казалось, не мог проехать ни метра, чтобы не растоптать зазевавшегося кузнечика или гусеницу.

Однако именно во всесилии Цоя и заключалась его слабость. Все чиновники, которые не были у него на содержании, люто его ненавидели, губернаторы его побаивались, а захваченные им заводы далеко не всегда пребывали в лучшем состоянии. Цой бил предприятия, как утку влет, не задумываясь о том, что делать с добычей и кто ей будет управлять. Честных управляющих было найти нелегко, особенно Цою, а чем беспардонней был захват, тем больше денег успевали увести с завода прежние хозяева.

Свободных денег у авантюриста и охотника Цоя было немногим больше, чем у рачительного хозяина Извольского, – а деньги в войне самое главное.

У Цоя было много владений – но почти все они были уязвимы и обременены исками прежних разъяренных хозяев. У Извольского был всего один комбинат, но Сляб врос в этот комбинат, как врастает в пустынную землю низенький саксаул с длинным корнем, и любая попытка отнять у Сляба АМК слишком уж попахивала беспределом. Это вам не лежалый разрез банкротить.

Как только война разгорелась, к Извольскому со всех сторон потянулись ходоки: все те, кого Цой когда-то унизил, растоптал или вовсе объявил в розыск. И все чаще и чаще, выслушав чью-то душещипательную историю, Извольский задумывался о том, что – пристрели кто-нибудь Цоя, и никто не подумает на Извольского. Слишком много у Альбиноса врагов.

Но странное дело. Чем больше этих людей проходило через кабинет Извольского – тем яснее Извольский понимал, что никого из них нельзя взять в союзники. У всех был какой-то изъян. Одни были глупы, другие не по чину вороваты. Третьи безнадежно отстали от времени, четвертые были лгуны, хвастуны и задиры. Едва приходя в кабинет Извольского, они вели себя не как просители, а как равные: один красный директор, явившийся к Слябу с опозданием на час и значком героя Соцтруда на лацкане,

с ходу предложил молодому человеку разделить империю Цоя напополам. Орудием, избранным им для завоевания империи, служил депутатский запрос в Законодательное собрание Хабаровского края.

– Вот увидите, – сказал директор, около трех лет назад выжитый с убитого им предприятия, – это будет скандал века! Это прочтут по всей России! Нет, во всем мире!

Другие были люди настолько испорченные, что репутация их была еще хуже репутации Цоя, и Извольский не мог поручиться, что его не сдадут Альбиносу с потрохами, почуяв даже малейшую выгоду.

Как волк задирает больную овцу, как тигр хватает самого медленного оленя – так и Альбинос безошибочно выбирал себе только те жертвы, которые вблизи не будили сочувствия. Одни были слишком наглы, другие слишком беспомощны, третьи были такие подлецы, что все про себя думали: «и поделом».

Все чаще и чаще Вячеслав Извольский вглядывался в собственное отражение в безупречно полированной поверхности стола: какой тайный изъян разглядел в нем Константин Цой? Или охотник Альбинос наконец зарвался, и собственная гордыня теперь погубит Альбиноса, как до этого губила его жертв?

Часть третья

Мир есть форма бесконечной разводки

Игорь Малашенко

Глава седьмая, в которой попытка захвата Павлогорского ГОКа кончается самым неожиданным образом

Было девятнадцатое октября. Цой и Бельский сидели на веранде одного из престижных московских ресторанов. Из-за холодов открытая летом веранда была забрана полиэтиленовой пленкой в два слоя; по ту сторону пленки голубело небо, да рабочие в оранжевых робах убирали из палисадника кадки с выставленными на лето деревьями.

Это была редкая для обоих неделовая встреча: Степан в последнее время всюду бывал с Майей, а Майя не очень любила Цоя. Разговор шел о МиГе, – переговоры о программе «МиГ-Еврофайтер» продолжались на редкость успешно, и большим помошником в них оказался Фаттах: молодой, европейски образованный, с прекрасным знанием языков. Степана огорчало только одно: что по мере того, как «МиГ-1-48 „Сапсан“ превращался в „Цезарь-ЗА“, участие очаковского лидера в нем неизбежно сходило на нет.

– Фаттах молодец, – сказал Цой. – Но немножко комплексует. Мальчик очень много сделал для холдинга, и ему хочется свободы. Он взял для меня Богоявленку, ты знаешь?

Степан кивнул.

– От Богоявленки сорок километров до Павлогорского ГОКа. Я зайду на ГОК через десять дней.

– И что?

– И все. Извольскому будет неоткуда взять окатыш.

Цой улыбнулся и добавил:

– Знаешь, Степа, я ведь тут когда-то комнату снимал.

– Где?

– Рядом. В коммуналке. С клопами и кошкой. Соседа однажды побил, он спьяну кошку съесть хотел.

– И где эта коммуналка?

– Снесли. Я сегодня ехал мимо, смотрю – стоит новый дом, квартиру в нем, что ли, купить?

– Кому?

– А любовнице. А? Буду трахать красивую девку и думать, а вот здесь я давил тараканов и любился с прыщавой Манечкой с третьего курса… И все, что я тогда хотел, было не деньги, а бессмертие. Чего человек хочет, а, Степан?

Очаковский лидер, застигнутый внезапным вопросом, сморгнул.

– Че?

– Чего человеку нужно, я спрашиваю?

Бельский усмехнулся.

– Человеку нужно, чтобы он поимел всех, а его никто не поимел, – сказал Бельский.

– Вздор, – сказал Цой, – человеку нужно бессмертие. Ты меня понимаешь, Степа? Бессмертие. А что такое деньги? Деньги это когда можешь надраться коньяком, а не сивухой…

– Ты, Костя, пьяный.

– Это ничего, – сказал Цой, – я правильно пьяный, я когда трезвый, об этом не думаю. Меня вчера Нина гулять позвала, я к калитке в воротах подошел и смотрю на нее, как баран, потом охранников спрашиваю: «а как эта калитка открывается?» А? Ты вот где живешь?

– В Жуковке, – сказал Степан, – ты чего, Костя, я от тебя в четырех домах…

– А ты знаешь, как у тебя калитка открывается?

Степан подумал.

– Не, – ответил он, – мне с Майкой участка хватает. Он большой.

– Тогда какого черта ты в Жуковке живешь, посередь сосен, а как калитка открывается, ты не знаешь? А? Я это к чему?

Степан пожал плечами.

– Я это к чему-то вел, – проговорил Цой, – черт, забыл… Я что-то важное хотел сказать.

– Насчет Сляба.

– Да. Насчет Сляба. Я его раздавлю, как таракана.

Тяжелая рука Цоя хлопнула по столу. Кореец немного промахнулся и попал по краю тарелки: та подскочила в воздух, вертясь, и со звоном разбилась о гранитный пол.

Цой закрыл глаза, лег лицом на стол и затих.

Подлетевшая официантка в черном передничке принялась сгребать с пола осколки тарелки и остатки пасты.

– С ним все в порядке? – испуганно спросила официантка, косясь на Цоя. – А то вон на прошлой неделе один опился, так прислал охрану разбираться, что его отравили…

– Все в порядке. – ответил Бельский, – он на тараканов охотился.

– У нас нет тараканов, – ужаснулась официантка. Она была бы очень хороша, если б не слишком длинный нос и круги под глазами.

– Милая девушка, – совершенно серьезно произнес

Бельский, – для большинства тех, кто сидит за этими столиками, люди ничем не отличаются от тараканов.

* * *

Ирина с дочкой прилетели из Швейцарии двадцатого октября. Когда Извольский пришел в детскую, она как раз возилась с Ларочкой. Той после операции стало гораздо лучше, девочка весело гукала и трясла зажатой в пухленький пальчиках погремушкой.

Когда девочка заснула под надзором няни, Извольский и Ирина спустились в столовую позавтракать. За завтраком Извольский шутил и улыбался, и Ирина неожиданно решилась.

– Слава, – сказал она, – я читала газеты. Там написано, что группа «Сибирь» купила Богоявленское рудоуправление. Это же то рудоуправление, с которого вы раньше брали руду, да?

– Да, – с неохотой сказал Извольский.

– Он скупает все ГОКи, с которых ты брал руду?

– Ира, я не хочу обсуждать эту тему.

Ирина наклонила голову.

– Слава. Мне звонила Майя…

– Кто?

– Твоя сестра.

Извольский внимательно посмотрел на свою жену.

– У меня нет сестры по имени Майя, – сказал стальной король.

Остаток завтрака прошел в полном молчании.

Спустя час после этого разговора желтое с шашечками такси высадило Ирину напротив дома номер тринадцать по одному из арбатских переулков. Четырехэтажный каменный дом был выкуплен «Сибирью» у какого-то разорившегося банка и впечатление снаружи производил довольно скромное.

Ирина долго искала дверь, прежде чем сообразила, что двери на улицу вовсе нет, а вместо того есть небольшое переговорное устройство, висящее на глухих воротах. Ирина нажала кнопку, и в воротах, как в скале при слове «сезам», образовался проход.

Ирина шагнула во двор и только там увидела дверь в офис. Никакого домофона на этой двери не было, а двор был совершенно пуст. Ирина в недоумении остановилась, но тут послышалось жужжание, и дверь отворилась, снова безо всяких усилий со стороны Ирины.

Ирина шагнула внутрь и попала в предбанник, отгороженный от остального офиса двумя дверями – стальной снаружи и

стеклянной пуленепробиваемой внутри. С другой стороны пуленепробиваемой двери на нее вежливо лыбился охранник. На стене снова висело переговорное устройство. Ирина опять нажала кнопку и сказала:

– Меня зовут Ирина Извольская. Я к Константину Кимовичу.

– Константина Кимовича нет в офисе, – ответил охранник.

– Не знаю. Мы договаривались на два. Спросите у секретарши.

Охранник поднял трубку и некоторое время с этой трубкой объяснялся, а потом сказал:

– Простите, как вас зовут?

– Ирина Григорьевна.

– Ирина Григорьевна, на вас нет пропуска. И секретарь о вас ничего не знает.

Ирина поджала губы и сказала как можно увереннее:

– Если на меня нет пропуска, это проблемы секретарши. Пусть она позвонит Константину Кимовичу и получит от него выговор.

Охранник еще раз внимательно оглядел хорошо одетую женщину, стоявшую в предбаннике, в белой куртке из тончайшей кожи и с длинными ножками, но с чистыми, ненакрашенными губками, видимо рассудил, что ни на брошенную любовницу Цоя, ни на бомжиху она не похожа и, приняв какое-то свое решение, открыл дверь. Ирина вошла и стала у стойки. Откуда-то вышел начальник охраны – скромный пятидесятилетний служака, видимо офицер КГБ на пенсии. Звали его Борсков.

– Ваш паспорт, – сказал начальник охраны.

Ирина подала паспорт, тот деловито пролистнул его, дошел до странички с пропиской. В прописке значился город Ахтарск. Начальник охраны нахмурился и стал листать паспорт, пока не добрался до графы о семейном положении. Внимательно перечел данные о муже и ребенке, оценивающе взглянул на Ирину, сказал:

– Извините, – и вышел с паспортом.

Спустя минуту он появился вновь. Манера его ничуть не изменилась – в ней сквозила все та же ледяная вежливость бывшего кагебешника. Он вернул паспорт Ирине и поднялся вместе с ней в лифте.

Цой занимал весь третий этаж целиком. Лифт распахивался прямо в приемную, где за двумя просторными столами трудились две секретарши, а в огромном аквариуме плавали экзотические разноцветные рыбы. Справа располагался кабинет Цоя и переговорная. Слева – обеденный зал, где Цой иногда встречал гостей.

Секретарша за конторкой предупредительно подняла

прелестную головку:

– Константин Кимович просил подождать, – проговорила она, – он знает, что вы приехали. Но его сейчас нет в офисе.

Ирина опустилась в кожаное кресло и принялась листать журналы. Ждать пришлось часа два. В предбаннике, кроме секретарш, почти никого не было, только напротив Ирины в кресле неподвижно сидел молодой человек в светло-сером костюме. Чем-то человек напоминал робота. Потом дверь в кабинет Цоя неожиданно распахнулась, и из нее вышел сорокалетний здоровяк с необыкновенно живым лицом и черными еврейскими глазами.

– Проходите, Ирина Григорьевна, – сказала секретарша, – Константин Кимович примет вас.

Ирина оглянулась на молодого человека в кресле и отчаянно покраснела. Она вдруг сообразила, что это – телохранитель Альбиноса, и что ни на какие переговоры Цой не ездил, а все эти два часа был у себя в кабинете, где и разговаривал с сорокалетним здоровяком.

Она толкнула тяжелую дверь кабинета и вошла внутрь.

Кабинет Константина Цоя поразил Ирину.

Промышленники России не склонны к показной роскоши. Российские банкиры любят иметь многокомнатные офисы с персидскими коврами и увешанными картинами стенами; представительства западных инвестиционных контор обожают современные деловые комплексы со стеклянными крышами, эскалаторами и зимними садами. Крупнейшие российские промышленные конторы выбирают себе или строгие офисные здания, или скромные особняки. Войдя в такой скромный особнячок, ты можешь с удивлением обнаружить, что компания, владеющая третью российского алюминия, сидит на двух этажах строго отделанного офиса и состоит из шести человек, половина которых, впрочем, пребывает в данный момент за пределами России.

Остальные же трое держат у уха сразу по две трубки и выясняют отношения одновременно с кемеровскими угольщиками, сибирской нефтяной компанией и свердловскими энергетиками.

Муж Ирины, Вячеслав Извольский, которого трудно было назвать аскетом, в общем-то придерживался этих принципов и даже намеренно не заводил в московском представительстве собственного кабинета. Для встреч он довольствовался удобной и легко отделанной переговорной.

Кабинет Константина Цоя был огромен; высота потолков составляла по крайней мере пять метров, пол был отделан

редким дворцовым паркетом, и в дальнем углу кабинета, от пола до потолка, простирался огромный аквариум, в котором плавали красные рыбы.

Еще один аквариум, поменьше, стоял в углу. Собственно, это был не аквариум, а устроенный в виде аквариума столик для доверительной беседы, с подсвеченными с изнанки водорослями и двумя тяжелыми кожаными креслами по бокам. Сероватые, видимо пуленепробиваемые окна кабинета выходили во двор, и в них лился тусклый солнечный свет.

Самой же примечательной особенностью кабинета было отсутствие в нем стола для заседаний. В глубине возвышался огромный офисный стол самого Цоя, заваленный бумагами, от него буквой Т отрастал какой-то скромный аппендикс с двумя креслами по углам – и все. Отстутствие стола для совещаний как бы невольно подчеркивало, что все свои решения Цой принимает либо единолично, либо – в крайнем случае – вместе с парнером, усевшимся в широкие удобные кресла для беседы.

Ирина шагнула внутрь, и из-за полированного стола в глубине кабинета навстречу Ирине поднялся невысокий сорокапятилетний кореец с совершенно белой кожей.

– Счастлив познакомиться, Ирина Григорьевна, – сказал он, – чем могу служить?

– Мне надо с вами поговорить.

Голубые глаза Цоя смотрели, казалось, под кожу Ирине.

– Разумеется. Можно уточнить – это надо вам или Слябу?

Ирина попыталась выдержать взгляд Цоя, и несколько секунд ей это удавалось. Потом она сморгнула и отвела глаза в сторону. Вгляд ее невольно упал на небольшой столик подле хозяйского кресла Цоя, и Ирина увидела там фотографию одной из известных российских певиц – наверное, жены или любовницы Цоя. Певица была сфотографирована в коротком красном платье на фоне роскошной спальни, а сама карточка была повернута лицом к посетителям, а не к Цою. Видимо, хозяин кабинета любил демонстрировать свое имущество.

– Это надо мне, – ответила Ирина, – Слава… понятия не имеет, что я сюда приехала. Не думаю, что он… позволил бы мне. Он считает, что российский бизнес – это только для мужчин.

– Я тоже так считаю, – сказал Цой.

Голос Цоя звучал безразлично и ровно, но в нем была какая-то магия, которая завораживала Ирину. Кабинет Цоя – огромный кабинет с высокими потолками и теряющимся в полумраке аквариумом, – почему-то невыносимо давил на ее, сужался до размеров каморки, и Ирине невольно казалось, что она – не в кабинете, а в каком-то восточном храме, в присутствии

всевидящего и всемогущего, но чрезвычайно уродливого божества. Если не считать Извольского, Ирина никогда не встречала человека, который каждым своим движением настолько подчинял и безраздельно подавлял собеседника.

Внезапно Цой, видимо, приняв какое-то решение, радушно показал Ирине на два удобных кожаных кресла, стоявших в углу подле столика-аквариума. Ирина поспешно села.

– Кофе, чай? – спросил Цой.

– Чай.

Альбинос отдал распоряжение и опустился в кресло напротив Ирины. Поверхность столика была широкая и плоская, а сам аквариум был сделан в виде раковины. В глубине ее шевелились водоросли и плавали две большие рыбки. Водоросли были темно-синие, а рыбки черные, с белыми длинными хвостами и огромными вытаращенными глазами. Ирина с трудом оторвалась от взгляда рыбок, сжала руки и быстро заговорила:

– Извините, Константин Кимович, что я вмешиваюсь в дела мужчин, но то, что происходит – это безумие. Я знаю, с чего все началось, с того, что вас не приняли на комбинате. Все говорят, что вы дико обиделись. А Слава выгнал ту секретаршу, которая бумажку смахнула. Он жутко орал… Он вам звонил, а вы не перезвонили. И вот из-за какой-то глупости, из-за обиды величиной с мушиную головку начинается война…

Ирина замолкла. Цой глядел на нее тяжелым немигающим взглядом.

– Ну почему же, Ирина Григорьевна, – сказал Альбинос, – это, извините, немножко женский взгляд, предполагать, будто войны начинаются из-за глупостей. Войны между промышленными группами начинаются только из-за одного, Ирина Григорьевна – из-за собственности. Так получилось, что у Извольского была собственность, которой он не управлял. Я имею в виду шахту имени Горького. А когда собственностью не управляют, это значит, что рано или поздно она достанется тому, кто может и хочет ей управлять.

И вместо того, чтобы смириться с этим фактом и получше управлять тем, что у него осталось, Сляб начал искать возможность нанести мне ответный удар. А я ужасно не люблю, когда ущемляют мои интересы. Тем более, когда при этом доходят до того, что убивают моих людей. Вот здесь ваш муж перешел все границы. Потому что везде можно найти компромисс. Даже когда завод украли, и тогда можно найти компромисс. Но когда начинается кровь, компромисса уже не может быть. Во всяком случае, для меня. Как было написано на одном старом королевском гербе: «nemo me impuni lacessit».

Никто не оскорбит меня безнаказанно. Так что извините, Ирина Григорьевна, когда я тут сижу и думаю о мертвом Афанасии, а вы мне начинаете объяснять о секретарше, которая переврала встречу… это… просто бабское какое-то понимание экономики…

– Но Слава не убивал Горного, – вскрикнула Ирина, – я вам клянусь! Он мне говорил! Он с Денисом уверен, что это вы убили его, чтобы подставить Славу!

Цой глядел на Ирину внимательно и с легкой улыбкой.

– Боже мой, Ирина Григорьевна, неужели вы думаете, что ваш муж скажет вам в таком деле правду? О любом убийстве знают только трое: заказчик, организатор и исполнюга. Если Денис Черяга не был организатором, а я это вполне допускаю, то даже ему Извольский ничего не скажет, не говоря уже о жене…

Я не убиваю собственных партнеров, Ирина Григорьевна. И не кидаю их.

– А Краснолуцкого? – не выдержала Ирина.

– Что – Краснолуцкого?

– Сергей Краснолуцкий скупал для вас акции оловянных заводов. На деньги, полученные под залог сбербанковских векселей. Пятьдесят процентов акций ему, пятьдесят вам. А потом выяснилось, что векселя были фальшивые, и Краснолуцкого должны были посадить. И вы сказали, что спасете его от тюрьмы, если он отдаст вам оставшиеся акции. А что векселя были фальшивые, вы знали с самого начала, потому что ваши партнеры, бандиты Бельского, их такими и сделали!

Цой развел руками.

– Ну вот видите, Ирина Григорьевна, – вы говорите, что ваш муж на меня зла не держит, а сам про меня такое вранье рассказывает. Ну кто вам сказал, что у меня бандиты в доле?

Ирина опустила голову. Толстые рыбки плавали в аквариуме и глядели на нее выпученными глазами, такими же холодными и безжизненными, как глаза Цоя. Теперь, в этом кабинете, Ирине было ясно то, что можно было предсказать с самого начала: у мягкой, интеллигентной преподавательницы истории, в жизни не препиравшейся ни с кем страшнее декана, не было ни единого шанса в беседе с одним из самых жестких и умных российских промышленников. Альбинос бил ее в споре так же легко, как он избил бы ее на ринге.

– Это неправда, – вдруг сказала Ирина, – неправда, что вы не обиделись. Сначала вы обиделись, а потом уже было все остальное. И шахта, которую вы отняли. И война в Сибири… Вы как два шестилетних ребенка, вы и Слава. У вас понты дикие, кто куда ехать должен, кто кому должен первым звонить. Вот вы два часа меня в кабинет не пускали, а сами здесь сидели… Вы только

не думайте, что я обижаюсь, мне просто горько, вы же ведете себя как ребенок…

Ирина взглянула на Цоя и осеклась. Что-то внезапно переменилось в кабинете, перед Ириной теперь сидел очень могущественный и очень одинокий человек. Еще более одинокий, чем Вячеслав Извольский, потому что у Извольского хотя бы была Ирина и пара близких друзей, а у Цоя не было никого, кроме страшноватых партнеров и певичек, степень привязанности которых была прямо пропорциональна количеству подаренных за месяц бриллиантов.

– Ну что же, Ирина Григорьевна, – сказал Цой, – я, действительно, был… раздосадован. Можете так и передать мужу. К сожалению, после этого случилось множество других вещей. И я не думаю, что меня и Сляба интересует история вопроса. Мы не историки, знаете ли.

Ирине отчаянно хотелось заплакать. Цой встал, вежливо наклонил голову.

– Мне пора уезжать, – сказал Цой, – у меня бардак в расписании из-за нашей встречи. Вы на машине?

– Нет, на такси.

Цой уже вежливо распахивал перед Ириной дверь кабинета. В предбаннике оживший телохранитель снимал с вешалки длинное кожаное пальто. Рядом с ним стоял тот самый сорокалетний здоровяк.

– Сергей, я на Поварскую, – бросил Альбинос, – скажи, чтобы Ирину Григорьевну отвезли, куда ей нужно…

Тем не менее они вышли вместе, Цой и Ирина, и так как они вышли во внутренний дворик, где стояли машины, а не на улицу, то Ирина с удивлением заметила посереди лужайки внушительный медный памятник. Памятник во всем повторял известную статую Дзержинского, когда-то грозившую всей России с Лубянки, только был раз в пять меньше ростом. Но даже и в этом виде он возвышался над «Мерседесами» во дворе, как скала над муравьем.

– Это что? – спросила Ирина.

– А, какие-то идиоты к нам привезли на переплавку. Медь же.

– А зачем вы его поставили у себя под окном?

– Люблю великую Россию, – без тени иронии сказал Цой. – Вот подхожу я к своему окну и любуюсь на медного Дзержинского, сверху вниз.

– И часто вы подходите к окну? – спросила Ирина.

Но Цой понял ее вопрос по-своему.

– Часто. Оно же у меня бронированное, – ответил он.

* * *

Извольский вернулся на виллу заполночь. Он поцеловал Ирину и тут же поднялся в кабинет, сделать еще несколько звонков, а когда Ирина спустя полчаса вошла в спальню, Извольский уже лежал в постели, закрыв глаза, и поверх белого одеяла валялись какие-то бумаги и невыключенный сотовый телефон. Ирина тихонько потушила свет и юркнула под одеяло, решив, что Слава уже спит.

Но спустя пять минут Извольский пошевелился, пошарил рукой в поисках бумаг и спросил:

– Что это была за машина, на которой ты вернулась домой?

– Я ездила к Цою. Я хотела, чтобы вы помирились, – ответила Ирина.

Извольский лежал неподвижно.

– И что сказал Альбинос?

– Он сказал, что ты приказал убить Горного и всем про это врешь, даже жене.

– Вот наглая сволочь, – равнодушно проговорил Извольский, – а то он моей жене скажет правду…

– Ты не сердишься, что я ездила к нему?

– Я на тебя не сержусь, – сказал Извольский, – но ты понимаешь, почему я тебе не рассказываю о своих планах? Я не могу рассказывать о них человеку, который вдруг способен пойти и поговорить с Альбиносом.

* * *

Отключения электроэнергии на Павлогорском ГОКе в октябре стали постоянными. Больше всего в этой ситуации Ахрозова беспокоило состояние дамб.

Сибирская зима – вещь серьезная, и чтобы зимой верхний пруд не промерз до дна, в него требовалось закачать воду по самый край. Насосы работали каждый день, – и каждый же день их отключали. Уровень воды в верхнем пруду ходил туда-сюда, неизбежно подтачивая дамбу.

Ахрозов поднял проектную документацию по дамбе: там было сказано, что плотина отстроена из армированного бетона и сверху облицована бетонной стяжкой. Ахрозов несколько успокоился.

На самом деле это было не так. Дамбы на комбинате строились в два приема. Сначала, в середине пятидесятых, верхнее шламохранилище вмещало шесть миллионов кубометров

воды. Плотину строили зэки, и строили на века: насыпь стянули бетонной опалубкой с насмерть проваренными креплениями. Поверх положили армированный бетон.

В семьдесят пятом году дамбу надстроили. Строили быстро, к очередному съезду КПСС; половину бетона не довезли, другую – разворовали. Старую дамбу просто надсыпали песком пополам со вскрышей, а сверху залили бетоном, как бисквит глазурью. Сверху для надежности положили бетонные сорокасантиметровые плиты.

По виду новая дамба ничем не отличалась от настоящей, а по проектной документации – тем более.

Денис прилетел в Черловск тридцатого октября. В последнее время он бывал в области редко, Извольский не хотел, чтобы они сталкивались с Ахрозовым.

Однако на этот раз приезда было не избежать: Дениса вызвал на допрос следователь Шевчук. Допрос вышел долгий, изматывающий и гадкий, и по его окончании Денис с облегчением сел в машину и набрал номер Гриши. Гриша оказался в Павлогорске, а Настя – в Италии.

– Как дела? – хмуро спросил Денис.

– Дела ничего. Электричество дали, – сказал Гриша. – Сергей им тут пригрозил, так третий день все тихо.

– А чем им Сергей пригрозил? – поинтересовался Денис.

– Сказал, что разорвет соглашение по реструктуризации. Ты прикинь, мы им платим старых долгов в месяц по полмиллиона, а знаешь, кому мы платим? Какой-то фирмочке из Элисты, в которую они даром эти долги спустили.

* * *

После допроса Денис отправился в казино «Версаль». Он бесцельно побродил у столов, разглядывая веселящуюся губернскую публику, выцедил украшенный долькой лимона коктейль, а потом незаметно поднялся в кабинет к Фаттаху. Тот сидел, задрав на стол щегольские ботинки из крокодиловой кожи, на любимом Гришином месте, и любовался гроздью мониторов с изображениями игрового зала и подходов к кабинету.

При виде Дениса Фаттах приветственно воздел руку.

– Привет, братан. Какими судьбами?

– С допроса. По поводу Горного.

Фаттах рассмеялся.

– С тобой, Денис, тяжело работать. Ну зачем ты его пристрелил? Он бы ко мне пришел, тепленький. Дал бы мне

подзаработать. Сам же просил его попугать. Красивая была б операция, не хуже, чем в Богоявленске. Как я Богоявленку сделал, а?

– Ты хорошо сделал Богоявленку, – кивнул Денис.

– Костя хочет взять под контроль все ГОКи. И задушить вас, как котят. Ты это понимаешь?

Денис помолчал.

– А ведь акции Богоявленки висят на твоей структуре? – спросил неожиданно он.

– Допустим.

– Да.

– И шахты имени Горького тоже?

– Это была моя операция. А у нас в группе, чей риск, того и тапочки. Это ты работаешь на Славку, как пони в цирке.

– А если эти акции на твоих структурах, почему бы тебе не уйти от Кости?

Фаттах сощурился.

– Интересное предложение. Чтобы, значит, он дрался со мной, а вас оставил в покое?

– Но ведь с тобой ему будет драться тяжело? У тебя-то в области хорошие связи?

Глаза Фаттаха угрюмо вспыхнули.

– Я вообще ему все в области сделал! Что, шахту Горького он брал? Я ее брал, он в сторону отступил. Потому что если бы я обосрался, это бы я обосрался. А теперь он говорит: почему акции не на моих фирмах? Просит – перепиши. Я ему говно вычищал!

– Ну так и разберись с ним. Мы тебе поможем.

– Как? – заорал Фаттах, – как? Они же все разные, шахта тут, разрез там! Я же не могу взять все сразу! А если я возьму одно предприятие, знаешь, что со мной будет? – Фаттах в отчаянии махнул рукой, – он меня везде обирает, я ему по Павлогорке предложил идею. Классную идею! Вы подписали договор о реструктуризации долга энергетикам, – так я с Анастасом выкупил этот долг. За копейки.

– Ну и что.

– А дальше уже было дело Анастаса. Он должен был уговорить Ахрозова разорвать договор.

– И что дальше?

– А дальше – банкротство! Мгновенное. У вас возникает неурегилированный долг в сорок миллионов, и владельцы долга мы с Анастасом. Анастас помер, я хотел его долю забрать себе. Не, говорит Цой, ты его долю энергетикам отдай, а свою пополам со мной раздели!

– И Анастас говорил с Ахрозовым на эту тему? – медленно

спросил Денис.

– Да двадцать раз говорил, – с раздражением сказал Фаттах, – теперь-то что?

* * *

Было около шести вечера, когда рабочий Ивченко и два его друга отправились домой. Они жили на правом берегу озера, в старом районе Нахаловке.

Нахаловка выстроилась сама собой, в пятидесятых, когда на месте сибирской тайги разбили палатки и объявили Павлогорский ГОК комсомольской стройкой. Тогда начальник стройки разрешил вырубленный лес пускать на собственные дома. Вскоре берег озера покрылся одно– и двухэтажными строеньицами с крошечным садиком и типичной местной приметой: от дома до калитки вел крытый деревянный ход, к которому зачастую был пристроен курятник или хлев.

Воровали и со стройки, без счету таскали щебень, цемент и бетон. Тогдашний директор ГОКа был мудрый человек, он понимал, что если не дать курице попить водички, то она сдохнет.

Итак, Ивченко и его друзья шли в Нахаловку. Выло уже темно, никаких фонарей не горело, озерную гладь рябило от сыплющего сверху дождя. Все трое прилично выпили. Когда они пересекали дамбу, Ивченко сказал:

– Смотри!

Одна из бетонных плит, облицовывавших дамбу сверху, была сдвинута и как бы выворочена из основания. По трещине от одного пруда до другого бежал резвый ручеек.

Ивченко и его друзья перешли ручеек и через пять минут были дома. Дома Ивченко выпил еще стакан водки и лег спать.

Около одиннадцати вечера через дамбу поехали «Жигули» экскаваторщика Варенькова. Температура к ночи упала до нуля, с неба сыпал жидкий снег, и от воды по обе стороны дамбы подымался густой белесый пар.

Слабенькие фары «Жигулей» выхватили из тьмы большую лужу, и Вареньков, не колеблясь, в лужу въехал. Машину страшно тряхнуло, она ударилась с размаху о бетон и стала.

Вареньков выскочил из машины – и обомлел. То, что показалось ему лужей, было изрядной трещиной между двумя бетонными плитами. Одна из плит была сдвинута, и трещина была полна серой водой.

Вареньков побежал к шламохранилищу и увидел, что вода в

переполненном пруду плещется у самого края дамбы. В нерешительности он вернулся к «Жигулям».

Тут же на берегу показались яркие противотуманные фары: с другой стороны дамбы ехал джип. Вареньков выскочил на дорогу и замахал руками, надеясь, что джип остановится и поможет вытащить «Жигули».

Надменный «Крузер» с пьяными пассажирами даже не притормозил. Джип свернул на полном ходу, пытаясь объехать «Жигули» слева. Взметнув фонтан брызг, машина помчалась по встречной полосе – и спустя несколько секунд рухнула передком в промоину. Осколки фар брызнули во все стороны, с тихим шелестом сложилось и вылетело из креплений слоеное лобовое стекло; хромированный кенгурятник вдвинулся в капот.

Дверца джипа отворилась, и на бетон высадился водитель. Вареньков с облегчением узнал одного из павлогорских ментов. Ему вовсе не улыбалось объясняться в такой ситуации с пьяным бандитом.

Мент покачнулся, стряхнул с себя остатки воздушной подушки, и вынул из кобуры служебный пистолет.

– Не понял! – громко провозгласил мент, направляясь к Варенькову.

Экскаваторщик, бросившийся было на помощь, попятился. Ему почему-то представилось, что мент считает лично его виновным в трещине, и что встреча с пьяным ментом, покалечившим свой джип, может быть ничем и не лучше встречи с бандитом.

Из джипа вылез еще один пассажир.

В следующую секунду Вареньков почувствовал, что дамба под его ногами шевелится, как живая. Не рассуждая, рабочий повернулся и бросился назад. С плотины раздался крик ужаса.

Когда Вареньков обернулся, он увидел картину, доселе виденную им только в кино. Бетонная плита, не выдержавшая напора воды, быстро, как на салазках, съезжала ко второму озеру, и вместе с ней съезжал «Крузер» и люди. Мирная дорога, по которой Вареньков столько раз ездил с женой к тещей, превращалась в съемочную площадку фильма ужасов.

Послышался треск, плита стала на ребро и с шумом обрушилась вниз, словно утянутая гигантским спрутом. За ней с пятиметровой высоты хлынула вода. Через мгновение зашевелились и «Жигули» Варенькова. Тот отскочил от промоины и бросился бежать по дамбе назад, к заводоуправлению.

* * *

Сергей Ахрозов и Гриша Епишкин были вдвоем в директорском кабинете. Столик для отдыха, за которым они сидели, был девственно чист, и посереди него возвышалась литровая бутылка водки, как ракета посереди стартового стола. За стеклом шуршал склизкий осенний дождь, и в заводоуправлении пахло резкой свежей краской. Красили железные двери, установленные недавно между этажами.

Ахрозов, со стаканом в руке, вглядывался в осеннюю темень. Там, внизу, во дворе, тускло горели красные лампочки, обозначавшие начало строительных работ. Сегодня, когда машина Ахрозова с трудом проехала по переброшенным через ров доскам, ему ответили, что это кладут кабель по указанию Гриши Епишкина.

– Что ты там за траншею роешь, – спросил Ахрозов. – От Цоя, что ли?

– А почему нет? – сказал Гриша. – Вон, как Богоявленку взяли. А Богоявленка от нас двадцать минут езды. Полминуты лета, если на «Сапсане».

– Настя-то скоро вернется?

– Насте какой-то урод предложил поступить в школу моделей, – сказал Гриша. – Я его, урода, поймал и сказал, что ноги пообрываю. А Насте я все про моделей объяснил.

После мордобоя, приключившегося между Черягой и Ахрозовым, и последовавшим за ним вызовом к Извольскому, Гриша сделал самое умное из того, что он мог сделать: он отослал Настю из Павлогорска. Две недели она провела в Черловске, а потом уехала в Италию.

Новому главе службы безопасности Павлогорского ГОКа не приходилось теперь разводить двух своих непосредственных начальников. К тому же Гриша вел жизнь не то чтоб целомудренную. Раньше, в Черловске, он никаких дебошей дома не устраивал, потому что к его услугам было собственное казино, а в Павлогорске вышло сильно наоборот: что ни ночь, в гостевом домике в «турецкой деревне» собиралась попойка со шлюхами. При Насте это было б никак невозможно, Настю Гриша очень берег. Ахрозов гулял и пил вместе с Гришей. И чем чаще они пили вместе, тем невозможней было отозвать его в сторонку и сказать:

– Гриша. А ты не отдашь Настю за меня замуж?

Потому что Гриша бы улыбнулся и сказал:

– Сереж, ты че? Перебрал? Вон, Катеньку возьми, или Лизу… Иди сюда, Лизхен!

Правда, было и некоторое неудобство, которое заключалось в том, что Гриша очень боялся за Настю даже в Италии. Она

запросто могла выкинуть что-нибудь такое, вроде школы моделей. Чтобы хоть как-то контролировать ситуацию, он отправил вместе с Настей свою двоюродную тетку, преподавательницу французского языка, пятидесяти трех лет. Но как-то Гриша сомневался, что пятидесятитрехлетняя преподавательница сможет удержать Настю в узде.

– Дождей много, – сказал Ахрозов, – и насосы барахлят. Из-за энергетиков, черт бы их подрал.

– И чего делать?

– А что я должен делать? Плотина принадлежит городу. Укреплять ее должны мы. Я говорю: «Давай укрепим», Слава говорит, они хоть как налоги нам это зачтут? Я говорю: «нет». Слава: «Пока не будет зачета, не будет и плотины».

Ахрозов помолчал.

– Покойник Анастас летом постановление подписал: мы ремонтируем плотину, а нам за это списывают триста миллионов налогов.

– И что же ему было нужно?

– Известно чего ему было нужно, – сказал Ахрозов. – Уточнить?

– Не надо, – усмехнулся Гриша. Допил водку и задумчиво изрек: – Убийцу-то так и не нашли. А ведь в «Кремлевской» должны были камеры стоять.

Ахрозов пожал плечами.

– Я так думаю, – сказал Гриша, – что Цой знает, кто убийца. Анастас, он странный парень был… сука полная, а было в нем что-то. Кто его знает, с кем он спал? я так думаю, непростой был убийца. Представляешь, вдруг это губернаторша была?

– Гриша… – хрипло сказал Ахрозов.

– Ну?

Ахрозов подошел к окну. За окном расстилалась непроглядная темень; в снежных лужах мерзли служебные «Жигули» охраны, да горели красные фонарики вдоль линии строительных работ. Фонари мигнули один раз, другой, потом загорелись снова. Видимо, где-то по сети прошел сбой.

Где-то внизу щелкнула решетка. По пустому коридору заводоуправления громко разнеслись шаги.

Дверь распахнулась: на пороге кабинета стоял мокрый Черяга.

– О, – сказал Сергей, – привет столичному начальству. Давно не виделись. Даже на пуск не собрался.

На пуск шагающего экскаватора на Северном карьере приехал Извольский с полпредом и все начальство холдинга. Не было только губернатора и его замов, хотя это был первый шагающий

экскаватор, пущенный на ГОКе за последние десять лет.

– Давно, – согласился Денис. – Кстати, я когда сюда ехал, видел на том берегу заводские «БЕЛаЗы». Мы что, ремонтируем пруд?

– Нет, это делает мэр. Его фирма.

– А почему нашей техникой?

– Мы так договорились.

– И по скольку ж ты сдал технику в аренду?

Ахрозов молча подошел к столу, нашел нужный документ и протянул Денису.

Денис пробежал листок глазами.

– Неплохо, – сказал Денис, – совсем неплохо. Месячная аренда нашего экскаватора им обходится в девятьсот рублей, а нам его эксплуатация, вместе с зарплатой, стоит сорок семь тысяч. А сколько мэр получает за это?

Ахрозов помолчал.

– Если я правильно помню, – сказал Денис, – мэр получает за это сто двадцать миллионов рублей. Из бюджета.

– Ты меня в чем-то обвиняешь?

– Просто констатирую факт, что ты спер с мэром сто двадцать миллионов рублей. Тебе следовало это сделать другим образом, Сережа. Надо было просто договориться, что с комбината списывают налогов на эту сумму. И распилить ее пополам. Следов бы не осталось.

– Ты этот рецепт лично пробовал, или как? – уточнил Ахрозов.

– Пацаны, ну прекратите, – начал Гриша.

– Отчего же, – хрипло сказал Ахрозов. – У меня есть маленькая проблема. В области дожди. Шламохранилища переполнены. Если их прорвет, комбинат остановится. Дамба не моя. Отремонтировать в счет налогов не дают. Что мне делать?

– И под предлогом того, что тебе нечего делать, ты сдаешь технику в аренду по девятьсот рублей? Фирме, которую контролируют Мансур и мэр?

– Ты следак. Ты не инженер. Мне дешевле заплатить Мансуру, чем за железнодорожный мост, который смоет к чертовой матери.

– А энергетикам тебе не дешевле заплатить?

– Энергетикам – за что?

– По соглашению о реструктуризации. Которое ты хочешь разорвать.

– И разорву, – сказал Ахрозов, – к чертовой матери разорву. Мы тут на лучину перешли, а я им поллимона в месяц плачу. И, между прочим, не энергосистеме, а «мартышке» из Элисты!

– Это тебе Анастас предлагал?

Ахрозов сморгнул.

– При чем тут Анастас?

– Потому что это «мартышка» Анастаса, и потому что как только ты разорвешь это соглашение, она обанкротит ГОК!

– «Мартышка», которая получила долг за полкопейки? Да это мошенничество! Да в любом суде…

– В любом суде, кроме Черловского. В здешнем суде признают любой наш долг, даже перед сдохшей коровой.

– Не ты мне будешь указывать, что у нас долги, а что липа!

– А кто? Константин Цой? Или Фаттах Абишевич? Ты учти, Сережа, что предателям Цой ничего не платит. Потому что еще не было случая, чтобы Цой мог кинуть человека и не сделал этого.

Ахрозов нажал на кнопку селектора.

– Люба, – сказал он, – ты еще здесь? Вудь добра, подготовь приказ. Об увольнении с поста гендиректора Сергея Ахрозова и о назначении и.о. Григория Епишкина. Подпись. Ахрозов.

– Сергей, – заорал Гриша, – приди в себя!

В предбаннике послышался топот, почти сразу же дверь кабинета распахнулась, и в нее влетели два техника с выпученными глазами.

– Изольдыч, – заорали они, – дамбу прорвало!

Цепочка шламохранилищ состояла из трех прудов. Верхний был самый большой и самый грязный. Именно там отстаивалась загрязненная шламом вода. Обычно в нем находилось около одиннадцати миллионов кубометров воды, но сейчас водохранилище было переполнено из-за непривычно обильных осенних дождей и из-за того, что в него накачивали к зиме воду. Второй пруд, объемом с две трети первого, был почище, третий пруд вмещал в себя восемь миллионов кубометров и был самый чистый. Именно на третьем пруду на отметке 10.2 стояли насосы, которые забирали воду обратно на комбинат.

Выход из чистового пруда тоже был прегражден плотиной: оттуда излишки воды уходили в небольшую безымянную речку, которую местные жители без обиняков звали Протокой. Через двести метров Протока впадала в Туру, один из притоков Урала.

Сразу у места слияния Тура резко поворачивала направо, так что половина Павлогорска была выстрена к западу, на равнине между двух рек – Протоки и Туры. Сам комбинат и все его карьеры находились восточней, если не считать нового Северного карьера, который начали копать в 1987 году и разработку которого Ахрозов возобновил только сейчас: тот располагался километрах в пяти от Павлогорска, и дорога к нему шла вдоль Туры.

Неширокая Тура была единственной речкой в этом горнорудном крае, осваивавшемся еще с царских времен. В десяти и сорока километрах ниже по течению Туры стояли две плотины для Богоявленской и Нижнесушинской электростанций, сооруженных горнозаводчиками еще в прошлом веке. Электростанций больше не было, как не было и небольших, полностью выработавших свой ресурс заводов, под которые они строились. Но плотины остались. На обустройство этих плотин дважды отпускались деньги из областного бюджета, и вице-губернатор дважды с триумфом отчитывался об их укреплении, хотя на самом деле деньги уходили не в плотины, а в Швейцарию.

* * *

Когда начальство примчалось к прорванной дамбе, там еще не было ни людей, ни техники. Были только два вневедомственных охранника, вывалившихся из караульного домика при плотине и изрядно пьяных.

Ахрозов бросил свой «Лендкрузер» наверху и сбежал к дамбе вместе с охранником. Денис и Гриша последовали за ним.

Ночь была премерзкая: над водой и в низинах плавал холодный туман, дневной дождь превратился в жидкий снег, и снег этот был такой крупный, что падал почти отвесно, несмотря на злой северо-западный ветер.

Вода лилась из верхнего пруда, словно из наклоненного корыта. Бетонная корка, покрывавшая насыпь, просела, и вода просто выдавила верхнюю, лишенную правильной опоры плиту.

Через пять минут на дамбе показался первый «КамАЗ», груженый породой из карьера. «КамАЗ» осторожно подпятился к промоине и сгрузил в нее содержимое кузова.

– Ближе, ближе! – заорал Ахрозов.

Второй «КамАЗ» уже подкатывался к дамбе. С дороги бежали, застегиваясь на ходу, поднятые по тревоге люди.

– Светлов, поднимай всех, – закричал Ахрозов, – и чтобы правильно сыпали, одну машину крупной породы, а другую со шламом! Гриша, езжай на мелькобинат, я военным уже позвонил, возьми там мешки, у них тысяч десять мешков должно быть, пусть мешки набивают шламом и грузят! Мелькин, открой аварийный сброс! И на Богоявленку звони, пусть там откроют, и на Нижнесушинке!

Денис подошел к Ахрозову. Охрана его следовала за ним.

– Аварийный сброс нам не поможет, Изольдыч, – сказал главный инженер.

– Почему? – спросил Денис.

Ахрозов поглядел на него, подумал, отвечать ли.

– Плита, которую снесло, высотой сорок сантиметров, длиной шесть метров. Умножаем ноль четыре на шесть, получается два и четыре кубометра воды, которые уходят из промоины. Аварийный и штатный сброс на второй плотине вместе дают полтора кубометра.

– А если второе водохранилище переполнится? Тогда что? Затопит Нахаловку?

Ахрозов пристально поглядел на Дениса.

– Что Нахаловку подтопит, это фигня, – сказал Ахрозов. – Ее каждую весну притапливает. Я думал, эта дамба из бетона, а она из сушеного дерьма. А если она рухнет?

– И если рухнет?

– Если рухнет, по реке пойдет цунами. Сначала снесет вторую плотину, потом третью. Потом снесет Богоявленку. У тебя охранников сколько? Шесть?

Денис сморгнул.

Палец Ахрозова уперся в грудь приставленного к Черяге собровца.

– Вы все поступаете в распоряжение моей службы безопасности. Едете на тот берег. Задача – вдоль всей Нахаловки построить защитную дамбу. Если кто умеет водить «БелАЗ», добро пожаловать. У нас будет недостача водителей. Грузитесь в карьере крупной фракцией, на шламоотвале – мелкой. Где есть дорога, едете по дороге. Где изгородь, – сносите изгородь. Где проехать совсем нельзя, носите мешки.

– Мы не можем покидать охраняемое лицо, – сказал старший охранник.

– Поезжай, – распорядился Денис.

Охранник козырнул и отошел. Через мгновение джип сопровождения развернулся и погнал по объездной дороге в поселок. На дороге с визгом затормозил армейский грузовик, один и второй. Из кузова посыпались солдаты, а «Уазик», приехавший вслед за грузовиками, подрулил и встал около заводских джипов.

Из «Уазика» выскочили трое офицеров во главе с высоким пожилым полковником. Денис про себя подивился оперативности военных.

Полковник хмурым взглядом окинул дорогой отъехавший «Гелендеваген», задержался на мгновение взглядом на Денисе и повернулся к гендиректору.

– Ты Ахрозов? – спросил полковник, – я Корягин. Там сейчас мешки с мелькомбината привезут, уже грузят. Я две роты прямо

на шламоотвалы отправил, пусть там набивают мешки.

Ахрозов кивнул.

– У тебя саперы есть?

– Вот Сипягин – мой зам по арттехвооружению.

Сипягин был молод и белобрыс.

– Мне нужно, чтобы вы подготовили к взрыву Богоявленскую плотину.

Денис вздрогнул.

– Не понял, – сказал полковник.

– Дамба хреновая, – пояснил Ахрозов. – Если ее прорвет, то гидроудар обрушит остальные две наши дамбы. В верхнем пруду одиннадцать миллионов тонн воды. В нижних – шесть и восемь. Из них вниз уйдут минимум двенадцать миллионов тонн. Ты представляешь, что такое удар в двенадцать миллионов тонн? Его ничто не выдерживает.

– Нахаловку затопит?

– Дело не в том, что ее затопит. Ее снесет к чертовой матери. Самое страшное не наводнение, понимаешь? Самое страшное – это ударная волна. И вашу Богоявленку снесет. А там внизу хладокомбинат.

В представлении Дениса хладокомбинат был не самым грозным сооружением. Полковник, видимо, был того же мнения.

– Ну и что?

– Там в газгольдерах двадцать тонн аммиака. Минимум. Ты представляешь, что будет, если этот аммиак выбросит в атмосферу?

Полковник задумался.

– Это будет то же самое, как если в атмосферу выбросили двадцать тонн иприта. Половина Богоявленска сдохнет в течение десяти минут. Мне нужно, чтобы вдоль всех населенных мест были построены защитные дамбы. Чтобы на хладкомбинате тоже сделали дамбы. Сейчас на обоих плотинах пошел аварийный спуск воды. Но это как спускать море через водопроводную трубу. Если наша дамба не выдержит, обе плотины должны быть взорваны. Сначала Нижнесушинка, потом Богоявленка. Тогда высота ударной волны нигде не превысит полтора метра. В противном случае мы будем иметь два с половиной метра. Мы будем иметь двенадцать миллионов тонн из наших плотин, плюс три с Богоявленки и четыре с Нижнесушинской.

– А если аммиак все равно уйдет в атмосферу, кто отправится под трибунал? – уточнил полковник.

– Тот, кто отдал приказ подорвать плотины, – сказал Ахрозов.

Полковник помолчал.

– А если я откажусь? – спросил он.

– Если ты откажешься, – сказал Ахрозов, – я пошлю на плотины свою службу безопасности и своих взрывников.

– Сколько у нас будет времени на принятие решения, если вода снесет эту дамбу?

– Если дамбу прорвет, то до Богоявленки волна дойдет через час.

Полковник думал несколько секунд.

– Твои взрывники мне тоже понадобятся, – сказал он.

Ахрозов повернулся к Денису.

– Езжай с полковником на Богоявленку, – сказал он.

В три часа ночи на Богоявленской плотине, где распоряжались Денис с Корягиным, объявился глава района. Глава был пьян и сонен, и выполз он из белокаменного особняка, стоявшего в двух километрах на берегу Богоявленского пруда.

– Ты че делаешь, ты делаешь-то че? – закричал глава администрации.

– Бурим под взрывчатку, – ответил Корягин, – есть опасность, что сверху пойдет ударная волна. Плотина хреновая, не выдержит. А внизу опасные объекты.

Глава администрации завизжал.

– То есть как это хреновая? – заорал он, – почему хреновая? Ты на что намекаешь? В прошлом году ремонтировали, хреновая! Сто миллионов ремонт стоил!

Полковник развернул чиновника в сторону высокого берега пруда, туда, где в дождливой ночной тьме едва горели фонари дорогих резиденций.

– Вот он твой ремонт! – сказал полковник, – а плотина говно! Будет надо – взорвем!

– Ты соображаешь, что делаешь? – заорал глава адмнистрации, – ты знаешь, сколько тут земля стоит! Тут… тут Швейцария наша, а вы ее!

Тут глава администрации заметил «Гелендеваген» с заводскими номерами и узнал подошедшего Черягу.

– Ты… ты… – заорал он, тыча в полковника, – наймит олигархов! Это все их бесхозяйственность!

Полковник дал ему в репу.

Было уже около восьми утра, когда усталый, вывалянный весь, как свинья, в грязи Ахрозов подъехал к оплывающей дамбе.

Солнце за облаками светило в четверть заявленной мощности. Снег опять превратился в дождь. Видно было не больше, чем на три километра, и повсюду на протяжении этих трех километров ползали в грязи грузовики и люди.

Защитная дамба вдоль Нахаловки поднялась на метр. Гриша Епишкин действовал быстро и внятно. Все жители были

оповещены и подняты по тревоге. Где была дорога, дамбу насыпали «БелАЗами». Где стояла изгородь, изгородь сносили к чертвой матери. Где проехать с машиной было нельзя, строились в цепочку и укладывали мешки.

В Богоявленске глава ГУ ЧС проявил похвальную оперативность. Хладокомбинат окружили тройной стеной мешков с песком и шламом. Поднятые по тревоге пожарные стянули к хладокомбинату всю технику и, где могли, провесили страховочные линии, чтобы в случае аварии немедленно осадить аммиак водой.

Вода во втором пруду поднялась на семьдесят сантиметров и была вся мертвенно-серая, цвета шлама. Несмотря на хлопоты людей, она снесла еще одну плиту и начала размывать земляное тело дамбы, не закрепленное ничем, кроме липового акта о приемке гидросооружения, датированного 1977 годом. К утру верхний пруд опрастывался со скоростью четыре кубометра в секунду, и цифра эта потихоньку росла. Ахрозов некоторое время всерьез обсуждал со своими инженерами возможность снять верхний слой с нижних дамб, тем самым обеспечив беспрепятственный аварийный слив воды в Протоку. Но Богоявленская и Нижнесушинская плотины вряд ли выдержала бы такой быстрый приток воды, а взрывать их на всякий случай Ахрозову бы никто не дал.

Комбинат был расположен на правом берегу прудов, значительно более высоком, чем Нахаловка, и автомобильная дорога, шедшая вдоль него, теперь была отгорожена от нижних прудов возведенной за ночь полуметровой насыпью.

Ахрозов как раз обсуждал с инженерами возможность обеспечить дополнительный аварийный сток с нижних дамб, когда охранник протянул ему телефон.

– Слушаю, – сказал Ахрозов.

– Привет, Сережа. Это Фаттах. Я на Богоявленке. Тут у меня все «БелАЗы» поотбирали и личный «Крузер» впридачу. Ты учти, что все счета я тебе выставлю. За ущерб, понял?

Ахрозов размахнулся и швырнул мобильник в воду. К дамбе, пятясь задом, съезжал очередной «КамАЗ». Водитель остановился за полметра до воды, явно намереваясь опростаться в сравнительной безопасности. Ахрозов бросился к водителю:

– Подгони его ближе! – заорал директор, – в воду его загони, в воду!

– Мне жизнь дорога, – прокричал водила.

Ахрозов в ярости выматерился и выхватил из кармана пистолет.

– Ну!

Водитель круглыми глазами смотрел на директора. Это был молодой еще парень, лет двадцати, всю ночь он не спал, и соображал сейчас очень плохо. Он дернул за рычаги управления, и кузов «КамАЗа» начал медленно подниматься вверх. Ахрозов выстрелил.

Пуля пробила боковое стекло, не задев водителя. Тот завизжал и порскнул из кабины прочь.

Ахрозов прыгнул за руль прежде, чем кто-то успел его остановить. Он врубил задний ход, и «КамАЗ» медленно сполз в промоину, задирая тяжелый кузов.

Вскрыша из карьера с грохотом посыпалась в поток, низвергающийся в соседний пруд. «КамАЗ» разгрузился за сорок секунд; кузов медленно пошел вниз. Машина, полегчавшая на девятнадцать тонн, стояла по брюхо в грязи; огромный пруд с зеркалом воды пятьсот на пятьсот метров давил на нее, вытекая через промоину со скоростью четыре кубометра в секунду.

Спустя мгновение после того, как Ахрозов врубил первую передачу, выдираясь из придонной грязи, вода подхватила «КамАЗ» и потащила его к краю дамбы.

Все произошло настолько быстро, что никто ничего не понял. «КамАЗ» сначала бросило набок, а потом поволокло к обрыву. Мгновение – и задние колеса машины повисли над шестиметровым обрывом. Еще через мгновение «КамАЗ» рухнул вниз, ударился о дамбу и медленно сполз в пруд.

Ахрозова бросило вперед еще на дамбе, когда «КамАЗ» опрокинулся боком. Он ударился о руль и потерял сознание.

Очнулся он спустя несколько секунд. Он лежал на сиденье, и рулевая колонка плотно прижимала ему грудь. Сквозь немытое стекло водительской кабины Ахрозов увидел белесое небо, сыпавшее жидким дождем.

Внутри машины что-то хрупнуло, «КамАЗ» развернулся и сполз еще на полметра вниз. Он лежал у основания дамбы, завалившись на ребро и высунув из воды наполовину затопленную кабину, как цирковой тюлень высовывает черную головку в надежде, что его накормят рыбой.

Ахрозов попытался встать, но рулевая колонка не пускала его. В груди саднило. Сергей закашлялся, и его вырвало, прямо в серую взбаламученную воду, все выше поднимавшуюся в кабине.

Потом Сергей глянул вверх и заметил, что состояние плотины резко изменилось. На глазах крошилась бетонная кладка. Сквозь трещины брызгали струйки воды. Происходило то, чего Ахрозов опасался с самого начала. Плотина гибла – не частично, не сверху, а вся. Ее полное разрушение было делом десяти-пятнадцати минут.

Ахрозов внезапно вспомнил голубой пруд в резиденции губернатора и улыбающегося, полуобнаженного Анастаса. «Надо любить жизнь, – сказал Анастас, улыбаясь, – давай я научу тебя жить, Сережа». Потом перед ним появилась Настя. Она стояла, в своей короткой юбочке, у края Богоявленской плотины, и обрывала с кустов ежевику. Она тоже любила жить. Сергей очень надеялся, что Настя и его научит жить. «Я не умею жить, – подумал Ахрозов, – черт побери, я никогда не умел жить. И бог с ним. Пусть Цой подавится своими пленками».

Боль и усталость куда-то прошла. Сергею было хорошо, так хорошо, как давно не было в жизни. Когда-то, давным-давно, такой кайф давал героин.

Ахрозов внезапно понял, что он очень, очень давно устал. И что ему надо отдохнуть. Отдых был совсем близко, и в глубине взбаламученного озера, куда вода волокла многотонный «КамАЗ», смеялись белокожие русалки с глазами Насти.

Чей-то кулак рассадил стекло, и голос сверху заорал:

– Чего расселся!

Ахрозов поднял голову и увидел вверху перекошенное лицо Черяги. Русалочий смех затих, его сменил шум воды и грохот машин, столпившихся где-то на берегу.

– Руку давай, – орал Денис.

– Оглянись, – сказал Ахрозов.

Денис обернулся. Вверху, над ветровым стеклом, тело плотины шло трещинами. Землю пучило, из нее хлестали потоки воды.

– Меня зажало, – сказал Ахрозов. – Уходи.

Денис грязно выругался и спрыгнул вниз. В руках его был лом, и этим ломом Денис крепко и страшно саданул по рулевой колонке. Ахрозов чуть не потерял сознание от боли.

В кабину спрыгнул еще кто-то, кажется, это был шофер Ахрозова, Саша, и начал охаживать колонку топором. За Сашей, словно хвост за воздушным змеем, вился оранжевый страховочный трос.

«КамАЗ» еще немного съехал по откосу вниз. Дверь машины распахнулась с другой стороны.

– Зафиксируй ее! Зафискируй, чтоб не унесло! – орал Денис. Он орал что-то еще. Ахрозов никогда в жизни не подозревал, что вице-президент холдинга умеет так материться.

От колонки во все стороны летели куски. Наконец Денис выворотил ее с корнем. Кто-то пристегнул к поясу Ахрозова карабин с оранжевым тросом. Кто-то поволок его наружу. В последнюю секунду Ахрозов заметил, что сверху, по всей длине плотины, словно расколотой гигантским топором, на них рушится

вал воды. Вместе с валом летели железные балки и полутораметровые куски разорванного, как пенопласт, бетона.

– Прыгай! – заорал Денис и прыгнул первым, увлекая Ахрозова за собой.

Ахрозов прыгнул и погрузился по пояс. Его потащили к берегу, за трос, как попавшую на крючок щуку. Ноги Ахрозова скользили по жидкой грязи и утлым осенним кустикам. Один раз он оскользнулся и проехал полметра на брюхе. За спиной грохотал водопад из бетона и шлама.

Ахрозов снова запнулся, кто-то рванул его за шиворот и вытащил на дорогу.

Ахрозов выпрямился, уцепившись за плечо Дениса. Дамбы больше не было. Вода летела вниз, обдирая за собой остатки дамбы, как штукатурку со стен. Ахрозов впервые видел плывущий бетон и плывущие железные балки.

Ахрозов прикинул. Еще двадцать минут – и волна снесет следующую дамбу. Через следующие двадцать волна дойдет до дамбы, запирающей Протоку.

Еще двадцать пять-тридцать минут ей понадобится, чтобы добраться до Богоявленской плотины. Пятнадцать – до Нижнесушинской.

Нахаловка на том берегу.

Павлогорск чуть выше.

Егорьевка и Богоявленск в двадцати километрах.

Хладокомбинат.

Фаттах Олжыбмаев, который выставит комбинату царский счет. Глава администрации, который прибавит к этому счету единицу в начале. Губернатор, который прибавит к нему ноль в конце.

Поселок Акантуй и Нижнесушенка за последней плотиной.

Ахрозов протянул руку, и его шофер Саша положил в нее рацию.

– Полковник Корягин на связи, – сказал Саша.

– Это Сергей, – сказал Ахрозов, – у нас прорвало плотину. Взрывай все. Сначала внизу, потом вверху. Немедленно. Как понял?

Верхнюю плотину снесло в восемь тридцать утра, и почти сразу же, с разницей в восемь минут, полковник Корягин отдал команду на подрыв Нижнесушинской и Богоявленской.

Нижнесушинская плотина была не так велика и вмещала около четырех миллионов кубометров воды. Богоявленка была чуть больше.

Основной удар воды принял на себя Акантуй, расположенный на левом, пологом берегу. Тамошние власти достаточно серьезно

отнеслись к своим обязанностям. Из вероятных мест затопления были эвакуированы все люди, а здания в большинстве мест успели защитить гравием и мешками с песком. Серьезно пострадала прибрежная пятиэтажка, да немеряное число машин и курей.

Богоявленск зацепило сильней. Основные силы там были брошены на защиту хладокомбината, выстроенного, как на грех, в сорока метрах от кромки воды. На западной окраине городка слизнуло почти все гаражи, повалило высоковольтную линию электропередач и размыло два километра железной дороги.

Первая волна, ударившая в Богоявленск, была невысока – в полметра.

Вторая волна пришла через пятьдесят минут. Она вобрала в себя семь миллионов тонн шламовой взвеси из верхнего шламохранилища, и еще пять с половиной миллионов тонн из нижних прудов. Первый ее удар пришелся по Нахаловке; волна в этот момент достигала высоты два метра.

Защитная полутораметровая дамба ослабила волну, но все равно удар ее был ужасен. Вода промчалась по Нахаловке, смахивая подвернувшиеся по пути заборы и сараи. Один из домов, с бетонным основанием, волна вырвала с корнем, и протащила его вместе с фундаментом на сто метров. Играючи развалило старый заброшенный склад (мэр впоследствии написал, что на складе хранилось две тысячи тонн горючего), смыло бензоколонку и мало что не выворотило одну из опор автомобильного моста через Туру.

В Богоявленск вторая волна пришла уже сильно ослабленной, в метр высотой. Она положила на землю пятиэтажку, уже покосившуюся от ее предшественницы, но так и не смогла ничего сделать с хладокомбинатом.

Ахрозов руководил работами до двенадцати дня, когда стало ясно, что основная волна ушла вниз по реке и больше не способна нанести существенных повреждений. Дождь перестал; вода в Нахаловке держалась на уровне пятьдесят сантиметров и быстро спадала. По поселку плавали бревна и дохлые куры. Бетон и железо больше не плавали. Они осели на дно.

Железнодорожный мост уцелел, однако вода размыла три километра путей. Автомобильный мост был в аварийном состоянии. Электричества не было, однако высоковольтная ЛЭП-500, проходившая в пяти километрах от Павлогорска к Северному Казахстану, почти не пострадала. Сдох сначала телефон, а потом и сотовая связь.

Эвакуированных жителей Нахаловки разместили в городской школе и спорткомплексе. Счет пропавших перевалил за три

десятка, трупов пока было в наличии только четыре, но не подлежало сомнению, что этого добра будут вылавливать еще и еще.

Десяток раненых погрузили на заводской вертолет и отправили в Черловск. За все время катастрофы павлогорское начальство не проявило никаких признаков жизни; участие мэра в ночном кошмаре проявилось только в том, что он приказал Ахрозову не сеять панику.

В половине третьего к городу, отрезанному от мира, прилетели два вертолета МЧС. На борту одного находилась съемочная группа черловских «Вестей».

Ахрозов вышел их встречать, жуя на ходу вчерашний пирожок. Он протянул руку командиру отряда, потом закашлялся, поперхнулся, и его начало долго, мучительно рвать.

– Сережка, что с тобой?

Ахрозов тяжело сел на землю.

– Все нормально, – сказал Ахрозов.

И потерял сознание.

Спустя двадцать минут, когда Ахрозова отнесли в первую городскую больницу, измотанные врачи констатировали сотрясение мозга средней тяжести, внутреннее кровотечение и смещение позвонков. К вечеру температура Ахрозова была сорок и два. Он пришел в себя только затем, чтобы назначить Гришу Епишкина исполняющим обязанности директора.

Звонок о наводнении застал Константина Цоя в Гонконге, где Альбинос договаривался о регулярных поставках стального проката. Звонил сам губернатор: он был в истерике, и визгливые интонации Орлова живо напомнили Цою о сексуальной ориентации главы области.

– Там затопило все, – орал губернатор, – там семнадцать трупов! Пол-Павлогорска, мостов нет, света нет, все в шламе этом ихнем, как в дерьме! Вы обещали, что выкинете их к концу недели, а знаете, что говорит МЧС? Они говорят, что это из-за электричества, насосы то включались, то выключались, вот дамбу и доконало!

– А Богоявленская плотина? – спросил Цой. – Ее прорвало?

– Ахрозов ее взорвал! К чертовой матери, ее и Нижнесушинку! Это катастрофа!

– Напротив, Алексей Геннадьевич, – сказал Цой, – это подарок судьбы. Разве вы не поняли, что ГОК теперь в наших руках?

Спустя три часа губернатор Орлов созвал журналистов и сделал сенсационное заявление:

– Авария на ГОКе была вызвана предельной

некомпетентностью его руководства, хищническим подходом к эксплуатации природных ресурсов. Мы создали специальную комиссию для подсчета ущерба, нанесенного этой аварией экономике области. Мы призываем всех граждан, пострадавших при аварии, обращаться в эту комиссию. Администрация города и области намерена взыскать всю сумму ущерба с владельцев ГОКа, и, в случае отказа от ее выплаты, мы обратимся в суд с иском о банкротстве Павлогорского горно-обогатительного комбината.

Денис улетел из Павлогорска спустя два дня, на вертолете. Других способов сообщения с внешним миром у города не было.

Через час Денис приземлился в Ахтарске, а еще через пятнадцать минут подъехал к Сосновке.

Было чудесное осеннее утро: вдоль степной дороги лежала легкая изморозь, солнце, высоко стоявшее в небе во время полета, теперь снизилось и только выкатывалось из-за холмов. Черепичные кровли нарядных коттеджей были, словно глазурью, покрыты замерзшей росой, охранники в чистеньком камуфляже козырнули Денису, когда его черный «Гелендваген» нырнул в поспешно раздвинувшиеся ворота поселка. Казалось невероятным, что за двести километров отсюда такое же осеннее утро потонуло в разоре и грязи.

По случаю воскресенья Извольский был дома: он только что покончил с завтраком и теперь ждал Дениса в большой гостиной. Двусветная зала была отделана мрамором и бронзой; две пальмы задумчивчиво шевелили листьями, похожими на зеленые растопыренные пятерни, и в другом конце гостиной пылал камин.

– Выл сегодня на ГОКе? – спросил Извольский.

– Вчера был.

– Ну и что?

– Ничего. Воду откачивают. Насосы все сдохли. Экскаватор кверху брюхом плавает. Шагающий.

Извольский долго молчал. Потом сказал:

– Я не могу ходить по одной земле с Цоем.

Денис почувствовал, как где-то внизу живота нарастает ком липкого страха.

– Ты не мог бы выразиться яснее? – спросил Денис.

Извольский сидел абсолютно неподвижно. Тишина в гостиной была такая, что Денис слышал, как тикают его наручные часы. Они тикали, наверное, с полминуты, прежде чем Извольский сказал:

– Я выразился предельно ясно, Денис. На ГОКе погибли семнадцать человек. Их убил Константин Цой.

Если когда-нибудь в жизни Денис был ошарашен приказом Извольского, то именно в этот раз. Сляб дал вице-президенту

своего холдинга недвусмысленный приказ – убить Альбиноса.

И он это сделал тогда, когда все вокруг и так густо воняло уголовщиной, а самого Дениса черловские СМИ – и, что гораздо важнее, черловские милиционеры, – впрямую подозревали в организации по крайней мере трех убийств, связанных с конфликтом.

С технической точки зрения убийство Цоя, действительно, предоставляло массу преимуществ. Подобно Извольскому, Цой был совершенно незаменимой деталью своей империи: той осью, вокруг которой вращалось колесо.

Плюсом тут было то, что Цой был фигурой совершенно неизвестной для публики, даже еще более, чем Извольский. Он ни разу не появлялся на телеэкране, ни разу не давал интервью, и если какому-нибудь фотографу удавалось его снять на правительственном празднике, который Цой посещал по долгу службы, то в газету потом приезжал немногословный пресс-секретарь группы «Сибирь», платил деньги и забирал с собой негатив.

Это значило, что киллер – даже очень высокого класса – понятия не будет иметь, кто такой Константин Цой. А стало быть, не поймет, какая опасность угрожает ему самому после гибели Цоя. Ибо точно также было совершенно ясно, что шум после смерти Цоя поднимется невероятный, и киллер должен быть мертв раньше, чем сообразит, кого он убил.

Был и еще один положительный момент. Несмотря на то, что склока между Извольским и Цоем переросла уже все мыслимые пределы и заполняла собой все черловские, сибирские и общероссийские СМИ – Извольский был отнюдь не единственным человеком, имевшим к Цою такой счет, который обыкновенно оплачивают из автоматного рожка.

Цой пер по жизни, как бронетранспортер, подхватывая любые плохо лежащие заводы и пачками выкидывая директоров из окошек. Мудрено ли было нарваться? Так что, если акция будет удачной, то Извольский с полным правом сможет развести руками и подосадовать: мол, мало ли у Цоя было врагов? А если мы были самые крупные, так мы же – и самые цивилизованные. Мало ли какой отморозок воспользовался нашим конфликтом и утолил за наш счет свою жажду мести?

Более того. Извольский мог отдать приказ в порыве ярости, – но он приказал лишь то, что долго и логично обдумывал. Кто становился во главе группы «Сибирь» со смертью Цоя? Его младший партнер Фаттах Олжымбаев. А на кого работал Фаттах последние несколько месяцев? На Извольского.

И компромата на Фаттаха было так много, что даже со

смертью Цоя он не обесценивался. Ведь в живых оставался Бельский. И если Фаттах не будет работать на Извольского, сдав ему почти все, что стояло на кону (объяснить это было нетрудно, – ребята, у нас тут такое, нам не до войны, свое б не потерять), – то Бельский получит все доказательства того, что Фаттах обкрадывал Альбиноса и мечтал получить в жены его девушку. Вполне достаточные мотивы, чтобы организовать убийство хозяина.

Проблема была в другом. Можно было сколько угодно впаривать публике, что АМК не имеет отношения к смерти Цоя. Можно было сколько угодно давить на Фаттаха, угрожая сдать его Бельскому. Можно было, с помощью благожелательного Ревко, объясниться даже в Кремле.

Но была еще одна инстанция, которая не имела отношения к продажным СМИ, развратным чиновникам и купленным следователям. Ее звали Степан Бельский. И как, скажи на милость, Слава собирался убедить – или нейтрализовать – его?

На следующий день в городе Конгарске открылось большое промышленное совещание: полпред президента Александр Ревко приехал полюбоваться Конгарским вертолетным заводом и именно в Конгарск созвал подотчетных ему губернаторов. Ревко с удовольствием провел журналистов по цехам КВЗ. Экспортом вертолетов полпред руководил лично: и в результате за шесть месяцев, прошедших с момента его вхождения в государственный холдинг «Южсибпром», КВЗ экспортировал около сорока вертолетов и заключил контракты на модернизацию с пятью странами на общую сумму около восьмидесяти миллионов долларов.

– А правда, – сказал какой-то ушлый журналист из «Коммерсанта», – что это те страны, где вы лично меняли президентов?

Ревко засмеялся и на вопрос не ответил.

Когда с официальной частью было покончено, Ревко уехал на торжественный ужин с губернаторами и промышленниками. Выло уже два часа ночи, когда Извольский и Ревко наконец смогли остаться одни. Предметом их обсуждения была очевидная некомпетентность нынешнего руководителя «Южсибпрома». Вывший помошник Андропова провалил все, за что отвечал лично, и нагадил даже там, где лично руководил не он. Последней каплей, переполнившей чашу терпения полпреда, был случай с румынским министром обороны. Ревко уже уломал румына на сорокамиллионый контракт, когда на приеме в Кремле к нему подошел Агафонов и лично предложил румыну уложиться в тридцать два миллиона, при условии, что он, Агафонов,

получит на лапу пятьсот тысяч.

– Почему бы нам не назначить на это место Ахрозова? – спросил Ревко. – Когда он выздоровеет?

Извольский долго обдумывал ответ.

– Сережа хороший производственник, но плохой политик. У меня есть для него другое место. Я тут подумал и решил, что вполне мог бы передать холдингу права на еще один завод.

Ревко вопросительно наклонил голову. Извольский протянул ему бумаги. Ревко внимательно изучил написанное.

– Это станет предметом очень острых разногласий между Цоем и Бельским, – заметил Ревко.

– Я буду только рад, если между этими двоими возникнут разногласия, – усмехнулся Извольский.

* * *

В отличие от Черяги с Извольским, Константин Цой не испытывал никакой проблемы с тем, откуда добыть киллера. Он просто позвал на встречу Степана Бельского и вкратце обрисовал ему ситуацию.

– Ахрозов сделал все, чтобы нас кинуть, – сказал Цой. – Он орал на каждом углу, что разорвет договор, пока это не дошло до Черяги. А теперь, после наводнения, он неуправляем. Он не сдаст ГОКа, пока Извольский жив.

Бельский слушал его молча. Как и всякому хищному зверю, Бельскому не надо было доказывать самому перед собой свою храбрость, и Бельский знал, что в отличие от гражданского лоха, который почти из любого положения может выползти на брюхе, с униженными извинениями, его, Степана Бельского, довольно легко поставить в ситуацию, в которой он будет вынужден стрелять на поражение ровно столько раз, сколько у его противника случится партнеров. И без нужды Степан Бельский старался в подобные ситуации не попадать.

– И что ты будешь делать? Отдашь пленку мусорам?

Цой пожал плечами.

– Зачем? Чтобы все знали, что я сдал нормального парня из-за какого-то пидора? Дело не в том, что буду делать я, а в том, что будешь делать ты.

– Костя, ты начал первый. Ты у него отобрал шахту, а не он у тебя.

– Степан, Сляб убивает наших людей. Если каждый раз, как у тебя отберут шахту, убивать людей – так это никого в России живых не останется.

Степан угрюмо молчал.

Большинство российских бандитов с восторгом выполнили бы просьбу Цоя, потому что чем больше таких просьб поступало от коммерсанта, – тем больше коммерсант начинал от них зависеть. Но Степан Бельский не принадлежал к большинству. Никогда.

– Степан, проблема в следующем: с момента аварии на ГОКе я не контролирую ситуацию. Я не планировал этой аварии. Я не люблю, когда происходят вещи, которых я не планировал.

– Ты прекрасно воспользовался этой аварией, – сухо сказал Степан, – ты обанкротишь ГОК через две недели. Что же касается Афанасия, то если Черяга его убил – Черяга за это сядет.

* * *

Спустя три дня после вышеописанного разговора в Москве открылся авиационно-космический салон. Салон посетил премьер-министр Испании и министр обороны Франции. Главной новостью стало заявление французской и испанской делегаций о готовности разместить производство комплектующих для будущего европейского истребителя пятого поколения на некоторых российских заводах: именно так европейцы предпочли описывать ситуацию по проекту «МиГ-Еврофайтер».

Вудущий «Цезарь», он же – «МиГ-1-48 „Сапсан“ тоже, разумеется, был на салоне и отлетал свою программу безукоризненно. Главный конструктор Яша Ященко в один миг сделался телезвездой и раздал не меньше десятка интервью на пару с французским министром обороны. Полпред Ревко вместе с десятком чиновников из „Рособоронэкспорта“ отирался тут и даже дал восторженное интервью о боевых качествах самолета.

Бельский с Майей тоже были на салоне, но когда французский генерал попросил познакомить его с владельцами авиазавода, ему представили Константина Цоя и Фаттаха Олжымбаева, двух вице-президентов группы «Сибирь».

Французский генерал сильно скучал в Москве и с удовольствием принял предложение Цоя поехать вечером в один из модных ресторанов. Разумеется, поехали всей гурьбой: французы, испанцы, русские летчики и Цой. Для министра обороны специально перекрыли дорогу.

Бельский с Майей приехали в ресторан к одиннадцати вечера и смирно сели за столик в углу. Знакомиться с министром Бельский не лез, и вообще вел себя тише воды, ниже травы.

Минут через пятнадцать после приезда Бельского к нему подсел Цой. Он внимательно оглядел Майю, и Майя слегка

вздрогнула. Она вздрагивала каждый раз, когда встречалась с Цоем. Каждый раз ей казалось, что на нее глядят не человеческие глаза, а голубая ледышка снайперского прицела.

– Поздравляю, Степа, – сказал Цой, – я, кажется, проспорил пари.

– А о чем было пари? – спросила Майя.

– О МиГе. Никогда не думал, что это возможно. Что ж ты будешь делать, когда отдашь европейцам самолет?

Степан был в хорошем настроении.

– Не знаю. Займусь реформой армии.

– То есть?

– Я бы брал в солдаты только людей с высшим образованием. Поступил в институт – будь добр на полгода в армию. И чтобы тот, кто не служил в армии, не имел права занимать высшие государственные должности. Вот это была бы армия. Элита. А сейчас в нее идут одни дебилы. Не может быть сильного государства, которое охраняют дебилы.

Майя, которая сначала было рассмеялась, внезапно посерьезнела. Цой нахмурился. Он тоже не понимал, шутит Бельский или нет.

Бельский говорил и смотрел вправо, туда, где полпред Ревко о чем-то разговаривал с французами. Французы улыбались и хлопали в ладоши. Судя по всему, Ревко говорил что-то очень приятное.

– А что, – продолжал Бельский – Наймем депутатов. Проведем через Думу закон…

Ревко раскланялся с генералами и через мгновение очутился перед столиком Степана.

– Поздравляю вас, Степан Дмитриевич, – сказал Ревко, – французы в полном восторге. Я, признаться, тоже. Я обещал им, что этот проект получит всемерную поддержку президента. Кстати, вы знаете, что сегодня в арбитражный суд области поступил иск от акционеров Черловского авиазавода?

Степан поднял брови.

– Акционеров… чего?

– Акционеров ЧАЗа. О незаконном выводе активов из принадлежащего им предприятия.

– И кто же эти акционеры?

– В принципе акции принадлежали человеку, которого звали Алексей Курбанов. Но он перепродал их брату вашей очаровательной спутницы.

Степан невольно покосился на Майю.

– Пусть судится.

– Извольский отдал эти акции в федеральную собственность,

Степан Дмитриевич. В отличие от вас, владелец АМК придерживается более консервативных политических взглядов и считает, что основные функции государства, – включая разработку самолетов пятого поколения, – не должна выполнять организованная преступность.

– Ну что же, – сказал Степан, – значит, черловский арбитражный суд решит дело не в пользу государства.

Полпред скрестил пальцы домиком.

– Разумеется, – сказал полпред, – суд может решить дело в вашу пользу. Но ведь вопрос не в том, кому достанется завод. А в том, будет ли осуществляться программа «МиГ-Еврофайтер». Нашим спецслужбам не составит труда собрать материал о том, что новым партнером европейцев стал один из крестных отцов российской мафии, и что завод, на котором делается базовая модель, он приобрел с помощью убийства.

Американцам идея сотрудничества России и Европы в том, что касается истребителей, не нравится до крайности. Представим себе, что показания Курбанова появятся в «Уолл-Стрит Джорнел». На всем проекте «Цезарь» можно будет поставить жирный крест. И на МиГе пятого поколения – тоже, потому что у российской армии нет денег на его закупку.

Бельский молчал.

– Вы вели себя очень неосмотрительно, Степан Дмитриевич, – сказал полпред. – а Курбанов нищ, зол и дает показания. У нас есть рабочие чертежи МиГа, на котором вашей же рукой, как летчика-испытателя, записаны замечания. А ваши полеты? А ваши в обнимку снимки с главным конструктором? Вы что-то хотите сказать?

– Нет, – отрывисто произнес Бельский.

– Ну так запомните, Степан Дмитриевич, – если вы выиграете суд, вы потеряете МиГ.

Полпред уже давно ушел, а Майя сидела, не смея шелохнуться и глядя вниз, в чашку с луковым супом. Наконец она подняла глаза, встретилась со взглядом Степана и похолодела. Степан смотрел на нее холодно и оценивающе, как повар на кусок осетрины, – так, как все время смотрел на нее Цой. Ни единой искры тепла не было в этом взгляде. Потом Степан сморгнул, улыбнулся, – и лед в его глазах немного подтаял.

– Майка, езжай домой, – сказал Степан – мне надо кое-что обсудить с Костей.

Подходящего человека звали Алексей Крамер. Нашел его Гриша.

Злоключения Алексея Крамера начались в тот момент, когда группа «Сибирь» зашла на один из крупнейших угольных разрезов

области – АО «Южсибразрезуголь».

«Сибирь» взяла разрез еще до приватизации, прихватив вороватого директора на каком-то чрезвычайном, даже по российским меркам, компромате.

Очень быстро оказалось, что у разреза чудовищные долги, и не долги даже, а просто какие-то не проходящие по балансу векселя, выданные директором, коммерческим директором и еще кучей лиц каким-то совершенно неведомым и в основном полубандитским структурам.

По долгам платить не хотелось, тем более что были они совершеннейшей липой. Можно было бы слить активы в другую компанию, но губернатор почему-то очень начал переживать по этому поводу, утверждая, что группа Цоя хочет таким образом соскочить с налогов. Встал вопрос о том, как избавиться от долгов, и Цой отдал простое и естественное распоряжение.

Он приказал областной прокуратуре устроить показательный процесс над одним из владельцев векселей. «Растоптать, – сказал Цой Фаттаху, – чтобы другим неповадно было».

Приказ был доведен до прокурорских в еще более жестком виде, – а прокурорские, обрадовавшись, вознамерились порешать за Цоевы деньги свои дела. Выбор прокурорских пал на двадцатисемилетнего Алексея Крамера по кличке Леша Самосвал.

В свое время Леша Крамер начинал боевичком у «тракторов», – так, по названию района, именовалась одна из самых мощных и жестоких группировок города. В семнадцать лет его арестовали по обвинению в исполнении заказного убийства. Старшие велели ему убрать человека, который якобы «сдал товарища и посадил его в тюрьму». На самом деле причиной заказа был контроль за экспортом угля.

Самосвал просидел недолго, обвинение развалилось, и он вышел на свободу. Впредь он не попадался ментам, а человек, так удачно разведший его на мокруху, получил спустя три месяца пулю в лоб. Киллера так и не нашли.

В двадцать лет Самосвал занялся бизнесом, специализируясь в основном на зачетах и векселях. Он обладал блестящим умом, проводил изящнейшие комбинации, и ни один человек не мог похвастаться, что кинул Лешу Крамера. Через пять лет Леша Крамер по праву считался одним из уважаемых в городе бизнесменов. Вот у Леши-то, в силу специфики его бизнеса, и оказались на руках векселя АО «Южсибразрезуголь» общей номинальной стоимостью в сто двадцать миллионов рублей.

Хотя собственно бандитом Леша уже не был, досье на него было обширнейшее, и среди всех держателей векселей «Южсиба» он был самой лакомой кандидатурой. РУБОП занялся

«организованной преступной группировкой», прокуратура возбудила «мошенничество», и ОМОН залетел к Крамеру в офис, круша дорогую технику и не особо утруждая себя формулировками обвинения.

Произошло это совершенно неожиданное событие через три дня после свадьбы Леши.

Константин Цой, разумеется, знать не знал о каком-то Леше Крамере и тем более не желал ему зла. Для Цоя было бы вполне достаточно, если бы Крамера промариновали в ИВС пару недель, пока он не осознает все насчет векселей – и выпустили, как урок и назидание другим. Но равнодушное приказание Цоя было стократ усилено глупостью и жадностью следаков.

Помимо векселей, у Крамера была целая куча всякого добра. Автозаправки, ларьки (важно именовавшиеся в документах «остановочными комплексами»), и даже миленький магазинчик радиотехники. Следователи справедливо решили не дать добру пропасть – и потихоньку стали налагать на имущество аресты и передавать его «на хранение потерпевшим», как было написано в соответствующих бумагах. Первым потерпевшим оказалась сестра следователя областной прокуратуры, вторым – двоюродный брат рубоповского опера, давно уже работавшего по Леше Самосвалу. Пропали и ларьки, и половина заправок – только магазинчик радиотехники, почуяв неладное, Леша Крамер успел переписать из тюрьмы на жену.

В тюрьме Крамер просидел два года. Следователям все не давал покоя миленький магазин радиотехники, и по этому поводу Крамеру отбили почки. Он дважды объявлял голодовку, похудел со ста килограммов до пятидесяти трех и превратился из упитанного пацана, по виду – типичной «колотушки», в угрюмого стройного парня с высоким лбом, собранным в горизонтальные складки.

Когда Леша Крамер вышел на волю, он узнал, что жена его не очень горевала по нему. Ее постоянно видели в городских кабаках с коммерческим директором АО «Южсибразрезуголь», тем самым, который, обревизовав финансовое состояние комбината, и указал следакам на Крамера, как на показательную жертву.

Звали этого коммерческого директора Фаттах Олжымбаев.

Чувства, пережитые Лешей Крамером, значительно отличались от ощущений, свойственных российскому интеллигенту. Конечно, он переживал измену жены, о которой только и думал все два года. Но главным было не это. Главным было том, что он, Леша Крамер, с семнадцати лет строго блюл репутацию крутого мужика. Он блюл ее, когда ее в раннюю пору русского рэкета бился на стрелках стенка на стенку, блюл, когда

впервые по приказанию старших пустил в темном подъезде пулю в лоб пожилому человеку, блюл, когда занялся бизнесом. Его репутация была все лучше, все выше, все круче, он зарабатывал авторитет годами и делами. И вот теперь она погибла оттого, что ему наставила рога смазливая жена-одноклассница.

И он даже не мог развестись с этой девкой, потому что на девку были записаны две автозаправки и магазинчик радиотехники.

Самые большие беды мы приносим, не замечая того, что сделали. Потому что самая большая беда – это та, что принесена незаслуженно и случайно.

В свое время Гриша Епишкин и Алексей Крамер состояли в одной группировке, и хотя они никогда не были особенно близки, именно Григорий оплатил Леше адвоката и вообще всячески хлопотал за него. Причем было это за несколько месяцев до того, как Гриша подружился с большими шишками из АМК.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что, освободившись и отлежавшись в больнице, Алексей приехал в один из принадлежащих группировке ресторанов и спросил Гришу.

– Его нет, – ответили Крамеру.

Григорий появился в ресторанчике к часу ночи. К этому времени Алексей успел основательно набраться в баре, но, как человек привычный к питью, сохранял редкую трезвость рассудка при расстроенной координации движений. Они обнялись, и Алексей сказал:

– Мне сказали, что тебя нет в городе.

– Я теперь в Павлогорске. Мне позвонили, что ты здесь, и я приехал. Как дела, братан?

– Я развожусь.

– А что говорит Лена? – осторожно спросил Григорий.

– Это она подает на развод.

Алексей помолчал и вдруг неожиданно добавил:

– Этот Фаттах трахает все, что движется. Он трахает баб, как Альбинос – заводы.

Григорий помолчал. Потом спросил:

– Это правда, что тебя закрыли по приказу Цоя?

Алексей поднял на Григория прозрачные от пьянки глаза.

– Кстати, – сказал Алексей, – у меня ведь остались векселя разреза. Не хотите купить?

– Это вопрос не ко мне, – ответил Гриша, – вот завтра прилетает Денис Федорович, я спрошу.

– Да-да. – усмехнулся Алексей. – Устрой мне встречу с Черягой.

Спустя три дня Денис сидел у себя в кабинете в Ахтарске, когда секретарша по селектору доложила.

– Денис Федорович, тут к вам какой-то Алексей Крамер. Говорит, что ему на пять назначено, по согласованию с Епишкиным.

Денис смутно припомнил что-то насчет бандитов и векселей.

– Ничего ему не назначено, – сказал Денис в селектор, – пусть катится.

Секретарша отключилась, а потом нажала селектор опять:

– Денис Федорович, он говорит, что специально из соседней области приехал. Говорит, что у него вопрос на две минуты.

– Ну заведи его в переговорную, – сказал Денис.

Когда, через полчаса, Денис вышел в переговорную, Алексей Крамер сидел лицом к вечереющему окну. Свет в переговорной был потушен, и вместо Крамера Денис видел только силуэт на фоне подсвеченного стекла. Денис включил электричество, и Крамер развернулся в кресле.

Он выглядел лет на двадцать пять, не больше. Но у него были седые волосы и совершенно бесцветные глаза, и на руках его Денис заметил красные пятна экземы, видимо подхваченной в тюрьме.

Денис машинально опустил протянутую было для приветствия руку и сел напротив Крамера. Векселя «Южсибразрезугля» его совершенно не интересовали. Крамер – тоже.

– Чем могу помочь? – спросил Денис.

Крамер поднял на него бесцветные глаза.

– Вы хотите, чтобы я убил Константина Цоя?

Денис поперхнулся. Первым делом он подумал о диктофоне в кармане Алексея.

– У меня нет с собой записывающей аппаратуры, – сказал Алексей. – И у меня есть векселя «Южсибразреза». Если вы купите их по номиналу, я убью Цоя.

Денис молчал. Ему надо было встать и выгнать посетителя, но он молчал.

– Цой посадил меня в тюрьму, – сказал Алексей. – А я убивал и за меньшее. Ты знаешь, что это я убил Мишуткина? Он считается пропавшим, но я его убил. Тело лежит под асфальтом на тридцать четвертом километре Новосибирского шоссе. У него две пули от ТТ в черепе и одна в животе. Хочешь, я назову еще два трупа, мусор, чтобы ты не мучился, подстава я или нет?

– Я не следователь, – ответил Денис.

Весцветные глаза Алексея глядели сквозь Дениса в прошлое, туда, где удачливый бизнесмен Крамер был еще киллером по

кличке Самосвал.

– У них никогда не будет доказательств, – сказал Алексей, – даже если меня возьмут, я скажу, что это моя личная месть Цою. Даже если я расколюсь, вы всегда скажете, что это неправда, что это мусора Цоя заставляют меня врать.

– А если за тобой следили, когда ты сюда пришел? – спросил Денис.

– Мы разговаривали о продаже долгов «Южсибразреза».

– А откуда у тебя деньги? Ты же вышел из тюрьмы голым.

– От продажи вам долгов «Южсибразреза».

– Сколько они стоят?

– Я хочу за них триста тысяч долларов, – ответил Крамер.

Денис долго думал. Слава сказал ему: «Я не могу ходить по одной земле с Цоем». Это был больше, чем приказ. Это был намек. На памяти Дениса Извольский никогда не произносил таких намеков. Такие намеки – больше приказа. От них не отказываются.

– Знаешь, Леша, – сказал Денис, – мы действительно поговорили с тобой о векселях «Южсибразрезугля». Я распоряжусь, начальник кредитного отдела посмотрит их на предмет покупки. Мы готовы тебе помочь. Обо всем другом – извини, наш холдинг в таких играх не участвует.

* * *

Прошло три недели.

Энергетики и железнодорожники наконец подсчитали ущерб, нанесенный им катастрофой на ГОКе. Ущерб, по их словам, составил шестьдесят миллионов долларов, и иск именно на эту сумму был подан в Черловский арбитражный суд. АМК наотрез отказался платить. Энергетики потребовали обанкротить упрямого должника, суд удовлетворил их требование, и АМК тут же подал апелляцию. Почему-то интересы областных энергетиков представляли в суде юристы Цоя.

Параллельно в том же самом Черловском арбитражном суде слушалось дело о возвращении незаконно выведенных активов в ОАО «Черловский авиационный завод». Иск был подан унитарным предприятием «Южсибпром», которому теперь принадлежало ОАО. Почему-то интересы федерального предприятия представляли в суде юристы Извольского.

Сначала на ЧАЗе отнеслись к этому иску как к вздорной шутке. Однако дни проходили за днями, слушание дела откладывалось, и по заводу поползли слухи один мрачнее

другого. Рассказывали, что у Степана Бельского был разговор чуть ли не с президентом России, и что президент категорически потребовал от очаковских бандитов – не лезть в оборонные дела. Что за иском стоит группа военных, не намеренных сотрудничать с европейцами и предпочитающими скорее развалить программу «МиГ-Еврофайтер», нежели дать оборонной промышленности возможность не делиться взятками с собственными военными чинами. Что за иском, опять-таки, стоит АВПК «Сухой», готовый на все, чтобы утопить конкурента. Наконец, передавали за верное, что после того, как Извольский выиграет иск, завод отойдет из «Южсибпрома» в РСК «МиГ», там Извольский, пользуясь своими связями, пробьет под доводку «Сапсана» бюджетные деньги, да и распилит их пополам с военными чиновниками.

Странное дело – никто из инженеров, менеджеров и летчиков ЧАЗа не сомневался, что из себя представляет Степан Бельский. Многие хорошо помнили прежнего директора, шепотом рассказывали, что его хлопнул чуть ли не сам Степан. Однако никто не радовался возвращению блудного ЧАЗа в лоно государства. Никто не сомневался, что в этом случае проект «Цезарь» не будет завершен, а деньги, выделенные на него, – растащены.

Первую половину ноября Степан провел на заводе. В финансовые дела он не вмешивался, впрочем, в них он всегда понимал достаточно слабо. Почти все дни он проводил на летном поле.

«Миг-1-48» был уже доведен до ума, машина вошла в период испытаний, и Степан, если позволяла погода, совершал по два вылета в день. Остальное время он пил с пилотами и шлюхами.

На этом-то летном поле и застал Степана вице-губернатор области. Смотрящий над российской металлургией стоял на коленях в промозглом ангаре и вместе с техниками заворачивал какую-то гайку.

– Степан Дмитриевич, – позвал вице-губернатор.

Ему пришлось позвать так раз пять, прежде чем Бельский закончил с гайкой и подошел к выходу из ангара. Бельский был небрит, и от него слегка с утра попахивало пивком. Одет он был в оранжевый летный комбинезон и сверху – ватник.

– Ну? – сказал Бельский.

– Степан Дмитриевич, я не знаю, передавали ли вам, но завтра в администрации области совещание. Будут Цой и Черяга, по поводу всех этих судов… И вот мы хотели бы… от вас потому что никаких указаний…

Бельский хмуро глядел на вице-губернатора, и от этого взгляда у чиновника заболела печенка.

– С моей стороны никаких указаний не будет, – хрипло сказал Бельский, повернулся и пошел к развороченному самолету.

* * *

Денис прилетел в Черловск рейсовым самолетом Ту-154, который приземлился на аэродроме в 21.39.

Старенькая «Тушка» долго выруливала на стоянку, а когда самолет наконец остановился, аэродромное начальство не спешило подавать к нему единственный имевшийся в аэропорту трап. Наконец трап выкатили и установили. Пассажиров первого класса пригласили к выходу. Самолет стал на стоянку в восточном углу аэродрома, справа от здания аэровокзала.

Денис сбежал по трапу первым и нырнул в поджидавший его бронированный «Мерседес», который еще накануне перегнали из Ахтарска. За «Мерседесом» ждал джип сопровождения.

Чартерный самолет Цоя сел на аэродром в 21.47. Ему потребовалось две минуты, чтобы вырулить на стоянку, которую ему отвели в самой западной части аэродрома, а трапа ему не было нужно. Стюард открыл дверцу, расположенную в хвосте самолета, охранники Цоя выскочили наружу, и через мгновение Цой занял место в «Чайке», сопровождаемой джипом. «Чайка» Цоя поверх брони была покрыла клароловой пленкой, купленной по две тысячи долларов квадратный метр у Ахтарского холдинга.

Ворота со взлетного поля были расположены слева от здания аэровокзала, в южном торце ограды. Машины Цоя и Черяги ехали к ним с разных сторон.

Водитель Цоя первым заметил фары вывернувшейся из-за дальних самолетов машины, прикинул, чей это может быть автомобиль и, не дожидаясь напоминания хозяина, нажал на газ, чтобы первым оказаться у ворот.

Денис, задремавший было на сиденье, внезапно проснулся, уставился на приближающиеся огни и подобрался, как кошка.

«Мерседес» и «Чайка», включив дальний свет, летели по полю. До поворота на дорожку, ведущую к воротам, оставалось двадцать метров.

– Не тормозить, – спокойно приказал Цой.

– Не тормози! – крикнул Денис.

Машины одновременно достигли поворота и так же синхронно повернули. Бронированный капот «Чайки», оклеенный сверху клароловой пленкой, столкнулся с бронированным капотом «Мерседеса». Послышался глухой удар и выворачивающий душу скрежет. «Мерседес» вылетел с дороги, как пушинка. «Чайку» слегка развернуло. В «Мерседесе» мгновенно сработала система безопасности, и воздушная подушка пихнула

Черягу в лицо. Денис тюкнулся затылком о сиденье, кое-как справился с подушкой и выскочил наружу.

Оба джипа сопровождения уже остановились, и из них высыпали крепкие ребята с автоматами и в камуфляже. «Мереседес», сброшенный с дороги, стоял левым боком в травяной грязи. Капот его был весь разворочен, фары не горели. На «Чайке» не было ни царапины. Денис обошел «Мерседес» кругом: левое переднее колесо лопнуло, и резина растеклась по асфальту, как использованный презерватив.

Дверца «чайки» открылась, и из нее вышел Константин Цой.

– В следующий раз вам придется попробовать что-нибудь более эффективное, – сказал Цой, – например, снайпера.

– Ничего, – ответил Денис, – это хорошая реклама нашей пленке.

Автоматчики, неотличимые друг от друга в одинаковом бело-сером камуфляже, стояли, как вырезанные из камня. Псы не лаяли, пока хозяева не отдали приказ. «Чайка» начала медленно разворачиваться. От ворот аэропорта к месту дорожно-транспортного происшествия уже бежал какой-то солдатик.

– Подвезти? – спросил Цой.

Денис застыл. Что скажет Славка, если он сядет в машину к Цою? Точнее, что скажут Славке? Они будут в машине наедине, Цой наверняка предложит ему сделку, лично ему, Денису. Денис знал, что откажется, сколько бы Цой не предлагал и на каких условиях, – но как это потом доказать команде? Цой – мастер покупать чужих людей, слишком велики уже ставки в игре, слишком уж много недоверия внутри самой команды Извольского…

– Садись, – повторил Цой. Он улыбался. Черт его подери, он всегда, абсолютно всегда улыбался. Он знал, что Денис откажется сесть в его машину. И для него этот отказ будет признанием в слабости команды Извольского.

– Спасибо, я лучше такси возьму, – осклабился Денис.

Цой пожал плечами.

– Ладно, – сказал он. – Но ты учти, что Слава проиграет эту драку.

– Почему?

– Потому что он очень эмоционально все стал воспринимать. А при чем тут эмоции? Это бизнес.

Через минуту габаритные огни «Чайки» и сопровождавшего ее джипа растаяли в темноте.

Спустя полчаса после описанного диалога машины Цоя въехали на территорию бывшего дома отдыха «Малахит». Все четыре небольших корпуса «Малахита» были выстроены

угольщиками еще в социалистические времена, по канонам оздоровительной архитектуры, воспевающей коллективный труд и унижающей достоинства человека. Комнаты на шестерых и туалеты в коридоре соседствовали с просторными каменными холлами, украшенными мозаичными рабочими, шахтерами и сталеварами. Шахтеры стояли, держа в поднятых руках кирки, и улыбались светлому будущему каменными янтарными глазами.

Один из корпусов был перестроен полностью под двухэтажный особнячок с красной черепичной крышей, белыми стенами и черными зеркальными окнами, снизу доверху обрамлявшими пристроенные к номерам балконы. Сами номера соответствовали стандартам хорошей четырехзвездочной гостиницы.

Так как особнячок начали строить еще до Цоя, требованиям безопасности он, если честно, совсем не отвечал. Во-первых, он был расположен на территории общедоступного пансионата, въезд в который был прегражден проржавевшей цепью со скучающим охранником в будке. Во-вторых, он был выстроен не на вершине небольшого лесистого холма, нависавшего над пансионатом, а непосредственно на склоне, почти в самом низу, и отделяла его от отдыхающих одна белая ажурная решеточка.

Цой прилетел так рано, чтобы встретиться с губернатором, но сразу по прилете ему позвонили из приемной Орлова и оченьочень извинялись: Алексей Геннадьевич задерживался в поездке по области.

Цой приехал на виллу и поднялся в свой номер, где небрежно бросил на диван бывший с ним небольшой дипломат, обтянутый телячьей кожей.

До сна было далеко. В Москве было всего семь вечера. В Черловске было всего десять. Губернатор все еще был в пути.

Корейца томило предчувствие какой-то неясной скверны.

Цой спустился в ресторан, где при виде корейца с одного из столов тут же забрали тарелки и принесли деревянные палочки и фарфоровую плошечку для соевого соуса. Цой любил сырую рыбу и рис, и в «Малахите» специально для него держали повара-корейца.

Цой расправился с салатом из водорослей, а на второе Цою принесли треску. Цой потрогал треску палочкой и попросил позвать повара. К Цою вышел улыбающийся русский мальчик.

– Это что? – сказал Цой.

– Треска. Мы спрашивали, что вам приготовить, а в офисе сказали, чтобы приготовили треску.

– Тебе кто-то объяснял, что треска должна быть свежей? – спросил Цой.

Мальчик хлопал глазами. Цой набрал телефон Фаттаха.

– Ты где? – спросил Цой.

– В казино.

– А Степан там же?

– Ждем.

– Скажи ему, что я тоже буду.

– Увольте повара к черту, – бросил Цой, проходя мимо гостиничной стойки.

Вот уже два месяца Фаттах Олжымбаев жил в диком, животном страхе. Этот страх начался не тогда, когда Денис Черяга показал ему фотографии. Этот страх начался намного раньше.

Олжымбаев был для Цоя не просто младшим партнером: скорее он был младшим братом. Цой подобрал его в девяносто шестом году, когда преуспевающий молодой выпускник Гарварда Олжымбаев вернулся в Москву и тут же был кинут ореховской братвой на полтора лимона.

Олжымбаев был уже или покойник, или раб. Цой заплатил его долги и посадил в своем особняке этажом ниже. Цой носился с Олжымбаевым, как с писаной торбой. Он купил квартиру себе – и тут же подарил другую Фаттаху. Покупал себе «Мерседес» – а другой «Мерседес» получил Фаттах. Цой завел себе девушку, победившую на конкурсе «мисс Россия», – а девушка, ставшая второй, досталась Фаттаху.

Цой мог бы преспокойно оставить Фаттаха своим менеджером, но он сделал его партнером, потому что ему хотелось видеть рядом с собой друга, а не служебную собаку. Истинный сын Востока, Цой был столь же великодушен, сколь и жесток.

Бездетный Цой не ошибся в Фаттахе: тот оказался блестящим учеником. Не было у Цоя человека, более искусного в том, как разорвать завод и развести менеджера. Не было человека более усидчивого, способного часами разбираться в тонкостях финансовой документации, чтобы вывести на чистую воду прежнего вора или сэкономить группе «Сибирь» уворованную кем-то копейку. Не было и более близкого друга, с которым можно было напиться до зеленых чертиков и которому Цой доверял больше, чем кому-либо, больше, чем Степану, потому что Степан был как прирученный, но смертельно опасный хищник, чуть зазеваешься – оттяпает руку и скажет, что так было.

Цой не заметил только одного: Фаттах Олжымбаев мучительно, до безумия и рези в глазах, завидовал Константину Цою. В том мире, в котором жил Олжымбаев, успех определялся только количеством денег и красотой содержанок, а денег и

содержанок у Цоя было больше.

Цой подарил ему «Мерседес» – Фаттаху не было дела до подаренного «Мерседеса», а заметил он только то, что цоев был бронированный, а у него – нет. Цой подарил ему девушку, Фаттаху не было дела до девушки, а видел он только, что девушка Цоя заняла на конкурсе красоты первое место, а ему, Фаттаху, достался номер второй.

Номер второй! Когда они появлялись где-то вместе, люди сначала здоровались с Цоем, а потом с Фаттахом. Степан обнимался с Цоем, а Фаттаху говорил – «привет, братан!» Когда за их стол садились девушки, девушки всегда сначала смотрели на Цоя, хотя Фаттах был моложе, и он не выглядел как привидение, с этими дурацкими белыми волосами и восковой кожей.

Это было несправедливо. Разве не Фаттах мотался по Сибири, инспектируя заводы, пока Цой в кабаке пил водку с министрами? Разве не Фаттах раздавал взятки судьям, врал, божился, клялся, договаривался – пока Цой в Москве решал стратегические проблемы? Правда, Цой дал ему долю в бизнесе, но что такое доля в бизнесе Цоя? А если Цой передумает? Если он, отстроив бизнес его, Фаттаха, руками, – решит, что Фаттаху слишком много достается, – что можно будет сделать? Ничего.

Чем больше Цой был великодушен по отношению к Фаттаху, тем меньше Фаттах доверял Цою. Фаттах слишком хорошо знал, как Цой хладнокровно, предусмотрительно кидал людей, рассчитав шахматную партию на двадцать ходов вперед. Кто может поручиться, что для Цоя он нечто большее, чем фигура, которой временно дали полномочия ферзя, но которой пожертвуют, как пешкой?

Он старался копировать Цоя во всем, – но копировал только внешнее. Он менял женщин так же часто, но он никогда не влюблялся в них, как Цой. Он был столь же коварен во вражде – но он никогда не был столь же великодушен в дружбе. Истина заключалась в том, что в Цое, катившемся по жизни, как сытое колесо мерседеса, была еще непонятная пустота, вокруг которой, собственно, и вращалось это колесо, – а у Фаттаха этой пустоты не было. Копия была технически грамотна, но совершенно бездушна, и по этой неверной копии Фаттах судил об оригинале. Истинная же причина его ненависти заключалась в том, что в глубине души Фаттах понимал, что никогда, никогда он не вырастет до уровня Цоя.

А потом случилась Нина.

Нина была молода, пустоголова и очень-очень опытна. Они отдыхали вчетвером, Альбинос с Ниной и Фаттах со своей

девушкой. Фаттах не помнил, как это случилось – но однажды, после особо тяжелой пьянки, он проснулся утром на пляже в объятьях Нины. Первое, что испытал Фаттах – была животная паника. Затем, когда он осторожно убедился, что Альбинос спал всю ночь в номере – не менее животное злорадство. Он наконец обошел Цоя. Он, незаслуженно обойденный младший партнер, вклад которого в общий бизнес так недооценен, – взял реванш за спиной корейца. Он трахает его девушку, а кореец даже об этом не знает.

Цой был увлечен Ниной, Нина – Фаттахом, Фаттах – собой. Они вернулись в Москву, но встречи продолжались. Тайные, украдкой, на трижды законспирированной квартире, всегда с бурными слезами Нины, влюбленной в него, как только может быть хитрая и взбалмошная стерва влюбленной в молодого красавца-миллионера. Фаттах не был влюблен – ему доставляло удовольствие только одно – сознание того, что он ставит раком девушку Цоя.

Разумеется, Фаттах понимал, чем это может кончится. Выбирая себе девушек с витрины и влюбляясь в самых дорогих проституток, которых только можно было достать в Москве за деньги, Цой был абсолютно беспощаден в том, что касалось измены. Он – мог выкинуть девушку. Она – никогда не могла уйти к другому. Безопасней было украсть у Цоя завод, чем наставить ему рога, а украсть у Цоя завод еще не удавалось никому.

Одумавшись, Фаттах попытался прогнать Нину. В ответ та пригрозила рассказать все Цою. Глупая девка полагала, что она потеряет меньше, чем Фаттах, и она была права. Она была для Цоя вещью, а Цой никогда не стал бы мстить вещи. Он мстил бы тому, кто вещь украл.

Вот тогда-то Фаттах и испугался в первый раз. Он даже обдумывал план убийства Нины. Но это было бесполезно: Нина была куда менее аккуратна, чем он, в случае ее смерти службе безопасности не составит труда выяснить, куда именно хорошенькая содержанка Цоя ездила вместо «уроков пения». Фаттах слишком хорошо понимал, какая огромная и отмороженная машина, в случае чего, работает на Цоя, – он сам был частью этой машины.

Оставалось только ждать, пока Нина наскучит Альбиносу: но вот уже четыре месяца, как тот предпочитал ее всем остальным девкам.

А затем были фотографии. Фаттах знал, что это непременно произойдет. Не знал только, кто догадается первым: чекисты, Бельский или сам Цой. Первой оказалась служба безопасности АМК.

После разговора с Денисом Фаттах напился так, что очнулся только через два дня под капельницей. Первым его побуждением было рассказать все Цою, но трусость взяла верх. И когда в его кабинет протиснулся названный Денисом коммерсант, Фаттах не стал звать службу безопасности, – а тихо подписал с ним договор на продажу угля. Уголь был продан без предоплаты. Деньги не вернулись. Часть не вернувшихся денег пошла со счета коммерсанта на один из заграничных счетов Фаттаха.

Разумеется, никто не проследил за одним из сотни контрактов. Это была мелочь, но это был уже обман партнера и кража денег из совместного бизнеса. Вскоре история повторилась с другой фирмой, и третьей. Четвертая поставила Фаттаху песок, который по документам ехал из Читы, а на самом деле был взят в соседнем карьере.

Деньги исправно приходили на счета Фаттаха. Ахтарский холдинг платил щедро, очень щедро: новые доходы были даже сопоставимы с доходами Фаттаха в группе «Сибирь». И странное дело, только те, уворованные деньги, Фаттах подсознательно считал своими. Надо всем остальным висела страшная тень Цоя.

Постепенно Фаттах вошел во вкус. Он снова обманывал Цоя, на этот раз не с девушкой, а с конкурентами. Это было ничуть не опасней и куда выгодней. Это было легко. А Цой – не такой уж Цой великий бизнесмен, если у него можно безнаказанно распихивать уголь по оффшоркам.

Фаттах кайфовал. Он сам назначал встречи Денису. Он добровольно передавал ему подробности переговоров Цоя – насколько он был в них посвящен. Ибо патологически осторожный Цой почти никогда не делился своими планами – даже с Фаттахом. Но Фаттах был одним из немногих людей в России, кто понимал, как именно думает Цой, и иногда этого было достаточно.

Что это добром не кончится, Фаттах понимал. Рано или поздно Цой догадается, кто его сдает, а Извольский и пальцем не шевельнет ради предателя. Тогда… тогда Цой будет мстить, мстить изощренно и жестоко, не ради мести даже, а чтобы показать всей России, что бывает с людьми, предавшими Альбиноса. Фаттах был уверен, что его не убьют. Это было бы слишком легко. Нет – но его раздавят. Посадят. Подкинут наркотики, наконец, арестуют за пистолет в кармане…

Поэтому выход, предложенный Денисом, был самый логичный. Уйти от Цоя. Отколоться, уведя с собой как можно больше предприятий. В конце концов, если Фаттах кинет Цоя, разве он не сделает ровно то, что собирается сделать с ним Цой? Цой сам всех кидал столько раз, что это будет только

справедливо.

Первый из намеченных разговоров Фаттах завел с Цоем три недели назад. Разговор был очень прост. На всех предприятиях области, на которые зашла группа «Сибирь», висели долги бюджету, оставшиеся от прежних хозяев. Фаттах предложил Цою объединить все предприятия в единый холдинг, а бюджетные долги, где-то пятьдесят миллионов долларов, обменять на десять процентов акций холдинга.

Это был очень хороший план. Губернатор Орлов мог похвастаться перед тупоумными избирателями, что он преумножил государственное участие в собственности, группа списывала пятьдесят миллионов долга ни за что, за воздух. Согласие государства получить ноль вместо пятидесяти миллионов наглядно демонстрировало посвященным мощь и влияние группы «Сибирь».

А кроме того, у этого плана были кое-какие последствия, которыми Фаттах пока не собирался делиться с Цоем.

– Хорошее предложение, – сказал Цой. – Давай уговоримся так: ты берешь Павлогорский ГОК и становишься президентом этого холдинга.

Дела казино отняли у Фаттаха неожиданно много времени, и когда он в полдвенадцатого спустился в зал, разговор между Степаном и Цоем уже закончился. На сцене начиналась лотерея, разыгрывали спортивный «Мерседес», и Цой демонстративно разглядывал полуобнаженную девицу, тянущую из стеклянного барабана билетики с номерами.

Цой терпеть не мог парадное обмундирование бизнесмена и, когда мог, ходил по-простому. Вот и сейчас на нем был черный нитяной свитер и не первой молодости джинсы. В свитере Цой очень сильно походил на бандита.

Степан о чем-то вполголоса беседовал с одним из охранников. На лице Цоя была беззаботная улыбка, которую Фаттах видел всякий раз, когда Цой проигрывал в карты или в переговоры. Эта улыбка не походила ни на приклеенную улыбку американца, ни на радушную улыбку русского. Это была улыбка игрока.

Фаттах не знал подробностей происходившего с ЧАЗом. Но Фаттах хорошо представлял, о чем именно говорили Альбинос и Степан. Те, кто задумал операцию по отъему ЧАЗ, хотели не столько унизить группу «Сибирь», сколько вбить клин между Цоем и Бельским.

В конце концов, Цою на ЧАЗ было плевать: он был промышленником, металлургом, по его мнению, то, что в России приносит прибыль, находилось на горно-обогатительных

комбинатах, алюминиевых заводах и угольных разрезах. Высокие технологии прибыль не приносили, а политические риски увеличивали многократно: ЧАЗ был бездонной бочкой, в которую третий год уходила немалая часть прибыли группы, и когда Бельскому оказывалось мало законно причитавшихся ему денег, он, не стесняясь, вымогал еще. Цой, как правило, отказывал, и очень жестко.

Однажды такая разборка произошла в казино «Кремлевской». Степан просил десять миллионов долларов, Цой предложил сыграть на эти деньги в покер и проиграл. Фаттах до сих пор вспоминал эту игру с дрожью.

По мнению Цоя, Бельский ничего не понимал в бизнесе, а МиГ ему был нужен для того же, для чего другим нужен дорогой автомобиль – для понтов. Просто «я» других бандитов и олигархов вполне помещалось в бронированный «Гелендваген» с машиной сопровождения, а «я» Бельского помещалось только в истребитель пятого поколения.

Если б не ЧАЗ, победа Цоя над Извольским в области была б безоговорочной. Цой выгнал его с шахты имени Горького, задушил Павлогорку перебоями с электроэнергией и вот-вот должен был туда зайти.

Если б не ЧАЗ.

Когда Фаттах увидел, что Бельский с охранниками уехал, он спустился вниз и сел за столик Цоя.

– Как Степан? – сказал Фаттах.

Цой помолчал.

– Степан пьет с техниками, – сказал Цой, – и летает дважды в день. На испытательные полеты. Я попросил его этого не делать, потому что это опасно.

– А он?

– Он мне сказал: «Ты же спишь с девками? И не боишься заразиться СПИДом». Я ответил, что принимаю меры предосторожности. Он сказал: «Я тоже».

– А что он сказал по поводу иска?

Цой дернул щекой.

– Ты помнишь, Арбатов пытался отобрать у Извольского завод?

Фаттах кивнул.

– Арбатов – банкир и дурак. Что он понимает в промышленной войне? Ее не выигрывают в судах за оффшорки. То есть суды, это полезно – но это вещь вспомогательная. Отрежь завод от сырья, лиши его угля, окатыша, электроэнергии, перережь ему железную дорогу, – и он будет перед тобой на коленях, безо всяких там дешевых трюков в судах. А потом, когда

он в осаде, когда нечем дышать, когда у него нет бабок на судей, когда даже тупой федеральный чиновник, понимает, что хозяин – подранок, – тогда можно брать его голыми руками. Без всяких акций. Под любым предлогом. Я сейчас контролирую семьдесят процентов производимого в России окатыша. Дай мне Павлогорский ГОК, и это будет восемьдесят два процента! Дай мне ГОК, и я зайду на АМК через два месяца, и Извольский ничего не сможет поделать! И сменять его на какой-то ЧАЗ!

– Но Степан…

– Хватит, – резко оборвал Цой. Посмотрел на часы и внезапно сказал: – Я не поеду к губернатору. Езжай один. Дипломат возьми. Там единичка.

Фаттах внутренне замер. Он никак не ожидал, что сегодня отправится к губернатору один. Но Цой явно был уже не в том настроении, чтоб разговаривать о бизнесе.

Фаттах неторопливо доел сырого тунца, распрощался с Цоем и ушел. Проходя через игровой зал, он подумал, что, когда он станет независимым от Цоя, он вычеркнет японскую еду из меню здешнего ресторана. К чертовой матери! Никаких суши! Пусть едят шурпу!

Цой остался за столом. Когда он отдыхал, он отдыхал. Он ел не спеша, рассматривая гостей. Отдых его прервал только один звонок: это был Степан.

Просьба Степана до крайности не понравилась Цою, но он только коротко сказал «да» и отдал соответствующее распоряжение. Многое было б гораздо проще, если бы девушка Бельского не была сестрой хозяина АМК. Цой очень хорошо помнил, как они впервые общались на эту тему со Степаном. «Степа, что это за историей с сестрой Сляба? Это может быть интересно», – сказал тогда Цой. «Тебе это неинтересно», – отрезал Бельский, и больше этот вопрос они практически не обсуждали.

Еще Цою не нравилось, как дергается Фаттах. Мальчик сделал для группы «Сибирь» очень много и вполне заслужил награду. Цой надеялся, что такой наградой станет новый черловский угольный холдинг.

Начальник охраны, неслышно ступая, вернулся к Цою и доложил, что просьба Степана выполнена.

– Еще будут распоряжения? – спросил начальник охраны.

Цой неторопливо разглядывал зал. Ресторан при «Версале» был самым пафосным кабаком Черловска, и в этот октябрьский вечер народу в нем было предостаточно. Цой заметил пару знакомых лиц из администрации и гендиректора «Южсибпрома», – толстенького и на редкость безвольного человека, у которого, как говорили, от всех нынешних событий

началась изрядная депрессия.

Были, конечно, и девицы. Они сидели по двое-трое, как дорогие рождественские игрушки в витрине магазина. Взгляд Цоя пропутешествовал по голым плечам и обсыпанным блесткам задницам и неожиданно зацепился за столик в дальнем углу. Там сидели две хорошенькие девчушки лет семнадцати.

– Пригласи-ка за мой стол вон ту девочку, – сказал Цой.

Охранник с сомнением посмотрел туда, куда показывал палец корейца.

– Она, по-моему, не шлюха, – сказал он.

– А разве я тебя прошу пригласить шлюху?

Охранник встал и направился к угловому столику. В ресторане было шумно, и Цой не слышал охранника. Но через минуту Альбинос увидел, как девушка, сверкнув глазками, встала, и, покачивая бедрами, направилась в его сторону.

На ней была коричневая мини-юбка и колготки в сеточку. Белая ее кофточка была расшита люрексом и держалась на двух тонких лямочках, но, чем старательней эта девица изображала из себя шлюшку, тем меньше она на нее походила. Судя по всему, это был ее первый или второй визит в казино. Девочка была так хороша и свежа, что было совершенно очевидно, – она и недели не протанцует здесь, как ее сманят в какое-нибудь московское модельное агенство. Там ей объяснят, что модельки в России ничем не отличаются от проституток, а если она вздумает бороться за свое сокровище, ее накачают наркотиками, так что она не отличит, где ее сокровище, а где чужой член. «Жалко девочку», – отметил про себя Цой.

– Садись, – сказал Цой, – тебя как зовут?

– Настя. А я вас знаю. Вы Константин Цой.

Цой сощурился. Как уже было сказано, Цой ни разу не появлялся на телевидении, и ни одной его фотографии нельзя было сыскать в газетах. Даже и самое имя его было известно довольно узкому кругу людей. Так что, скажем прямо, заявление «А вы Константин Цой» из уст семнадцатилетней девочки звучало вовсе не так обыденно, как, к примеру, «А вы Олег Газманов».

– И откуда ж ты меня знаешь?

– А у меня брат есть.

– И как зовут брата?

– Григорий Епишкин.

Цой едва заметно усмехнулся. Большинство людей, загруженных так же, как он, давно бы забыло имя незначительного акционера давно обанкроченного им предприятия. Цой не забывал никогда и ничего.

– Вот как… Так это было его казино?

Настя вздрогнула.

– Что ж, если Гриша будет охранять собственность Ивзольского, как свою, мне останется только умыть руки.

– Вы-то как раз не умываете руки, – дерзко сказала Настя, – вы суете свои руки в арбитражный суд, как в перчатку, и этой перчаткой душите…

– Извини, Настя, – сказал Цой. – Я совершенно неспособен разговаривать об арбитражных судах с красивыми девушками. Что если мы пойдем потанцуем?

– Пойдем потанцуем, – сказала Настя.

Цой танцевал так же хорошо, как он делал все, за что брался. Цой несомненно за ней ухаживал, но так же несомненно даже не пытался придать этому ухаживанию хотя бы оттенок серьезности. Чувствовалось, что он вот также совершенно спокойно отвезет ее в гостиницу, разденет и станет любить, и будет на самом деле очень доволен, что занимается любовью не с продажной девкой, а с красивой и доброй девушкой. А утром он встанет и уйдет, оставив на зеркальном столике бриллиантовые сережки или что-нибудь другое, очень недешевое, чтобы никто не сказал про него, будто Константин Цой экономит на женщинах. И ему больше никогда не захочется встретиться, а через неделю-другую, в фойе театра или на приеме, ему приглянется новая девушка на одну ночь.

– Мне пора домой, – сказала Настя.

– Настя… – улыбка Альбиноса на миг отразила искреннее недоумение.

Настя вывернулась из его твердых, ласковых рук, и побежала к своему столику.

Цой, полуприщурившись, глядел ей вслед. Потом наклонился и вполголоса отдал распоряжение начальнику охраны.

* * *

Когда Фаттах приехал в резиденцию губернатора, была уже половина двенадцатого ночи. Губернатор, в изящном сером блейзере и шлепанцах, сидел в кабинете и разбирал бумаги.

На низком журнальном столике, кроме бумаг, была бутылка водки и портрет Анастаса. После смерти любовника Орлов пил без просыху две недели; его еле откачали. Слухи ходили разные, но все в губернии сходились на том, что губернатор, как верная Джульетта, хранил верность безвременно усопшему Ромео.

Вот и теперь подле фотографии Анастаса он выглядел, как собака у могилы хозяина.

Губернатор поднял глаза и посмотрел на стоящего перед ним Фаттаха: высокого, атлетически сложенного, с синими глазами и четко вылепленными, чуть широковатыми для белокурых волос скулами. На Фаттахе был ослепительно белый свитер и серые брюки спортивного кроя: молодой менеджер группы «Сибирь» всегда подражал в одежде Константину Цою.

– Привет, Фаттах, – сказал Орлов, – Костя звонил. Сказал, что прислал с тобой подарок.

Фаттах положил на стол дипломат, обтянутый дорогой телячьей кожей.

– Вот, – сказал Фаттах, – это для благотворительного фонда.

Губернатор пододвинул к себе дипломат. Открыл его.

– Что так мало? – спросил губернатор.

Фаттах помедлил секунду. Сейчас или никогда.

– Потому что моя компания систематически вас обирает, – сказал Фаттах.

Губернатор оторвал взгляд от дипломата и начал смотреть на Фаттаха. Внимательно. Очень внимательно.

– Алексей Геннадьевич, – проговорил Фаттах, – мне больно смотреть, что происходит. Я должен сказать откровенно, – пользуясь этой дракой, Костя вас просто обкрадывает. «Все равно губернатор с нами, никуда не денется», – вот что он говорит.

– Что значит – обкрадывает?

Фаттах сел в кресло подле губернатора и картинным жестом раскрыл перед ним папку с документами.

– Это значит следующее. Вот эта марка угля стоит на рынке двадцать пять долларов. Вот этой фирме я ее продаю за двадцать. Какие условия продажи? Рассрочка оплаты на три месяца. Почему я это делаю? Потому что меня вызывает Цой и говорит: «продай этой фирме и заткнись!»

Фирма, документы по которой показывал Фаттах, была одна из тех, с которыми ему велел сотрудничать Денис, но сейчас это было неважно.

– Предприятия нашей группы добывают в области сорок миллионов тонн коксующегося угля в год! Это минимум семьдесят миллионов чистой прибыли, я вам заявляю это как менеджер группы! И куда деваются эти семьдесят миллионов? В оффшоры! И после этого Цой, украв все деньги, приходит к вам и еще просит, чтобы вы отдали ему Павлогорский ГОК и списали ему долги!

Губернатор покраснел. Он всегда шестым чувством знал, что Цой его надувает. Он затем и зазвал в область Извольского, чтобы приструнить Цоя. Но вон оно как все обернулось! И сейчас, в разгар драки, ему некого было противопоставить корейцу.

– Но это же была твоя идея – списать долги, – медленно сказал губернатор.

– Это была идея, чтобы все предприятия группы были объединены и чтобы область получила над ними частичный контроль, – ответил Фаттах. – Потому что если бы всеми нашими предприятиями руководил нормальный человек, человек, который понимает интересы обалсти, то бюджет бы просто был в три раза больше! Зарплаты врачам были б в два раза выше! Ваш рейтинг, да ваш рейтинг бы до небес возрос!

Губернатор смотрел на Фаттаха внимательным ожившим взглядом. Цифра «семьдесят миллионов» поразила его. Он даже представить себе не мог реальных цифр.

– Я с Анастасом обсуждал это, – сказал Фаттах, – когда впервые родилась идея холдинга, это Анастас ее предложил. И он мне тогда сказал: «Если папа воюет с Извольским, – сказал он, – это еще не повод, чтобы Цой его обкрадывал».

Глаза губернатора ожили и смотрели теперь внимательно и ласково. Даже слишком ласково. Фаттах не привык, чтобы мужчины так на него смотрели. Так на него смотрели женщины, черт бы их всех побрал вместе с Ниной. Когда на Фаттаха так смотрели мужчины, они рисковали схлопотать в репу.

– Анастас, – проговорил губернатор, – Стасик. Господи, мальчик, если бы ты знал… давай выпьем за Стасика.

– Я боюсь, – сказал Фаттах, – я боюсь. Я говорил с ним об этом, мы обсуждали это, а потом… а потом его убили. В «Кремлевской», Алексей Геннадьич, в «Кремлевской»! Вы что, верите, что можно в «Кремлевской» убить человека, и Цой не будет знать, кто убийца?

Губернатор напрягся. Фаттах чувствовал себя так, словно летел в море с утеса. Орлов был слишком слабый человек. Слишком. И даже его жадность могла не перевесить многолетний страх перед Цоем.

– Он мне ссуду обещал, – задумчиво сказал губернатор, – пять миллионов долларов.

– Какие пять миллионов! – резко сказал Фаттах, – если угольный холдинг будет работать без Цоя, он каждый год будет давать семьдесят миллионов! Вот таких, – и ткнул пальцем в дипломат.

– А ГОК? – сказал губернатор.

В глубине глаз Фаттаха сверкнула и погасла искра. Он не собирался просить за Извольского. Наоборот. Чем крепче Цой сцепится с Извольским, тем меньше у него будет времени на Фаттаха.

– Что – ГОК? Они виноваты, пусть платят.

На столе резко зазвонил сотовый. Губернатор взял трубку.

– Да, Костя, – сказал Орлов. – Да, передал. Нет, еще беседуем. Да о жизни беседуем, Костя, о чем еще.

Губернатор выключил телефон и встал.

– Тебе пора, – сказал губернатор, – хозяин волнуется, что, мол, долго сидим.

Фаттах поднялся. Ноги его противно дрожали, – в какой-то момент Фаттаху показалось, что губернатор сейчас начнет пересказывать Цою их разговор.

– Господи, если это все правда, – сказал губернатор, – я… я и не мог представить, что Костя… Никто, никто не любил меня, кроме Стасика! Вот… это же его блейзер. Он сам сшил…

Рука губернатора легла молодому менеджеру на плечи. Глаза Алексея Геннадьича глядели прямо на Фаттаха. Он был так близко, что слегка близорукий Фаттах отчетливо видел желтые складки жира на шее и перхоть в волосах. Изо рта губернатора неприятно пахло.

– Все меня обманывали, – сказал губернатор, – все, кроме Стасика.

– Я вас не обману, – ответил Фаттах. – Честное слово.

Черный «Мерседес» Фаттаха уже отъехал от губернаторской резиденции на два километра, когда младший партнер Цоя вдруг резко побледнел и приказал охране:

– Останови!

Машина затормозила. Фаттах выскочил на обочину, и его долго, мучительно рвало сырой рыбой и рисом. В мерзлой колее отражались звезды и лицо самого Фаттаха – мужественное, молодое, белокурое. «Господи ты боже мой, – с отчетливой ясностью понял Фаттах, – если я хочу руководить этим холдингом, мне придется занять место Анастаса. Чертова баба!»

Денис приехал в Павлогорск к двенадцати. Город был на осадном положении. Милицейские посты начинались за тридцать километров от карьеров, в том месте, где с Московского шоссе был обозначен поворот на Павлогорск.

Автомобильный мост, поврежденный водой, был полностью восстановлен. Однако юридически он еще числился неисправным: перед мостом стоял бетонный надолб и пост со службой безопасности ГОКа. Служба безопасности осматривала машины и тут же на месте одобряла их проезд по мосту.

На железнодорожной платформе дежурили угрюмые парни в красных повязках, а площадь перед заводоуправлением была сплошь перекопана. В результате строительных работ к заводоуправлению вел длинный и узкий, как чулок, проезд, огороженный со всех сторон бетонными блоками и проволочными

сетками с красными фонарями. Устье проезда запирал шлагбаум, и ехать по нему надо было метров двести.

Посередине проезд рассекала свежевыкопанная траншея со спешно наведенным мостом из досок. Траншея живо напомнила Денису ров, опоясывавший средневековый замок, а сам проезд мышеловку, – длинный и узкий проход между собственно воротами и двором замка, устроенный специально как ловушка для ворвавшихся внутрь врагов. Это было даже удивительно, как сходные по духу эпохи прибегали к сходным архитектурным решениям.

Во дворе трехэтажного здания заводоуправления стояли два автобуса с ахтарским СОБРом. Кто-то от нечего делать разложил костер; парень в камуфляже играл на гитаре, в воздухе разносился упоительный аромат свежего шашлыка, а над костром и над спящим городом плыла желтая и равнодушная к людям луна.

Одна из фигур, скорчившихся у костра, поднялась навстречу подъехавшему «Лендкрузеру». Денис признал Гришу Епишкина, – Ахрозов до сих пор лечился в Москве, и обязанности его исполнял Гриша. В горном деле Гриша не смыслил ни уха, ни рыла, но сейчас для ГОКа наглость была важней профессионализма. Они дружески обнялись. Гриша был абсолютно трезв, и это радовало.

– Вот, готовимся, – сказал Гриша. – Траншею видел?

– Видел, – кивнул Денис.

Он не стал говорить Грише, что полгода назад на Барбалыкском разрезе против Цоя тоже выкопали траншею. И расставили вокруг водометы. Альбинос форсировал траншею на танке.

– А где Настя?

– В Черловске, – сказал Гриша, – неспокойно тут. Вон, вчера автобусы приезжали. С демонстрацией против грабительской политики владельцев Павлогорки.

– И что с автобусами?

– А там с мостом какие-то проблемы были, – зевнул Гриша. – Не пустили автобусы на мост, сказали, что обвалится. Ну, они потоптались-потоптались, и уехали.

К беседующим подошли двое: новый начальник Павлогорского УВД полковник Тарасов и Миша Кирилльев, глава ахтарского ЧОПа, только что подписавшего с ГОКом договор на охрану помещений.

– Ну что, пошли держать военный совет? – сказал Денис.

– А завтра?

– Я в семь утра уезжаю в Черловск, – объяснил Денис, – там в одиннадцать совещание у губернатора.

* * *

Когда Настя выскочила из казино, было уже двенадцать ночи. Предзимний город быстро опустел; снега еще не было, но лужи на мостовой блестели толстым матовым льдом, и в этом льду отражались уличные фонари и блестящие вывески, уходящие вдаль одного из центральных проспектов Черловска.

Машины у Насти не было. Вдоль широкого, полукругом устроенного троттуара, стояли несколько замерзших автомобилей, и Настя мельком заметила черную «Чайку» и джип сопровождения, – видимо, это были машины Цоя. Настя углядела, что у «Чайки» слегка поцарапана скула и попыталась себе представить, что случилось с водителем, который Цоя поцарапал.

– Такси? – предупредительно сказал портье.

Настя кивнула. Тут же портье взмахнул рукой, и откуда-то из-за недвижных рядов машин выкатился «Москвич» с яркими фарами и зеленой шашечкой.

Настя, ежась, поскорее нырнула в теплое нутро машины.

– В Снежки, – сказала Настя, – сто рублей.

– Идет, – сказал водитель.

На заднем сиденье пахло бензином, «Москвич» дребезжал и подскальзывал на поворотах, и убаюканная Настя не сразу заметила, что они пропустили нужный поворот с проспекта.

– Эй, нам на Каланчевскую! – сказала Настя.

– Точно, – отозвался водитель, – перепутал. Ничего, сейчас выскочим дворами.

Машина тут же свернула влево, потом еще раз влево.

– Здесь направо, – сказала Настя.

Водитель повернул влево.

– Да направо же!

Водитель сосредоточенно крутил баранку.

– Эй, вы куда!

«Москвич», набирая скорость, заскочил во двор, потом в другой. Через мгновение его вынесло к заднему ходу казино. Машина резко затормозила. Настя увидела у заднего входа две черные машины, «Чайку» и джип, – почему-то за эти две минуты они оказались уже позади ресторана. У обеих машин сияли фары. Возле джипа стояло пять или шесть человек.

– Помогите! – закричала Настя.

Сильные руки рванули дверцу «Москвича», Настю выволокли из машины и забросили в джип. Настя вцепилась в чью-то кожаную перчатку, – ее бросили лицом вниз о кожаное сиденье, встряхнули пару раз и ткнули лицом в душистое, пахнущее дорогим одеколоном и свежей кожей сиденье:

– Сиди тихо, шалава!

Настя начала орать.

* * *

Спустя двадцать минут растрепанную и насмерть перепуганную Настю втолкнули в гостиничный номер. Ей дали такого пинка, что он растянулась на затянутом ковролином полу, и тут же дверь за Настей захлопнулась.

Несколько секунд Настя сидела неподвижно. Затем вскочила и, как попавший в клетку хомячок, заметалась в поисках выхода. Номер был роскошный: с двуспальной кроватью и недвусмысленными зеркалами на потолке. Во всю левую стену тянулся зеркальный же шкаф, в изголовье кровати висела пушистая медвежья шкура.

Настя бросилась к окну: это были наглухо задраенные и пуленепробиваемые стеклопакеты. Далеко внизу, на мощеном дворе, горели ровные галогенные фонари, да под окном торчала квадратная коробка кондиционера. В шкафу не было ничего, кроме пустых вешалок. В прикроватной тумбочке обнаружилась лишь свежая пачка презервативов.

Настя бросилась в ванную, обернула кулак пушистым полотенцем и изо всей силы саданула по большому зеркалу, висевшему над беломраморной раковиной. Зеркало с шумом посыпалось вниз. Один из осколков оцарапал Насте плечо.

Настя разодрала полотенце, обернула им один из осколков – острый, треугольный, похожий на плавник акулы, – и кинулась в комнату, к окну. Осколок она бросила на подоконник, вцепилась в наглухо задраенный стеклопакет и принялась трясти раму.

– Они не открываются. И не бьются.

Настя обернулась.

На пороге комнаты, скрестив руки, стоял Константин Цой. Он был все в том же черном нитяном свитере и кожаной куртке сверху. В полутьме прихожей он напоминал корейского викинга.

– Не бьются, – повторил Цой, – еще вздумается какому-нибудь идиоту в меня пострелять. А я этого не люблю. Еще я не люблю, когда девушка заигрывает, а потом убегает домой. У девушки могут быть серьезные неприятности.

Цой неслышным шагом подошел Насте и приподнял ей подбородок. Настя отступила на шаг, прижимаясь спиной к подоконнику. Цой обнял ее. Настя правой рукой нашарила осколок зеркала и с заполошным визгом полоснула Цоя.

Цой, отшатнувшись, перехватил руку Насти, но даже его

безупречная реакция слегка запоздала: осколок прошелся по кожаному рукаву. Цой не пострадал совершенно, на кожанке осталась только большая рваная царапина. Осколок вывоpотился из полотенца, ободрав Насте ладонь, и улетел под шкаф.

Глаза Цоя на мгновение из голубых стали черными. Насте показалось, что она смотрит в собственную могилу. Она снова взвизгнула, стальные руки Цоя обхватили ее и швырнули на кровать.

Настя скатилась было с кровати, но Цой тут же поймал ее и водворил обратно. Через мгновение Цой, как был, в джинсах и кожанке, лежал на кровати поверх Насти, разводя ее руки в сторону и прижимая ее к покрывалу своим весом.

Настя попыталась ударить его коленом в пах, но даже не смогла пошевелиться. Она снова завизжала и попыталась укусить Цоя. Единственное, до чего она могла дотягуться, была все та же пуленепробиваемая кожанка. Настя всхлипнула и закрыла глаза.

Когда она открыла их, Цой все также прижимал ее к постели, но зрачки его из черных опять стали голубыми.

– Ну ты дура, – проговорил Цой, – ну ты дура.

– Денис все равно узнает, – сказала Настя, – Денис тебя…

Цой по-прежнему крепко сжимал ее запястья. Лицо его было в десяти сантиметрах от лица Насти.

– Послушай, девочка, – сказал Цой, – я не собираюсь тебя трогать. Я просто хотел тебе объяснить, что если ты будешь вести себя так, как сегодня вечером, ты очень скоро нарвешься. Вот так нарвешься.

Пальцы Цоя разжались, выпуская ее левую руку, и Цой слегка погладил ее по щеке. Это было страшно и почему-то приятно. Пальцы у Цоя были белые и гладкие, с розоватыми полукружьями ногтей, и волосы у него были как мелованная бумага.

– И еще один совет, – сказал Цой, – когда тебя загнали в безвыходное положение, – не рыпайся. Только очень глупый человек сопротивляется, если положение безвыходное.

Цой резко встал, отряхнулся. След от стеклянного осколка на его рукаве все-таки был виден очень хорошо. Взъерошенная Настя села на постели, скрестив ноги калачиком.

– Приведи себя в порядок. – сказал Цой, – у тебя царапина на руке. Тебя отвезут, куда ты скажешь.

Настя поправила съехавшую под грудь кофточку. Прищурилась.

– И вы меня совсем не хотите? – улыбаясь из-под прядки сбившихся волос, спросила Настя.

Цой, скрестив руки, оглядел ее.

– Проблем будет больше, чем кайфа, – ответил Цой.

Когда, спустя двадцать минут, посерьезневшая и несколько просветленная Настя спускалась в холл, она увидела, как на третий этаж в номер Цоя поднимается молодая девушка в приталенной кофточке из искусственного меха и джинсах, украшенных перьями.

* * *

После разговора с Цоем Бельский прошел на третий этаж казино, туда, где располагались комнаты для особо важных гостей.

Это был не такой уж большой номер: удобная комната с огромной кроватью и такая же большая ванна. В ванне был зеркальный потолок и стены, и посереди ее стояла джакузи, похожая на огромный увеличенный цветок орхидеи. Из никелированного крана била парная вода, взбивая пышную пену, и из этой пены Степану улыбалась красивая черноволосая девочка.

Бельский, кажется, даже помнил, как ее зовут.

Бельский рассеянно поглядел на девочку, а потом вышел в спальню и позвонил Цою.

– Костя, – сказал он, – дай-ка мне твой самолет. Я возвращаюсь в Москву.

Спустя полчаса Степан Бельский дремал в широких креслах представительского Як-42. Он был слишком пьян, чтобы самому сесть в кресло пилота, да он и не любил гражданских самолетов. Это было все равно что гоняться на «Жигулях» вместо «Феррари».

Разговор с Цоем прочистил мозги, и Бельский внезапно осознал, как он жил всю эту неделю. А жил он паршиво: пил утром технический спирт с летчиками, а ночью дорогой коньяк в «Версале», плескался в бассейне с проститутками, и были эти девки после Майи как тюремная баланда после обеда в «Ритце». Можно есть, если голоден. Но невкусно, и все время думаешь, а помыли ли на кухне жестяную миску?

Степан Бельский не был бабником, в отличие от Цоя. Девушка, которую он любил перед армией, его не дождалась и выскочила замуж сначала за русского, потом за американца. Они встречались в 87-м, американец как раз был в проекте. Девушка объяснила Степану разницу между ним и американцем и уехала за границу.

Году в 96-м она приезжала обратно, пыталась его отыскать. Девиц вокруг было всегда в достатке – сначала вульгарных телок с Тверской, потом элитных девочек из элитных агентств, одним

из которых Бельский по сути владел на пару с высоким чином в МВД. Девочки были глупые и продажные, – были и умненькие, но в глазах всех из них сквозило жадное понимание, кто такой Степан Бельский и как устроится в жизни девушка, которая станет его женой. Некоторые из них добивались его внимания любой ценой, одна, когда они расстались, пыталась покончить с собой, – но Бельский не верил, что молодая девушка способна в него влюбиться. Были и другие, постарше, уже состоявшиеся певицы или актрисы, – они многое пережили, ото многого устали, с ними было иногда забавно общаться, и сквозь шкурное любопытство в их глазах порой проглядывал интерес к самому Степану. Степан относился к ним как к одежде из секонд-хенда.

Еще были дочки его друзей. Он даже ухаживал за одной, за той самой, пленку с шестнадцатилетием которой он добывал у Анастаса. После истории с пленкой ухаживание кончилось.

Майя Извольская была совсем другое. Она была так серьезна, словно выросла в семье профессора, а не бизнесмена. Она не лезла наверх, ободрав душу об острые осколки жизни и хамство мужиков, она не была жадна и наивно-глупа, как большинство проституток. Она страшно задела Бельского словами об американском женихе, он даже не знал, что эта рана еще способна болеть.

Ей он мог верить. Девушка, носящая фамилию Извольская, точно уж любила не за деньги и не за пользу, которую такое большое и злобное животное принесет ее семье. Она любила его ради него самого.

В 10.30 по московскому времени Як-42 коснулся посадочной полосы: в Москве было столько же, сколько в Черловске, когда Степан улетал.

Эта неделя была для Майи ужасной. Степан уехал в Черловск наутро после разговора с Ревко. Он сказал, что вернется на следующий день, однако прошел день, еще день – Степан не вернулся и не звонил.

Она позвонила ему сама: телефон был то занят, то выключен. Потом он взял трубку, сказал, что на встрече, и попросил перезвонить через час. Голос у него был пьяный. Майя перезвонила через час, но телефон был у охранника. Охранник сказал, что Степан в воздухе.

Майя не поверила: уж что-что, а пьяным Степана в воздух никто б не выпустил.

Потом она случайно узнала, что он был в Москве. Майя бросилась ему звонить, Степан сказал: «Зайка, я прилетал ровно на три часа. На встречу в Минобороны». Она сказала, что приедет в Черловск. «И не вздумай, я вечером возвращаюсь», – ответил

Степан.

Она позвонила брату в офис, но ее не соединили. Она позвонила ему на мобильный, но у Извольского была привычка менять номер мобильного каждые полтора-два месяца, и у нее был старый номер.

Вечером Степан не прилетел. Он не извинился, не позвонил, не прислал цветов, а мобильный был снова у охранника.

На следующий день охранники дачи принесли ей посылку: пакет от DHL. Майя убежала с пакетом в спальню и тут же в нетерпении оборвала упаковку. Она была уверена, что в пакете – подарок от Степана.

В пакете были снимки. Степан в ночном клубе, вместе с Фаттахом Олжымбаевым и какими-то девками. Степан с голой девочкой на коленях. Две девочки, изображающие перед пьяными гостями лесбийские ласки. Степан в номере. С одной проституткой. С другой. С двумя.

А может быть, не с проституткой. Может быть, с новой любовницей.

На снимках не было ничего, ни подписи, ни адреса отправителя.

Какое это имело значение?

Майя заперлась в спальне, упала ничком на постель, которая еще пахла Степаном, и долго плакала. Она плакала до самого вечера, когда ее мобильник вдруг запел нежным голосом. Майя схватила трубку. Наверное, это был Степан. Он не мог не позвонить.

– Да, – сказала она.

Но это был не Степан. Голос в трубке говорил по-английски.

– Майя, – сказал человек, – это Джек. Я прилетел в Москву, но я не знаю, где ты. Мне нужно с тобой встретиться. Я остановился в «Кремлевской».

Майя вздрогнула.

– Джек, – сказала она, – пожалуйста, уезжай из «Кремлевской».

– Почему?

– Джек, я прошу тебя. Так надо. Уезжай из «Кремлевской». Уезжай из России.

– Я не уеду, пока не увижу тебя.

– Хорошо. Через час… через полтора… в… любом ресторане. В… ну, «Сальваторе».

* * *

Майя выбрала «Сальваторе» случайно: два раза она завтракала там с Денисом Черягой, и ни разу она не была там с Бельским. Поэтому она полагала, что «Сальваторе», числящийся одним из лучших ресторанов Москвы, к Бельскому не имеет никакого отношения.

Она ошибалась.

К «Сальваторе» Майя приехала без пяти одиннадцать. Джек уже ждал ее в отдельном кабинете. На синей скатерти стояли две строгие белые тарелки и огромный букет красных роз.

Майя вздрогнула: Бельский всегда дарил ей именно красные розы. Джек обычно предпочитал другие цветы: изысканные орхидеи, лилии, прихотливо упакованные букеты.

Джек поднялся, чтобы обнять ее и поцеловать, но Майя холодно отстранилась.

– Майя, что происходит? – спросил Джек. – Я тебя обыскался. Я приехал в Москву, и никто не знал, где ты. Я приехал к твоему брату, и я спросил, где Майя.

– А он?

– Он спросил: «Кто такая Майя?»

Майя подумала о похабных фотографиях, присланных ей утром. Слава Извольский отлично помнил, кто такая Майя. По крайней мере, его служба безопасности и Денис Черяга об этом помнили точно.

– Майя, что происходит? Что за человек этот пилот?

Майя опустила голову на стол и заплакала. Джек выскочил из-за стола, чуть не сдернув по дороге скатерть.

– Девочка моя, – торопливо забормотал Галлахер, прижимая ее к себе, – ну что случилось? Майя, клянусь, я все забуду. Я не знаю, что случилось, но я никогда, никогда тебя не оставлю…

Майя плакала все сильней. Она знала, что не любит Джека и никогда уже не полюбит его: невысокий человек с хищными глазами навсегда вытеснил из ее сердца других мужчин. Но она точно так же понимала, что Джек будет для нее верным мужем, и даже если, не дай бог, Джек разлюбит ее или охладеет, то для американца Галлахера всегда слишком много будут значить приличия, и деньги Извольского, и статус жены – дочери цивилизованного российского олигарха, взносы которого на избирательную кампанию демократов когда-нибудь принесут Джеку пост конгрессмена…

А для Бельского ни ее брат, ни общественные приличия не значили ничего. И даже она сама – даже она сама стояла на третьем, если не на пятом месте после друзей и самолетов. Ее это устраивало. Лучше было быть игрушкой мужчины, чем ровней цивилизованной тряпке.

Джек обнял ее и поцеловал, нежно, но настойчиво.

– Майя, – сказал Джек, – выходи за меня замуж.

Тихо стукнула дверь – видимо, это пришел официант с вином. Джек невольно напрягся, и Майя обернулась.

У двери стоял Степан Бельский.

Выглядел Степан страшно. Подбородок его топорщился трехдневной щетиной, и поперек покрасневшего от дурной водки лица тянулась свежая царапина. Руки, выглядывавшие из чуть коротких рукавов кожаной куртки, были невероятно грязны. Если когда-нибудь Степан и походил на пьющего безработного пилота – то именно в этот момент.

Джек шагнул вперед, заслоняя собой Майю и сжав кулаки.

– Слушайте, вы… – воинственно начал Джек.

Бельский ударил его – молниеносно и хлестко. Бельский был ниже Джека на полголовы и старше его на семнадцать лет, и два месяца назад Джек был признан лучшим игроком в регби в Йеле. Ничего регби не помогло – Джек покатился по полу, сшибив по пути столик и цветы. Бельский неторопливо сунул руку в карман, и когда он вынул ее наружу, в ней был небольшой, отливающий синевой пистолет.

– Пошли, – сказал Бельский Джеку.

– Степан! Ты с ума сошел! Он американец!

Бельский поглядел на Майю, и ей показалось, что ее ударили.

– Хоть господь Бог, – сказал Бельский.

* * *

Было уже около часу ночи, когда к воротам рублевского особняка АМК подъехали две иномарки. Иномарки были незваные, и охрана на воротах насторожилась. Из первой иномарки вышел водитель, помахал охране рукой и пересел во вторую машину. Та с визгом развернулась, залетев задними колесами на газон, и тут же растаяла в ночи.

Первая машина – хорошенький дамский «Мерседес-купе», – осталась перед воротами. Охранники думали минут пять, пока наконец отважились подойти к машине. Внутри, на пассажирском сиденье, тихо плакала Майя. Из багажника охранники достали Галлахера. Руки американца были стянуты сзади наручниками, и он был очень сильно избит. На Майе не было ни царапины. Она прорыдала полночи и затихла только тогда, когда спешно вызванный врач вколол ей снотворное.

* * *

Алексей Крамер подъехал к дому отдыха «Малахит» в четыре часа утра на простой бежевой «Ниве». Въезд на территорию был перегорожен ржавой цепью, подвешенной к двум железным штырькам. Рядом темнела будка охранника. Алексей вышел из машины, перешагнул через цепь, и постучал в будку. В руке Алексея был десантный нож.

Алексей знал, что охранник в этой будке – штатный сотрудник дома отдыха «Малахит», из бывших ментов, и что у него даже нет при себе оружия.

Алексей постучал еще раз и еще, но охранник не отзывался. В будке было темно, и снаружи не было видно, есть ли в ней кто или нет. Если охранник пошел к девке или прогуляться, это был самый скверный вариант. Он мог вернуться в самый неподходящий момент, и что тогда?

Алексей толкнул дверь костяшками обтянутых в перчатки пальцев, и она со скрипом открылась. Крамер вошел внутрь. Внутри караульной было темно, тусклый свет уличного фонаря освещал покосившийся деревянный стол со разбитым дисковым телефоном, пару бутылок пива на столе и охранника в камуфляже. Тот сидел, навалившись боком на спинку продавленного дивана, и спал. Алексей подошел к охраннику и стал над ним. Охранник был пожилой, полный, из-под распахнутого камуфляжа нелепо торчала жирная грудь в частых черных волосках. По первоначальному плану Алексей намеревался убить охранника. Теперь в этом не было необходимости.

Алексей примерился и рубанул парня ребром ладони по сонной артерии, отключая его примерно на час. Охранник даже не переменил позы, только всхрапывать перестал. Разумеется, особнячок охранял не только этот мужик. Их должно было быть человек десять. Только с Цоем приехали шестеро, да еще два всегда сопровождали Олжымбаева, да еще парочка постоянно обреталась при вилле. Целая небольшая армия.

Алексей учитывал это, когда выбирал оружие.

Алексей выдвинул ящик стола и нашел ключи от замка. Цепь он аккуратно спустил на дорогу и так и оставил лежать. Вряд ли кому-нибудь придет в голову проехать по этой дороге в четыре часа утра, но если он увидит спущенную цепь, он явно не станет тревожить охранника.

Алексей проехал еще двести метров и остановил машину. Асфальтовая дорога вела дальше вверх, петляла между корпусами, проходила мимо столовой и наконец упиралась в отдельно стоящий особнячок для начальства. Но Алексей по ней не поехал. Он знал, что к особнячку ведет крутая пешеходная

тропинка. Тропинка шла лесом, вдали от всякого жилья, и спуск по ней занимал долю минуты.

Алексей открыл багажник «Нивы», поднатужился и вытащил оттуда длинный, упакованный в обыкновенную туристическую сумку предмет. Если бы кто-то наблюдал за Алексеем в этот момент, он бы скорее всего предположил, что в сумке находится гранатомет. Но следующим из «Нивы» последовал второй вьюк, содержащий пусковую установку с аппаратурой наведения. Это был противотанковый ракетный комплекс «Метис». Комплекс был разработан в конце 70-х и позволял поражать цели на расстоянии до полутора километров, а управляемая ракета «Метиса» была способна прожечь танковую броню толщиной восемьсот миллиметров и выжечь все внутри.

Ракета у Алексея была только одна. По его прикидка, она была способна спалить особняк целиком за несколько мгновений, а если бы первая попытка по какой-то причине не удалась, то второй бы охрана уже не допустила. Кроме того, комплекс и без всяких ракет весил тридцать пять килограмм, и в полевых условиях его таскали два человека.

Карабкаться на гору пришлось минут десять. Недавний дождь прекратился, и облака медленно сползал с неба, как занавес со сцены, оставляя в вышине маленькие сверкающие звезды. В воздухе ощутимо холодало, но земля была еще мокрая, и кроссовки Алексея оставляли на тропинке четкие ребристые следы.

Об этом Алексей заранее подумал и надел кроссовки на два размера больше. Жалко, что следы укажут, что преступник был один. Но с этим ничего не поделаешь.

Склон холма был обращен на север, к Сибири и далекому Ледовитому океану, и поэтому лес был густой и влажный для здешних мест. Под деревьями уже лежал легкий ноздреватый снег, весь в прогалинах рыжих листьев.

Алексей сделал еще несколько шагов и вышел на вершину холма. Нести «Метис» оказалось даже легче, чем он думал. Крамер пожалел, что не прихватил вторую ракету. Особнячок был от него в трехстах метрах. Алексей хорошо видел дворик, мощеный красной плиткой, несколько мощных джипов у подъезда и белый рифленый заборчик, – единственную преграду между ним и особнячком. Впрочем, будь даже вместо этого забора крепкая каменная стена с телекамерами, это не имело бы значения.

Ночь стала как будто светлее, и с соседней сосны ухнула ночная совка.

Алексей сбросил вьюки с плеча, установил контейнер с

ракетой на треногу, и лег на землю. В перекрестье прицела показалось окно номера Цоя. Но это окно было ему не нужно. Крамер знал, что с другой стороны огромной спальни расположено точно такое же окно. Кумулятивная ракета пролетит номер насквозь, если только стекла в нем не бронированные, – а этого Крамеру разузнать не удалось.

Чтобы ракета взорвалась, нужно было, чтоб она пробила что-то более основательное, нежели стекло. Например, крепкую крышу и частокол балок под ней. Корпус строили еще при советской власти, и строительный проект заверяли аж в БТИ. Там Леша Крамер и раздобыл его неделю назад, представившись проверяющим из Москвы.

Крамер покрутил маховик наведения, переводя прицел с окна на крышу, и откинул флажковый предохранитель. В это мгновение соседний с Цоем балкон отворился, и на балконе показался потягивающийся охранник. Камера на крыше тут же повернулась к охраннику, провожая его стеклянным глазом. Где-то в недрах этого здания висела гроздь мониторов, отображавших площадку с «Мерседесами», вход и выезд с площадки. Камеры вряд ли видели верхушку холма, находящуюся в трехстах метрах, а если и видели, то это не имело значения – через несколько секунд они превратятся в горелый хлам.

Охранник посмотрел на холм. В темноте не было видно ни лежащего на земле Крамера, ни «Метиса». Но охранник внезапно насторожился, подошел к балкону и задрал голову вверх.

В это мгновение Алексей нажал спусковой механизм, и ракета с грохотом вылетела из пускового контейнера. Скорость управляемой по проводам ракеты составляла всего сто восемьдесят метров в секунду, и Крамеру, удерживавшему прицельную марку на цели, казалось, что полет ее длится вечность.

Охранник заорал и сиганул с балкона вниз, прямо на нарядную красную плитку двора.

Чуть больше, чем через полторы секунды полета кумулятивная противотанковая ракета пробила кровлю над спальней Цоя.

Как и было нарисовано на плане, раздобытом Крамером в БТИ, черепичную крышу подпирали толстые балки. Но крышу строили еще при советской власти, и строители схалтурили. Балки были расположены друг от друга не на расстоянии десять сантиметров, а на расстоянии по крайней мере тридцать сантиметров. Ракета, рассчитыванная на броню до восемьсот миллиметров, прошла между балками, задев одну из них хвостовым стабилизатором. Если бы ракета вонзилась в балку,

чердак и верхний этаж выгорели бы изнутри за несколько секунд. Но препятствие, через которое прошла ракета, оказалось слишком легким.

Задев о балку, ракета слегка изменила траекторию и с глухим стуком ушла в полуметровый слой керамзита, устилавший чердак.

Охранник, спрыгнувший во двор, выхватил пистолет и принялся сажать пулю за пулей в направлении злоумышленника. С таким же успехом он мог стрелять из пистолета по луне.

Алексей вскочил на ноги и бросился вниз по склону. Охранник побежал за ним, стреляя на ходу. Это был местный охранник, пожилой мент, тридцать лет прослуживший охранником в лагерях, а не человек из охраны Цоя. У него была никуда не годная дыхалка, и к тому времени, когда он, расстреляв все патроны, взбежал на вершину холма, Алексея не было даже видно.

Через десять секунд после выстрела на площадку перед особняком выскочили два охранника Цоя. Они успели добежать до поворота достаточно быстро, чтобы дать очередь по автомобилю, на мгновение мелькнувшему между деревьями. Но расстояние было слишком большим.

– Пятый, пятый, – заорал охранник в рацию.

– Бесполезно, – сказал местный мент, – он сейчас уйдет лесными дорогами. Здесь их целая куча, контрабанду из Казахстана возят.

Еще трое охранников побежали на холм.

– Чем это он стрельнул, а? – спросил один из телохранителей Цоя, стоя над распяленным на трех ножках «Метисом», – болванкой, что ли?

– Не фига себе предупрежденьице… – мрачно согласился его коллега, мрачно обозревая противотанковый комплекс.

* * *

Константин Цой проснулся в четыре часа двадцать пять минут от резкого хлопка над головой. Реакция его была мгновенной: он слетел с постели, прижимая к себе спавшую тут же проститутку, прикрыл голову руками и замер. Несколько секунд в доме было тихо.

Потом заворочались возбужденные голоса, кто-то побежал вверх по лестнице, и снаружи до Цоя донеслись еле слышные хлопки выстрелов. Судя по всему, стреляли где-то в холмах.

Проститутка подняла голову. Она была сильно пьяна и

вдобавок заснула не больше часа назад. Цой вообще не собирался оставлять ее на ночь.

– А? Что? – сказала девица.

Альбиносу меньше всего хотелось объясняться с проституткой. Это было все равно, что объясняться с канарейкой.

– На озере рыбу глушат, – сказал Альбинос, – спи.

– А-а, – сонно пробормотала девица, чмокнула губами и засопела. Альбинос поднял ее на руки, бросил обратно на кровать, и пошел в гостиную разыскивать штаны. В дверь уже ломился замначальника охраны, – именно он сопровождал Цоя в этой поездке.

– Кимович? Ты в порядке?

– В порядке, – ответил Альбинос. – Что случилось-то?

– Да болванкой саданули из гранатомета, – с досадой ответил охранник.

– Степан улетел?

– Давно.

На чердаке, куда Альбинос поднялся в сопровождении охранников, было тихо. Сквозь проломленную в крыше дыру был виден кусочек сизого, набухшего влагой неба. Ракета лежала, зарывшись в керамзит, и прямо под ногами Цоя валялась часть складного трехлопастного крыла. То, что Цой поднялся на чердак, было грубейшим нарушением режима безопасности. Неразорвавшаяся ракета могла сдетонировать от любого удара или даже резкого перемещения, и тогда от всех присутствующих остались бы лишь головешки. Но так уж случилось, что Саша Борсков, – профессионал, ас, недавний сотрудник ФСО, начальник охраны Цоя, – остался в Москве с невовремя подхваченной ангиной, а тот человек, который временно выполнял его обязанности, был в прошлом ментом и зверя крупнее «калаша» не видел.

– Унеси это в гараж, – сказал Цой.

– А вы, Константин Кимович? – спросил охранник.

– А я спать пошел. Что, я час буду спать?

* * *

Константин Цой мирно спал до одиннадцати утра, когда его разбудил звонок от полпреда Ревко.

– Кимович, – сказал полпред, – что ты чудишь? Что это там за театральные представления?

– Какие к черту представления, – спросонок отозвался Цой, – мне всю крышу разворотило.

– Ну смотри, – сказал полпред, – я сейчас подъеду. Вместе с Яковенкой.

Семен Яковенко был глава черловского МВД.

Менты подтянулись к месту происшествия к половине двенадцатого.

Облака, так долго пеленавшие небо над Черловском, наконец пропали совершенно. Солнце сверкало в небе; воздух прогрелся до пяти градусов, ночная изморозь растаяла. Только кое-где в уголках луж собрались морщинки льда.

Хорошо выспавшийся Цой встречал ментов у дверей в джинсах и белой кожаной куртке. Цой жмурился и прикрывал глаза рукой: яркий солнечный свет резал глаза Альбиносу, а солнцезащитных очков он по ноябрьской погоде с собой не взял. Вместе с ним был Олжымбаев, вовсе проспавший ночное происшествие. На рожах ментов был написан глубокий скепсис: все в глубине души удивлялись, что Константин Цой опустился до такой простой инсценировки.

Почти нетронутый вид домика только усилил их сомнения. Яковенко, который в общем-то изо всех сил старался держать нейтралитет в ссоре двух олигархов, хмурился и кусал губы.

Фаттах потихоньку отделился от группы и пошел в гараж смотреть на виновницу ночного переполоха. Его мутило после вчерашнего разговора с губернатором.

– Ну что, Кимович, – сказал полпред, пиная ногой кусочек черепицы, обвалившейся с крыши, – жалеют тебя враги? Даже в окно не могут попасть, а?

– Ты что хочешь сказать, что я это сам себе устроил? – дернул ртом Цой. Он уже жалел, что охрана подняла шум. Всякое покушение есть прежде всего публичность, а публичность белокожий кореец переносил еще хуже, чем яркий солнечный свет. А тут вдобавок скверней не придумаешь. Никого не убили – теперь будут думать на самого Цоя.

И еще Цою очень не нравилось, что накануне покушения его друг и партнер Степан Бельский внезапно улетел из Черловска.

Через минуту Фаттах и охранник вышли из гаража. Фаттах тащил за стабилизатор неразорвавшуюся ракету. Ему очень хотелось продемонстрировать свою близость к Цою. Яковенко, отвоевавший пять вахт в Чечне, первым заметил, что именно несет Олжымбаев.

– Ложь немедленно, – заорал он.

Фаттах оглянулся на крик, и в тот же миг его щегольский, ручной выделки ботинок, поскользнулся на желтых мокрых листьях, нападавших ночью на мощеный красной пупырчатой плиткой двор. Фаттах нырнул носом вперед. Тяжеленная

болванка вылетела из его рук.

– Ну нехорошо, Константин Кимович… – Говорил в это время полпред, опершись рукой на капот своего служебного «Мерседеса».

– Ложись! – не своим голосом заорал Яковенко, а один из охранников Цоя, не рассуждая, сбил своего патрона на землю и сам упал сверху.

Ракету хряснуло о плитку, и в ту же секунду на месте Фаттаха вспыхнул столб огня. Струя пламени ударила в один из джипов сопровождения, тот запылал, как свечка и почти мгновенно взорвался. Цоя и полпреда спас только клароловый бок «Мерседеса».

Из дома выскочила охрана с автоматами. Из-за «Мерседеса» поднялся, отряхивая ладони, Цой.

К месту катастрофы медленно подкатилась машина прокурора области, охранник выскочил из машины, но сам прокурор вылезать не спешил.

Потом человек и джип догорели, и прокурор все-таки вылез.

– Ядрена мать! – только и вымолвил потрясенный начальник МВД.

Цой стоял, как будто обратившись в соляной столб. Он стоял и глядел на головешку, которая осталась от его партнера, и очнулся оттого, что охранник дергал его за рукав.

– Константин Кимович, – сказал охранник, – я насчет совещания с губернатором в полдвенадцатого. Позвонить? Сказать, что вас не будет?

Цой вынул из кармана платок и промокнул глаза: они слезились, то ли от яркого солнца, то ли от яркой вспышки.

– Позвони, – ответил Цой, – скажи, что я приеду. Скажи, что не приедет Фаттах.

* * *

Стук в дверь разбудил Дениса в семь утра. Денис рывком перевернулся и сел в кровати. Он лежал на втором этаже отданного Грише дома, в небольшой гостевой комнатке. За окном было темно и сыро, холл за отворенным прямоугольником двери светился ярким белым светом, и на этом ярком свету, как бабочка на стекле, был распят силуэт Гриши.

– Денис. Спустись вниз.

Гриша исчез раньше, чем Черяга проснулся до конца, но паника в его голосе была такая, что Денису представилась совершенно однозначная картина: танки на площади перед

заводоуправлением и Цой в камуфляже.

Денис кое-как застегнул штаны и выскочил вниз.

В гостиной, несмотря на поздний час, горел свет. На столе громоздились остатки вчерашнего, вернее, сегодняшнего пиршества: хвостики от колбасы, вспоротая банка с оливками, да поллитровка водки, без которой начальник УВД был неспособен к обсуждению каких-либо проблем.

На диване сидел растрепанный человек в грязных джинсах.

Денис пригляделся и узнал Лешу Крамера.

– Что такое? – спросил Денис, – что случилось?

– Она не взорвалась, – вскрикнул Крамер, – не взорвалась!

Денис недоуменно повернул голову к Грише.

– Наш добрый знакомый Леша, – сказал Епишкин, – два часа назад стрелял по особняку Цоя из противотанкового комплекса «Метис». Ракета не взорвалась. Охранники стреляли в Лешу, не попали.

Денис открыл рот и закрыл его. Он мгновенно представил себе, каковы были бы последствия удачного выстрела. Второй этаж особняка выгорел бы начисто в доли секунды. Первый сгорел бы секунд через тридцать. Значит, погиб бы сам Цой, погиб бы сучонок Олжымбаев, погиб бы десяток охранников и администратор гостиницы. Погибли бы девицы, которых почти наверняка привезли к заезжим москвичам, – размер скандала не поддавался бы описанию.

– О'кей, – сказал Денис, внутренне холодея, – ты стрелял в Цоя. При чем тут мы?

– Вы меня в это дело втравили, вы и вытаскивайте.

– Мы?!!

Крамер вскочил.

– Слушай, парень, соскочить хочешь, да? Мы с тобой встречались? Встречались. Ты мне что сказал?

У Дениса было ощущение ночного кошмара. В следующую секунду он ясно понял, что происходит. Никакого покушения не было. Если Крамер и стрелял по особнячку, то только для вида. После того, как Денис отказал Крамеру, бандюк пришел к Цою и попросил те же деньги, но уже за то, чтобы посадить Дениса. И сейчас люди, сидящие в кустах где-то за пределами поселка, а может, даже внутри скверно охраняемого периметра, пишут весь разговор между Денисом и предполагаемым убийцей.

– Я тебе сказал, чтобы шел вон, – ответил Денис, – что мы такими делами не занимаемся.

– А если я покажу на следствии по-другому? – скривился в безумной усмешке Крамер.

– Погоди, Леша, – успокаивающе сказал Епишкин.

Гриша взял со стола бутылку и налил Крамеру половину стакана. В другой стакан набулькал себе.

– Давай выпьем…

Крамер швырнул стакан на пол и вскочил с дивана. В руке его блеснул ствол.

– Споить меня хочешь? – заорал Крамер, – не выйдет. Ты понял, тебе конец и твоему сраному комбинату! На моей спине решили проехать? Развести меня? Кому нужен труп Цоя был? Вам! Я вам не лох, на вас бесплатно пахать!

Денис шагнул к Крамеру.

– Отдай ствол и перестань нести чушь.

– Стоять!

Денис ударил Крамера по руке с пистолетом. Тот рухнул назад, сшибая колченогий стул, но тут же в полете извернулся, подхватил стул за спинку и всем этим стулом крепко и страшно огрел Дениса.

Денис, потеряв равновесие, отлетел в угол.

Крамер размахнулся, швырнул стул в Дениса, отпихнул Гришу и бросился к двери. Гриша, падая, ухватил его за башмак. Башмак соскочил с ноги бандита, а сам Крамер запнулся, потерял равновесие и пропахал носом пол. Денис подбежал к нему и хотел было выстрелить, но в последнюю секунду Крамер дернулся, подсекая Дениса рукой, и Денис грохнулся о пол затылком. Тут же на него навалился Крамер. Одной рукой он выворачивал руку с пистолетом, а другой подхватил с полу майонезную баночку, неизвестно зачем стоявшую под батареей. Крамер саданул банкой о трубу, горлышко банки отлетело, и следующим, точно рассчитанным движением, Крамер полоснул Дениса банкой по лицу.

Денис увернулся и, уворачиваясь, со всей силы хряснулся затылком о трубу. Почти тут же «розочка» распорола ему плечо. Одной рукой Крамер махал банкой, а левой сосредоточенно выдирал у Дениса пистолет. Денис захрипел и уже терял сознание, когда откуда-то сверху появился Гриша и воткнул в спину Крамера нож. Крамер ослабил хватку и перекатился на бок. Гриша ударил еще. Денис высвободил правую руку, и изо всей силы влепил Крамера по зубам пистолетом.

Крамер раскинул руки и опрокинулся на спину. Денис выхватил у него майонезную баночку и принялся бить Крамера по голове. Волосы Крамера из черных быстро стали красными, лоскутья кожи и кровь разлетались во все стороны.

Денис ударил его раз десять, а потом встал на колени, шатаясь, и безумным взглядом посмотрел на то, что он наделал. Изпод спины Крамера текла густая томатная лужица. Лицо

бандита было изрезано до кости. Из-под волос на дрянной паркет серой дрянью вытекал мозг.

Денис некоторое время тупо глядел на весь этот кошмар, а потом машинально обхватил руками лицо. Руки были все в крови.

– О господи, – сказал Денис, – о господи. Он же наверняка с магнитофоном.

Гриша тронул его за плечо.

– Молодец, что не стал стрелять, – сказал Гриша, – весь поселок бы переполошили…

Денис даже не понял, что ему говорят. Он не стал стрелять потому, что забыл, что из пистолета можно стрелять. Он вообще забыл все на свете.

Потом Денис, тяжело шатаясь, встал и пошел в туалет, и там его начало выворачивать наизнанку.

Когда Денис вернулся, Гриша Епишкин сидел на диване в гостиной и нервно курил. Труп Крамера лежал прямо перед ним, и пол-гостиной было забрызгано кровью.

Денис никогда не видел столько свежей крови.

Денис поднялся на второй этаж, распахнул балконную дверь и вышел наружу. На улице было по-прежнему темно и холодно. Где-то за речкой протяжно мычала корова, и в свежем воздухе стоял какой-то странный металлический запах. Многие после наводнения уверяли, что чувствовали вкус металла на губах: Денис считал это брехней, а вот сейчас и у него самого запершило в горле.

Гостевой дом, отданный Епишкиным, располагался у самого периметра поселка. В пяти метрах от участка начинался общий забор, опутанный колючей проволокой, а дальше – лес, крутой косогор и река. Эта часть Павлогорска была не затронута наводнением: дома на соседних участках стояли грустно, как воробьи под первым снегом, окруженные ломкими скелетиками декоративных кустов и собранными в пучки прутьями малины. Казалось невероятным, что в двух километрах от этой раннебуржуазной идиллии горят костры и люди в камуфляже копают траншеи.

Группы захвата нигде не было видно. Вообще было странно, как она пробралась сквозь посты. На часах было семь пятнадцать – драка с Крамером заняла не больше полутора минут.

Денис вернулся в гостиную.

Гриша стоял у стола, спиной к трупу, и жадно пил минералку. Рубашка его была вся в крови.

Денис сел на диван и стал тупо ждать. Он до сих пор был убежден, что Крамер приехал с ментами, и не понимал только одного – почему штурмовая группа до сих пор не ввалилась

внутрь. «В любом случае, – хладнокровно подумал Денис, – мне лучше сознаться, что я заказывал Крамеру Цоя. По карьерным соображениям, Славка об этом не знал».

Однако штурмовая группа все не прибегала и не прибегала, и тогда Денис опустился на колени и стал сдирать с покойника одежду. Магнитофона нигде не было. Денис перетряхнул окровавленные шмотки еще раз. Потом внимательно осмотрел мобильный Крамера. Чисто.

Больше всего Денису хотелось встать и уйти из дома, но уходить было нельзя. Денис не знал, наследил ли Крамер, стреляя в Цоя, но, судя по его состоянию, следовало предполагать самое худшее. Следовало предполагать, что Лешу Крамера как исполнителя вычислят в течение ближайших суток. И если при этом его найдут мертвым в служебной квартире начальника службы безопасности Павлогорского ГОКа, то все будут уверены, что его убили заказчики покушения. А если Крамер бесследно исчезнет, то всегда будет шанс, что он сбежал. И что никакого заказчика не было, а был один озлобленный бандюк, просидевший в тюрьме два года.

Черяга вышел из дома и обошел участок. Никого. Когда Денис вернулся, покойник уже лежал в ванной. Гриша деловито обрывал с него одежду. Тут же, в ванной валялся большой раскрытый чемодан, и Денису с первого взгляда стало ясно, что целиком Крамер в этот чемодан не влезет.

Денис понял, что через час ему надо ехать на совещание к губернатору, и за это время им Крамера надежно не спрятать. А в одиночку с целым Крамером Гриша не управится. Денис сообразил, что им предстоит, и стал зеленый. Гриша внимательно посмотрел на него.

– Иди отсюда, – сказал Гриша, – я сам этим займусь. Вон, кровь замой в гостиной.

Денис стоял молча. Ему хотелось уйти в гостиную. Ему хотелось вообще с громким визгом бросить пистолет и убежать прочь из этого дома. Из транса его вывел телефонный звонок. Денис механически нажал «ответить». Звонил водитель.

– Денис Федорович, – сказал водитель, – вы просили разбудить вас в семь тридцать. И еще вечером звонил помошник губернатора, сказал, что совещание у Алексея Геннадьевича переносится с полдвенадцатого на полпервого.

– Понял, – сказал Денис.

Он оглядел себя и как-то отрешенно подумал, что до совещания еще куча времени, и что хорошо бы перед совещанием перебинтовать плечо и сменить рубашку.

Спустя полтора часа все было кончено. Ванна в гостевом доме

сверкала первозданной чистотой, гостиная казалась образцом спокойствия и упорядоченности. В прихожей, у двери в гараж, стояли два чемодана.

Черный представительский «Мерседес» с охраной ждал Дениса у ворот дома, и туда же Гриша Епишкин выкатил свой «Лендкрузер»: начальнику службы безопасности Павлогорского ГОКа приспичило съездить на охоту.

Полностью одетый Денис стоял на коленях в сортире, и его неудержимо выворачивало наизнанку. Гриша, рядом, проверял охотничье ружье.

– Ну слушай, кончай, Дениска. Ты в конце концов – куратор службы безопасности АМК или институтка сопливая?

– Я куратор службы безопасности, – сказал Денис, – я куратор службы безопасности, а не уголовник со стажем. Это не мои обязанности – разделывать людей, как индейку.

На заседание правительства области Денис приехал в двенадцать двадцать. У здания администрации был разбит палаточный городок. Люди стояли плотной стеной, ожидая приезда Черяги. Плакаты гласили: «Губернатор, мы с тобой!», «Олигархи, руки прочь от Павлогорского ГОКа!», «Не дадим олигархам утопить весь русский народ!»

Людей снимали две или три телекамеры.

В зале собрались все участники совещания: даже губернатор уже сидел на своем привычном месте, и на стене за ним по-прежнему висели президент и патриарх. Портрет президента переместился в центр и подрос в размерах, и теперь президент осенял губернатора справа, слева и сверху, как нимб.

– Итак, – сказал губернатор, – мы рассматриваем вопрос об аварии на Павлогорском ГОКе. Кто начнет?

Цой поднял голову.

– У меня маленькое предложение к Денису Федоровичу, – сказал Цой, – чтобы он послал своих киллеров на стажировку в НАТО. Авось научатся наносить точечные удары. Потому что убивать меня – занятие более безопасное, чем убивать моих друзей.

Цой почти улыбался. Денис уже знал, что через час после покушения Цой лег спать и мирно проспал три часа.

– У меня тоже предложение, – ответил Денис, – когда вы, Константин Кимович, расправляетесь с надоевшими партнерами, не пытайтесь повесить это на нас.

– Хватит, – сказал губернатор.

– Какое хватит? – заорал Денис, – завтра заседание арбитражного суда! Они хотят по беспределу зайти на ГОК! Аргументов – никаких, иск предъявлен энергетиками, которые и

виновны в аварии! И мы этот иск будем оспаривать в суде высшей инстанции и, разумеется, выиграем! И тут залетает эта штука! И она почему-то не срабатывает в первый раз. А потом над ней колдует служба безопасности Цоя, и она срабатывает, когда ее берет Фаттах!

Губернатор молчал несколько секунд. Он хорошо помнил, о чем вчера говорил ему Фаттах. Но Фаттаха не стало, и у губернатора Орлова не было никого, кого бы он мог противопоставить Цою.

– В аварии, – сказал губернатор, – виноваты не энергетики, а бездумная эксплуатация природных ресурсов области. Потому что вы и ваша компания довели ГОК до ручки. Вы вели себя как временщики, и я, как человек, избранный на этот пост народом, должен сделать все, чтобы вы возместили народу причиненный ему моральный и материальный вред.

– Это Сережа ведет себя как временщик? Когда в пять раз зарплату поднял? Или группа, у которой бандиты в партнерах?

– Я не знаю, у кого в партнерах бандиты, – с усмешкой сказал один из заместителей губернатора, – но я знаю, кого в этой области подозревают по крайней мере в трех убийствах: Леши Панасоника, Мансура и Афанасия Горного. А теперь вот – четвертое. Всеми нами уважаемого Фаттаха Абишевича.

Денис встал и бросил через стол папку в пластиковой обертке.

– Фаттах Олжымбаев, – сказал Денис, – обкрадывал Константина Цоя и спал с его девушкой. Фаттах Олжымбаев регулярно сливал нам информацию о планах Цоя и намеревался соединить все черловские предприятия группы в один холдинг с единственной целью – чтобы кинуть своего хозяина. Я не слышал, чтобы Константин Цой прощал подобное.

Константин Цой раскрыл папку и глядел на ее содержимое несколько секунд.

– У меня нет девушек, – сказал Цой, – у меня есть шлюхи, и когда они мне надоедают, я отдаю их друзьям. Кстати, Денис, хочу поздравить тебя с Настей. Она вчера заехала ко мне в гостиницу, и у меня давно не было такого интересного вечера.

Возможно, в другом состоянии Денис и нашел бы что возразить. Но утренние два часа вице-президент АМК провел в залитой кровью ванной вместе с трупом Леши Крамера, и он до сих пор не был уверен, что Гришу не прихватили с этим самым трупом где-нибудь на милицейском посту. Нервы Дениса не выдержали. Он не помнил, как он вскочил со стула. На мгновение он только заметил под своими ногами хрустальную четырехугольную пепельницу и лицо Цоя где-то далеко внизу,

потом перемахнул через стол, сгреб со стола кувшин и этим кувшином крепко и страшно попытался огреть корейца.

Члены правительства области брызнули в разные стороны. Кто-то истошно принялся звать охрану. Лицо Цоя оказалось близко, совсем близко, и бешеные глаза Дениса взглянули в спокойные бледно-голубые зрачки Альбиноса.

В следующую секунду ушедший от удара Цой выбросил вперед кулак, и в голове Дениса словно взорвались цветные шарики. Черяга охнул, отлетел к стене и там затих.

В промышленных кругах почему-то упорно шептались, что Константин Цой – обладатель черного пояса каратэ. Это была абсолютная брехня: несмотря на свое восточное происхождение, Константин Цой никогда ни каратэ, ни ушу, ни тэквондо не занимался.

Он просто скромно имел звание мастера спорта по боксу.

Константин Цой лизнул костяшки пальцев, слегка ободранные о челюсть ахтарского вице-президента, сел обратно за стол и невозмутимо сказал:

– Я предлагаю вернуться к вопросу аварии на Павлогорском ГОКе.

Денис не вернулся в этот вечер в Павлогорск. Он остановился в единственной пятизвездочной гостинице города, и провел остаток дня, разрываясь между арбитражным судом, областной прокуратурой и полпредством. Ревко позвал его ужинать, но Денис отказался. Он вернулся в номер, завалился на кровать и включил телевизор.

Все региональные выпуски новостей начинались со смерти Фаттаха Олжымбаева. Именно так: с убийства Фаттаха, а не с покушения на Альбиноса. Как это ни парадоксально, но Фаттах был в области гораздо более известной фигурой, чем Цой. Он постоянно оказывался в центре скандалов, которые с удовольствием комментировал на экране, спонсировал церкви и рок-фестивали, словом – вел себя шумно и заметно, стараясь хоть в этом превзойти Цоя.

Исполнитель был уже известен. Видеокамера на въезде в бывший санаторий, незамеченная Лешей Крамером, отфиксировала его физиономию, а бежевую «Ниву», похожую на ту, на которой преступник удрал с места происшествия, обнаружили к шести вечера близ железнодорожной платформы Алябьевка. «Нива» была угнана накануне вечером на одной из рабочих окраин Черловска.

Областной прокурор созвал пресс-конференцию, на которой заявил, что преступление раскрыто и преступник объявлен в федеральный розыск.

Корреспонденты разбежались по городу в поисках самых диких слухов. Тон их комментариев, однако, был вполне нейтральный. Один из журналистов заявил, что именно Крамеру, по слухам, принадлежало казино «Версаль», отобранное недавно Фаттахом. Другой предположил, что Леша Крамер действовал в пользу своих приятелей, старых угольных бандитов, у которых Фаттах отобрал кормушку. Комментаторы отмечали несколько дилетантский характер убийства, свидетельствовавший об отсутствии серьзных заказчиков.

В восемь на мобильный Денису позвонила Настя и предложила заехать к ним домой.

– Я занят, – ответил Денис, – у нас завтра суд.

Еще был звонок от начальника Павлогорского УВД – тот жаловался на Гришу Епишкина, который в решающий для ГОКа день уехал на охоту.

– И что, еще не вернулся? – спросил Денис.

– Вернулся! Кабана привез, сидит с омоновцами жарит кабана, байки травит! Я ему, ты куда ездил, а он «а че?»

Денис пообещал выбранить Епишкина и повесил трубку. В углу грустил привезенный официантом ужин, но одна мысль о еде почему-то вызывала тошноту. Денис искренне позавидовал Грише, который «сидел с омоновцами и жарил кабана». В дверь постучались.

– Открыто! – позвал Денис.

Дверь отворилась, и на пороге возникла Настя. На ней были пестренькие джинсы с металлической цепочкой вместо пояса и белый кожаный пиджачок.

– Привет, – сказала Настя, – а ты сказал, что занят.

– Я уезжаю через десять минут, – ответил Денис.

В этот момент раздался телефонный звонок. Это был один из черловских ментов. Мент сказал, что заявление прокурора вызвало дикую ярость у Цоя. Цой позвонил прокурору прямо из кабинета губернатора и заявил, что не надо говорить о раскрытии преступления, пока не изобличен заказчик.

– Это Крамер придурок конченый, – сказал мент, – все знают, что Фаттах спал с его женой. Так что, Денис, не дрейфь. Никто на вас думать не будет.

– А что, были основания? – раздраженно осведомился Денис. – Мы что, больные, стрелять в Цоя накануне арбитражного суда?

Денис повесил трубку, ушел в ванную и там долго и тщательно брился. Из зеркала на него смотрел худощавый тридцатишестилетний мужчина со смертельно усталыми глазами василькового цвета и намыленным подбородком, но Денис не

видел картинки в зеркале. Ему казалось, что там отражается Настя в белом топике и лохматых шортах, такая, какую он ее увидел первый раз полгода назад, и беловолосый кореец с голубыми глазами.

Константин Цой лгал нечасто, он чаще недоговаривал.

Константин Цой никогда не лгал о женщинах.

Денис выбрился, позвонил по первому попавшемуся телефону какому-то адвокату и назначил ему встречу через двадцать минут.

Когда Денис вышел из ванной, Настя сидела у него на кровати. Пиджачок она уже сняла. Под пиджачком обнаружился черный с красным цветком топик, кончавшийся где-то чуть повыше пупка.

– Порвался, – грустно сказала Настя, поднимая вверх что-то длинное и прозрачное. Денис окаменел, но потом понял, что это всего лишь нейлоновый носок. Настя сняла носок и со второй ножки и осторожно потрогала босыми пальчиками короткий ворс ковролина.

Денис наклонился над туалетным столиком и принялся завязывать галстук. Рядом с ним на столике лежал блокнот с логотипом отеля и телефонный справочник, чуть подальше стояла корзина с фруктами. Тут же, на тележке, скучал ужин.

– О, ананас. Я хочу ананас.

Нарезанные желтые дольки выглядывали из-под слив и персиков.

– Пожалуйста. Бери.

Настя перекатилась по кровати и осторожно положила в рот кусочек ананаса. Потом сняла круглую металлическую крышку с тарелки.

– Ой, у тебя тут лангуст. А чего ты не ешь?

– Не хочу.

– А Цой меня вчера треской накормил, – сказала Настя, – в «Версале». Я даже и не знала, что свежая треска такая вкусная. Лучше осетра. Я с ним даже танцевала, с Цоем, представляешь? И Фаттах там был. А утром его убили. Слушай, как ты думаешь, это Цоя хотели убить или Фаттаха?

Денис сел на кровать и принялся завязывать шнурки на ботинках.

– Не знаю.

– Денис, что с тобой?

– Ничего.

Настя настороженно глядела на него.

– А с Гришей… Денис, с Гришей все в порядке?!

– Да что ты пристала? Все в порядке. Вон, на охоту ездил.

Кабана добыл.

Настя плюхнулась на подушку рядом с ним и поджала босые ножки. Денис скосил глаза и увидел маленькую ступню с подстриженными ногтями и смешно оттопыренным мизинчиком.

– У тебя глаза такие, как у коровы, – сказала Настя, – у Гриши однажды тоже были такие глаза. У них был один коммерсант, который никак не хотел платить, и Царандой сказал, что оторвет ему голову. А потом Гриша уехал и вернулся только вечером, и у него были как раз такие глаза. А на следующий день у обочины нашли того коммерсанта..

– С оторванной головой? – механически спросил Денис.

– Не-а. С пулей в сердце.

– И часто Гриша с такими глазами приходил? – проговорил Денис.

Ему было совершенно все равно, что он говорит. Если бы сейчас в номер гостиницы вошел следователь и спросил, он ли убил Лешу Крамера, погоняло – Самосвал, Денис бы ответил: «да», а если бы следователь спросил его, как готовить манную кашу, Денис стал бы рассказывать о манной каше.

– С такими глазами приходят только один раз, – ответила Настя, – потом привыкают.

– Дай мне коньяка, – сказал Денис.

Настя соскочила с кровати и, пританцовывая, подбежала к мини-бару. В следующую секунду она громко вскрикнула.

– Что случилось?

Настя повалилась на кровать, и Денис увидел, что босые ее пальчики все в крови, а из рваной ранки возле мизинца торчит кусок зеленого бутылочного стекла.

– Ой, черт! Тише!

– Погоди, дай я вытащу…

Крови было очень много, она была ярко-красная и уже запачкала крупными пятнами белое, как снег, покрывало. У Дениса на мгновение к горлу подступила необъяснимая тошнота, потом он вскочил и кинулся в ванную:

– Я сейчас спирт принесу!

Когда он вернулся с одеколоном и ваткой, Настя уже сидела на постели, подвернув ножку под себя и замотав ее чистой салфеткой. Бутылочный осколок лежал на столе: это был кусочек горлышка, видимо от обычной бутылки с нарзаном, толстый и зеленый.

Денис встал на колени перед кроватью и принялся протирать ранку спиртом.

– Тс! Больно!

– Не вертись. Мало ли сколько эта дрянь тут валялась, черт

знает что, пять звезд, называется…

Вид беленьких пальчиков с коротко подстриженными ногтями сводил его с ума. Настя вырвала ножку и забилась куда-то вверх, к подушкам, Денис полез за ней и схватил за лодыжку, а потом Настя как-то очень неловко дернулась, Денис проехался по покрывалу и обнаружил, что вместо маленькой ступни перед ним – тонкая девичья талия и обнаженный пупок, покрытый чуть заметными золотистыми волосиками.

Все поплыло перед глазами Дениса, и мир внезапно сузился до размеров этого пупка и тонкой настиной фигурки. Настя лежала, откинувшись на подушки, и глядя на Дениса темными смеющимися глазами. Денис поцеловал этот пупок и стал целовать все выше и выше, лихорадочно обрывая с Насти черный с красным топик, а Настины тонкие пальчики в это время пытались расстегнуть его рубашку.

– Давай сначала перевяжем ногу, – свистящим шепотом сказал Денис, но Настя только молча и сосредоточенно принялась расстегивать пряжку его ремня. Ремень подавался плохо, Денис расстегнул его сам и кое-как стащил брюки, и последнее, что он мог помнить более или менее членораздельно, была тонкая настина рука, протянувшаяся, чтобы выключить свет, и ее тихий шепот:

– Дениска, только осторожно… у меня еще никого не было…

Спустя час Денис лежал совершенно мокрый и счастливый, откинувшись на подушки, а Настя прилепилась к нему и тихо щекотала языком где-то за ухом. Ножка ее уже была перевязана, в комнату сквозь незадернутые шторы вплывал белый свет от гудящего за окном фонаря, и вдруг Денису пришла на ум чрезвычайно простая мысль:

– Черт, – сказал он, – а ведь горничная убирала утром номер. Откуда взялся этот осколок?

– А я с собой принесла, – отозвалась Настя, водя пальчиком по его груди. – Ты не сердишься?

– Шрам же может остаться, – сердито сказал Денис.

– До свадьбы заживет, – фыркнула Настя, – или не заживет?

– Да пожалуй, что и не заживет, – ответил Денис, – если поженимся на следующей неделе, так никак не заживет…

И все-таки не утерпел и спросил:

– А чем кончились танцы с Альбиносом?

Сияющая Настя наклонилась над ним и приложила мизинец к его губам.

– Он меня проучил, – сказала Настя, – он очень хорошо меня проучил. Знаешь, Денис, тебе ему надо сказать: «спасибо».

Заседание арбитражного суда по иску областной

администрации к Павлогорскому ГОКу началось в девять пятнадцать утра.

В маленьком, похожем на школьный класс зале яблоку не было где упасть: адвокаты и помошники обеих сторон заняли все скамьи, и Денис слегка вздрогнул, когда заметил впереди белые волосы и черный свитер Константина Цоя. Цой никогда не оставлял подписей под документами, не занимал официальных должностей и не присутствовал на арбитражных судах. Он являлся своим противникам так же редко, как Господь – верующим. Поэтому Цой не знал в жизни ни одного поражения: если кто-то проигрывал, то это были всего лишь его младшие партнеры.

И уж если Цой появился лично – это означало, что он не намерен проигрывать ни по чьей просьбе. Даже по просьбе Степана Бельского, для которого выигрыш этого суда означал крах программы «МиГ-Еврофайтер».

– Слушается иск о признании несостоятельным ОАО «Павлогорский горно-обогатительный комбинат», – объявила судья Антонова. Она нервничала и постоянно поправляла кружевное жабо на груди. – Иск подан совместно администрацией области, Черловской железной дорогой и АО «Черловскэнерго» в связи с отказом руководства ГОКа от выполнения требований о возмещении ущерба, причиненного истцам в ходе наводнения, вызванного халатностью и неправильными действиями руководителей предприятия.

Один из адвокатов Цоя поднял руку.

– Я вас слушаю, – сказала судья Баланова.

– Ваша честь, – сказал адвокат, – в нашем иске в качестве кандидата на должность временного управляющего ГОКа был назван Фаттах Абишевич Олжымбаев. Мы все знаем, что случилось вчера. Мы просим заменить кандидатуру Фаттаха Олжымбаева кандидатурой Константина Кимовича Цоя.

Денис вздрогнул. Это было невероятно. Даже появиться на сегодняшнем заседании для Цоя было так же тяжело, как морскому спруту – выползти на берег. Открыто назвав себя преемником погибшего партнера, Цой дал понять, что ему нужна не победа – а полный и сокрушительный разгром.

– Да, конечно, – растерянно сказала судья.

Рядом с Денисом вскочил молодой московский юрист.

– Ваша честь, а у господина Цоя имеются документы, позволяющие ему претендовать на подобную должность?

Денис хотел одернуть юриста, но было уже поздно.

– Да. Имеются, – ответил адвокат группы «Сибирь». – Константин Цой имеет диплом арбитражного управляющего

второй степени. Я также хочу напомнить, что в 1994 году Константин Цой занимал должность внешнего управляющего Нечерномысского медно-никелевого комбината.

Это была единственная ответственная должность, которую когда-либо занимал Константин Цой. «Ошибка молодости, – говорил Цой о подписанных тогда документах. – Больше не повторится». Хотя решительно ничего страшного Цой тогда не подписывал.

Адвокат встал и, сделав несколько шагов к судейскому столу, с полупоклоном положил перед судьей Антоновой пачку документов.

– Имеются ли у истцов какие-либо добавления? – спросила судья Антонова.

Все тот же московский адвокат поспешно вскочил с места.

– Ваша честь, – сказал он, – я прошу вас обратить внимание на общественную значимость этого процесса. Здесь судят не просто недобросовестных должников. Здесь судят руководителей предприятия, по вине которых погибли семнадцать человек, и еще несколько сот жителей Черловской области лишились крова. Ахтарская металлургическая компания отказалась возмещать этим людям ущерб: эту обязанность добровольно взяла на себя администрация области. Многие из этих людей перенесли в дни наводнения тяжелейшую психологическую травму. Некоторые лишись близких, другие потеряли все, что нажили за сорок, пятьдесят, восемьдесят лет жизни. И это была не случайная трагедия. Это был результат систематической политики разграбления природных ресурсов черловской области, которую практиковали чужаки. Их виллы на Рублевке и в Ницце остались в полной сохранности. Их «Мерседесы» не смыло водой, как «Запорожец» пенсионера Омельника, их девочки по-прежнему ждут их в дорогих московских казино, в отличие от дочери Ирины Смолянской, которая погибла в семнадцать с небольшим лет.

Адвокат закончил свою пламенную речь и сел.

– Ответчик что-либо желает сказать? – спросила судья.

Денис встал.

– Я прошу отложить заседание суда, – сказал Денис, – в связи с тем, что иск обрашен к ненадлежащему ответчику. Павлогорский ГОК не является самостоятельным предприятием. Его акции переданы в федеральную собственность, и управляющей компанией Павлогорского ГОКа выступает государственное унитарное предприятие «Южсибпром».

Зал замер.

– У вас есть документы? – недоуменно спросила судья Антонова.

Денис встал и положил на судейский стол пачку бумаг. Бумаги были подписаны Денисом и Ревко только вчера.

– А… в зале есть представители «Южсибпрома»?

– Да, Ваша честь, – ответил Денис. – С сегодняшнего дня я – генеральный директор ФГУП «Южсибпром».

Судья Антонова растерянно поглядела на своих двух коллег.

– Я… я прошу объявить перерыв, – сказала судья.

Когда Денис спустился на первый этаж, его кто-то окликнул. Денис обернулся. Константин Цой сидел на подоконнике и нервно курил.

– Вы что-то хотели сказать, Константин Кимович?

Кореец воткнул сигару в горшок с ощипанным фикусом.

– Передай своему хозяину, что олигарх, который отдал этому государству хоть списанный «Мерс», не достоин управлять даже скобяной лавкой.

Цой поднялся и пошел наверх. Денис смотрел ему вслед. Похоже, это была капитуляция. Денис представил себе, какой переполох сейчас творится в администрации области. Губернатор Орлов не тот человек, чтобы вот так сцепиться с федеральной властью. Для этого надо иметь яйца, а есть ли у Орлова яйца – большой вопрос.

Кто-то вежливо тронул Дениса за плечо. Он обернулся и увидел перед собой старшего следователя прокуратуры Шевчука в сопровождении двух милиционеров.

– Денис Федорович Черяга? – спросил один из милиционеров, с лейтенантскими погонами.

– Да?

– Вы задержаны по подозрению в убийстве Фаттаха Олжымбаева.

* * *

Суд признал Павлогорский ГОК банкротом спустя пятнадцать минут после ареста Дениса.

Еще через десять минут Константин Цой выехал в Павлогорск на своей пуленепробиваемой «Чайке».

Первый же милицейский пост, расположенный у въезда на мост через реку Тура, попытался остановить машину Цоя. Из машины вышли несколько автоматчиков, а затем из нее вылез начальник областной милиции Яковенко и старший следователь областной прокуратуры Шевчук. Шевчук показал ордер на задержание Григория Епишкина, выписанный одновременно с ордером на задержание Дениса Черяги.

Ордер угодил в тщательно продуманную систему обороны ГОКа, как танковый снаряд – в хлипкий курятник. Ни один последующий милицейский пост даже не осмелился задержать Цоя.

Не понадобилось никаких танков – узкий проезд к заводоуправлению был оставлен открытым, и даже доски, перекрывавшие траншею, красовались на месте. Охрана разбежалась от дверей ГОКа, как от зачумленного барака. Решетки были выломаны в пять минут.

Гриша Епишкин ждал гостей в кабинете генерального директора. Перед ним на столе дымился в фарфоровой чашечке горячий чай, и на столе справа от него стояла фотография – улыбающийся Извольский с Ириной и Ахрозовым. Экран компьютера справа от него был черен и пуст. Вся компьютерная сеть в заводоуправлении была только что уничтожена. Информация на жестких дисках не подлежала восстановлению. В углу пережевывал последнюю пачку документов новенький шреддер.

Гриша внимательно изучил ордер.

– Имеете что-нибудь сказать следствию? – спросил Шевчук.

Гриша неторопливо полез в стол и достал оттуда белую пластиковую папку.

– Конечно имею, – сказал Гриша, – вот это – копии платежек, которые наши фирмы отправляли на заграничные счета Олжымбаева за тот уголь, который он воровал для нас с разрезов уважаемого Константина Кимовича. Преступление совершает тот, кому оно выгодно. Нам убивать господина Олжымбаева, как вы видите, было совершенно невыгодно, а господин Цой в результате этой смерти получил предлог для захвата комбината. В связи с этим у меня вопрос, уверены ли вы, товарищ следователь, что та болванка, которая влетела на чердак виллы, если она конечно влетала, – и та штуковина, на которой подорвался спустя несколько часов Олжымбаев, – это одно и то же?

Шевчук молча листал папку. Потом передал ее Яковенке.

– Еще какие заявления, Григорий Ефимович? – спросил Цой.

Епишкин развел руками.

– Селектор работает?

– Да.

Цой перегнулся через Гришу и взял телефонную трубку.

– Говорит внешний управляющий Павлогорского ГОКа Константин Цой, – сказал Альбинос, – Руководящему составу предприятия немедленно подойти в мой кабинет.

Спустя пять минут Константин Цой стоял у окна в кабинете и глядел во двор. По двору вилась ноябрьская поземка, и двое

ментов сажали в милицейский газик Гришу Епишкина с заведенными назад руками. Гриша дурачился и шутил. Автобус с ахтарским СОБРом стоял с занавешенными окнами, и напротив него стоял автобус с черловским СОБРом.

Сзади шевельнулся следователь Шевчук.

– Константин Кимович, – спросил Шевчук, – вы понимаете, что у нас нет реальных поводов для ареста Черяги и Епишкина?

– Мне-то что, – пожал плечами Цой, – вы задержали, вы и выпускайте.

– Скажите, Константин Кимович, а Степан Дмитриевич всю неделю прожил на вилле?

– Да.

– Он уехал вчера неожиданно для вас?

– Ты что имеешь в виду?

– Я хочу спросить, Константин Кимович, вы уверены, что расследование этой истории не приведет к неприятным для вас выводам?

– Папку дай, – сказал Цой, – которую этот… уголовник тебе дал.

– Она у Яковенко. И вряд ли это оригиналы, знаете ли.

Цой повернулся от окна и с откровенной усмешкой взглянул на следователя.

– Ну тогда ты чего здесь делаешь. Иди вон, расследуй. Машину тебе дать?

Шевчук пожал плечами и вышел из кабинета. Цой постоял молча еще несколько секунд, неподвижный, словно списанный станок. Потом Цой сунул руку под свитер и достал оттуда фотографию. Это был снимок женщины, небольшой, размером с кредитку. Снимок был смешной, его сделали как игральную карту: верхняя половинка карты изображала Даму Пик в черном, усыпанном стразами платье, нижняя – ту же Даму Пик, но уже без всякого платья. Цой достал этот снимок еще днем из бумажника Фаттаха. У него самого был точно такой же. И даже надпись на обороте снимка была точно такая же.

В дверь заскреблись. Это пришли главный инженер ГОКа и начальник второго цеха. Вслед за ними явились еще двое.

Цой направился к директорскому столу, по пути небрежным жестом сунув фотографию в шреддер. У стола он обернулся, скрестив руки на груди.

– Я собрал вас, чтобы сообщить о новых производственных планах, – сказал Альбинос, – с этого часа Павлогорский ГОК полностью прекращает поставки окатыша и агломерата на Ахтарский металлургический комбинат.

Как бы далеко ни зашел губернатор Орлов в своем

стремлении помочь группе «Сибирь», все-таки это было слишком – задержать нового генерального директора государственного холдинга по совершенно недоказанному подозрению в убийстве.

Дениса выпустили вечером того же дня. Гриша Епишкин остался в СИЗО, но ему так и не предъявили никакого обвинения. Прокуратура темнила, адвокаты уверяли, что Гришу выпустят по истечении семидесяти двух часов.

Денис улетел из Черловска тут же, рейсовым самолетом. Настя летела вместе с ним.

Спустя два дня после прилета Дениса в Москву в том же Черловском арбитражном суде должно было рассматриваться дело: управляющая компания ОАО «Черловский авиационный завод», а именно – ФГУП «Южсибпром» ходатайствовала о возвращении в оное ОАО активов и имущества, выведенного в ООО «Черловский авиационный завод».

Рассмотрение не состоялось: за несколько часов до суда обе стороны подписали мировое соглашение. Одна из лучших российских деловых газет, знавшая об иске, приготовила на эту тему небольшую заметку, но за час до подписания номера главному редактору позвонили на сотовый и порекомендовали заметку снять. Главный редактор полюбопытствовал насчет имени своего собеседника, который взялся определять редакционную политику газеты, и собеседник отрекомендовался Степаном Дмитриевичем Бельским.

Степан Дмитриевич был очень любезен и даже предложил редакции возместить убытки, понесенные от снятия заметки, на что главный редактор заверил, что никаких убытков возмещать не надо и что для Степана Дмитриевича заметку снимут просто так.

Спустя два дня западноевропейский консорциум, в составе «Аэроспасиаль», «Бритиш Аэроспейс», САААБ и «АЕС», Черловский авиазавод и его управляющая компания «Южсибпром» подписали окончательный текст договора о сотрудничестве. Европейцы были несколько удивлены тому, что их партнер по ходу переговоров изменил юридический статус. Однако полпред Александр Ревко, который уже два месяца принимал горячее участие в судьбе проекта «МиГ-Еврофайтер» и котировался всеми западными экспертами очень высоко – во-первых, как блестящий специалист по системам современных вооружений, а во-вторых, как близкий друг русского президента, – так вот, полпред Александр Ревко заверил, что изменение статуса завода не скажется на его эффективности, а наоборот, отражает огромное значение, которое Кремль придает программе сотрудничества Европы и России в деле создания легкого истребителя пятого поколения. Александр Ревко сказал, что вчера, перед третьим чтением, правительство

внесло в федеральный бюджет на будущий год поправки, предусматривавшие выделение дополнительных трехсот миллионов долларов на НИОКР по созданию самолета пятого поколения.

Присутствовавший тут же генеральный конструктор конструкторского бюро «Русское небо» Яков Ященко (сорок восемь процентов КБ принадлежали Черловскому авиазаводу) заверил французов и испанцев в своем горячем желании сотрудничать с Александром Ревко и новым генеральным директором ФГУПа Денисом Черягой.

Кроме этого, французам и испанцам представили нового гендиректора самого авиазавода. Это был Сергей Ахрозов, котировавшийся всеми деловыми и репутационными рейтингами как один из лучших менеджеров России.

Окончательно добило иностранцев известие о том, что назавтра в Кремле их ждет президент.

По подписании договора состоялись совместная пресс-конференция, а затем – ужин, на который приехали замглавы кремлевской администрации, руководитель ФСБ и министр обороны. Репортажи о пресс-конференции прошли по всем федеральным каналам, и деловые газеты посвятили ей очень восторженные и более чем поверхностные заметки. РТР даже начало с этого сюжета вечернюю программу новостей, рассмотрев на примере Черловского авиазавода благотворное влияние укрепления вертикали власти на процесс сотрудничества с Европой.

Степан Бельский и Константин Цой разумеется, не были ни на подписании, ни на пресс-конференции.

Глава восьмая, в которой Дениса Черягу объявляют в федеральный розыск

Степан появился на авиазаводе спустя два дня. Он прилетел обыкновенным рейсовым самолетом, как всегда, почти без охраны. С ним были только двое братков. Машины сопровождения у него не было.

Он поехал прямо на завод. Черный его «Мерс» подъехал к самому входу, и новый охранник из ахтарского ЧОПа встревоженно подошел к «Мерсу». Он шел так, как будто асфальт вокруг машины был заминирован. Телохранитель Бельского опустил стекло и сказал охраннику:

– Скажи, что приехал Степан Дмитриевич. Хочет поговорить с Ахрозовым.

Охранник вернулся через полминуты.

– Сергей Изольдович занят. У него совещание. Просили не беспокоить.

– Ну тогда скажи, что мы подъедем завтра в одиннадцать. И чтобы без совещаний.

«Мерс» сорвался с места и растял в ночи. Охранник отставил автомат и перекрестился.

Заводской аэродром охранялся особо, военной частью, и на аэродром Степана пустили. На аэродроме никого не было. Только в огромном ангаре на стылом бетонном полу высился снежно-белый «МиГ-1-48». В углу выпивали два техника и штурман Борис Борщев.

Борщев сказал Степану, что все летчики заливают печаль водкой дома у шеф-пилота фирмы, Михаила Степановича Рубцова, и вызвался сопроводить Степана.

Рубцов жил в Авиазаводском районе в панельной девятиэтажке. Все подходы к дому были заметены снегом, из-под нарождающегося ноябрьского сугроба торчал зловонный ящик с помоями, и девочка, выгуливавшая пуделя, со страхом покосилась на большую черную машину, подкатившуюся к самому подъезду.

В трехкомнатной квартире Рубцова дым стоял коромыслом. Пилотов и штурманов набилось человек шесть, там же был зам генерального и парочка инженеров. Жена Рубцова, полная женщина лет пятидесяти, хлопотала на кухне.

Когда в дверях показался Степан, разговоры на мгновение прекратились. Потом Рубцов, со стаканом в одной руке и с бутылкой водки в другой, подошел к бандиту, обнял его и

заплакал.

– Ну, Степа, – сказал Рубцов, – спасибо тебе за все. А только не летать теперь машине.

– Посмотрим, – ответил Степан.

Он прихватил со стола кусок хлеба с аккуратно нарезанной колбасой, сел на диван и принялся осматриваться.

Квартира Рубцова пахла уютом и процветанием, но процветанием старым, обустроенным еще в восьмидесятых, когда были куплены и широкая хельга с горкой из хрусталя, и польский диван с потершейся ныне обивкой, и восточный красный ковер во всю стену. Кто-то подошел и протянул Степану стакан водки. Степан водку взял, не отказываясь, но поставил на тумбочку рядом с диваном. Он собирался пить, но чуть погодя.

Минуты через три Степан вышел на кухню. Жена Рубцова, полная низенькая женщина лет пятидесяти, вынимала из старой плиты сдобный пирог.

От противня несло жаром, Дарья Михайловна корячилась, но никак не могла ухватить его слишком коротким полотенцем, и, заметив, что кто-то вошел в дверь, она сердито зашипела:

– Ну чего стоишь, помоги!

Степан помог достать пирог. Из-под румяной корочки выглядывали дольки грибов. Они поставили пирог на стол, Дарья Михайловна оглядела Степана, прищурилась, уперла руки в боки и сказала:

– Ты Бельский, что ли?

– Да.

– Ну так учти, Бельский, муж там не останется. Я этого не допущу.

– Это не обязательно. Я хочу, чтобы Миша остался на заводе.

Дарья Михайловна уперла руки в пышные боки и заявила Степану:

– Ты поживи с мое, а потом меня учи, чего мой муж должен делать! Хочет он! Уйдет он, ясно!? Ты чего лыбишься?

– Ничего, – сказал Бельский, – вкусный у вас пирог. Мама в детстве такой пекла.

– Так чего стоишь? Помой руки и бери, для людей пекли, не для себя! Да не здесь помой, в ванной!

Бельский улыбнулся – впервые за последнюю неделю – и вышел из кухни. В коридоре он, однако, свернул не в ванную, а в кабинет. Кабинета, собственно, не было: была спальня с маленьким чертежным столом и стенами, завешенными снимками истребителей. В спальне сидели и выпивали трое: шеф-пилот Михаил Рубцов, генеральный конструктор «Русского неба» Яша Ященко и еще какой-то техник.

Конструкторское бюро «Русское небо» на сорок восемь процентов принадлежало Черловскому авиазаводу и на сорок пять процентов – оффшоркам, представлявшим Степана. Пять процентов принадлежали самому Ященко. Раньше эти пять процентов ничего не значили, а теперь именно голос Ященко становился решающим. При виде Степана разговор прекратился.

– Дарья пирог печет, – смущенно сообщил Рубцов Степану, – пирог будешь?

Степан плюхнулся на диван.

– Буду. Славная у тебя Дарья.

Степан, чуть прищурясь, взглянул на техника. Тот торопливо поднялся, прихватил с собой стакан и вышел. В комнате остались только трое, и на мновение в ней повисло невеселое молчание.

– Ну, как дела? – с усмешкой спросил Бельский.

– К президенту ходили, – ответил Рубцов, – говорят, в бюджет внесли поправку: триста миллионов на доводку МиГа.

– Ну вот видите, как здорово, – сказал Степан, – в Кремль сходили. Меня с моей рожей не то что в Кремль – в СИЗО бесплатно не пустят.

– У меня завтра встреча с Александром Феликсовичем, – напряженным голосом сообщил Ященко.

Ященко был молодой еще тридцатилетний парень, очень способный конструктор и прекрасный бизнесмен. Он был благодарен Степану, но сотрудничество с Бельским всегда тяготило его. Основной причиной было то, что Ященко, почти всегда предсказывавший реакцию собеседника на то или иное свое предложение, никогда не мог предсказать реакции Степана. Временами ему казалось, что они принадлежат к разным биологическим родам.

– Александр Феликсович, – сказал Ященко, – очень хорошо разбирается в проблемах отечественного самолетостроения. Но если вы против, я отменю завтрашнюю встречу…

– Кстати, по поводу Ревко, – преувеличенно радостно вскричал Рубцов, – я все глядел, глядел – я же только на приеме вспомнил, что мы знакомы!

– И где же вы познакомились?

– В Сирии. В восемьдесят четвертом. Он же наши МиГи поставлял и еще, представляешь, израильские «узи»! У сирийцев тогда было такое странное условие, чтобы и МиГ, и «узи»… В восемьдесят четвертом! «Узи»! Денег у него было, как у арабского шейха. У меня даже фотографии сохранились… Показать?

– Покажи, – равнодушно согласился Степан.

Рубцов выдвинул один из ящиков комода и стал копаться в снимках. Степан молча рассматривал фотографии МиГов на

стенах.

– Нет, не здесь, – сказал Рубцов, – это, наверное, в другой комнате. Прикинь, Степан Дмитриевич: МиГ и «узи»!

И вышел. Ященко и Степан остались одни. Ященко прятал от Степана глаза.

Бельский смотрел на него с усмешкой: он видел Ященко насквозь. В свое время он вытащил Яшу из долгов и беды. Он помог ему, дал денег и даже подарил Яше пять процентов акций конструкторского бюро. Любой пацан из подворотни в этой ситуации до конца жизни считал бы себя крепостным Бельского. По первому слову Бельского он был бы готов сесть, убить или погибнуть. Не то Яша – он уже искренне не понимал, чем он был обязан Бельскому. Он уже искренне считал все преимущества от сотрудичества с Ревко. Это были другие люди, другие правила игры. И потом эти люди еще удивлялись, отчего бандиты презирают их и считают лохами.

– Тут президент в январе обещал к нам приехать, – осторожно сказал Ященко. – Спрашивал, где тут хорошие горные лыжи. А горные лыжи хорошие в Павлогорске…

– Ну вот видишь, как хорошо, – с усмешкой сказал Степан, – Костя приехал в Павлогорск с ордером на арест, а Извольский приедет в Павлогорск с президентом. Президент у нас будет круче, чем ордер, а?

Ященко закусил губу. Потом наконец решился.

– Зря вы так, Степан Дмитриевич, – сказал он, – конечно, я понимаю, вы лишились очень больших денег. Но… взглянем правде в глаза, то, что случилось, для российского самолетостроения оно лучше. Если у программы международного сотрудничества есть прямая поддержка президента и Кремля…

В кармане Бельского зазвонил телефон.

– Да.

– Степан Дмитриевич, это Шевчук. Дима Шевчук, помните?

– Да. Что?

– Мы раскрыли убийство Горного. Если хотите, можете подъехать в прокуратуру.

Степан встал. Посмотрел на вжавшегося в кресло Ященко.

– Я вернусь, – сказал Степан, – не уходи. Поговорим насчет твоей завтрашней встречи.

Старший следователь областной прокуратуры Дмитрий Шевчук, которому было поручено вести дело об убийстве Афанасия Горного и Фаттаха Олжымбаева, чувствовал себя очень неуютно.

Все, что было известно на сегодняшний день, и известно доподлинно – это что исполнителем был местный бандит Леша

Крамер по кличке Самосвал. Все остальное было – догадки, а догадки могли быть самые разные.

Более чем вероятно, что Денис Черяга был действительно организатором преступления. Он мог знать о Крамере через Гришу Епишкина. Они могли встречаться, даже почти наверняка озлобленный, обиженный Крамер ходил к врагам группы «Сибирь».

Но это была только одна возможность. А посмотрим с другой стороны: Степан Бельский провел в Черловске почти неделю и все это время ночевал, естественно, на корпоративной вилле. И накануне покушения, которое должно было уничтожить виллу, – вдруг спешно улетел. Были у Степана претензии к Цою? Были. Цой готов был пожертвовать Черловским авиазаводом, чтобы захватить Павлогорский ГОК. Степан был готов сделать что угодно, чтобы сохранить авиазавод.

Что ни говори, а это была неприятная возможность. Учитывая конфиденциальные отношения Шевчука с Бельским.

Наконец, была и третья возможность. Как там ни верти, а убили-то не Константина Цоя, а Фаттаха Олжымбаева, который, как выяснилось, Цоя предавал и обкрадывал. И в результате этого убийства Цой с триумфом и без сопротивления зашел на ГОК, который так просто ему в руки бы не дался. Все сложилось очень в пользу Константина Цоя, а тут знаете как: если что-то случайно сложилось в пользу Альбиноса, иногда стоит присмотреться – и обнаружишь, что случайность эта рукотворная.

Да, Крамер скорее всего был уверен, что стреляет по особняку боевой кумулятивной ракетой. Но была ли ракета на самом деле боевой? Или ее заменили на боевую за те пять часов, которые она валялась в сарайчике?

Счеты у Крамера были не столько с Цоем, сколько с Олжымбаевым. Охрана Цоя могла подбить его на покушение, заверив, что в особнячке находится один Олжымбаев. В таком случае Крамера уже где-то перехватили и утопили в ближайшем лесочке.

Была и еще масса вариантов, столько же, сколько врагов было у Цоя.

Из всего этого многообразия версий вытекал вполне практический вопрос: а стоит ли так внимательно копаться, разыскивать Лешу Крамера и проверять пути его отхода?

Не проще ли колоть Гришу Епишкина, авось в чем-то да сознается?

Но Епишкин, как назло, ни в чем не сознавался, чувствовал себя в камере как щука в воде и на допросах рассказывал только об одном – о том, что Фаттах практически договорился с АМК о

мятеже против Цоя. Истекало три дня с момента задержания Епишкина, а предъявить ему обвинение не представлялось возможным.

Следователь Шевчук стал искать любого способа посадить Епишкина хоть за что-то: хоть за пакетик героина, обнаруженный дома при повторном обыске.

На третий день следователю Шевчуку повезло.

Вечером 17 ноября в Павлогорске нетрезвый посетитель бара «Калинка» подрался с официантом, выстрелив при этом в воздух. Милиция задержала дебошира, и он оказался одним из сотрудников службы безопасности ГОКа, уволенным три дня назад при смене власти.

Палил уволенный спьяну и от обиды, а ствол у него был незарегистрированный.

Следователь Шевчук решил, что не будет беды, если уволенный сотрудник покажет, что ствол ему дал Гриша Епишкин. Кроме этого, Шевчук распорядился отстрелять ствол на предмет участия его в каких-либо разборках.

На следующий день следователь Шевчук не поверил своим глазам: акт экспертизы утверждал, что это тот же ствол, из которого застрелили Лешу Панасоника. После стрельбы кто-то попытался изменить расположение бороздок, с силой проведя напильником по внутренней поверхности ствола, но характерные следы оставались на пуле все равно.

Бригада Шевчука нагрянула к бывшему менту домой. От него потребовали признания в убийстве Панасоника. В ответ пьяный мент показал, что ствол ему продал за несколько бутылок водки другой охраннник ГОКа, Игорь Крупцов.

Крупцов был одним из сотрудников наружки, «пасших» Панасоника в день смерти.

Васютина препроводили в камеру, а группа захвата немедленно выехала на квартиру к Крупцову. Оперативники ожидали, что Крупцова в квартире не окажется. Так оно и было.

– Сбежал, – грустно констатировал следователь Шевчук.

– У него дача была, давайте на дачу съездим, – предложил один из оперов.

Следователь Шевчук задумался. Ехать по мокрой ноябрьской погоде куда-то за Ивантеевку ему не хотелось. Пока нашли адрес дачи, пока получили машину и выписали ордер, прошло часа три. На дачу группа захвата явилась к двум часам дня.

Оперативники позвонили в дверь, но им никто не откликнулся.

– Что я говорил? Пустышка, – хмуро заметил Шевчук.

Один из оперов толкнул дверь: та отворилась.

Посереди комнаты лежал Игорь Крупцов. Он лежал головой вниз, и из-под него текла большая красная лужа.

– Опа! – сказал Шевчук – труп, ребята!

Тут труп перевернулся и захрапел.

Игорь Крупцов был в стельку пьян, а красная лужа по рассмотрении оказалась остатками пролитого кем-то борща. Оперативники разбрелись по комнатам. В спальне они обнаружили напарника Игоря – Аркадия Висягина, а рядом с ним – голую проститутку из агентства, опекаемого Мансуром.

Висягин был тоже пьян, а проститутку удалось растолкать. Она не пила. Судя по ее венам, она давно и прочно сидела на игле.

В доме начался обыск. Через десять минут из погреба был извлечен автомат Калашникова, и там же, в трехлитровой банке из-под огурцов, прятались россыпью патроны.

Проститутка в кухне заливалась пьяными слезами.

Спустя двадцать минут следователь Шевчук поднялся на чердак. На чердаке было ветхо и холодно, и сквозь доски сочилась хмурая ноябрьская муть. Посереди чердака шла печная труба, и возле этой трубы кто-то устроил лежку из наверченных одно на другое одеял, вроде как у бомжа.

Шевчук сделал два или три шага и затылком почувствовал, что кто-то на него пристально смотрит. Шевчук обернулся.

Позади него, держась левой рукой за стреху, стоял объявленный в федеральный розыск Олег Самарин. Он был, видимо, тоже пьян, и в правой его руке подрагивал пистолет. Лицо Самарина было мятое и красное.

Шевчук замер. Самарин стоял, пьяно качаясь, и ствол в его руках глядел Шевчуку прямо в живот.

– Это ты ведешь следствие по убийству Горного? – спросил хрипло Самарин.

– Да.

– А черт с ним. Надоело прятаться. Горного убил я.

Пистолет в руке Самарина описал длинную дугу и шлепнулся на гнилые доски перед Шевчуком.

* * *

Первый официальный допрос Олега Самарина состоялся спустя четыре часа в СИЗО города Черловска. Самарин, заросший и сильно уставший, все время вертел в руках толстую алюминиевую чашку, в которую ему налили чаю. Глядел он не на Шевчука, а прямо в стеклянный и равнодушный глаз телекамеры.

Шевчук откашлялся и зачитал по бумажке, что следственные действия проводятся с Самариным Олегом Афанасьевичем, 1960-го года рождения, разыскиваемым за покушение на убийство гражданина Артема Мансурова. Назвал время и место проведения допроса и предупредил об ответственности за дачу ложных показаний.

– Олег Афанасьевич, – спросил Шевчук, – что вы можете рассказать об обстоятельствах покушения на Артема Мансурова?

– В Мансурова стрелял я. По просьбе Дениса Черяги.

– Вы не могли бы уточнить?

– Я выполнял приказ Дениса Черяги, руководителя службы безопасности Ахтарского металлургического холдинга. Черяга пришел ко мне накануне убийства. Он поставил мне ультиматум, заявив, что Мансур мешает ахтарскому холдингу. Я хотел отказаться, но Денис заявил, что холдинг заплатил слишком большие деньги за мое назначение и что я должен эти деньги отработать. Я сказал: «Я отработал эти деньги». Денис ответил: «Извини. Ты уже замазан».

– Что он имел в виду?

– Убийство Панасоника.

– Вы хотите сказать, что его так же устранили по приказу Черяги?

– Черяга сказал мне так: «Надо показать павлогорским бандитам, что с ними будет, если они не сдадутся».

– Вы лично принимали участие в ликвидации Панасоника?

– Нет. Я вызвал двух сотрудников «наружки», которые за ним следили. Дал им денег и ствол. Они, кстати, заявили, что пистолет выбросили.

– Сколько денег вы им передали?

– Пять тысяч долларов. Другие пять тысяч я взял себе.

– А убийство Мансура?

– Я не получил денег заранее и не получил их потом, потому что я провалил операцию. Однако Черяга спрятал меня и выдал десять тысяч, как он сказал, «на жизнь».

– Вы все это время скрывались в Черловске?

– Нет. Черяга помог мне перебраться в Казахстан. У него там связи. Однако спустя месяц он разыскал меня снова. Он сказал, что комбинат потратил на меня достаточно денег, и что мне снова надо помочь комбинату. Я вернулся в Россию 16 августа под именем Александра Стражева. Просто проехал козьими тропами. Черяга потребовал, чтобы я исполнил Афанасия Горного.

– Черяга принимал участие в организации убийства лично?

– Фактически да. В это время Черяга получил один из домов в

поселке, и я скрывался там. Вечером после встречи с Горным Черяга приехал домой и сказал, что завтра с утра Горный будет в универсаме «Родник».

– Кто стрелял в Горного?

– Я. На машине близ черного входа меня ждал Висягин. Сразу после этого я уехал в Казахстан.

– Когда вы вернулись в Россию?

– 19 октября в Казахстан приехал Денис Черяга. Он приехал на Аксуйский феррохромный завод вести переговоры по поводу поставок на АМК, а заодно он встретился со мной. Денис рассказал мне о промышленной катастрофе на ГОКе и о том, что тот неминуемо будет обанкрочен. «Надо убрать Альбиноса», – сказал Черяга. Я спросил, это инициатива Черяги или нет, и он ответил: «Это не моя инициатива». Мне это не понравилось, потому что убить Цоя – это вам не Панасоника пристрелить. Я предложил Черяге поговорить с Алексеем Крамером. Они встретились, Денис мне сказал, что Крамер приезжал к нему в Павлогорск. Но затем Денис снова потребовал, чтобы организацией покушения занимался я.

– Кто снабдил Крамера оружием?

– Он купил его сам, насколько я знаю, у какого-то Фарида. Он нам предлагал «Малютку» и «Метис», но «Малютка» была слишком тяжелая. Мы купили советский «Метис» и три ракеты, одну испытали в болотах к северу от Черловска. Всадили ракету в старую сосну, чуть сами не сгорели. В день после покушения я должен был забрать Крамера в сорока километрах от санатория, у Распадки. Но Крамер не приехал. Я решил, что его убили. У меня не было денег, я был объявлен в федеральный розыск, и я понимал, что меня убъют, как только я покажусь на глаза Черяге. Я принял решение отсидеться на заимке, пока шум не утихнет.

Самарин давал показания ровным голосом, останавливаясь посередине сложных предложений и терпеливо дожидаясь, пока Шевчук занесет сказанное в протокол.

Когда допрос был окончен, он внимательно прочел протокол и расписался на каждой странице. Камеру выключили. Следователь Шевчук приказал сделать с кассеты копию, вышел в коридор и набрал номер Степана Бельского.

* * *

Степан появился в кабинете следователя Шевчука через двадцать минут. Время шло к одиннадцати, на улице хлестал мелкий ледяной дождь, и в новом, только что

отремонтированном здании прокуратуры лишь одно окно светилось белым, словно в операционной, светом: окно Шевчука.

Узенький кабинет Шевчука был по-спартански меблирован пластиковым столом и пирамидкой черных шкафчиков, установленных друг на друга. На одном шкафов красовалась видеодвойка. Видеодвойка проходила вещдоком по одному из уголовных дел, о чем честно извещала приклеенная сбоку бумажка.

Бельский вошел в комнату, отряхиваясь от дождевых капель, словно большая умная овчарка, и в кабинете сразу стало тесно. Шевчук торопливо вскочил со стула.

– Ну, что ты там накопал? – спросил Бельский.

Шевчук засуетился около видеодвойки. Он вставил кассету в видеомагнитофон и нажал на «пуск». Экран, противу ожидания, остался черным, потом по нему забегали цветные полосы, мелькнула какая-то рекламная вставка, и все снова погасло.

Бельский ждал – терпеливо и без улыбки. Последний раз, когда он был в прокуратуре, его допрашивали по поводу взрыва, уничтожившего машину его злейшего конкурента. К тому же Бельскому в его нынешнем состоянии духа было довольно трудно улыбаться Шевчуку. Конечно, Шевчук выполнял именно его поручения, – но это же еще не повод уважать проститутку, если ты даешь ей деньги.

Шевчук суетливо тыкал пальцами в кнопки видеодвойки.

– Это что? – спросил Степан.

– Показания Олега Самарина, – с торжеством сказал Шевчук.

Он нажал на кнопку еще раз, но магнитофон оставался нем и незряч. Шевчуку было досадно. Маленькая техническая оплошность портила ему весь миг триумфа, ибо, без сомнения, триумф его заключался не в том, что он, как следователь, раскрыл преступление. Триумф заключался в том, что он раскрыл преступление так, как было надо Бельскому.

Шевчук заметался, вытащил из письменного стола пачку листов и протянул их Степану.

– Вот, держите. Это ксерокопии.

Степан долго читал показания. Они еще не были напечатаны на машинке, а только писаны от руки крупным, почти детским почерком Шевчука. В конце каждой страницы чернела аккуратная роспись Самарина.

– Вот, – сказал с триумфом Шевчук, – наконец-то!

Экран видеомагнитофона ожил. На нем показалось напряженное, неулыбающееся лицо Самарина. Степан послушал несколько минут, внимательно глядя в экран. Потом поднялся, выключил видеомагнитофон и вытащил кассету. Кассету

Бельский запихал в карман куртки.

– Когда ты берешь Черягу? – спросил Бельский.

– Степан Дмитриевич, – сказал осторожно Шевчук, – на меня было сильное давление. Очень сильное. Из-за предыдущего ареста. Все-таки был арестован генеральный директор крупного государственного предприятия. Практически без улик. И если я его арестую просто так, на основании показаний, то все скажут, что просто свожу счеты. Нам необходимо подтвердить показания Самарина. Провести следственный эксперимент.

– А тут разве доказательств недостаточно? – с усмешкой спросил Степан, протягивая Шевчуку папку с протоколами допроса.

– Ну видите ли…

– Посмотри еще раз.

Шевчук недоуменно раскрыл папку и обмлел: поверх протоколов лежали две десятитысячные пачки долларов.

– Степан Дмитриевич! – потрясенно и с неким даже упреком сказал Шевчук.

Степан перегнулся через стол и сгреб Шевчука за галстук.

– Ты его завтра приделаешь, это первое. Он не должен бегать, он должен сидеть. И он должен сдать своего шефа, Сляба. Понятно?

И раньше, чем Дима Шевчук успел с благодарностью согласиться, Бельский хлопнул дверью и был таков. Если бы следователь Шевчук провожал Степана до улицы, он бы заметил одну любопытную деталь: прежде чем шагнуть с крыльца прокуратуры в ноябрьскую слякость, очаковский лидер тщательно вытер ноги.

Бельский вернулся в квартиру Рубцова спустя двадцать минут. Поминки по заводу были в самом разгаре. В гостиной терзали гитару, кто-то выл и мяукал.

Ященко сидел в кабинете и читал какую-то книжку.

Повеселевший Степан взял стул и сел на него верхом.

– Ну, Яша. Рассказывай. Что тебе Денис предлагал?

Яша стал смотреть куда-то вбок.

– Он был вместе с Ревко. Он меня зазвал куда-то в комнату, прямо на приеме… Он… сказал, что на меня заведено уголовное дело. Там… якобы мы завысили цены на услуги… Он предложил мне отдать акции и прекратить дело.

– А Ревко?

– А потом пришли Ахрозов с Ревко. Они предложили семь миллионов. За акции… Они… они приличные люди, не то, что Черяга.

– Убийца.

– А?

– Черяга – убийца и карьерист. Он кто? Он вице-президент. А теперь генеральный директор. А он людей убивает. Они что, его в ответ могли убить? Панасоник его мог убить? Разве можно убивать людей просто так? Да еще мусору?

– А не мусору – можно?

Степан резко наклонился вперед.

– Мусора, Саша, убивать не могут по определению. Потому что попадаются, потому что колются, потому что сдают своих. Вокруг них друзей нет, понимаешь? А если нет друзей, этим лучше не заниматься. Вот ты, например, Яш, мне друг? Ты мне ведь не откажешь, чтобы я ни попросил?

Яше стало страшно. Очень страшно.

– Конечно, не откажу… – бодро сказал он.

– Ну тогда налей мне водки.

В дверь заскреблись, и на пороге показался Миша Рубцов. Он шел почти прямо. Миша славился тем, что мог влить в себя безнаказанно до трех литров водки. Сейчас отметка стояла на двух с половиной, и можно было считать, что Миша еще трезв.

– О, – сказал Миша, – Степа! Степа, а я фотографии отыскал.

– Какие фотографии?

– Ну, те. Где Ревко торговал МиГами.

Степан с досадой отвел руку Рубцова. Тот пошатнулся, веер фотографий рассыпался по полу. Рубцов икнул и опустился рядом.

Степан наклонился, чтобы собрать фотографии. Фотографии были черно-белые, довольно старые, некоторые – со следами давних деревянных рамочек.

На третьей фотографии, на фоне МиГ-25 с опознавательными знаками сирийской армии, стояли четверо: Михаил Степанович двадцатилетней давности, еще молодой, в летном комбинезоне, улыбающийся Ревко и какой-то сирийский полковник. Четвертым был человек в белой рубашке и черных брюках, выглядывающий из-за плеча Ревко.

– Ихний министр безопасности, – сказал очнувшийся Рубцов, с гордостью показывая на сирийского полковника. – Толковый, говорят, был мужик. За воровство потом расстреляли.

– А этот? – спросил Степан, показывая на человека в белой рубашке.

Шеф-пилот пожал плечами.

– Не знаю. С Ревко приехал. Я думаю, он как раз по части «узи» был… Представляешь, а? «узи» и «МиГи»…

Степан вгляделся в фотографию еще раз, потом осторожно отделил ее от других и сунул в карман.

– Ребята, – сказал Степан, – вы выйдите, мне одному надо подумать.

Тон его резко изменился. Шеф-пилот удивленно взглянул на Бельского и покинул комнату.

Степан собрал все фотографии и пересмотрел их снова. Фотографий с человеком в белой рубашке и черных брюках было две. На второй он стоял в полоборота и держал правую руку на плече Ревко.

Степан заложил руки за спину и принялся ходить по комнате, неторопливо, взад-вперед.

Степан ходил недолго, минут пять, а потом сел на диван и набрал на сотовом номер Дениса Черяги. Трубку долго не брали. Наконец раздраженный голос на фоне громкой музыки сказал:

– Ало!

– Это я, – сказал Степан, – ты меня слышишь?

– Кто говорит? Але! Перезвоните!

Связь была очень плохой.

– Нам надо встретиться, – сказал Степан.

– Что? Я сейчас выйду, погоди.

Треск исчез, и связь стала лучше. Видимо, место, где сидел Черяга, плохо пропускало радиоволны.

– Теперь слышишь? – спросил Степан. – Ты меня узнал?

На том конце провода озадаченно дышали в трубку.

– Узнал, – наконец послышался ответ.

– Нам надо встретиться. До завтра.

Что-то в голосе Степана мешало его собеседнику просто бросить трубку.

– Я завтра улетаю. В пять утра.

– Задержись.

– А комаринского мне для тебя не сплясать?

В голосе собеседника было холодное бешенство. Степан посмотрел на часы. Они показывали два часа ночи. В Москве было десять вечера.

– Ты в Москве? – спросил Степан.

Собеседник поколебался с ответом.

– Да.

– Тогда приезжай в Кубинку. К часу.

– Куда?

– Если ты не знаешь, куда ехать, езжай на семидесятый километр Можайки. Там под столбом тебя встретят мои машины.

– С чем встретят? С автоматами?

– Нет. С установкой «Град», – ответил Степан, вырубил связь и вышел в гостиную. Все присутствующие обернулись к нему.

– Михал Степаныч, – сказал он, – распорядись, чтобы

«Сапсан» подготовили к вылету.

– Когда?!

– Сейчас. Пока я доеду до «точки». Боря, ты не пил?

Борщев отрицательно качнул головой.

– Полетишь со мной штурманом. Герман, свяжись с военными, оформи полет. Распорядись, чтоб меня встретили. Когда будешь звонить в Кубинку, скажи, чтобы пропустили туда машину.

– Чью?

– Дениса Черяги.

* * *

Этот день был первый, когда Денис вернулся на Рублевку к десяти вечера. Дел было невпроворот: полтора десятка юристов скрипели от усердия в нанятых ахтарским холдингом фирмах, строча протесты, обращения, апелляции, жалобы, и просьбы о возбуждении уголовных дел.

Денис лично изготовил две аналитические записки, – одну по поводу захватнических планов группы «Сибирь», другую отдельно по поводу беззаконий на Павлогорском ГОКе. Ревко сунул записки кому-то в Кремле.

Депутатские запросы о судьбе Павлогорки шли по пять тысяч долларов штучка. Заявление о возбуждении уголовного дела против следователя Шевчука по факту злоупотребления служебными полномочиями потянуло для начала на тридцатку. За немедленное и полное освобождение Гриши Епишкина, даже буде ему предъявят какое обвинение, попросили двести тысяч.

Аналитические записки в Кремль и назначение Дениса главой «Южсибпрома» обошлись даром, если, конечно, не считать факта передачи «Южсибпрому» акций Павлогорского горнометаллургического комбината, приносившего в год восемьдесят миллионов долларов чистой прибыли, и Черловского авиазавода, чей портфель контрактов, с учетом контракта «МиГ-Еврофайтер», составил четыре миллиарда долларов на три ближайших года.

Вдобавок Извольского не было в стране. Швейцарские врачи делали Ларочке очередную операцию. Слава и Ирина улетели в Цюрих; рабочий день Дениса начинался в девять и оканчивался в пять утра. Остальное уходило на личную жизнь.

В номере было темно и пусто, и едва уловимо пахло Настей, – не ее духами, она ничем, кроме дезодорантов, не пользовалась, а ей самой, – тем неопределимым, но определяющим все ароматом,

или скорее даже образом аромата, который и составляет основу влечения мужчины и женщины. Денис почти всегда по этому аромату чувствовал, как давно Настя ушла из комнаты; аромат был совсем свежий. Денис некоторое время стоял в темноте, растерянно сжимая в кармане пальто небольшую коробочку с длинными сверкающими сережками. Потом сел на кровать, чтобы раздеться, прилег на минуту – и заснул.

Проснулся Денис спустя полчаса, вспотев в неудобном уличном пальто и тяжелой обуви. Он не сразу вспомнил, где он и какая следующая встреча; вспомнив же, со вздохом скинул пальто и набрал настин мобильный. Тот был выключен. Денис зевнул, протер глаза и отправился искать Настю.

В зимнем саду на третьем этаже было темно: только горел огонь в камине, да на фоне черного пуленепробиваемого стекла вырисовывалась коротко стриженая женская головка.

– Майя Аркадьевна, – позвал Денис, – вы не видели Настю?

Майя не отозвалась. Денис включил свет. Майя сидела в кресле, а на коленях у нее свернулся пушистый котенок. Майя недовольно моргнула, Денис выключил свет и сел рядом.

– Джек подарил, – сказала Майя в полутьме, показывая на котенка. – Он сделал мне предложение.

Внук американского сенатора Джек Галлахер вел себя безупречно. Он провел полдня в больнице, и ушел оттуда с диагнозом сотрясение мозга средней тяжести и закрытый перелом правой руки. Это был диагноз, который привел бы любого знакомого Денису американца в состояние исступленного сутяжничества. Не то Галлахер. Между ним и Денисом состоялся очень тяжелый разговор, после которого Джек сказал, что не будет жаловаться в милицию. «Нам, как Ахтарскому металлургическому комбинату, было бы гораздо приятней, если бы вы подали заявление на Бельского», – сказал Денис. «А мне неприятно, что в этом заявлении будет фигурировать имя моей будущей жены», – отрезал американец.

– Я вам не рассказывала, что тогда было, ночью? – спросила Майя.

Денис промолчал.

– Степан бил Джека один. Совсем один, – сказала Майя. – Охрана стояла и не вмешивалась. А Джек ничего не мог поделать. А он ведь должен быть сильнее Степана.

С точки зрения Дениса, невелика была доблесть – матерому бандиту навешать по морде молодому сопернику, хотя бы и повыше и потяжелее. А что охрана не вмешивалась, так потому и не вмешивалась, что надобности не было.

– А потом я швырнула в Степана снимками, – сказала Майя, –

которые вы мне прислали.

– Какие снимки?

– Степан с проститутками. Совсем недавние.

Денис помолчал.

– Майка, у меня нет технических возможностей снять Степана Бельского на пленку. Снимали те, кто развлекались рядом. Сказать тебе честно – мне совсем не хотелось, чтобы ты ссорилась со Степаном.

– Почему?

– Потому что я отвечаю за безопасность Славки. И пока ты была рядом с Бельским, он бы не стал стрелять в Славку. Даже по просьбе Цоя. Он бы сказал, что бизнес сначала, а женщина потом, но он бы не стал стрелять в Славку. И Цой это понимал. У него был ядерный чемоданчик, а применить его он не мог.

– Он не имел права, – сказал Майя, – он не имел права жить со мной, а спать с какими-то тварями. А меня он был готов убить за то, что я сижу с Джеком в ресторане.

В гостиной повисла тишина. Что Денис мог сказать? Что эта была часть культуры таких людей, как Бельский? Что для них это было естественно, это даже не было изменой? Любовницу – нет, любовницу Бельский бы себе никогда не завел, Денис в этом был уверен. А баня, день рождения… ну, это просто как чистить зубы.

Тот кодекс, по которому жили Бельский и Цой, да и он, Денис Черяга, слишком отличался от того, по которому жили американцы, интеллигенты и советские люди. По этому кодексу Бельским мог спать с проститутками, а Майя не могла поужинать с Джеком. И тут уж ничего не поделаешь. И вряд ли кто-нибудь из родственников Майи или партнеров Бельского заинтересован в том, чтобы помирить этих двоих, а сами они никогда не помирятся.

На столе зазвонил небрежно брошенный Денисом мобильник. Денис надеялся, что это перезванивает Извольский. В мобильнике играла далекая музыка, слышались какие-то голоса, и когда Денис понял, кто это, он быстро вышел в коридор.

Когда Денис закончил разговор и обернулся, позади него стояла Майя..

– Это он?

Денис промолчал.

– Это он?! Возьмите меня с собой!

– Майя, я конечно не могу взять тебя с собой, – сказал Денис.

Когда, спустя десять минут, Денис садился в машину, Майя внезапно сбежала к нему со ступенек.

– Денис, – сказала Майя, – скажите ему… скажите, что у него будет ребенок.

Охранник захлопнул дверцу автомобиля, и тот медленно тронулся вдоль занесенной снегом клумбы. Денис обернулся. Неясный силуэт Майи вырисовывался на фоне светящихся дверей из пуленепробиваемого стекла, и только тут Денис обратил внимание, что на Майе свободное платье, скрывающее талию.

* * *

Спустя десять минут машины Дениса промчались по спящей Успенке и выскочили на Можайское шоссе.

Денис пытался поспать перед встречей, но так и не смог – уж больно поганые мысли лезли в голову.

Конечно, предложение ехать в Кубинку, в час ночи, по безлюдному шоссе, да еще исходящее от Степана Бельского, отдавало близкой мертвечиной. Степан был разумный человек: но какой разумный человек не потеряет голову от того, что делают с его заводом?

Извольский уж на что цивилизованный олигарх, – и тот отдал Черяге не подлежащий двусмысленному толкованию приказ, а ведь Извольский не имел профессионального обыкновения разрешать конфликты снайперским выстрелом, и у Извольского отбирали не небо – мечту всей его жизни, а одного из поставщиков АМК…

«Мерс» Черяги мягко затормозил.

– Ждут, Денис Федорович, – сказал водитель.

На обочине шоссе, под столбиком с цифрой «72», скучали черный «Мерс» и «Лендкрузер». Ни одного человека снаружи не было.

Вслед за машиной Черяги тут же затормозил джип сопровождения, и из него мгновенно высыпали омоновцы с автоматами.

Двери «Мерса» и «Лендкрузера» отворились почти одновременно. Из «Крузера» выскочили ребята в черных кожаных куртках, из «Мерса» вышел Кирилл. Тут уж вылез и Черяга.

– А где Степан? – спросил Черяга.

– Езжай за нами, – ответил Кирилл.

Машины Бельского тронулись и вскоре, набрав скорость, свернули с Можайки. Дорога была узкой и заснеженной, ветви деревьев, груженые свежим снегом, едва не касались крыш автомобилей. Потом сосны пропали, мимо пошла стена военного городка, полуобвалившаяся и исчерченная надписями, со спиралью Бруно поверх.

Черяга ничего не понимал. Это были машины, на которых

всегда ездил Степан – но без Степана. Значит, его нет в Москве? Значит, они едут его встречать? И он прилетит в Кубинку?

Черт возьми, но это военный аэродром! И прилететь туда Степан может только на одном – на военной машине, а военная машина может лететь только из одного места – из Черловска! Чего он надеется достичь этим представлением? Отменить вчерашний контракт? Но контракт не отменить, даже если Степан на подлете выпустит по машине Черяги все ракеты, которые можно подвесить под брюхом «Сапсана»! Это-то Степан должен понимать, конвейер не остановишь, – если Бельский возьмется за оружие, любой выстрел, который будет направлен в Черягу ли, в Извольского, разнесет на куски программу «МиГ-Еврофайтер»!

Бельский сам себе подставил подножку. Он залез в такую ситуацию, где стрелять – значило обречь себя на поражение, а других аргументов, кроме стрельбы, Степан Бельский, по сути, не знал.

КПП при аэродроме был тих и пустынен. Солдатик в теплой шинели долго объяснялся с Кириллом и водителем Черяги, потом, боязливо косясь, пропустил вереницу машин.

«Мерс» Черяги покатился по рулежке. Слева стояли засыпанные снегом МиГи, как памятники великому СССР. Справа и вдаль уходила окаймленная синими огнями посадочная полоса, и вдоль нее неторопливо катилась снегоуборочная машина.

Машина Кирилла остановилась возле двухэтажного засыпанного снегом домика со стеклянной крышей. Недалеко от домика, на занесенных рулежках, стояли несколько истребителей. Почти со всех облезла краска, а у одной из «сушек» кабина вместо стеклянного фонаря была забита фанерой. Видимо, это были списанные машины.

Денис и Кирилл обтрясли снег о ступени и вошли внутрь. Первый этаж был гулок и пустынен. Когда Кирилл нащупал выключатель, загорелось не больше трети ламп. Перед ними был длинный коридор, с непременной доской почета на стене и дерматиновыми дверями кабинетов. Чуть подальше болталась полураспахнутая дверь сортира, и из нее несло дерьмом и хлоркой.

Кирилл пинком распахнул одну из дверей и зашел вместе с Денисом внутрь. Это оказался большой и полутемный кабинет, со множеством деревяных столов и поскрипывающим полом.

Около левого окна стояла небольшая деревянная доска, и на ней мелом было накорябано аэродинамическое уравнение и слово из трех букв.

Денис сел за стол поближе к выходу, и Кирилл тоже сел за стол, подальше от Дениса. Охранники обоих разбрелись по

кабинету. Несмотря на холод, Денис легко учуял запах пота, исходящий от десятка здоровых немытых тел. За последние три года, в дорогих ресторанах и в офисах с кондиционерами, он почти отвык от этого запаха. Милиционеры из отдела вневедомственной охраны и бандиты с интересом поглядывали друг на друга.

Один из охранников встал, брякнув автоматом, взял тряпку и зачем-то стер слово из трех букв.

Потом у Кирилла зазвонил телефон: он ответил, вскинул глаза на Черягу и вышел в коридор. Денис, подумав, вышел за ним.

Дверь в конце полутемного коридора была раскрыта и вела на второй этаж. Денис пошел вслед за Кириллом и оказался в диспетчерской. В диспетчерской мягко светился новенький компьютер, да по экрану старого радара бежал зеленый луч.

– Должен скоро подлететь, – сказал Кирилл. Передернулся и спросил у диспетчера:

– Полоса мокрая?

– Мокрая. И погода плохая, – ответил диспетчер. – Другие аэродромы уже закрыты.

В луче вспыхнула яркая точка.

– Семьсот пятый, вас вижу, – сказал диспетчер.

– Вас понял. Какая погода? – раздался из динамиков голос Бельского.

– Погода сложная. Нижний край семьдесят метров, видимость один километр, полоса скользкая, схема захода в особых условиях.

– У меня проблемы. Топливо не соответствует расчетному остатку. Мне нужна посадка с ходу.

– Семьсот пятый, садись на запасной.

– Там вообще погоды нет. Буду садиться в Кубинке.

– Семьсот пятый, я могу тебя сажать только по схеме.

– Я зайду по своим данным.

– Семьсот пятый, ты справа глиссады двести метров, дальность сто.

– Понял, – донеслось из динамиков.

Диспетчер снял трубку внутренней связи.

– Михал Петрович, – сказал он, – на подходе семьсот пятый борт. У него проблема с топливом. Хочет посадку с ходу.

Денис подошел к окну. Трехкилометровая посадочная полоса тонула в вязкой ночной мгле. Края ее не было видно вообще. Денис обернулся и увидел, что Кирилл смотрит на него пристальными лягушачьими глазами.

Дверь диспетчерской распахнулась, в нее быстро вошел,

вызевывая остатки сна, толстый усатый полковник, видимо, руководитель полетов, и с ним двое штатских.

– Это какой семьсот пятый? – недовольно спросил полковник.

– «Сапсан», – ответили ему.

– Е! А кто пилот?

– Бельский.

– Семьсот пятый, – заговорил диспетчер, – ты справа глиссады восемьдесят метров, выше четыре километра, ты выше глиссады, семьсот пятый.

– Я знаю.

– Какой у тебя остаток топлива?

– Двести килограмм.

Диспетчерская заполнялась народом, как надувной шарик воздухом. Было даже удивительно, откуда нашлось столько человек на ночном безлюдном аэродроме.

– Семьсот пятый, – снова сказал диспетчер, – ты справа глиссады тридцать метров, выше четыре километра, как понял? Ты выше четыре километра.

– Понял.

– Почему он не снижается? – спросил Денис.

– Топливо бережет, – ответил один из присутствующих, видимо пилот. – У этой машины аварийный остаток полторы тонны.

– Сколько ему до посадки? – это был хриплый голос Кирилла.

– Минуты три.

– Семьсот пятый, – заговорил диспетчер, – дальность семьдесят, ты выше глиссады на четыре километра.

– Понял. Приступаю к энергичному снижению. Остаток топлива сто двадцать килограмм.

– Семьсот пятый, остаток ниже расчетного. Принимай решение сам. Зона катапультирования – азимут двадцать градусов, удаление тридцать пять.

– Я буду сажать машину.

Денис оглянулся. В комнате было уже человек двадцать. Руководитель полетов был весь белый.

– Семьсот пятый, до дальнего привода десять километров. Ты выше глиссады один километр.

– Понял. Выше один километр.

– Семьсот пятый, ты на дальнем приводе. Ты на глиссаде. Какой остаток топлива?

– Килограмм двадцать будет.

– Проходишь ближний привод. Ты на глиссаде. Как топливо?

– Топливо ноль. Обороты авторотации падают. Шасси выпускаю аварийно.

– Он не дотянет до полосы, – сказал кто-то у плеча Дениса.

– Выполняю посадку, – раздался спокойный голос пилота.

– Срочно на ближний привод! Пожарку и тягач! – заорал кто-то в телефон.

– Семьсот пятый, как слышите, семьсот пятый!

В эфире стояла мертвая тишина.

«МиГ-1-48 „Сапсан“ не дотянул до бетона около пятисот метров. Он рухнул на поле в районе ближнего привода. Вертикальная скорость самолета составляла двенадцать метров в секунду. Удар был такой силы, что стойки шасси пробили крылья.

Изломанный самолет промчался по полю около ста метров и нырнул носом в глубокую канаву, змеившуюся вдоль служебной бетонки. Правая стойка шасси с грохотом отломилась, самолет грянулся крылом о бетонку, проскользил еще метр и замер, запутавшись в бетонных плитах и собственных металлических внутренностях. За ним медленно, как гигантский гриб-дождевик, опадал желтый тормозной парашют.

Машины Черяги домчались до места катастрофы спустя пять минут после приземления. Кирилл и пожарка успели раньше.

Когда Черяга выскочил из машины, он увидел, что пилот лежит на снегу возле искалеченной машины. Скорее всего, он сам выбрался из кабины. Около него, на коленях, стоял Кирилл и пытался делать ему искусственное дыхание. «Жив, черт возьми! Жив», – изумленно промелькнуло у Черяги. Он не знал, радоваться или огорчаться.

Кирилл выпрямился на мгновение, и Черяга увидел над летным комбинезоном лицо Степана. Оно было все залито кровью. Глаза вылезли из орбит. Потом веки Бельского дернулись, губы шевельнулись.

– Са… – сказал Степан, глядя на Дениса, – сам…

Глаза его закрылись. Черяга взял пилота за запястье, пытаясь нащупать пульс. Он не нащупал не только пульс. Он не нащупал костей.

– Бесполезно, – сказал кто-то над ухом. – У них вертикальная скорость составляла не меньше десяти метров в секунду. Техника может выдержать, а человек – нет.

Кирилл не слышал этих слов. Он сидел над пилотом и пытался делать ему искуственное дыхание.

– Все прочь от машины, – орал какой-то пожарный, – все прочь!

Из «скорой помощи» вылез врач и тоже попытался нащупать пульс.

– Перестань, парень, – сказал врач, – он уже мертв.

Кирилл продолжал делать искусственное дыхание. Его люди

и охрана Черяги стояли вокруг. Никому не хотелось отрывать Кирилла от трупа. Слишком был высок риск получить пулю в башку.

– Слышишь, ему ничем не поможешь, – повторил врач.

Кирилл поднял голову. В свете фар и всполохов «синеглазок» его зрачки страшно сверкали. Он посмотрел сначала на врача, потом на Дениса.

– А ты что тут делаешь? – сказал он Черяге.

Черяга продолжал стоять неподвижно. Кирилл внезапно выхватил пистолет. Все окружающие попятились.

– Радуешься?! – заорал Кирилл.

Омоновцы Черяги вскинули автоматы. Черяга сделал предупреждающий жест – «не стрелять».

– Ты его убил! – снова закричал Кирилл. Сухо щелкнул взведенный курок. Стволов, направленных на него, Кирилл, казалось, не замечал. Он вообще ничего не видел, кроме неподвижного и окровавленного тела в снегу.

– Тише, тише, – сказал Черяга, – я уеду. Мы поговорим, когда ты придешь в себя.

Кирилл выронил пистолет, упал в снег и заплакал.

Денис перевел взгляд на самолет. Под искалеченной машиной медленно собиралась лужа. Сначала Денис подумал, что это растаявший снег, но порыв ветра донес от лужи резкий запах керосина.

Миг-1-48 разбился оттого, что в баках его не было горючего.

А в самом самолете горючее, получается, было?

Черловские СМИ напечатали известие об аресте Олега Самарина в тот же день, что и известие о катастрофе «МиГ-1-48 „Сапсан“. Областной прокурор отнекивался, а потом созвал пресс-конференцию и заявил, что считает раскрытым покушение на Артема Мансурова, а также убийство Алексея Исханова и Афанасия Горного.

Пресс-конференция еще не закончилась, когда в московском кабинете Дениса Черяги, генерального директора ФГУП «Южсибпром», раздался звонок. Звонил следователь Шевчук: он любезно осведомился у Дениса Федоровича, когда тот планирует быть в Черловске, и пригласил его на допрос завтра в пятнадцать ноль-ноль.

Денис позвонил Ревко: сотовый у полпреда был выключен. Секретарша сказала, что непременно доложит и перезвонит.

Затем Денис набрал швейцарский телефон Извольского.

– Слава? – сказал он, – Самарин арестован в Черловске, и тамошние менты повесили на него все убийства, которые были вокруг ГОКа. Он утверждает, что заказчиком был я. Тебе не стоит

прилетать в Россию. Особенно сразу после гибели Бельского.

* * *

На следующий день после катастрофы в Кубинке, в пять часов вечера Кирилл приехал в контору Цоя. Цой разговаривал по телефону, и его коротко стриженые волосы сверкали серебряным нимбом на фоне бронированного стеклопакета.

При виде Кирилла Цой бросил трубку и встал из-за стола. На нем была щегольская белая рубашка и брюки от Армани. Это была та же самая одежда, в которой Цой приехал вчера ночью на аэродром. Видимо, он не спал и не переодевался.

– Похороны завтра, – сказал Кирилл. – Там под Кубинкой есть кладбище, где хоронят летчиков-испытателей. Он давно сказал, если что, хоронить его там.

– Это был несчастный случай? – спросил Цой.

Кирилл промолчал. Потом ответил:

– Он до последней минуты старался спасти машину.

– И мог катапультироваться?

Кирилл кивнул.

– Он мог катапультироваться. Он полагал, что если машина разобьется, то на программе «МиГ-Еврофайтер» будет поставлен жирный крест.

Цой потер лоб рукой.

– Черт знает что, – тихо сказал Цой. – Ну сколько эта его фанерка стоила? Десять миллионов? Двадцать? И из-за этой…

Кирилл вскинул глаза.

– И еще одно, – сказал Кирилл.

– Ну?

– Есть предварительные результаты расследования катастрофы. Степану не хватило горючего, а горючего не хватило потому, что в одном из трубопроводов низкого давления была течь. Летчики говорят, что это действительно очень сложно заметить при дальнем перелете. Когда Степан обратил внимание на топливомер, до Кубинки оставалось двести километров, и фактически это был ближайший аэродром. Когда самолет разбился, из него вытекло три тонны керосина. Прямо из брюха. Чудо, что он не взорвался.

– А как получилась течь?

– На топливопровод сначала поставили датчик, измерять давление. Под датчик сделали отводку. Потом решили, что датчик там не нужен. Но так как машина была опытная, трубу не спрямили, а просто поставили на отводке заглушку. Она могла

разболтаться от вибрации, дать течь и в конце концов соскочить.

– Она сама разболталась или ей помогли?

– Это невозможно доказать или проверить. Это же даже не серийный образец. Самолет существовал в единственном экземпляре. Но есть еще одна вещь. Когда летчик катапультируется, то в действие приходят ручные и ножные захваты. Они защищают от набегающего потока. Эти захваты приводятся в действие такими тросиками, которые огибают борт, приборную доску и потом идут к захватам. Чтобы они не болтались, их привязывают к борту и приборной доске нитками.

– Чем?

– Нитками, обыкновенными, очень тоненькими. Они каждый день рвутся, когда летчик вылазит из кабины, их заново приходится перевязывать. И вот эти тросики на МиГе были привязаны стальной леской.

– Еще раз?

– Эти тросики были привязаны стальной леской, – повторил Кирилл. – И это еще не все. Приборная доска, к которой они были привязаны, крепится на четырех болтах. Они должны завинчиваться очень прочно. Вот все эти болты были только наживлены.

Цой уже все понял, но сказал сердито:

– Ты мне можешь объяснить человеческим языком?

– Если бы Степан попробовал катапультироваться, леска сорвала бы приборную доску, и та бы ударила Степана по ногам или животу. Он умер бы еще в воздухе.

– И было б непонятно, почему? – уточнил Цой.

– Да, если бы он катапультировался, это бы выглядело как несчастный случай. Но он не покинул машину, и инженеры нашли все: и стальную леску, и наживленные болты.

– Сколько времени это занимает, – спросил Цой, – раскрутить болты, привязать леску, и испортить топливную систему?

– Самолет готовили полтора часа. Опытный техник мог управиться за пять минут. Кстати, сегодня один из техников не пришел на работу. Его зовут Мальцев. Он работал на заводе около пятнадцати лет.

Цой помолчал.

– Это все? – спросил он.

– В момент соприкосновения машины с землей вертикальная скорость составляла двенадцать метров в секунду. Это гарантированная смерть. Штурман погиб мгновенно. Медики говорят, что Степан управлял самолетом уже после посадки. Он даже выпустил парашют, и не сразу, а только когда скорость машины упала до двухсот восьмидесяти метров. Как раз перед

тем, как самолет нырнул в канаву.

– Спасибо, – сказал Цой.

* * *

Есть кладбище, где хоронят погибших летчиков-испытателей. Именно там похоронили Степана, чтобы не перекрывать движение в Москве и не мозолить глаза властям.

На похоронах не было ни главкома ВВС, ни министра обороны, ни большинства авиационных генералов. Что же до конструкторов и летчиков, то пришли почти все, в том числе и самые ярые конкуренты МиГа. Еще пришли два милицейских генерала, которым сразу по возвращении с похорон велели написать заявления о выходе на пенсию.

Отпевали Степана в маленькой церкви, выстроенной недавно в двух километрах от кладбища; церковь тоже строили на деньги Степана. Константин Цой пришел в церковь первым и простоял все два часа прощания, не шевелясь и не крестясь. Один из бывших рядом воров сделал ему замечание, что он не крестится.

– Я пришел не к Богу, а к Степану, – ответил кореец.

* * *

Вечером после похорон Степана Майя Извольская попыталась покончить с собой. Она забралась в кабинет брата, расцарапала один из ящиков стола, и достала оттуда пистолет, который, как она знала, Извольский держал там форсу ради.

С заряженным пистолетом в руке и застал ее Черяга. Раздумывать было некогда: Денис сбил девушку на пол и ударил по руке так, что пистолет отлетел в самый дальний угол кабинета.

– Пусти, – заорала Майя, – пусти! Подонок! Я хочу, чтобы нас похоронили рядом!

– Майя, – бормотал Денис, – нельзя же так! Из-за какого-то бандита!

– А чем ты отличаешься от него? Тем, что называешься замом? Что ты не делаешь такого, что делает он? Ты делаешь то же самое, только еще и врешь! Ты собираешь грязь, ты убиваешь людей…

– Я не убиваю людей.

Майя расхохоталась.

– Степан так не думал. Он знал, что ты убил Горного.

– Майя, неужели ты думаешь, что Степан говорил тебе правду?

– Он не врал мне, – сказала гордо Майя.

– Майя, поверь мне. Бельский был не худшим человеком в России, но он убийца, а все убийцы – лгуны.

– И ты никогда не убивал?

Денис замолчал.

– Вот видишь, даже ты не осмеливаешься мне лгать. Почему же ты думаешь, что Степан мне врал? А ты, его убийца…

– Его убил Цой!

– Зачем?!

– Майя, разуй глаза! Бельский ему мешал. Он был как бельмо на глазу. Он втягивал группу в разборки, которые ей были не нужны. А МиГ? Цой не затем убегал от налогов, чтобы прибыль с его заводов пошла на финансирование истребителя пятого поколения! Зачем были Цою разборки с генералами? Сколько шума было от этого МиГа, все говорили – мы понимаем, что в России государство настолько развалилось, что его функции выполняет организованная преступность, – но не до такой же степени, чтобы финансировать суперсовременное вооружение? Бельский мертв – и теперь все можно списать на него. Кому-то угрожали? Это Бельский. Кого-то когда-то убили? Это Бельский. «Сибирь» теперь чистенькая. Хрен ли Цою нужен этот Черловский авиационный завод? А ты думаешь, Степан бы от него отстал? Он бы пол-Минобороны перестрелял!

Дверь отворилась. На пороге кабинета стоял Извольский. Майя замолчала и невидящими глазами уставилась мимо брата.

– Что здесь происходит? – сказал Сляб, цепко оглядывая комнату. Его глаза зацепились за сломанный ящик и пистолет в углу.

Майя выпрямилась, насмешливо кивнула головой и вышла из комнаты. Извольский сделал незаметный знак глазами, и один из охранников, маячивших в раскрытой двери, поспешил за Майей.

– Что, Денис, не ожидал? – спросил Сляб.

– Не ожидал, – ответил Денис.

Извольский медленно прошел по кабинету. Поднял валявшийся в углу пистолет и выщелкнул из него обойму. Подумав, набрал комбинацию на стоявшем в углу сейфе и бросил пистолет туда.

Через мгновение крышка сейфа захлопнулась, а Извольский повернулся к Денису. Пока Извольский возился с сейфом, Денис подошел к окну и глянул вниз. У крыльца, на тщательно посыпанной гравием дорожке, стояли два черных «Мерседеса». По номеру Денису показалось, что он узнал машину полпреда Ревко.

Рядом стояли два охранника в форме ахтарского СОБРа.

Когда Денис повернулся, Извольский по-прежнему стоял около сейфа. Он не сел и не подошел к Денису.

– Денис, что ты делал в Кубинке?

– Он позвал меня на встречу.

– Зачем?

– Он не успел мне сказать.

– У меня есть впечатление, – сказал Извольский, – что если бы Степан не разбился, я бы никогда не узнал об этой встрече.

Мне очень странно слышать, что мой зам настолько доверяет Бельскому, что спешит к нему ночью на свидание, как какая-нибудь подзаборная шалава.

Денис побледнел.

– Мне еще удивительней слышать, что Самарин, назначенный благодаря тебе, дает исчерпывающие показания о заказанных тобой убийствах, исчерпывающие и непротиворечивые, слышишь, Денис?

– Зачем мне это?

– Затем, что чем больше крови, тем больше роль куратора службы безопасности. Что ты понимаешь в арбитражах? Ты даже шахту Горького, собственную, просрал. А в снайперских винтовках ты разбираешься.

– Это твоя единственная версия произошедшего?

– Нет, не единственная. Мне непонятно, почему тебя не арестовали до сих пор. Мне непонятно, о чем ты ехал советоваться с Бельским, сразу после ареста Самарина. Потому что это сейчас ты говоришь, что Самарин выполняет приказ Бельского. Но ведь можно предположить и по-другому, что это ты выполнял приказы Бельского. В игре такого уровня редко обходится без перебежчиков, Денис.

– Это тебе Ахрозов наплел?

– Почему ты не арестован, Денис? Несмотря на враждебного следователя?

– Мне написать заявление? – спросил Черяга.

– Ты уволен. Это касается и «Южсибпрома».

Извольский нажал на звонок. В кабинет вошли Ревко и мужчина лет сорока, в штатской одежде с военной выправкой.

– Это Михаил Рубин, – сказал Извольский, – полковник ФСБ в запасе. Передай ему дела.

Ревко видимо старался не глядеть на Дениса.

* * *

Прошло пять минут. Извольский сидел в кабинете, закрыв глаза. У него внезапно заболел позвоночник: вообще в последнее время он чувствовал себя скверно, старая рана напоминала о себе внезапной головной болью и слабостью в ногах. Ревко что-то говорил ему, кажется, это касалось проекта «Цезарь».

– А где сейчас Степан? – неожиданно спросил Извольский. – Он еще…

– Похоронили сегодня утром. Очередь была как за колбасой, – сказал полпред.

Извольского передернуло.

– Майя тоже была, – сказал полпред. – ее привез и отвез Кирилл. Он был очень любезен. Он посоветовал ей отдать авиазавод из уважения к памяти Степана.

– Черловский авиазавод ей не принадлежит.

– Майя сказала то же самое, Кирилл в ответ возразил, что скоро авиазавод по наследству достанется ей.

– Я не убивал Бельского.

– Разумеется. Это сделал Цой. Теперь, если какая грязь по «Сибири» и выплывет, он может смело валить все на покойника. А если наследнички Бельского уберут тебя, кто будет решать проблемы АМК? Ирина? Майя?

Извольский молчал. Потом он сказал:

– Я хочу, чтобы Цой сел. Немедленно. И я хочу, чтобы сел Кирилл. Этого достаточно. Вся эта публика насмерть перепугается.

– Богатый заказ. И чем ж ты за это – расплатишься?

– Я уже заплатил. Есть государственное унитарное предприятие. В нем Павлогорка. В нем – Черловский авиазавод. Если государство хочет защищать свое имущество, – пусть защищает. Если меня убьют, все эти предприятия отсудит Цой.

– Слава, пока то, что ты спихнул государству, – это не предприятия, это проблемы.

– Я положил туда все.

– А Ахтарский металлургический комбинат?

– Ахтарский металлургический комбинат принадлежит мне. За все это время даже Цой не сумел до него добраться.

Ревко помолчал.

– Слава. Это не очень понятно, кто убил Степана. Знаешь, что скажет президент? Он скажет: Извольский хочет, чтобы государство решало его проблемы с бандитами и конкурентами, а

взамен он отдает корзину с грязным бельем. Отдай АМК, Слава, и ты получишь его назад в управление. Но у меня – перед президентом – будут аргументы в пользу ареста Цоя. «Это не я убил Степана», – это, извини, не аргумент.

– Я подумаю, – сказал Извольский.

Ревко поднялся.

– Завтра я улетаю с президентом во Францию. Я жду твоего ответа до одиннадцати утра.

* * *

В ту же ночь Денис Черяга вылетел в Черловск.

Самолет приземлился в Черловске в семь утра. В аэропорту Дениса никто не ждал, – ни охрана, ни милиция, ни очаковские киллеры. Денис поймал такси и отправился на Черловский авиазавод.

Когда он подъехал к проходной, было половина девятого утра. О московской отставке в Черловске еще не знали, – и для всех сотрудников он оставался всесильным гендиректором ФГУП «Южсибпром» и правой рукой Вячеслава Извольского. Никто даже не обратил внимания, что с Денисом нет охраны.

По расчетам Дениса, об опале не должны были узнать раньше девяти часов по московскому времени, – то есть часа по местному. В запасе у Дениса оставалось не больше четырех часов.

Охрану завода нес ахтарский ЧОП под руководством Кирилльева, тот самый, который без боя сдал Павлогорск. Кирилльев спал в караулке. Его растолкали, и он принялся оправдываться перед Денисом за Павлогорск.

– Проехали, – сказал Денис Кирилльеву, – пошли.

Они зашли в пустой еще кабинет генерального директора, и тут же в дверь постучали.

– Войдите, – сказал Денис.

Дверь открылась, и вошел шеф-пилот Михаил Степанович Рубцов. Мелкими шажками Рубцов приблизился к столу директора и положил на стол бумагу.

Это было заявление об оставке. Денис разговаривал с Рубцовым на приеме у президента. Не то чтоб Рубцов был благожелательно настроен, но во всяком случае уходить он не собирался.

– Михаил Степанович, – сказал Денис, – я не могу уговаривать вас остаться. Но я хотел бы все-таки понять, что произошло в ту ночь, когда погиб Степан.

– В ту ночь, – сказал Рубцов, – техник Мальцев, готовивший

«Сапсан» к вылету, намеренно испортил топливную систему и систему катапультирования. По чьему приказу он это сделал, вам виднее.

– Михаил Степанович, – терпеливо проговорил Денис, – Бельский приземлился в Черловске в семь часов тридцать три минуты вечера. Он прилетел на рейсовом самолете, и ничто не предвещало, что он собирается тут же лететь обратно. В десять часов двадцать семь минут по местному времени он вылетел в Москву на сверхзвуковом истребителе пятого поколения. За полтора часа до вылета он позвонил мне и назначил встречу в Кубинке. Таким образом, он пробыл в Черловске ровно два часа пятьдесят пять минут. Допустим, Степан любил риск и эффектные представления. Допустим, он обожал кидать понты и полагал, что это его последняя возможность прокатиться на «сапсане». Но все-таки он был не настолько безответственным человеком, чтобы ради возможности еще раз подняться в небо поставить на уши два аэродрома и кучу военных. И если он полетел на встречу со мной, вряд ли затем, чтобы растопырить пальцы веером и пригрозить оторвать мне голову, если мы не уйдем с этого завода. Что-то произошло за те три часа, которые он провел в Черловске. Вот я и спрашиваю – что произошло с Бельским?

– Он погиб.

Рубцов повернулся и вышел.

Денис, заложив руки за спину, встал и начал ходить по кабинету.

– Денис Федорович, – подал голос Кирилльев, – я бы на вашем месте не задерживался в Черловске. В городе, знаете ли, слухи…

– Знаю. Вы следили за Бельским, когда он позавчера прилетал в Черловск?

Кирилльев подал Денису бумагу. Бумага была старательная – с адресами, по которым ездил Бельский, и с номерами сотовых телефонов, по которым он звонил. Бумага была глупая – адреса даже не были расшифрованы.

– Степан Бельский прилетел рейсовым самолетом, как я уже докладывал. Оттуда поехал на завод, но мы там сменили охрану, он покрутился рядом и уехал на квартиру, Березовая улица, 6.

– Чья квартира?

– Мы только что установили, это квартира Михаила Рубцова. Потом он поехал на Подбельского, 4.

По адресу Подбельского, 4 располагалась прокуратура. В распечатке даже этого не написали: зато было отмечено, что за пять минут до выезда Бельскому позвонили с рабочего телефона Дмитрия Шевчука. Следовало предположить, что Степан видел в

ту ночь показания Самарина. Или даже самого Самарина.

– А после прокуратуры?

– Вернулся к Рубцову. Буквально на десять минут. И сразу поехал на взлетку. Там военные, они нас не пускали, а приказа идти на конфликт Сергей Изольдович не давал.

Следующий звонок, судя по распечатке, был на сотовый Ахрозова. Затем, через двенадцать минут, Степан позвонил Черяге.

– Мы все установили, – важно сказал Кирилльев, – мы такому кабану без присмотра по Черловску болтаться не дадим.

В голосе его была гордость за большую проделанную работу. Бывший мент Кирилльев искренне считал, что проследить за номерами телефонов – значит все понять. Боже мой, как Денису не хватало в этот момент Гриши Епишкина, – Гриши, который знал в этом городе всех и вся, и уже наверняка бы доложил Денису не только адреса, по которым приезжал Степан, но и сколько с кем было водки выпито и что сказано!

Денис подошел к окну. За давно немытым окном начинались заводские цеха, похожие на круглые алюмниевые коробочки, и перед одним из цехов заходил на стальном постаменте в вечный вираж двухмоторный Ла-5, первый самолет, который эквакуированный Черловский авиазавод начал выпускать еще в годы войны.

Рядом с самолетом мокла под дождем старая доска передовиков производства, и к этой доске кто-то прикрепил огромный, в два метра ростом, портрет Бельского в черной рамке. Под портретом было несколько венков и стакан с водкой, накрытый черным хлебом. Ахтарский СОБР не стал разорять венки. Последствия были бы непредсказуемы.

Господи ты боже мой, картина была ясная – разве что-то было непонятно в этой картине?

Самарин работал на Бельского. И следователь Шевчук работал на Бельского.

Бельский приехал в прокуратуру, где, скорее всего, еще держали для допроса Самарина. Почему – тоже очевидно. Бельский, наверное, пытался выяснить – нельзя ли Самарина отпустить. Выяснилось, что нельзя. Тогда Бельский наверняка сказал, что если Самарин даст показания о настоящем заказчике, то сдохнет через минуту. После этого либо Бельский, либо мелкий подлец Шевчук предложили Самарину перевести все стрелки на Черягу. Самарину было все равно, он и так и так выходил убийцей, – а Бельский в этом случае обещал ему помощь дружественного следака.

Это был почерк Бельского: очаковский лидер намеренно,

руками Самарина, загонял промышленный конфликт между АМК и группой «Сибирь» в болото уголовщины. Извольский был совершенно прав: чем больше в конфликте трупов, тем больше в нем роль начальника службы безопасности. Или бандитов. Если у тебя в партнерах бандиты.

И Цой наконец это понял. Он осознал, что безумное упорство Бельского в том, что касается ЧАЗа, помноженное на общее количество трупов, привели к ситуации, когда Цой вынужден обращаться к Бельскому за помощью.

А Цой этого никогда не любил. Именно ему принадлежала крылатая фраза. «Бандиты – как ядерное оружие. Все должны знать, что они есть, но пускать их в ход можно лишь в крайнем случае». И вот наступал такой крайний случай, а после него был неизбежен пересмотр и отношений внутри группы. Доля Цоя, облажавшегося с предавшим его Олжымбаевым, должна была уменьшиться. Доля Степы Очаковского – возрасти.

Что можно было этому противопоставить? Уверенность глупой девчонки, проведшей полжизни за границей, что ее любовник ей не врал? И это когда любовником был Бельский, а вранье касалось бизнеса ее брата?

Ну хорошо. Предположим, Бельский действительно считал, что Денис вместе с Самариным перестреляли половину областных бандитов. Предположим, Бельский действительно считал, что Денис приказал убить Горного.

Предположим, что Бельского убил не Цой.

И не Вячеслав Извольский.

Денис чувствовал себя как человек, пытающийся решить логическую задачу. «Все население острова делится на людей и вампиров. Известно, что вампиры всегда лгут, а люди всегда говорят правду. Кроме этого, все население острова делится на тех, кто в своем уме, и сумасшедших. Известно, что те, кто в своем уме, всегда говорят то, что хотят, а сумасшедшие говорят противоположное тому, что хотят. Таким образом, сумасшедший человек тоже лжет, а сумасшедший вампир говорит правду. Есть Иванов, Петров, Сидоров и Васин. Известно, что двое из них – вампиры, а двое – сумасшедшие…»

Предположим, что Бельский верил, будто говорит Майе правду. Это бред. Он не мог в это верить. Он не мог считать, что Денис с Самариным убивают людей, потому что кроме Бельского, Самарина никто не мог купить.

Предположим, что Бельский верил, будто Денис убил Горного. Это бред. Он не мог в это верить, потому что он пытался посадить Дениса за это убийство, оплатив заведомо заказное дело. Или он оплачивал не заказное дело, а настоящее

расследование, и это следователь подсунул Бельскому липу?

Предположим, Бельский в это верил. Тогда что-то должно было произойти за последние два часа его жизни, потому что Степан Бельский никогда не полетел бы на встречу с человеком, которого считал убийцей своего друга и коррумпированным мусором.

Дверь директорского кабинета громко хлопнула. Денис обернулся, и увидел, что на свое рабочее место приехал Сережа Ахрозов.

Ахрозов порозовел и слегка поправился: он шел к столу уверенным широким шагом, помахивая портфелем, и отчитывал кого-то по мобильнику. По пути Ахрозов показал Кирилльеву на дверь, и тот поспешно смылся через комнату отдыха. Ахрозов закончил разговор, швырнул мобильник на стол для совещаний и уселся в директорское кресло.

– Привет, Денис, – сказал Ахрозов, – никак не ожидал увидеть тебя здесь.

Денис пожал плечами.

– А почему мне не быть здесь? Я генеральный директор государственного унитарного предприятия «Южсибпром».

– Правда? А мне казалось, что это я генеральный директор государственного унитарного предприятия «Южсибпром».

Денис был ошарашен.

– Кто это тебе сказал?

– Ревко. Сегодня. В пять утра. Он сказал, что ты уволен. Ты хочешь узнать, какое заявление он мне продиктовал?

Ахрозов полез в портфель, достал оттуда клочок бумажки и прочел: «ФГУП „Южсибпром“ сообщает, что Черяга Денис Федорович ушел с поста директора ФГУП „Южсибпром“. ФГУП „Южсибпром“ также заявляет, что любые попытки СМИ возложить вину за безответственные действия различных физических лиц, возможно вызванные карьерными соображениями или личной недобросовестностью, на ФГУП „Южсибпром“ или на входящие в него предприятия, будут преследоваться в судебном порядке. Подпись. и. о генерального директора ФГУП „Южсибпром“ Сергей Ахрозов».

Денис сглотнул. Этого следовало ожидать. Ревко испугался скандала и убрал с поста директора государственного предприятия доверенное лицо своего союзника. Но по той же самой причине он не мог поставить на «Южсибпром» никого, кроме другого доверенного лица Извольского. А таким человеком был только Ахрозов.

– Слава просто выкидывает своих менеджеров, – с перекосившейся улыбкой сказал Ахрозов. – Сначала тебя

использовал со всеми этими убийствами, а потом меня кинул. Уволил с Павлогорки.

– Сережа, что ты несешь? Тебя поставили руководить этим заводом!

Ахрозов вскочил.

– Ты со Славкой давно меня убрать хотел, правда? Я вам был нужен, чтобы разгрести грязь на Павлогорке. А потом бы меня все равно выкинули, как использованную выгребную лопату!

– Это кто тебе наплел? Бельский?

– Ревко!

– А Бельский о чем с тобой говорил?

– О чем Бельский мог со мной говорить? – горько засмеялся Ахрозов. – Ни о чем. Я его послал. Он сказал, что приедет в одиннадцать.

– Сережа, Бельский тебе звонил. Что он тебе сказал?

Ахрозов захохотал.

– Он сказал, что поссорился с Майкой. Он сказал, что Настя теперь с тобой. Ты не терял времени даром, пока ее брата за твое дерьмо сунули в СИЗО?

– Сергей, сейчас не время препираться о бабах! Мы обсуждаем судьбу завода.

– А на черта нам наши заводы, – ответил Ахрозов, – если не затем, чтобы получить женщину?

В кабинете резко, тревожно затрещал селектор. Звонок был похож на тявканье мопса.

– Сергей Изольдович, – сказала секретарша, – Это из прокуратуры. Просят соединить.

– Соединяйте.

Денис протянул руку и включил селектор на громкую связь.

– Сергей Изольдович, – раздался голос, – это следователь Шевчук. У меня к вам пара вопросов. Не могли бы вы приехать в прокуратуру?

– У меня нет времени, – ответил Ахрозов.

– Я советую вам найти время, – ответил Шевчук, – ваш бывший подчиненный Гриша Епишкин изобличен в убийстве Алексея Крамера, а ваш непосредственный начальник Денис Черяга объявлен в федеральный розыск.

– Давно? – машинально уточнил Ахрозов.

– Пятнадцать минут назад.

Ахрозов взглянул на Дениса. Взгляды их встретились. Ахрозов открыл рот и закрыл его. Потом осторожно положил трубку.

Денис усмехнулся.

– Ну что же ты, Сережа. Смелей. У тебя хороший шанс.

Перезвони этому ублюдку, и Настя еще долго останется не замужем.

Ахрозов тяжело дышал.

– Он все равно узнает, что ты в Черловске. Через час.

– Ну, так что тебе мешает быть первым?

– Уходи, Денис. Убирайся. Я не знаю, зачем ты прилетел в Черловск, но уезжай скорей. Бери, чего тебе надо, и уезжай.

– Мне нужен Кирилльев и еще парочка сотрудников ЧОПа.

– Зачем?

– Тебе лучше не знать.

* * *

В дверь шеф-пилота ЧАЗа Михаила Рубцова позвонили спустя полчаса. Рубцов открыл замок и увидел на пороге Черягу в сопровождении Кирилльева и двух сотрудников ахтарской промполиции.

– В чем дело? – спросил шеф-пилот.

– Обыск, – ответил Денис, – в рамках возбужденного уголовного дела.

– О чем? – осведомился шеф-пилот.

Денис ткнул пальцем за спину Рубцова, туда, где в глубине коридора маячил Яша Ященко.

– Пусть он объяснит.

Рубцов повернулся и молча ушел на кухню. Ященко стоял, как громом пораженный. С кухни доносился запах свежепожаренных голубцов, и в прихожую к ногам Дениса вышел большой серый кот.

Сотрудники ЧОПа топтались в прихожей.

Два дня назад еще живой Степан ходил по этой квартире. Шел разговор, и в течение этого разговора кто-то сказал что-то, из-за чего Степан полетел в Москву.

Денис направился в хозяйскую спальню, служившую одновременно кабинетом. Старая деревянная кровать, на выцветшем покрывале которой белели несколько кошачьих волосков. Небольшой телевизор «Сони», роскошный музыкальный центр – наверняка подарок Степана. По телевизору шла реклама.

Ященко бросился следом.

– Ну как же так, Денис Федорович, – сказал он, – мы же… мы же так не договаривались… Я вовсе не отказывался от переговоров. Это дело…

– Это дело появилось потому, что ты обкрадывал Бельского, – заявил Денис. – Ты ему об этом деле не говорил, а?

– Я ему сказал, – вскрикнул Ященко, – я ему сказал! Вот здесь, вот на этом самом месте сказал!

– Когда?

– П… позавчера. Перед тем, как его… как он… Ему было все равно! Мы не об этом говорили!

– А о чем?

– О вас.

– Да? И что же сказал Степан?

Ященко потупился. Реклама в телевизоре сменилась местными новостями. Крашеная блондинка-ведущая сообщила, что губернатор Черловска товарищ Орлов посетил Малаковскую азотно-туковую фабрику и поздравил ее коллектив с ударным трудом.

– Смелее. Что обо мне говорил Степан? – голос Дениса был вкрадчив и страшен.

– Он сказал, что вы – убийца и карьерист. Он сказал, что бывший следак не может убивать людей. Потому что у него нет друзей и люди, которым он поручит мокруху, начнут колоться сразу же после ареста.

– А потом?

– Ничего. Потом он взял и уехал…

Денис взял Ященко за шиворот.

– Подумай внимательно. Он сказал, что я убийца и карьерист, а потом он полетел на встречу со мной на «Сапсане»? Тебе это не показалось странным?

– Вы… вы не знаете Степана! Никто не мог понять, как он думает!

– Что было между этими словами и его полетом?

– Ничего! Совсем ничего! Миша фотографии показывал!

– Какие фотографии?

– Ревко. Он и Ревко. В Сирии. Но, господи, это всем же известно, что Ревко торговал оружием…

Денис обернулся. В двери кабинета стоял Миша Рубцов и глядел на Ященко так, как будто тот превратился в лягушку.

Телевизор сказал:

– На окраине Черловска найден труп Михаила Мальцева. Михаил Мальцев работал аэродромным техником на Черловском авиационном заводе и находился в составе бригады техников, подготавливавших к вылету разбившийся недавно в Кубинке опытный «МиГ-1-48».

– Где фотографии? – спросил Денис.

Рубцов и Ященко глядели в телевизор. По телевизору показывали свалку. Из-под мусора торчало то, что три дня назад было техником Мальцевым.

– Ребята, приступайте к обыску, – распорядился Денис.

Рубцов молча опустился на колени и открыл один из нижних ящиков серванта. Оттуда он достал порыжевшую от времени папочку, развязал тесемки. На ковер высыпались черно-белые ломкие фотографии восьмидесятых годов. Денис невольно обратил внимание, что и ковер был, вероятно, трофейный, какой-то арабский, с пестрой вязью, непохожий на советский ширпотреб.

На фотографиях были самолеты. Самолеты, еще раз самолеты и люди. Наверное, их было запрещено фотографировать, и людей, и самолеты – но летчики снимались все равно. Впрочем, большая часть фотографий относилась к концу 80-х, когда эти МиГи уже стали появляться на выставках. Самолеты совсем не изменились с той поры, только постарели. Люди постарели тоже, они менялись от фотографии к фотографии, и Денис подумал: «Вымрет это поколение людей и это поколение самолетов. И другого не будет». Потому что неделю назад, зайдя на Черловский авиазавод, он своими руками, скорее всего, поставил крест на идее создания российского истребителя пятого поколения.

Денис, опустившись на корточки, просматривал фотографии одну за другой. Охранники стояли в дверях гостиной, как два атланта в камуфляже.

Денис огянулся на Рубцова. Шеф-пилот фирмы стоял у стены и смотрел то на Дениса, то на охранников, прикидывая силы. Если бы вместо глаз у Рубцова был бикфордов шнур, Денис давно бы взорвался.

– Не знаю, зачем тебе это нужно, – сказал Рубцов. – Если б было можно, я бы тебя убил. Но за меня это сделают другие.

Денис смотрел на фотографию в своих руках.

Телевизор за его спиной сказал:

– Правоохранительные органы заявляют о раскрытии одного из самых громких убийств последнего месяца – убийстве вице-президента группы «Сибирь» Фаттаха Олжымбаева. Труп предполагаемого убийцы Алексея Крамера извлечен сегодня днем из болот к северу от Акантуя. Милиция опознала машину, на которой привезли труп. Она принадлежит службе безопасности Павлогорского горно-обогатительного комбината. Бывшему главе этой службы Григорию Епишкину предъявлено официальное обвинение в убийстве, а его начальник Денис Черяга объявлен в федеральный розыск.

Ященко, потерянно сидевший на диване, поднял голову.

– Денис, – сказал он, – что вы тут делаете?

Черяга усмехнулся.

– Ну Степан же сказал, что я следователь? Вот я и выполняю

свои непосредственные обязанности.

Глаза Ященко задумчиво сощурились. Он был коммерсант, а не юрист, он был трус, и он ожидал от Черяги и Ревко чего угодно. Кажется, только сейчас он сообразил, что ни при каких условиях объявленный в федеральный розыск Денис Черяга не может лично проводить обыск по факту хищения средств с Черловского авиазавода, – особенно если у него нет ордера. Особенно, если с ним не милиция, а частный ЧОП. Особенно, если этот обыск происходит на квартире шеф-пилота завода, а не в конструкторском бюро.

Денис подошел к тумбочке в прихожей, выдернул из розетки телефонный шнур и оборвал с него разъем. В руках Дениса был небольшой, порыжевший от старости фотоснимок.

– Степан погиб из-за такого же снимка, – сказал Денис, обращаясь исключительно к Рубцову. – Можешь звонить и доносить на меня кому угодно. Но если ты хочешь, чтобы Степан погиб не зря, не говори, что я что-то забрал из квартиры.

Полпред Ревко переночевал в рублевском особняке АМК. В девять он должен был улетать в Париж в свите президента, и, пока Ревко, морщась, прихлебывал в столовой черный прогорклый кофе, к нему спустился зевающий Извольский в спортивных штанах и рубашке.

Голова Извольского раскалывалась. Он лег в пять утра, и это были не самые легкие пять утра в его жизни. Извольский с завистью оглядел подтянутого и благоухающего одеколоном Ревко.

– Кстати, – сказал Ревко. – Я тебя поздравляю. Денис улетел в Черловск.

– Почему в Черловск?

Ревко пожал плечами.

– Трудно понять. Человека прямо обвиняют в трех убийствах, убийства совершены в Черловске, черловский купленный следователь объявляет его в федеральный розыск. И куда ж он улетает? В Черловск.

– Трудно поверить, – пробормотал Извольский. – Ты не представляешь, как он мне был предан. Он спас меня. Мог убить. Взять себе комбинат.

– Это жизнь, Слава. Люди часто делают прекрасные поступки, а потом в них раскаиваются. Я думаю, что он ждал большой награды. Наверное, надеялся, что ты сделаешь его партнером. А что он получил? Пару каких-то фирмочек? Так он тебе завидовал больше, чем Фаттах Цою. Я не думаю, что он предавал тебя, Слава. Просто хотел показать свою важность.

Ревко помолчал.

– Проблема в том, Слава, что Дениса объявили в розыск не после показаний Самарина. Его объявили в розыск после того, как нашли труп Крамера. В Акантуйских болотах. А ты знаешь, что случилось в утро покушения? В это утро Гриша Епишкин поехал на охоту. Накануне арбитражного суда! Накануне захвата Павлогорки! Начальник службы безопасности ГОКа поехал охотиться, и знаешь куда? Правильно, на Акантуйские болота. Я совершенно точно знаю, что Денис и Крамер встречались. И после этой встречи у Крамера появились деньги. Слава, ты давал Денису указание разобраться с Цоем?

Извольский помолчал.

– Нет. Не давал. Никогда. Даже косвенно.

– Слава, ты понимаешь, почему они не арестовали Дениса? Им не нужен Денис, им нужен ты. Ты понимаешь, что будет с твоей компанией, когда ты окажешься за решеткой по обвинению в нескольких убийствах? Тебе было непонятно, как Цой хочет отобрать у тебя твой комбинат? Ты думал, для этого он будет скупать все ГОКи России?

Извольский молчал.

– Ты же сам говорил, что если у тебя не будет Павлогорского окатыша, ты просто заплатишь любую цену за окатыш с Михайловки! Это отвлекающий маневр, Слава! Цой никогда не наносит удара по одному направлению, его главный удар – это уголовное дело!

– Останови это дело.

– Слава, это же не липовое дело. Это реальные показания, реальные трупы. Я могу его здесь остановить, в Черловске его как остановишь?!

– Тогда что мне – уезжать из страны?

– Из страны тебе не поможет. Тебя не по политике будут искать, по уголовке. Слава, я еще раз повторяю: отдай комбинат федеральному холдингу! Никакой Цой его тогда у тебя не заберет!

– Нет.

– Слава, ты понимаешь, что ты сядешь в тюрьму и сделаешь это же самое в тюрьме, потому что у тебя будет выход: либо Цою продать за полкопейки, либо отдать государству. Только у меня будут уже слабые позиции в разговоре с президентом. Раньше у меня были сильные позиции. Я неделю назад пришел бы и сказал: вот Извольский все добровольно отдает государству, и поэтому он всем этим должен управлять. С ним – можно работать. Сегодня позиция слабая. А завтра, после твоего ареста, она станет еще слабее.

– Хорошо. АМК я отдаю в управление. А что взамен?

– Взамен я уже говорил: ты становишься гендиректором всего холдинга. Вместо Ахрозова. Пожалуйста, ты можешь стать совладельцем учрежденных холдингом сбытовых компаний. Все. Считай, что президент гарантировал тебе полный иммунитет. Я хотел бы посмотреть на следователя, который заведет дело против олигарха, отдавшего Кремлю свои заводы.

А если что, так этому следователю голову оторвут, вместе с Цоем.

– Хорошо. Пусть юристы подготовят документы, – приказал Извольский.

Вечером в «Кремлевскую», где за ужином сидели Цой и несколько его менеджеров, заехал Кирилл. Прошло всего два дня после смерти Степана, но по лицу Цоя никто не сказал бы, что он лишился своего близкого партнера и друга.

Цой улыбался за ужином и шутил, и самое удивительное было, что он не притворялся. Да, Степан погиб. Да, за него надо было мстить, и Цой знал, как будет мстить он сам и догадывался, как будет мстить Кирилл. Степан был для Цоя не просто партнером – а другом, одним из немногих друзей, с которыми можно было говорить почти откровенно. Если бы Цою сказали, «отдай твою правую руку, и Степан воскреснет», – Цой, не раздумывая ни мгновения, руку бы отдал.

Но правой руки никто не просил, и Степан был мертв. А раз так, совершенно не стоило думать об этом. Прошедшее сослагательное для олигархов не существует. Стоит ли вспоминать то, что нельзя переделать? Это неконструктивно, а Константин Цой всю жизнь был очень конструктивным человеком.

Кирилл обнялся с Цоем, а потом взял в руки стакан с водкой и встал.

– Братья, – сказал Кирилл, – у меня для вас новость.

– Какая? Что Черяга в розыске?

Кирилл рассмеялся.

– Нет. Мы сегодня справляем поминки по Степану. Такие, как подобает. Так выпьем же все за то, чтобы поминки прошли успешно.

Все выпили. Кирилл взглянул на часы, извинился и уехал. Цой остался в «Кремлевской», постепенно напиваясь. Он был сильно рассержен словами Кирилла насчет поминок. Степан бы никогда так не сказал. Степан вообще сначала делал, а потом хвастался.

В этом была разница между Кириллом и Степаном, и Цою было ясно, что с Кириллом ему будет работать гораздо труднее. Проще будет выкупить у Кирилла долю. Можно будет даже

сказать, что в некоторых бизнесах эта доля уже выкуплена, и деньги переведены на счета Степана. А где счета? А кто знает? Только Степан знал. А второго раза платить никто не будет.

– Ну что, – сказал кто-то из замов Цоя, сидевший рядом, – за Степана! Пусть земля ему будет пухом!

Через толпу к Цою пробрался начальник его охраны – бывший сотрудник ФСО Борсков.

– Константин Кимович, – сказал Борсков, – там к вам один человек приехал. В машине ждет.

– Чего он ждет? Пусть заходит.

– Константин Кимович, вам лучше выйти.

Цой пожал плечами и спустился по широкой мраморной лестнице, окаймленной бронзовыми копиями античных скульптур. Его «Чайка» стояла у входа, негромко урча и светясь красными габаритами. Борсков отворил дверцу машины, и Цой нырнул внутрь. На заднем сиденье, откинувшись на подушки, курил человек.

– Ну у тебя и нервы, Денис Федорович, – промолвил Цой. – Приехать ко мне. И сюда.

– Разговор есть, – ответил Черяга.

Спустя полчаса Денис и Цой вместе поднялись по широкой мраморной лестнице на третий этаж арбатского особняка, принадлежавшего группе «Сибирь».

Весь этаж полностью занимал Цой: сразу за мраморной лестницей начинался изрядный холл, метров на пятьдесят, с огромным аквариумом посередине и двумя рабочими столами для секретарш. Справа был кабинет Цоя и переговорная. Слева белая дверь вела в столовую, где Цой обедал один или с гостями.

Денис заметил, что секретарш в предбаннике не было. Вместо них за одним из компьютеров сидел Саша Борсков.

В кабинете Цой нажал громкую связь, снял трубку с телефона и набрал номер. Денис с удивлением заметил, что номер Цою подсказывать не пришлось.

– Слава, – сказал Цой, – я тут подумал и решил, что мы должны с тобой переговорить.

– О чем речь. Конечно. Как насчет следующей пятницы?

– Сегодня. Сейчас.

– А в чем дело?

– У тебя под рукой факс есть? Я сейчас пришлю факс.

На том конце трубки озадаченно молчали.

– Зачем факс, Костя?

– Затем, что факс иногда труднее перехватить, чем разговор.

* * *

Цой повесил трубку, придвинул к себе лист бумаги и написал на нем четким почерком несколько фраз. Вверху он присовокупил номер факса.

– Отправь, – приказал он Борскову.

Спустя несколько секунд Борсков вернулся в кабинет.

– Он сам принял факс, – сказал начальник охраны, – спустился вниз и принял.

Цой снял с руки часы, пододвинул к себе телефон, положил часы с одной стороны, а мобильники выложил с другой, и принялся ждать. Мобильники молчали и телефон молчал тоже. Цой нажал кнопку селектора и сказал на всякий случай Борскову:

– Если позвонят от Извольского – немедленно соедини.

Но звонка не последовало ни спустя минуту, ни спустя пять минут, ни спустя десять.

Через пятнадцать минут на третьем этаже громко хлопнул лифт, и послышались возбужденные голоса. Цой молча показал Денису на кресло и вышел в предбанник.

Денис откинулся на кожаную спинку и уставился прямо перед собой. На стене перед ним висела фотография в большой раме. Подпись под фотографией гласила: «Ахтарский металлургический комбинат».

Через пять минут на столе Цоя зазвонил прямой телефон. Телефон прозвонил раз, другой и третий, а потом Денис не выдержал и взял трубку.

– Слушаю, – сказал Денис.

Дверь в кабинет распахнулась, и в дверях показался Цой, а за ним – Кирилл.

– Как приятно слышать знакомый голос, – сказал в трубке баритон Извольского, – этого и следовало ожидать.

Денис молча протянул трубку Цою и нажал на громкую связь.

– Слава, – спросил Цой, – ты все еще дома?

– Я уже уезжаю.

– Слава!

– Что?

– Ты не мог бы… не покидать дом? Мы к тебе сейчас заедем.

Денис в ужасе посмотрел на Кирилла. Тот улыбнулся и пожал плечами: мол, дело житейское. Один олигарх просит другого олигарха не выходить во двор, бывает…

На том конце линии Извольский повесил трубку, медленно оглянулся и наконец заметил Калягина, начальника промышленной полиции Ахтарска, временно вызванного в Москву на подмогу.

– Володя, – сказал Извольский, – меня тут попросили не выезжать. Задержи самолет. И будь добр, проверь все подъезды к

особняку.

Машину Цоя остановили у съезда с Рублевки, там, где дорога к особняку уходила в лес и петляла между соснами, вынуждая любую машину притормаживать.

Поперек дороги была натянута лимонно-желтая лента, возле нее стояли люди в камуфляже, и далеко-далеко, метрах в пятидесяти, двое охранников ковырялись в асфальте.

«Чайка» Цоя остановилась у препятствия. Денис сидел вместе с Цоем и Кириллом на заднем сиденье, следующей была машина Кирилла, а уж третьим шел джип сопровождения. К головной машине подошел Володя Калягин. Цой приспустил тонированное стекло.

– Вам придется выйти, Константин Кимович, – ровным голосом сказал Калягин, – и пройти до наших машин. Это всего сотня метров.

– А что случилось? – спросил Цой.

Калягин помолчал.

– Там мину на дороге нашли, – ответил Калягин.

– Мощную?

– ТМ-62. На танк хватает.

– Только мину? Без людей?

Калягин перевел взгляд с Цоя на Кирилла, сидевшего в глубине «Чайки». Открыл было рот, а потом нехорошо улыбнулся и произнес:

– А вы вот сидите и думайте, нашли или нет. Так что извините, Константин Кимович, проехать никак нельзя. Хотя я бы именно вашу «Чайку» пропустил с удовольствием.

Цой вылез из машины, прошел к Саше Борскову и что-то коротко приказал. Джип сопровождения начал пятиться назад, а за ним поехали «Мерседес» и «Чайка».

– Ну пошли прогуляемся, – сказал Цой.

* * *

Через двести метров выяснилось, что Цой угадал верно: за поворотом их ждала всего одна машина, и при ней непременный, как запаска, охранник, и если б Цой взял своих, то его охрана все равно бы в машину не влезла.

Спустя три минуты машина закатилась в подземный гараж. Свет в гараже был тускл и скуден, откуда-то капала вода, и двери лифта подпирали два массивных атланта в камуфляже и со «стечкиными».

Лифт в гараже по проекту не было. Его поставили три года

назад, когда после покушения чудом выживший Извольский был вынужден почти год передвигаться в инвалидной коляске.

– Вам сюда, – сказал Володя Калягин.

Лифт остановился на третьем этаже, в гостиной, соединенной с зимним садом. Пальмы тихо шевелили растопыренными пятернями, и единственный свет, который был в гостиной, шел от приглушенных неярких светильников, укрепленных в стыках стеклянной крыши.

Извольский был один. Он сидел в мягких креслах у низкого столика, и рядом со столиком стояли еще два кресла и диван. На столике красовался трехлапчатый телефон с громкой связью и бутылка коньяка. В изысканном дизайнерском камине, похожем на стеклянную луковицу, догорали березовые дрова. Извольский был полностью одет, в свежей белой рубашке, видимо для самолета.

– А ведь ты, Денис, в федеральном розыске, – уточнил Извольский.

Денис молча сел в кресло наискосок от хозяина.

Цой и Кирилл уселись на диван.

Присутствие Кирилла сильно смущало Черягу. Кирилл был безмерно предан Степану, жесток, хитер и не очень умен. Последним аргументом в любом споре он всегда считал ствол, – то есть был бандитом в прямом смысле этого слова. В отличие от покойника Бельского.

– Итак, господа, – спросил Извольский, – что вы трое собираетесь мне сказать?

Денис кашлянул. От того, насколько убедительны будут его аргументы, зависела будущее ахтарского холдинга. И судьба группы «Сибирь». И уж конечно его, Дениса, собственная жизнь.

– Прежде всего я хотел бы уточнить, Слава, в каком состоянии находятся твои переговоры с Ревко о передаче всех активов группы в государственный холдинг?

– Это мои переговоры и мои активы.

– Вероятно, тебя заинтересует информация, что Ревко ведет аналогичные переговоры с Константином Кимовичем. И руководителем холдинга обещает назначить его ставленника.

Извольский внимательно поглядел на Цоя.

– В самом деле?

Цой, усмехнувшись, кивнул.

– И я хотел, чтобы вы уточнили, Константин Кимович, что вы согласились на это предложение, так как были убеждены, что Ревко работает на вас и что этот государственный холдинг, на самом деле – это всего лишь способ отнять собственность у Славки.

– Допустим.

– У Степана и у Ревко были не очень хорошие отношения, – сказал Извольский, – особенно после того, как Ревко стал отбирать у него авиазавод.

– Да, мы все знаем про этот разговор между Ревко и Степаном – в присутствии свидетелей. Очень удачно, что там было много свидетелей. Но, насколько я понимаю, был и другой разговор, с глазу на глаз. В котором принимали участие Цой, Ревко и Степан. И там аргументы были совсем другие. Там Ревко сказал Степану, что это идея Извольского – отобрать авиазавод. И, мол, что если Извольский его не отберет, то в отместку разрушит программу «МиГ-Еврофайтер». И что он сумел отчасти нейтрализовать АМК, предложив передать черловский авиазавод в государственный холдинг. В этом разговоре Ревко заверил Степана, что человек, вложивший свыше тридцати миллионов личных долларов в государственное дело, достоин уважения и прощения – что бы он не совершал в прошлом. Он сказал: «Немногие люди с чистой биографией сделали для нашего ВПК то, что сделали вы, Степан Дмитриевич». И пообещал, что новый Кремль никогда не пойдет против Степана, – скорее поддержит его претензии на роль общероссийского посредника между криминалом и бизнесом. И именно этот разговор, а вовсе не громкая ссора, заставили Степана согласиться на проигрыш иска. Он считал, что ничего не теряет, напротив, – что это он кидает Славу. Тебя, к примеру, не удивило, что Степан не вывел из ЧАЗа ничего, даже акций «Русского неба»?

– Мало ли почему не вывел, – медленно сказал Извольский, – потому, что не бизнесмен, а бандит. А Саша Ревко не очень-то жалует бандитов.

– Так ведь весь и вопрос, кто бандит, а кто нет. Ведь трупы-то в истории появлялись с удивительной регулярностью. И мне лично Ревко прямо заявил, что трупы плодит Бельский, потому что ему это выгодно. Ведь чем больше криминальная составляющая конфликта, тем выше будет потом доля Бельского. А Косте и Степану он сказал что-то вроде: «Извольский называет свой бизнес чистым, но его зам убивает людей». Потому что опять-таки, чем выше криминальная составляющая конфликта – тем важней в нем моя роль.

– Вопрос в том, – заметил Извольский, – когда он врал, а когда нет.

– Он врал в обоих случаях, – сказал Денис. – Весь расчет Александра Феликсовича Ревко строился на двух привычках российского бизнеса: к хроническому вранью и хроническому недоверию. Допустим, Бельский везде повторяет, что я заказал

Мансура и Горного. Никто в нашей группе даже и не подумает, что Бельский действительно в это верит, а не пользуется возможностью посадить своих врагов за свои же преступления. Допустим, я везде повторяю, что Горного убил Бельский. Ни Бельский, ни вы, Константин Кимович, даже не на секунду не допускали мысли, что я действительно в это верю, а не отчаянно пытаюсь оправдаться.

– Сейчас в это трудно поверить даже мне, Денис, – жестко сказал Извольский.

Денис положил на стол фотографию.

– Этот снимок сделан пятнадцать лет назад в Сирии. Как видите, здесь на снимке четверо. Летчик – это Миша Рубцов, нынешний шеф-пилот ЧАЗа. Второй – сирийский шеф службы безопасности, третий – Саша Ревко. Это он тогда продавал самолеты Сирии. Четвертый – сопровождающий Ревко, как видите, он на этой фотографии стоит спиной.

Извольский взял снимок.

– Ну и что? Я и без тебя знал, что Ревко торговал МиГами…

– А вот на этом снимке сопровождающий повернулся лицом.

Денис протянул своему хозяину вторую фотографию: и Вячеслав Извольский, приглядевшись, с изумлением узнал в ушастом лейтенанте госбезопасности, выглядывавшем из-за плеча Ревко, – молодого Олега Самарина.

– Самарин работал не на меня и не на Степана, – сказал Денис, – Самарин работал на Ревко. Они были знакомы очень давно и состояли в одной и той же организации. В свое время, когда мы пробивали назначение Самарина, я отметил одну маленькую деталь: у Самарина был липовый диплом об окончании Пермского педагогического института. Тогда я просто решил, что это вполне в стиле Олега. На самом деле это был документ прикрытия. Самарин кончал Высшую Школу КГБ, и когда после возвращения из Сирии чекисты решили внедрить его в ряды милиции, ему конечно не могли выдать настоящий диплом. И взамен выдали фальшивку, как это принято в таких случаях на Лубянке. Именно этот снимок – вернее, другой такой же, – увидел Степан в квартире Миши Рубцова за два часа до своей гибели. Именно поэтому он позвонил мне – человеку, которого до этого искренне считал убийцей своего друга.

– Разве Степан и Самарин были знакомы?

– Нет. В том-то и дело. Если Степан когда-то и видел Самарина, то это было давно и мельком. Скорее всего, если бы он просто увидел снимок, он бы ничего не понял. Но так уж легла карта, что за двадцать минут до этого Степан был в черловской прокуратуре, где ему показали кадры допроса Самарина. И честно

говоря, я полагаю, что Степан уже тогда насторожился. Самарин слишком много и слишком охотно брал на себя. Публично Степан торжествовал. Он даже сказал, что никогда нельзя поручать убийство мусору, потому что мусор всегда всех сдаст. Но в глубине души он чувствовал дискомфорт. Это была, что называется, слишком жирная приманка. И когда он увидел фотографию – он мгновенно все понял.

Кирилл встал с дивана и начал ходить по зимнему саду. На столе зазвонил внутренний телефон. Извольский, перегнувшись через ручку кресла, нажал на кнопку громкой связи.

– Вячеслав Аркадьевич, – раздался голос Вовы Калягина, – там это… следователи подъехали. По факту мины. Хотят с вами побеседовать и нас спрашивают, на предмет версий.

Извольский внимательно поглядел на Кирилла. Тот, в своей рваной черной кофте и черных же штанах, рассеянно ворошил угли в камине.

– Скажи им, – проговорил Извольский, – что у нас нет абсолютно никаких версий. Я ума не приложу, кому бы я мог помешать. И еще добавь, что дорожка-то ведет не только к нашему особняку, там еще шесть дач. Так что если моя служба безопасности нашла мину, это просто значит, что у меня хорошая СБ. А вовсе не что покушались именно на меня.

– Ага, – сказал Вова Калягин, – понял. Никаких версий и вообще это не про нас.

Извольский положил трубку.

– Продолжай, Денис.

Денис внимательно оглядел Извольского и Цоя.

– Я вижу ситуацию так. Между нами и группой «Сибирь» случился… довольно неприятный конфликт. Он мог погаснуть. Мог вяло тлеть. Наконец, многие такие войны, даже очень острые, остаются во вполне юридической плоскости. Противники не переходят границ и уж конечно не убивают людей. Но полпред Ревко приложил все силы к тому, чтобы раздуть из углей пожар, который поглотит половину промышленной России. Чем острей был конфликт, тем больше обе стороны нуждались в поддержке, чем больше они нуждались в поддержке – тем больше они были готовы за нее отдать. И наконец наступил момент, когда ради уничтожения чужого бизнеса каждая из сторон была готова рискнуть своим собственным. Ревко не смущали миллионные убытки, которые несла экономика. Его не смущали трупы. Наоборот – в глазах президента эти трупы и эти убытки должны были стать лучшим доказательством того, что частный капитал в России не способен договариваться. Если эти двое готовы утопить друг друга вместе со своими заводами – так пусть лучше отдают

их государству!

Кстати, Слава, вспомни, с чего все началось. С Анастаса. С губернаторского фаворита, который решил стравить две враждебные промышленные группы, чтобы доить взятки с обоих. Ты отказался играть по правилам мелкого подлеца Анастаса. Но, уйдя от Анастаса, ты попал к Ревко, который делал то же самое – только на совершенно другом профессиональном уровне, недоступном губернаторской подстилке. Потому что Анастас, хоть и просил взятки, но хотя бы не плодил трупов.

А по мере того, как росла роль Ревко, трупы в конфликте появлялись все чаще и чаще. Ревко говорил, что трупы выгодны мне и Степану. Потому что увеличивают наше влияние. Однако была еще одна сторона, которой трупы были выгодны: это сам Ревко. Ведь, в конце концов, мы все знаем, что Александр Ревко – не производственник, не финансист и не предприниматель. Он – бывший сотрудник спецслужб. Он не умеет управлять заводами, как ты. Он не умеет захватывать заводы, как Константин Кимович. Его учили другому. Убивать. Разводить. Подбрасывать улики, мешать следы, проводить спецоперации. Именно это он и сделал. Вспомните историю с Горным! Я был уверен, что Горный рассказал о моем предложении Степану, – Степан был уверен, что Горный ответил мне отказом. На самом деле никто не знал, о чем мы договорились с Горным, – никто, кроме полпреда Ревко, к которому я приехал в ту ночь! И которого я три часа убеждал назначить Горного гендиректором «Южсибпрома»! Кстати, Ревко был слишком умен, чтобы отрицать факт моего приезда.

– Он этого не отрицал, – задумчиво сказал Извольский, – однако он как-то вскользь заметил, что говорил только с тобой, а не с Горным. И, строго говоря, ему неизвестно, согласился ли Горный на твое предложение или ты просто обеспечивал себе политическое алиби.

– А покушение, при котором погиб Фаттах? – спросил Цой, – это тоже дело рук Ревко?

– Наверное, – сказал Извольский.

Цой усмехнулся.

– Мы здесь беседуем откровенно, Слава. Если мы здесь для того, чтобы вешать лапшу на уши, можешь вон – пойти и говорить со следаками. А не с нами.

Извольский помолчал.

– После того, как ГОК утонул, – сказал Извольский, – у меня был разговор с Денисом.

– Разговор?

– Я сказал: «Сегодня на ГОКе погибли семнадцать человек. Их убил Константин Цой».

Цой неторопливо повернул голову к Денису.

– Крамер приходил ко мне, – сказал Денис, – до покушения.

– Это всем известно!

– Он предлагал убрать тебя. Я отказался.

– Несмотря на разговор с боссом?

– Да.

– И как труп Крамера оказался в болоте?

Денис помолчал.

– Крамер приехал ко мне после покушения. У него абсолютно слетела крыша и у него не было ни копейки денег. Он повторял, что Альбинос – заговоренный, и он сказал, что если я не дам ему денег, он пойдет и скажет, что его наняли мы.

– И хоронил его действительно Гриша?

– Да.

– От твоей истории воняет, Денис, – сказал Кирилл. – Ты не нанимал киллера, но киллер прибежал к тебе и киллер мертвый. Я таких историй знаешь, сколько слышал?

– Больше, чем сам сочинял? – зло бросил Денис.

– Может быть, мы будем сейчас обсуждать более конструктивные вещи, нежели вопрос о том, кто и когда замочил Лешу Крамера по кличке Самосвал… – усмехнулся Извольский, – например, судьбу наших компаний?

Цой встал, и от его тени в гостиной стало совсем темно. Поток воздуха от кондиционера едва-едва шевелил листья пальм, и в темноте могло показаться, что по гостиной вместо Цоя мягко ходит белый тигр-альбинос.

– Обсуждать более конструктивные вещи, – сказал Кирилл, – имеет смысл в одном случае: если за господином полпредом не стоит лично президент..

– Президент бы просто пригласил нас обоих в кабинет и очень вежливо попросил бы отдать наши комбинаты ему с народом, – с усмешкой заметил Цой. – Кстати, я не вижу способа отказаться.

– Хорошо, – сказал Извольский, – я… я найду способ поговорить с президентом. Мы ему все доложим.

– Что именно? – уточнил Цой.

– Все.

– Да, – задумчиво сказал Цой, – ты все расскажешь президенту, а Ревко все подтвердит. Ревко охотно скажет, что да, он убил бандита, авторитета, державшего в страхе половину российской металлургии, человека, чье имя было вызовом закону и Кремлю. «Ведь менты не могли его посадить, потому что были им куплены, – скажет Ревко, – а я его убил». А еще ты расскажешь президенту, что полпред Ревко мечтает создать государственную

металлургическую компанию, доходы с которой должны поступать не в наш с тобой преступный частный карман, а в государственный оффшор для блага будущей России. А потом он вспомнит, как я утопил твой ГОК, а ты нанял Крамера, чтобы убить меня, и скажет: «вот я и не хотел, чтобы такие люди правили бал в России». И чем ты думаешь, это кончится? Тем, что президент поскребет лоб да и скажет: «А что, Александр Феликсович прав. Поставьте-ка активы на базу». Тебе не кажется, что мы сожрали все приманки, которые подкинул нам Ревко?

В гостиной стало очень тихо. Только шелестели листья пальм, едва колеблемые кондиционером, да в камине гудели березовые полешки, – ровные, идеально наколотые, специально привозимые каждую неделю выделенным для этого человеком. В полутьме на столике поблескивала бутылка дорогого коньяка, который стоил столько же, сколько зарплата рабочего на любом заводе любого из присутствующих, – бутылка была начата и разлита, но никто из четырех человек, сидевших в гостиной, к коньяку и не притронулся.

И вот тут Денис почувствовал холодный пот между лопаток. Цой был прав. В России не было морали, не было права, не было закона, а там, где нет законов, не бывает и преступлений. И точно так же, как Извольский или Цой могли оправдать любое свое беззаконное действие ссылками на обиду, месть и необходимость рассчитаться с врагом, – точно так же любое свое действие мог оправдать и полпред Ревко. Причем ссылался бы он при этом не на личную месть, а на высшие государственные интересы.

– Так что? – резко спросил Извольский. – Сдадим активы на базу? Я-то хоть из России могу уехать, а ты, Костя, куда уедешь? Тебе в шенгенской визе когда отказали?

Цой молчал. Он молчал очень долго.

– Степан был у меня в доле, – сказал Цой, – двадцать процентов. Эти двадцать процентов мы в свое время оценили в шестьдесят миллионов. Теперь оно подросло… У меня есть одна идея. Будет она нам стоить примерно шестьдесят миллионов. На двоих. Если тебе жмется, Слава, я готов одолжить.

– Шестьдесят миллионов? – вскипел Денис, – ты нас за лохов держишь? Да его за двушку хлопнут…

Цой сделал шаг и схватил Дениса за ворот. Его немигающие голубые зрачки уставились в глаза Дениса.

– Ты думай на три шага вперед, а не на два, мусор! Ты его за двушку хлопнешь, а завтра тебя посадят! А бизнес наш отберут!

– Шестьдесят миллионов за Ревко?

– Шестьдесят миллионов за Степана, – ответил Цой.

– Да ты за завод никогда больше пятерки не платил!

– Дружба дороже завода, – пожал плечами Альбинос.

Они уже прощались, когда Денис сказал.

– Кстати, откровенность за откровенность. Я так понимаю, что вы очень обрадовались, когда Ревко снял меня с «Южсибпрома». А по какой причине вы одобрили кандидатуру Ахрозова?

Цой пошарил у себя за пазухой. На стол шлепнулась видеокассета в белой обложке без надписи.

– Посмотри на досуге, – сказал Цой.

Усмехнулся и вышел.

* * *

Спустя час Денис поднялся на третий этаж особнячка. Там, в номере люкс, сидел Сергей Ахрозов. Он сидел и тупо смотрел телевизор. Ничего удивительного в этой картине не было, если не считать того, что Ахрозов смотрел спутниковый французский канал, а французского бывший гендиректор ГОКа не знал.

Денис вошел в гостиную и прикрыл за собой дверь. Ахрозов не шевельнулся. Денис кинул на тумбочку кассету.

– Тебе следовало все рассказать мне. Или Славе, – сказал Денис.

Ахрозов молчал.

– Ты наверное, хочешь узнать, что с тобой будет? – спросил Денис. – Ты очень много поработал на врагов компании, Сережа. Теперь тебе немножко придется поработать на нас.

Ахрозов ничего не ответил, а просто закрыл глаза.

Денис встал с кровати и пошел к выходу. У самой двери он обернулся: Ахрозов снова открыл глаза и глядел на него блестящими, суженными зрачками.

– Лучше б ты утонул тогда, Сережа, – тихо сказал Денис и вышел. Это было, наверное, мелко и злобно, – но великодушие Дениса на сегодня было исчерпано.

* * *

Извольский улетел во Францию спустя несколько часов. Там он срочно встретился с Ревко. Извольский выглядел очень напуганным. По его словам, мину на дорожке обнаружили чисто случайно: усиленный наряд службы безопасности осматривал асфальт и заметил под опавшими листями следы свежей работы.

Из Франции Ревко улетел на день в Арабские Эмираты, где в отеле «Хайятт» его ждал Константин Цой. Ревко предложил Цою одну, очень разумную идею. Ревко сказал Цою, что теперь, когда Бельский был мертв, Цою нет смысла работать с очаковскими. Цой поразмыслил и сказал, что он не против передать некоторые свои предприятия в государственный холдинг, если таким путем он выкинет из бизнеса Кирилла.

Денис Черяга по-прежнему находился в федеральном розыске. Положение его еще ухудшилось еще больше. В гостевом доме в Павлогорске нашли следы замытой крови. Группа крови была та же, что у Крамера, и какие-то ранние дачники, ошивавшиеся в шесть утра в районе павлогорского железнодорожного вокзала, опознали Крамера в одном из пассажиров, сошедших с шестичасовой электрички.

Следственные эксперименты подтвердили все показания Самарина, кроме показаний по убийству Олжымбаева. Тут показания были несколько туманны, а осмотр места, где Крамер и Самарин якобы испытывали «Метис», дал неожиданный результат. Обгоревшую сосну действительно нашли, но живший неподалеку лесник категорически заявил, что слышал взрыв через два дня после покушения, и как его ни допрашивали, все стоял на своем. Кроме того, ракета, убившая Олжымбаева, была изготовлена в 1989-м году, а осколки ракеты, испытанной в болотах на севере области, уверенно датировались 1997-м годом.

Висягин и Крупцов показали, что Самарин появился в Черловске через два дня после покушения на Цоя. Это как будто полностью согласовалось с версией Самарина о том, что он обратился к прежним подельникам только после того, как убедился в смерти Крамера и понял, что его ожидает та же участь. Однако оставалась одна странность. Если Денис Черяга был заказчиком убийства Панасоника, то он не мог не понимать, что сотрудники «наружки» так или иначе были в нем замешаны. Почему же тогда Черяга не ликвидировал опасных свидетелей?

Самарин на это, впрочем, убедительно отвечал, что опасными они стали только тогда, когда в Павлогорске сменилась власть, а после этого Черяге было не до того, чтобы прочесывать с автоматом окрестные леса.

В том же, что касается убийств Панасоника и Горного, в показаниях Самарина не было ни щелочки лишней. Автомат, использованный при убийстве Горного, выловили из реки в указанном Самариным месте. В заначке на даче обнаружили более сорока тысяч долларов, которые Самарин назвал платой за убийство. Висягин и Крупцов полностью признавали свою вину и подробно, на месте, показали, как убивали Панасоника и как

страховали Самарина в универмаге.

Сообщение легло на стол президента в одиннадцать утра, как только он приехал на работу.

Сообщение было взято из «Рейтера» и гласило:

«Трейдерские компании, зарегестированные в Америке и связанные с Ахтарским металлургическим комбинатом, подали в суде Washington DC иск против российской группы „Сибирь“.

Американские трейдеры АМК обвиняет группу «Сибирь» в организации ряда убийств с целью завладения промышленными активами АМК в России, а также в подкупе руководящих российских чиновников. В частности, АМК отмечает, что десять дней назад группа «Сибирь» перевела на счет 83655-альдо в Republican National Bank сорок восемь миллионов долларов. По словам адвокатов АМК, это счет принадлежит крупному российскому чиновнику, представителю президента России по Южносибирскому федеральному округу Александру Ревко, и у АМК есть аудио– и видеодоказательства того, что деньги были уплачены за полное уничтожение бизнеса АМК в Сибири».

Президент внимательно ознакомился с текстом, поднял глаза на часы. Часы показывали половину двенадцатого.

– Витя, – сказал президент, – сообщи пожалуйста Извольскому, что я жду его в час. С аудио– и видеодоказательствами.

– А если он не в Москве? – резонно спросил чиновник, – если он за границей?

– Пусть закажет себе «Шаттл», – сквозь зубы сказал президент.

Чиновник, принесший президенту листок с «Рейтером», вышел из кабинета и в предбаннике столкнулся с другим чиновником. Оба они кивнули друг другу и вышли в туалет.

– Сукин сын Сашка, – сказал один из кремлевских чиновников, тот, которого президент назвал Витя, – ты знаешь, сколько он получил от Альбиноса?

– Ну?

– Сорок восемь лимонов. А нам с тобой отдал пятьсот штук!

Распоряжение президента осталось невыполненным. К двенадцати ноль-ноль отыскать Извольского и представить его в Кремль не смогли. Только к трем часам дня выяснилось, что Извольский – в Америке.

Зато к четырем еще один кремлевский чиновник принес в кабинет президента новое сообщение. На этот раз сообщение было снято с ленты «Интерфакса» через минуту после его появления в сети.

Сообщение гласило:

«Швецарская прокуратура выдала ордер на арест полномочного представителя президента России по Южносибирскому федеральному округу. Поводом для этого послужило расследование, начатое прокурором Бенедетто Скаволью. По словам г-на Скаволью, конкретной причиной расследования является счет Александра Ревко в „Banco del Miro“.

Неделю назад на счет Ревко пришло тридцать девять миллионов долларов. Деньги были переведены из небольшого оффшорного банка, который, по сведениям швейцарской юстиции, полностью принадлежит одному из крупнейших росссийских промышленников – Вячеславу Извольскому, владельцу и генеральному директорому Ахтарского металлургического комбината.

По словам г-на Скаволью, сразу после перевода денег Александр Ревко, считающийся одним из близких сподвижников российского президента, в категорической форме предложил конкурентам Извольского – группе «Сибирь» передать все приобретенные ей предприятия в государственный холдинг, а во главе холдинга поставить одного из подчиненных г-на Извольского».

Президент внимательно прочел сообщение раз и другой. Лицо его сильно побелело. Президент добыл со стола папочку, в которой лежал текст «Рейтер», и присовокупил к нему сообщение «Интерфакса». Потом подумал, достал оба текста, самолично скрепил их степлером и снова сложил в папочку.

– Что-нибудь еще по этому поводу? – спросил президент.

– Звонил госсекретарь США, – сказал чиновник, – просил отнестись с пониманием к вопросу и отложить ваш визит в Америку. Судя по его словам, там в иске много сенсационных подробностей. Есть даже пленка, где говорят, что деньги предназначались лично вам.

Президент помолчал.

– Еще что? – спросил он.

– Еще то, – сказал чиновник, – что три месяца назад мы попросили у Извольского денег через Ревко. Для спецфондов. Ревко принес чемодан, в котором было семьсот тысяч, и сказал, что это все.

Президент помолчал.

– Да, – сказал он наконец после минутной паузы, – все говорят, что Альбинос щедрей Сляба. Сорок восемь миллионов, это вам не сорока накакала. Цоя ко мне.

– Вы уверен, что вам следует вмешиваться в драку двух олигархов?

– Это уже не драка олигархов, – рявкнул президент, – и я в

нее не вмешивался слишком долго.

* * *

Константина Цоя и Вячеслава Извольского разыскали почти одновременно, и в приемной президента они оказались в один и тот же час: в половине девятого утра. Один прилетел из Америки, другой – из Кувейта.

Цой вошел немного позже, и когда он показался в дверях, оказалось, что все сидячие места в приемной заняты. Извольский расположился на большом кожаном диване, а в кресле напротив сидел его помошник. При виде Цоя помошник попытался было встать, но тут же поймал взгляд Извольского и, напротив, расположился в кресле поудобней.

Беловолосый кореец, пришедший в приемную в сопровождении замглавы администрации президента, остановился на пороге, скрестил руки и прислонился к дверному косяку.

– Ты уж не с охраной ли, Слава? – сказал замглавы администрации. – Боишься, что тебя в приемной президента подстрелят? Вон, Костя без охраны.

– У него охрана – Кирилл, у Боровицких ворот ждет, – откликнулся Извольский, – такую охрану не то что в Кремль, в рюмочную не пустят.

В приемной как-то внезапно образовались несколько парней из службы охраны, видимо предупрежденных о возможной склоке, но тут дверь верховного кабинета отворилась, и оттуда вышел один из приближенных чиновников.

– Константин Кимович, – сказал он, – президент ждет вас.

* * *

Когда Цой вошел, президент России сидел совершенно неподвижно, как на предвыборной фотографии. Даже стоявший в углу трехцветный флаг выглядел живей, чем глава государства, и бахрома его еле видимо трепетала от потоков теплого воздуха из вентиляции.

Президент не встал из-за стола, не поздоровался и не пригласил Цоя сесть. Он просто смотрел на промышленника, и под этим взглядом обычно невозмутимый Цой почувствовал, что он покрывается холодным потом.

Президент был разъярен. Президент был разъярен больше,

чем если бы ему сообщили о провозглашении независимости Чечни. То, что задумали Цой со Слябом, было немыслимо. Скандал только разгорался, а телефон (полусекретный!) приемной Цоя уже раскалился от журналячьих звонков, и было ясно, что ущерб репутации России нанесен чудовищный – такого ущерба правящей семье не было со времен скандала с Гришкой Распутиным.

Цой молча стоял у двери кабинета, тем самым вынуждая президента начать первым, – и эти двадцать шагов, отделяющих его от стола главы государства, Цой охотней бы прошел под прицелом снайпера, нежели под взглядом президента.

Президент заговорил – очень негромко.

– В своем иске швейцарская прокуратура, – сказал президент, – утверждает, что к скандалу, возможно, причастен я. Она утверждает, что деньги на счету Ревко – это не деньги Ревко. Это мои деньги. Какие у швейцарской прокуратуры доказательства?

Цой молча подошел к столу президента и положил на него кассету. Обыкновенную видеокассету VHS, производство фирмы «Сони», длительностью девяносто минут. Никаких наклеек на кассете не было.

Президент повертел кассету туда-сюда, потом встал и прошел в комнату отдыха. В отличие от большинства начальственных мест, она располагалась не сразу за кабинетом, а была отделена от него небольшим коридорчиком: в коридорчик же выходили туалет и столовая. В комнате отдыха президент сунул кассету в видеомагнитофон.

Видимо президент отвык сам обращаться с капризной техникой. Сначала он сунул кассету не той стороной, а потом перепутал кнопки.

Наконец президент справился с видеомагнитофоном.

На плоском плазменном экране возник Денис Черяга. Изображение было черно-белое, но довольно четкое. Черяга сидел вполоборота к камере. Так же, вполоборота, сидел его собеседник – Извольский.

Черяга сидел и курил.

– Он хочет тридцать девять лимонов, – сказал Извольский. – Говорит, что тридцать один уйдет выше, а восемь пойдет ему. Но за это он получает санкцию на уничтожение группы Цоя.

– Что значит выше? – спросил Черяга.

– На самый верх. Он сказал следующее: «Президент считает ненужным существование в России промышленной группы, настолько связанной с криминалом. Но вы должны доказать свою преданность новой России».

Президент выключил видеомагнитофон.

– Кто этот второй, рядом с Извольским? – спросил президент.

– Денис Черяга. Куратор его службы безопасности. Он, кстати, в федеральном розыске за ряд совершенных им убийств.

– Человек, который это записал, до сих пор там работает?

– Он пропал, и, к сожалению… в общем, я думаю, что свой иск эти ребята начали готовить после его пропажи.

Президент протянул ладонь.

– Где оригинал записи?

Цой скрестил руки на груди.

– Разумеется, не со мной, – ответил он.

В комнату отдыха, неслышно ступая, вошли два личных охранника президента.

Президент поколебался, потом в упор взглянул на Цоя и спросил:

– Что связывало тебя и… этого бандита?

– Мы были друзья. И партнеры.

Президент кивнул, приглашая охранников садиться, и вышел. Цой услышал, как во второй двери, той, что вела из коридорчика в кабинет, с громким щелчком повернулся замок.

Когда Извольский вошел в кабинет президента, Цоя там не было. Разумеется, Извольский понимал, что Цоя провели, а может быть – вывели – через комнату отдыха, но все равно ему невольно показалось, что Цоя просто пристрелили тут же, а кусочки кинули в шреддер. Такая уж атмосфера царила в кабинете.

Президент не сидел – молча стоял на фоне трехцветного флага, и выглядел он очень усталым. Чтобы президент был в Кремле в девять утра – это было явление исключительное. Работал он допоздна, – но зато и вставал не рано, как прекрасно было известно обитателям Рублевки, привыкшим, что дорогу для президентского кортежа перекрывают в десять-одиннадцать утра.

– Садись, – внезапно сказал президент, – а то еще ножки подогнутся.

Извольский сел. Он старался казаться невозмутимым.

Президент взял со стола бутылку с минералкой, свинтил крышечку и отпил из горла.

– Вячеслав Аркадьич, – мягко сказал президент, – я бы хотел понять, почему вы, человек, который неоднократно встречался со мной, и пользовался моим доверием – подал иск в американский суд? Изгадил репутацию России? Если вы узнали эту грязь о Саше, что, мне нельзя было ее показать? Добро бы Цой, я ему в жизни руки не подал. А вы? Зачем выносить сор из избы?

Извольский помолчал. Потом сказал:

– Я пользовался вашим доверием и поэтому я прилетел сюда.

Хотя, скорее всего, это ошибка.

– То есть почему ошибка?

– Вы сами знаете почему.

Президент вопросительно поднял брови. Извольский молча протянул ему бумагу. Это была распечатка разговора. Разговор был такой:

А (Альбинос)

Со Слябом все вопросы будут сняты, он просто отдаст все сам своему дружку полпреду. А полпред сажает на холдинг Ахрозова.
С. (Собеседник) Бесплатно?

А. Сорок восемь.

С. Не фига себе число! Почему так дорого?

А. Саша у нас человек государственный. Клянется, что это не ему.

С. В каком смысле не ему?

А. Саша утверждает, что наш президент наконец нашел способ сделать так, чтобы бюджетные деньги не воровали. Саша утверждает, что способ таков: завести в Швейцарии личный счет г-на президента и направлять деньги с этого счета исключительно на благо отечества.

– Видео? – спросил президент.

– Аудио, – ответил Извольский.

Поверх распечатки легла аудиокассета.

– Кто такой Ахрозов?

– Один из моих директоров.

– Почему Цой лоббировал его назначение?

– Потому что Ахрозов работал на него.

Президент помолчал.

– Ты заплатил Саше тридцать девять лимонов?

– Да.

– Тогда почему ты решил, что Саша работает на Цоя?

Извольский долго молчал. Потом проговорил:

– Я не решил, что Ревко работает на Цоя, – сказал Извольский. – Я прикинул и понял, что если Ревко берет у меня деньги и не отдает обещанного, то скандала он может избежать в одном-единственном случае: если я буду мертв. Моя смерть будет нужна, чтобы обвинить в ней Цоя и расправиться с ним, точно так же как смерть Степана – это лучший способ обвинить меня.

– Так почему американский суд?! – заорал президент.

– Я подумал, что операция такого масштаба должна быть согласована с вами. И в том, что касается Степана, и в том, что касается меня. Господин Ревко неоднократно повторял мне, что не берет денег для себя.

Президент помолчал.

– Ты это свое интеллектуальное открытие только мне излагаешь? Или как?

– Или как, – ответил Извольский. – В случае, если со мной что-то случится, или если я не выйду из Кремля, есть человек, который владеет документами…

– Денис Черяга, – правильно вспомнил президент.

– Да.

– Слава, я даю тебе честное слово, что ни тридцати девяти, ни сорока восьми миллионов, – что называется, не был, ни состоял, не участвовал. Даже разговора такого с Ревко не было. Что ты на это скажешь?

– Скажу, что меня и Цоя убрали бы все равно.

Президент нажал на селектор, и в кабинете образовался начальник его личной охраны.

– Возьми вот эту опору промышленности, – сказал президент, – и подожди с ним где-нибудь. Захочет поговорить по телефону, стукни его по башке.

– Чего ждать-то? – спросил начальник охраны.

– Чего надо, того и будет ждать, – ответил президент. Помолчал и прибавил. – Твое счастье, что ты прилетел, Слава. Порвали бы тебя за этот иск, как Тузик – грелку.

Вячеслав Извольский просидел в кремлевском кабинете весь день. Он сидел в полном одиночестве, если не считать телевизора и неразговорчивого охранника. Телефоны у Извольского забрали и выключили, но охранник все время глядел на Сляба так, будто тот спрятал лишний телефон в трусах.

Извольский развлекался тем, что смотрел телевизор. Он посмотрел «Время» в полдень, «Вести» в два часа дня, «Сейчас» в три часа и «Сегодня» в четыре. Начиная с двенадцати, все новостные программы сообщали об исках. Начиная с двух, все новостные программы *начинались* сообщением об исках.

В семь часов пришел еще какой-то человек и снова повел Извольского к президенту.

На этот раз президент в кабинете был не один: около окна, скрестив руки, стоял Константин Цой, а спустя минуту из другой двери появился Александр Ревко.

Это был наихудший вариант. Они специально выбрали время, когда Ревко был во Франции. Извольский надеялся, что он струсит и там останется.

Президент молча показал Ревко на стул. Тот сел. Он старался выглядеть невозмутимым. Президент мягко подошел к Ревко и положил перед ним сообщения «Рейтер» и «Интерфакса», – два листочка, скрепленных степлером.

– Я бы хотел услышать твои объяснения, Саша, – сказал

президент.

– Это элементарная подстава. Мы же все так делали. Берешь банк, открываешь в нем счет на имя человека, которого хочешь скомпрометировать, и переводишь туда деньги. Вот они и перевели.

– И часто ты переводил для компрометации сорок восемь миллионов долларов? – уточнил президент.

– Я не просил этих денег, – сказал Ревко, – у меня достаточно своих. И все они в распоряжении государства, ты это прекрасно знаешь.

– Ну, в настоящий момент они в распоряжении швейцарской прокуратуры, которая их заморозила. И так как она будет очень тщательно изучать компании, с которых приходили деньги, то не исключено, что она узнает много нового о торговле российским оружием. В том числе и ядерными материалами со странами, которым эти материалы продавать не рекомендуется.

– Не докопается, – сказал Ревко.

– Очень бы хотелось верить. В изменившейся международной обстановке это было бы совсем некстати.

Президент открыл одну из папок, лежавших на столе, и достал оттуда новый лист бумаги.

– Это твоя записка о необходимости преобразования ФГУП «Южсибпром» в государственный холдинг «Федеральная промышленная компания», – сказал президент. – В ней приводятся некоторые цифры. Написано, что за время промышленной войны между группой «Сибирь» и Ахтарской металлургической компанией только прямые потери нашей экономики составили около семидесяти миллионов долларов. Экологический ущерб от аварии на Павлогорском ГОКе – еще двадцать миллионов. Потенциальный ущерб от провал программы «МиГ-Еврофайтер» – двенадцать миллиардов долларов, которые очень пригодились бы нашей оборонке. И вдруг выясняется, что ты принимал самое деятельное участие в нанесении этого ущерба, причем играл за обе стороны, и с каждого миллиона, который потеряла экономика, ты получил свой оффшорный грош.

– Я не получал денег, – еще раз повторил Ревко, – что же касается ущерба, да, это был ущерб. Но это ущерб временный, а люди, подобные Цою, Бельскому и Извольскому – это ущерб постоянный. И ради того, чтобы уничтожить их, следует идти на определенные жертвы. Потому что завод, производящий МиГи, должен принадлежать народу, а не бандиту по кличке Степан Очаковский. Потому что только бандит может придумать продавать современные самолеты европейцам! А я – я бы

предпочел их задаром поставлять Ираку или Ирану, нашим естественным стратегическим союзникам!

– На какие шиши? – процедил Извольский.

– А на те шиши, которые мы выручим от экспорта вашей стали, вашего алюминия, которые вы украли у народа, – ответил Ревко. – Ты думаешь, так будет вечно продолжаться, металл ты будешь производить здесь, а прибыль отгонять на оффшор? В государственном холдинге…

– Постой, Саша, – насмешливо перебил президент, – какой оффшор? Твой оффшор? При всем моем неуважении к покойнику Бельскому, у меня нет сведений, чтобы он зараз отгонял в «банко дель Миро» по сорок восемь лимонов зелеными. Так что у меня большие сомнения в том, как будет функционировать твой холдинг.

– А так и будет, – сказал Альбинос, – что каждый год в нем будут сменяться начальники, и каждый год начальник будет отгонять половину прибыли на оффшор, а потом каждый последующий начальник будет сажать каждого предыдущего.

Президент поднял на него прозрачные глаза.

– Константин Кимович, – сказал он, – я бы попросил вас не комментировать меня. Мне мои мысли вполне понятны самому. И если мне покажется, что они совпадают с вашими, я буду склонен думать, что я в чем-то ошибаюсь. Я вообще не склонен доверять человеку, который бежал из СССР и изменил родине.

Лицо Цоя стало белей, чем его волосы. В кабинете на несколько секунд наступила мертвая тишина.

– Александр Феликсович, – продолжил президент, – меня не удовлетворили твои объяснения касательно денег на швейцарских счетах. В связи с этим я хотел бы услышать более откровенный ответ на вопрос: как именно погиб Степан Бельский?

Ревко поднял голову. Он смотрел прямо на Извольского.

– Степана убрали мои люди по твоей просьбе, Слава, – ответил Ревко, – что же касается меня, то я жалею лишь о том, что отказал в твоей второй просьбе и не убрал Альбиноса.

– Не очень убедительный ответ, – сказал президент, – мне кажется, Вячеслав Аркадьич вряд ли стал бы просить о такой работе постороннего. Он бы попал в слишком большую зависимость. В конце концов, у него дома слишком хорошие повара, чтобы он еще платил за обед в ресторации. В этой связи у меня вопрос – учитывая, что ты взял с обоих участников сделки в совокупности восемьдесят семь миллионов долларов, и ни одному из них не намеревался отдавать заводов другого, – что произошло бы с Константином и Славой после образования

холдинга?

– Ничего. Потому что я не брал их денег.

Президент кивнул.

– К сожалению, Саша, твои ответы меня не очень удовлетворили. И ты сам понимаешь, почему.

– Я их не брал! Такого – не утаить!

– Почему же, Саша. Утаить. При определенных условиях. Вот что мне понравилось в обоих гражданах промышленниках – они как-то не задумались над одним простым вопросом – а зачем тебе столько денег? А ответ очень прост. Столько денег нужно только на свержение законной власти. Так что утаить эти деньги можно, не только убив господ промышленников, как это показалось им. А и убив меня. Ты не перепутал Россию с очередной Руандой?

– Ты делаешь ошибку, я…

– Я очень часто слыхал от тебя эти слова в последнее время, Саша. Я не пересмотрел итоги приватизации – «ты делаешь ошибку». Я не меняю правительство – «ты делаешь ошибку». Я не посадил в тюрьму парочку взяточников – «ты делаешь ошибку». Тебе надоело количество ошибок, которые я, по твоему мнению, делаю? Ты решил вспомнить старое ремесло, и даже методы финансирования выбрал старые, не правда ли? Я помню, как ты мне рассказывал, сколько правительств ты сменил на деньги от экспорта МиГов, и по-моему, тогда у твоего оффшора тоже был счет в «Банко дель Миро»!

– Я не планировал государственного переворота, – сказал Ревко, – я всего лишь хотел создать государственную компанию.

Президент резко повернулся на каблуках и ушел в комнату отдыха. Повинуясь его молчаливому жесту, за президентом последовали Александр Ревко и присутствовавший при сцене зам администрации.

Через мгновение в кабинете появились четверо безукоризненно одетых молодых людей. Двое остановились за спиной Цоя, а двое остались приглядывать за Извольским.

Цой невозмутимо присел у стола для совещаний и принялся ждать. Извольский ходил из угла в угол, стараясь держаться подальше от корейца.

Прошло еще двадцать минут, и зам администрации вновь появился в кабинете, оглядел Цоя с Извольским и вышел куда-то в предбанник. Когда через десять минут он вернулся, в руках у него был небольшой черный ящичек.

– Вам, наверное, интересно, господа, – сказал чиновник, – Президент подписал приказ об увольнении Александра Ревко.

Цой глядел перед собой ничего не выражающим взглядом.

– А это что? – спросил Извольский, показывая на ящичек.

– Подарок. Подарок по случаю десяти лет добрых отношений, связывавших президента, Александра Феликсовича и меня.

Замадминистрации поднял крышку, и Извольский увидел небольшой вороненый пистолет, покоящийся между обитых розовым шелком стенок.

Замадминистрации резко закрыл ящичек. Через мгновение за ним захлопнулась дверь в комнату отдыха.

Извольский и Цой невольно переглянулись.

Прошло еще пять минут, и в кабинете появился президент. В руках его по-прежнему была бумага об образовании «Федеральной промышленной компании».

– Константин Кимович, – сказал он, – Вячеслав Аркадьевич. Если я услышу, что вы предпринимаете какие-либо действия друг против друга, даже если кто-то спер у другого хоть макаронную фабрику, – я подпишу этот указ. Вам все понятно?

Когда Извольский и Цой вышли из здания, был уже глубокий вечер. Погода стояла ясная и холодная, брусчатка Кремля блестела от изморози.

Охранники обоих, если не считать единственного невооруженного телохранителя Извольского, остались за Боровицкими воротами, и теперь Извольский и Цой шли по мостовой бок о бок, ежась от непривычно холодного ветра.

Цой чувствовал себя неуютно без автоматов вокруг. Извольский глядел куда-то вбок. Неприязнь между промышленниками была совершенно искренней. Две недели сотрудничества не искупали шести месяцев смертельной вражды. Они уже были в десяти метрах от ворот, когда Извольский тихо выдохнул воздух и нервно хихикнул.

– Господи. Он действительно не знал. Больше всего я боялся, что он все знал…

– Ты ничего не понял, Слава? Он все знал. Это как спецоперация. Ты посылаешь диверсанта к врагам, но если он засветился, ты от него открещиваешься. А если он выполнил задачу, ты пользуешься плодами его трудов. Просто он решил, что Ревко разводит не только нас, но и его. И что конечная цель Ревко – захват власти. И ты знаешь – я думаю, что он не ошибался.

Они несколько секунд стояли у самых ворот, бок о бок, и глядели на красную кирпичную стену, похожу на стену тюрьмы, и на низкое небо над стеной. А потом Цой шевельнулся и промолвил вполголоса:

– Кстати, Слава, я бы на твоем месте сейчас поехал к «Тиффани» и купил жене самые дорогие сережки, которые ты там увидишь.

– Почему? – не понял Извольский.

– Потому что если бы не разговор с Ириной Григорьевной, я бы тогда к тебе не приехал.

Извольский некоторое время размышлял над ответом, а потом сказал:

– Непременно куплю. Только ты знаешь, ей не нужны сережки.

В глазах Цоя на мгновение вспыхнула какая-то жадная, звериная тоска, и Сляб понял, что кореец думает о собственной девушке.

– Да, – сказал он, – ты прав, я совсем забыл, что твоей жене не нужны сережки.

Эпилог

Бывший полномочный представитель президента в Южносибирском федеральном округе Александр Феликсович Ревко пустил себе пулю в лоб на следующий день после скандальных исков в США и Швейцарии. Похороны были торжественные; из Кремля прислали венки и соболезнования, однако в Москве шептались, что в пистолете с дарственной надписью, подаренном Александру Ревко накануне отставки, был всего один патрон.

Сергей Ахрозов покинул пост генерального директора ФГУП «Южсибпром» спустя примерно месяц после описываемых событий. К этому времени гигантский государственный холдинг, одно время грозивший поглотить едва ли не половину самых процветающих предприятий Южной Сибири, сдулся до крошечной конторы, занимавшей две комнаты в южносибирском полпредстве. Даже Конгарский вертолетный завод, который первым вошел в холдинг – и тот вернулся в состав промышленной империи Извольского, а привилегированные железнодорожные тарифы у «Южсибпрома» отобрали еще в самом начале.

На Павлогорский ГОК Ахрозов не вернулся. Официальной тому причиной был его перевод в Москву, однако в губернии довольно громко шептались о его привычке к героину.

Ахрозов дважды ложился в клинику, однако единственное, что его могло по-настоящему вылечить, – это работа, а работы ему никто не торопился давать. Однажды, заехав в «Кремлевскую», Ахрозов встретил там Настю Черягу. Он попросил ее поужинать вместе с ним, однако Настя сослалась на дела и уехала.

На следующее утро Ахрозова нашли мертвым в его московской квартире. «Скорая» диагностировала смерть от передозировки героина. Прощальную записку самоубийцы изъяла служба безопасности АМК.

Уголовное дело против Дениса Черяги развалилось. Некоторые вещдоки пропали, следователь Шевчук вдруг стал недоступен для комментариев, а через две недели после самоубийства Александра Ревко похудевший, измученный сокамерниками Самарин и сам вдруг изменил показания. На одном из допросов он внезапно назвал заказчиком всех преступлений покойного Степана. Трудно сказать, что бы он сказал на суде, и не переменил ли бы показания снова, – а только на следующее утро его нашли повесившимся в камере.

Розыск с Черяги был снят. Гриша Епишкин вышел на свободу

неделю спустя. Через три дня после его освобождения Настя обвенчалась с Денисом Черягой.

Константин Цой расстался с Ниной Ясеневой, и она продолжила свою карьеру на деньги одного из новых руководителей «Газпрома». Разрыв этот не удивил никого из окружения Константина Цоя, зато их несказанно удивило другое. Через месяц после событий Цой внезапно женился на одной из своих прежних любовниц, высокой, светловолосой и тихой, как Ирина.

Спустя восемь месяцев Константин Цой очень тихо, совершенно не афишируя своего имени, подгреб под себя три четверти российских рыбодобывающих предприятий. Говорили, что ему в этом сильно помогли его южнокорейские партнеры и японская якудза, благо три четверти российской дальневосточной рыбы уходило контрабандным путем в Японии, а три четверти того, что уходило в Японию, контролировала якудза.

Майя Извольская вернулась в Америку. Спустя три месяца после ее возвращения в The New York Times в колонке светской хроники появилось сообщение о ее помолвке с Джеком Галлахером, внуком сенатора от штата Нью-Джерси.

Кирилл потерял империю Бельского. Он сберег все, что касалось улицы. Однако он не умел, да и не хотел быть посредником между большим бизнесом, криминалом и властью. Большинство крупных промышленников, состоявших в партнерских отношениях с Бельским, объяснили Кириллу, что давно откупились от Степана, и единственное, что могут очаковские: так это поставлять через подконтрольные им структуры всякое мелкое сырье. Даже Константин Цой заявил Кириллу, что Степан полностью поменял долю в бизнесе группы на Черловский авиационный завод.

Группа «Сибирь» и АМК ни разу не вступили в какой-либо промышленный конфликт и ни разу не были замечены в каком-либо совместном проекте.

Программа «МиГ-Еврофайтер» была остановлена.

Промышленная война между группой «Сибирь» и Ахтарской металлургической компанией принесла России около шестисот миллионов долларов ущерба и искалечила души всех, кто остался в живых.

notes

Примечания

1

Где нет законов, не бывает и преступлений (лат.).

2

Государственному унитарному предприятию.

З

Мартышка – фирма-однодневка, через которую отмываются деньги или идут левые финансовые потоки.

4

Т.е. облети аэродром без выполнения фигур высшего пилотажа.

5

Группа «Сибирь» управляет шахтой им. Горького как главный кредитор шахты. Соответственно, продавая ахтарскому холдингу кредиторскую задолженность, она продает ему контроль над шахтой.

6

Административно-бытовой комплекс.

Т.е. комбинат, производящий плоский прокат. Цены на прокатный лист на мировых рынках значительно выше, чем на сортовой прокат: рельс, балку, и пр.

8

Вертушка – грузовой состав, курсирующий между двумя связанными технологической цепочкой объектами.

9

Этот человек… мы повстречались на авиашоу. Он испытывал новейший российский самолет (англ.).

10

О да! Мне нравится летать. Это единственная вещь, которая мне по-настоящему нравится (англ.).